

Олег ПЛАТОНОВ

РУССКАЯ ЭКОНОМИКА

Олег
ПЛАТОНОВ

Русская
ЭКОНОМИКА

«Родная страна»
МОСКВА
2014

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
П 37

Платонов О. А.

П 37 Русская экономика — М.: «Родная страна», 2014. — 464 с.

ISBN 978-5-903942-15-2

В книге раскрываются ранее неизвестные страницы истории русской экономики, которая в течение многих столетий рассматривалась как умение вести хозяйство для обеспечения достатка и изобилия на духовно-нравственных началах. Хозяйство в русской традиционной жизни — это, прежде всего, духовно-нравственная категория, в рамках которой исключена погоня за прибылью как самоцель, а хозяйственные отношения ориентируются на определенный нравственно-трудовой порядок, порицающий поклонение деньгам и несправедливую эксплуатацию, трудовую демократию в общине и артели, преобладание моральных форм понуждения к труду над материальными.

Опираясь на труды русских экономистов, автор сравнивает два противоположных типа хозяйства — русское и западное, основанное на экономическом учении Талмуда, согласно которому «хорошо и богато» могут жить только «избранные». Главной целью жизни в экономике Талмуда является материальное преуспевание, нажива, стяжание денег и капитала любыми средствами и, прежде всего, за счет обмана и эксплуатации всех «неизбранных». Талмудические принципы «избранных» — «бери от жизни все, не дай себе засохнуть», «все и сразу» формируют эгоистическую идеологию, в которой конечным источником ценностей выступает некая избранная личность, а интересы общества подчинены жесткой конкурентной борьбе множества собственников, в которой лидируют «избранные личности», финансисты-ростовщики. Именно этот паразитический тип экономики с начала 1990-х годов насаждается в России, принося миллионам наших соотечественников разорение и нищету.

В оформлении обложки использованы картины: икона Пресвятой Богородицы «Домостроительница (Экономисса)»; «Строительные работы в монастыре». Форзацев: А. Васнецов. «Новгородский торг»; «Средневековый оркестр» (лицевой летописный свод, XVI век); «Строительство здания» (лицевой летописный свод, XVI век); «Полевые работы монашеской братии» (миниатюра из рукописи 1648 года «Житие Антония Сийского»).

ОБЩИННАЯ МОДЕЛЬ ХОЗЯЙСТВА

Русская цивилизация принадлежит к числу древнейших духовных цивилизаций мира. Ее базовые ценности сложились задолго до принятия христианства, в первом тысячелетии до нашей эры.

Опираясь на ценности своей цивилизации, русский народ сумел создать величайшее в мировой истории государство, объединившее в гармоничной связи многие другие народы, развить великую культуру, искусство, литературу, ставшие духовным богатством всего человечества. Сам факт существования тысячелетнего Российского государства свидетельствует, что его хозяйственная система была высокоэффективной в рамках внутренних потребностей, обеспечив успешное экономическое освоение огромных территорий, строительство тысяч городов, армию и тыл в борьбе с полчищами захватчиков.

Главными чертами русской цивилизации, отличающими ее прежде всего от западной цивилизации, являлись преобладание духовно-нравственных приоритетов жизни над материальными, культ добротолубия и правдолюбия, нестяжательство, развитие самобытных форм трудового самоуправления, воплотившихся в *общине* и *артели*. К н. XX в. в России сложился уникальный экономический механизм, обес-

печивающий население страны всем необходимым и почти полностью независимый от других стран. Сформировалась система замкнутого самодовлеющего хозяйства, главными чертами которого были самодостаточность и самоудовлетворенность. Хозяйственная деятельность для русских людей была частью богатой духовной жизни.

Для понимания внутренней самодостаточности и уникальности русского хозяйственного механизма следует отказать от западных стереотипов оценки экономических систем и признать, что наряду с западной моделью развития, ориентированной на учение *Талмуда*, существуют и другие системы экономики, функционирующие по своим внутренним, присущим только им законам. Исследования, проведенные в последние десятилетия в России и за рубежом¹, аргументированно доказывают, что экономический успех любой страны зависит от того, чтобы не было противоречия между национальными традициями страны и ее экономической практикой. Национальные традиции могут либо способствовать экономическому успеху нации, либо, если они не учитываются, вести ее к застою. В первом случае они выступают надежной опорой национальному правительству, предпринимателям и профсоюзам в их мировой конкурентной борьбе. Эффективность национальных традиций как мобилизующей общественной силы носит исторический характер и по-разному проявляется в разные эпохи.

В большинстве западноевропейских стран и в США хозяйственный механизм сформировался на основе экономического учения *Талмуда*, согласно которому «хорошо и богато» могут жить только «избранные». Главной целью жизни является материальное преуспевание, нажива, стяжание денег и капитала любыми средствами и прежде всего за счет

¹ См., напр., Д. ЛОДЖ, Э. ФОГЕЛЬ (ред.). Идеология и конкурентоспособность наций. Лондон, 1985; Макмиллан Ч. Японская промышленная система. М., 1988; ПЛАТОНОВ О. Экономика русской цивилизации. М., 1995.

обмана и эксплуатации всех «неизбранных». Талмудические принципы «избранных» — «бери от жизни все, не дай себе засохнуть», «все и сразу» формируют эгоистическую идеологию индивидуализма и предполагают «атомистическую концепцию общества», в котором конечным источником ценностей и их иерархии выступает некая избранная личность, а интересы любой конкретной общности определяются в эгоистической конкурентной борьбе множества собственников, в которых лидируют «избранные личности», финансисты-ростовщики.

Западную модель экономики можно условно назвать антихристианской индивидуалистической. Своим существованием она опровергала ценности Нового Завета и была основана на жесткой конкуренции, индивидуализме и эгоизме в проявлении жизненных интересов («каждый сам за себя»), отлаженной иерархо-бюрократической организации, необходимой в условиях острой конкурентной борьбы. Эффективный и качественный труд мотивировался в ней преимущественно материальными интересами. Возникла она под влиянием еврейских ростовщиков и предпринимателей в густонаселенных странах в условиях крайнего дефицита экономических ресурсов, но как самобытный тип определилась лишь с эпохи открытия Америки и колониальных захватов, во главе которых стояли преимущественно иудеи. Первоначальное экономическое накопление в рамках этой системы было осуществлено за счет колониального ограбления целых народов, безжалостной работорговли и бесплатного или почти бесплатного использования ресурсов захваченных территорий¹.

На иных началах строились хозяйственные механизмы таких стран, как Япония, Китай, Корея, Тайвань, сохранивших национальные традиции и обычаи многовековой общинной

¹ Подробнее об экономическом учении Талмуда и рожденной им западной модели хозяйствования см. раздел «Экономическое учение Талмуда и капитализм».

жизни и рассматривающие общество не как простую сумму отдельных людей, а как нечто большее, как целое, которое имеет особые потребности, выходящие за пределы экономических потребностей отдельных его членов. Согласно такой общинной (коммунитарной) модели экономики полная отдача трудового потенциала каждого отдельного человека зависит от его места в общности, от степени участия в социальном процессе. Если общность — заводская, территориальная или государственная — хорошо «устроена» и соответствует национальным традициям, ее члены будут обладать сильным чувством тождественности с ней и смогут полностью использовать свои человеческие возможности. Если общность «устроена» плохо, народ будет испытывать отчуждение, рухнут его надежды, а экономика окажется в кризисном состоянии. В отличие от экономики западных стран, где господствовал эгоистический индивидуализм, в общинной модели предпочтение отдавалось коллективизму, обеспечению органичной естественности связи и взаимозависимости между работниками, поддержанию духа общности и ответственности перед коллективом.

К общинному типу экономики принадлежала и Россия, имевшая огромное преимущество перед перечисленными выше азиатскими странами. В России община имела христианские основы, придававшие русскому хозяйству духовно-нравственный характер. Христианство уводило от алчности, стяжательства и эгоизма, порождало способность к самоограничению, направленность не на потребительскую экспансию (постоянное наращивание объемов и видов товаров и услуг как самоцель), а на обеспечение хозяйственной самодостаточности. Русский общинный тип экономики развивался на традиционных христианских ценностях сельской общины и артели, коллективизма, взаимопомощи, трудовой демократии, местном самоуправлении. Эффективный труд мотивировался в ней не только материальными, но и в значительной степени моральными стимулами.

Русская модель экономики существовала как определенный национальный стереотип хозяйственного поведения. Это не была жесткая доктрина, а постоянная развивающаяся устойчивая система представлений, опиравшихся на традиционные народные взгляды.

Изучение деятельности русской модели экономики, существовавшей как господствующий тип с X–XII вв. вплоть до н. XVIII в., а в усеченном виде даже до н. XX в., позволяет выявить основополагающие принципы ее функционирования:

1. Хозяйство как преимущественно духовно-нравственная категория. Ориентированность на определенный духовно-нравственный миропорядок.
2. Автаркия — ориентированность хозяйственных единиц и системы в целом на замкнутость, самодостаточность, самоудовлетворенность. Основной поток эффективной хозяйственной деятельности направлен не вовне, а внутрь хозяйственной системы.
3. Способность к самоограничению. Направленность не на потребительскую экспансию (постоянное наращивание объемов и видов товаров и услуг как самоцель), а на обеспечение самодостаточности.
4. Трудовой характер хозяйственной деятельности. Взгляд на труд как на добродетель. Экономический процесс направлен не на максимизацию капитала и прибыли, а на обеспечение трудовой самодостаточности.
5. Собственность — функция *труда*, а не *капитала*. Капиталом является производительная часть собственности, направленная на производство; капитал, отдаваемый в рост, рассматривается как паразитический.
6. Самобытные особенности организации труда и производства — трудовая и производственная демократия.
7. Самобытные особенности трудовой и хозяйственной мотивации — преобладание моральных форм понуждения к труду над материальными.

Экономика «Домостроя»

До XVIII в. в России не существовало понятия «экономика». Самобытный хозяйственный строй, господствовавший на Руси, носил название «домостроительство». Домостроительство в понимании русского человека — наука вести хозяйство для обеспечения достатка и изобилия на духовно-нравственных началах. Хозяйство в русской науке домостроительства — это, прежде всего, духовно-нравственная категория, в рамках которой исключена погоня за прибылью как самоцель, а хозяйственные отношения ориентируются на определенный нравственно-трудовой порядок, порицающий поклонение деньгам и несправедливую эксплуатацию. Многие основы этой науки выражены в замечательном памятнике экономической мысли и быта русского народа «Домострое».

Главная идея «Домостроя» (XVI в.) — замкнутое саморегулируемое русское хозяйство, ориентированное на разумный достаток и самоограничение (*нестяжательство*), живущее по православным нравственным нормам. Как справедливо отмечалось, духовное начало одухотворяет мир экономики. Экономика «оживает, когда все «благословенно», и благословенная денежка по милости Божией становится символом праведной жизни».

Через всю книгу «Домострой» красной нитью проходит отношение русских людей к труду как добродетели, как к нравственному деянию. Создается настоящий идеал трудовой жизни русского человека — крестьянина, купца, боярина и даже князя (в то время классовое разделение осуществлялось не по признаку культуры, а больше по размеру имущества и числу слуг). Все в доме — и хозяева, и работники — должны трудиться, не покладая рук. Хозяйка, даже если у нее гости, «всегда бы над рукодельем сидела сама».

Хозяин должен всегда заниматься «праведным трудом» (это неоднократно подчеркивается), быть справедливым, бережливым и заботиться о своих домочадцах и работниках. Хозяйка-жена должна быть «добрая, трудолюбивая, и молчаливая». Слуги — хорошие, чтобы «знали ремесло, кто кого достоин и какому ремеслу учен». Родители обязаны учить труду своих детей, «рукоделию — мать дочерей и мастерству — отец сыновей».

Книга проповедует трудолюбие, добросовестность, бережливость, порядок и чистоту в хозяйстве. Очень тактично регулируются трудовые отношения между хозяином и работником.

Труд как добродетель и нравственное деяние: всякое рукоделие или ремесло, по «Домострою», следует исполнять приготовясь, очистясь от всякой скверны и руки вымыв чисто, прежде всего — святым образом поклониться трижды в землю — с тем и начать всякое дело.

В «Домострое» проводится идея практической духовности, неразрывной с экономической стороной жизни, в чем и состоит особенность развития духовности в Древней Руси. Духовность — не рассуждения о душе, а практические дела по претворению в жизнь идеала, имевшего духовно-нравственный характер, и прежде всего идеала праведного труда.

Стремление к автономности, независимости, даже замкнутости хозяйства от внешней среды, стремление обеспечить себя всем необходимым, чтобы не зависеть от других, было характерной чертой большей части хозяйственных единиц России. Именно оно служило импульсом автаркических тенденций русской экономики. Деревня, мир, артель, монастырь стремились все сделать своими руками, создать независимое от внешней среды самостоятельное хозяйство. В этой хозяйственной независимости русский человек чувствовал себя беззаботным, но это была беззаботность трудового человека, привыкшего надеяться только на свои руки. В этом

смысле показательна заонежская сказка о беззаботном монастыре: «Как-то раз Петр I проезжал по местности, как он любитель был ездить смотреть Россию. Пришлось ехать по одному месту, видит надпись: «Беззаботный монастырь». Его заинтересовало, что это такое — «Беззаботный монастырь»? Остановился, зашел, спрашивает игумена:

— Меня заинтересовала ваша надпись, что означает ваш «Беззаботный монастырь»?

Игумен отвечает:

— А кто вы будете?

— Я буду император Петр I.

Но игумен и говорит:

— Я вам разъясню, что такое наш «Беззаботный монастырь». Вот пойдемте, я вам все докажу, из-за чего у нас зовется «Беззаботный монастырь».

В первую очередь провел по полям, по лугам, к скоту; что выращивают — показал — в саду, в огороде.

— Но теперь посмотрим, что у нас по хозяйству есть: кузнецы, золотых дел мастера, богомазы. Вот у нас беззаботный монастырь. Мы никуда не обращаемся, ни к кому ни за чем не обращаемся, все сами делаем, поэтому у нас и надпись такая, ни об чем не заботимся о другом...»

Линия «Домостроя» и «Беззаботного монастыря» проходит через всю русскую экономическую мысль. В книге *А. Т. Болотова «Деревенское зеркало, или Общеприятная книга, сочиненная не только, чтобы ее читать, но чтоб и по ней и исполнять»* (1798—99) говорится: «Смолоду приучай (детей) к трудам, чтобы были добрые хлебопашцы, а не лежки... Крестьянская жизнь потовая: труды-то нас и кормят!», «Трудись до поту — после слюбится», «Ленивый хотя желает, да не получит». Упорный труд по 12 — 14 часов в день. «Работник, — пишет Болотов, — должен летом вставать поутру в 4 часа и идти на работу. В 7 часов надобно завтракать; между 11 и 12 часов обедать, в пятом часу полдничать, а в

вечеру в 8 часов — ужинать. После можно еще что-нибудь поделаться до 9 часов, а потом ложиться спать.

Таким образом можно зимой и летом поступать особливо, когда есть работа».

Строжайшая хозяйственная бережливость во всем: «Ешь то, чем можно быть сыту, пей то, чем можно утолить жажду, одевайся так, чтоб не быть нагу. Так твои расходы не будут свыше приходов». Идеальный хозяин экономен во всем и копит деньги на черный день. «Домоводство без денег стоять не может, и для того надобно хозяину деньги в запас копить».

Самообеспечение и самоограничение — важнейший хозяйственный принцип. «Что сам можешь сделать, за то денег не плати», «Не купи чего хочется, покупай, без чего обойтись нельзя». Для Болотова образцом для подражания служит трудолюбивый человек, который «во всю жизнь свою не пролакомился ни гроша, не ел ничего покупного, сам с детьми не носил ни нитки, кроме наряденова и вытканова ево женою и дочерьми». Ничего покупного — девиз самообеспечивающего крестьянского хозяйства.

И совсем неважно, если для этого придется себя ограничить в потреблении, главное — хозяйственная независимость, «беззаботность». Ведь в самом деле «От жареного не сытее наешься, как и щами с кашею», «Тонкое сукно не лучше греет сермяги», «Наработавшись, столько же сладко уснешь на соломе, как на перинах».

Кстати говоря, Болотов и сам так жил. Имея значительный достаток, не роскошествовал, а обеспечивал себе и семье только самое необходимое и разумное.

Весьма характерно, что русский человек не желал жертвовать необходимым, чтобы приобрести излишнее. Весьма характерна русская народная пословица «Лишнее не бери, карман не дери, души не губи» или «Живота (богатства) не копи, а душу не мори».

Человек не должен стремиться ни к богатству, ни к накопительству, человек должен довольствоваться малым. «Лишние деньги — лишние заботы», «Деньги — забота, мешок — тягота», «Без хлеба не жить, да и не от хлеба (не о хлебе, материальном интересе) жить», «Не о хлебе едином жив будешь», «Хлеб за живот — и без денег живет». Действительно, «зачем душу тужить, кому есть чем жить» (есть хлеб), «Без денег проживу, лишь бы хлеб был», «Без денег сон крепче», «Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою», «Напитай, Господи, малым кусом», — молит крестьянин, «Ешь вполсыта, пей вполпьяна, проживешь век дополна».

Отвергая стяжательство и накопительство, осторожно и с достоинством принимая богатство и деньги, трудовой человек выдвигает свой идеал — идеал скромного достатка, при котором и самому можно жить сносно, и помогать своим близким. «Тот и богат, кто нужды не знат», «Богаты не будем, а сыты будем».

С идеалом скромного достатка согласуется бережливость и запасливость. «Бережливость, — говорит русский человек — лучше богатства», «Запасливый лучше богатого», «Береж лучше прибытка», «Береж — половина спасения», «Запас мешка не дерет», «Запас беды не чинит».

«Маленькая добычка, да большой береж — век проживешь», «Копейка к копейке — проживет и семейка», «Домашняя копейка рубль бережет», «Лучше свое побережь, чем чужое прожить», «Держи обиход по промыслу и добытку», «Не приходом люди богатеют, а расходом», «Кто мотает, в том пути не бывает».

«Не о том, кума, речь, а надо взять и беречь», — поучает рассудительный хозяин. «Собирай по ягодке — наберешь кузовок», «Пушинка к пушинке и выйдет перинка». В общем, «Запас мешку не порча», «Подальше положишь, поближе возьмешь».

Труд как добродетель

Вопреки сложившимся на Западе формально-догматическим трактовкам труда как проклятия Божьего отношение к труду в Древней Руси носило живой, самоутверждающий характер. Христианский индивидуализм с его установкой на личное спасение, широко господствующий в западноевропейских странах, на Руси распространения не получил, что было, по-видимому, связано с характером русского народа, жившего в условиях общины и имевшего иное понимание жизненных ценностей. Спасение на Руси мыслилось через жизнь и покаяние на миру, через соборное соединение усилий и, наконец, через подвижничество, одной из форм которого был упорный труд. С самого начала зарождения Православия труд рассматривается как нравственное деяние, как богоугодное дело, как добродетель, а отнюдь не как проклятие.

В целом, говоря о главном, что составляло сущность русского труда в эпоху его расцвета, следует подчеркнуть, что он никогда не сводился к совокупности действий или навыков, а рассматривался как проявление духовной жизни, причем, трудолюбие было характерным выражением духовности. Труд не противостоял другим элементам духовной культуры, а состоял вместе с ней в неразрывной целостности. Веками были выработаны незыблемый ритм и нормы труда — согласование отдельных этапов трудового процесса, режим дня, соотношение начала и завершения работ. Отношение к труду, отношения в трудовых коллективах регулировались нередко на религиозном уровне. В этих условиях труд был настоящим творческим действием, подчиняющимся незыблемым правилам бытия. Причем человек в этом действе был не винтиком, а полноправным действующим лицом мироздания. Недаром весь трудовой ритм связывался с именами свя-

тых, религиозными праздниками, традициями и обычаями. Именно поэтому труд носил целостный, духовно-нравственный характер.

«Работай — сыт будешь»; «молись — спасешься; терпи — взмилуются». Русский человек знал твердо — источник благополучия и богатства — труд. «Труд — отец богатства, земля — его мать». Собственность для русского человека — это право труда, а не капитала.

Добросовестный труд — нравственная гарантия благополучия человеческой жизни. Отсюда и трудовая система жизненных ценностей, система, в которой труд занимает первое место, а собственность находится на втором плане.

Народное сознание всегда считало, что единственным справедливым источником приобретения имущественных прав может быть только труд. Поэтому земля, которая не является продуктом труда, не должна находиться в индивидуальной собственности, а только во временном пользовании, право на которое может дать только труд. Большинство русских крестьян не знало частной собственности на землю. Отсюда древний трудовой идеал крестьянства, враждебно относившегося к частной собственности на землю. Земля в крестьянских общинах распределяется по тем, кто ее обрабатывает, кто может приложить к ней свою руку. Отсюда и всеобщая вера русского крестьянина в черный передел, когда вся земля будет вновь переделена между теми, кто ее фактически обрабатывает.

Россия была очень богата землей, лесами и другими природными ресурсами. Еще в XIV–XV вв. стояли огромные массивы незаселенных земель, не освоенных ресурсов. В этих условиях владение ресурсами зависело от возможности человека освоить их своим трудом или трудом своих близких и челяди.

Земля — Божья, считал крестьянин, и принадлежать она должна тому, кто ее обрабатывает. Это основы трудового ми-

ровоззрения крестьянина, вокруг которого формировались все его другие воззрения.

Как отмечал исследователь русской общины *Ф. Щербина*, до к. XVI в. обычай свободной заимки земель был главным господствующим обычаем в экономической жизни и отношениях русского народа. Трудовое право русского человека состояло в том, что он пользовался занятым им пространством по известной формуле: «Куда топор, коса и соха ходили». Затрата труда на место заимки служила в большинстве случаев определяющим фактором владения этой землей.

Еще в XIX в. русский ученый *А. Ефименко* отмечала, что в Западной Европе имущественные отношения строились на завоеваниях, насильственном захвате одной частью общества прав другой. В России же было иначе — для большей части общества имущественные отношения носили трудовой характер. «Земля не продукт труда человека, следовательно, на нее и не может быть того безусловного и естественного права собственности, какое имеет трудящийся на продукт своего труда. Вот то коренное понятие, к которому могут быть сведены воззрения народа на земельную собственность». Аналогичные мысли высказывал кн. *А. Васильчиков*. В России, считал он, «с древних времен очень твердо было понимание в смысле держания, занятия, пользования землей, но выражение «собственность» едва ли существовало: в летописях и грамотах, как и в современном языке крестьянства, не встречаются выражения, соответствующие этому слову». Сложившийся общинный принцип ставится в России выше принципа *частной собственности*.

Таким образом, в нашем крестьянстве сохранялась гораздо в большей степени, чем на Западе, непосредственная связь между трудящимся и продуктом его труда, сохранялись и юридические отношения особого трудового типа. С почти религиозным чувством крестьянин относился к праву собственности на те земельные продукты, которые были резуль-

татом труда человека. Украсть что-либо с поля, будь то хлеб или сено, считалось величайшим грехом и позором. Причем крестьянин четко разделял предметы, являвшиеся результатом человеческого труда, и дары природы. Если кто срубит бортяное дерево (где отдельные лица держали пчел), тот вор, ибо он украл человеческий труд; кто рубит лес, никем не посеянный, тот пользуется даром Божиим, таким же даром, как вода и воздух.

Русская экономическая мысль рассматривает капитал как излишек сверх определенного уровня потребления человека или общества, включающий в себя стоимость неоплаченного труда др. людей. Он может быть достигнут частично в результате труда и бережливости, но все равно его основу составляет неоплаченный труд. Капитал может быть производительным, когда ориентируется на производство, или паразитическим, ростовщическим, когда ориентируется только на увеличение потребления его владельца сверх разумного достатка. Собираение капитала ради нового производства одобряется народной этикой и всячески порицается, когда это собираение осуществляется ради присвоения неоплаченного труда других людей.

Касаясь традиционных факторов производства — труда, земли и капитала, — важно отметить разность позиций русской и западной экономической мысли.

Коренной русский человек рассматривал стоимость того или иного продукта с трудовой точки зрения как количества труда, вложенного в его производство. Капитал допускался как дополнительный, не первостепенный фактор. Земля же для русского человека не была капиталом, а только средством приложения труда.

Традиционная западная экономическая мысль чаще всего смотрит на стоимость продукта через призму капитала и в земле тоже видит форму капитала. Труд же занимает отнюдь не приоритетное место. Преклонение перед капиталом

(стоимость, несущую в себе значительную часть неоплаченного труда) характерно именно для западной агрессивно-потребительской цивилизации.

Отношение к деньгам и богатству

В России сложилось иное, чем на Западе, отношение к деньгам и богатству. Для западного человека свобода олицетворяется в деньгах (в частности, известный афоризм Б. Франклина: «Деньги — чеканенная свобода»), для русского свобода — это независимость от денег. Западный мир чаще всего сводит понятие свободы к степени возможности покупать, стяжать все новые и новые товары и услуги, русский видит в этой «свободе» форму кабалы, опутывающую его душу и обедняющую жизнь.

«Беда деньгу родит» — настойчиво повторяет трудовой русский человек. «Деньги что камня — тяжело на душу ложатся», «Деньги прах», «Деньгами души не выкупишь» или еще вариант этой пословицы — «Деньги прах, ну их в тартарах». Отсюда понятно, что дало право *Ф. М. Достоевскому* писать, что русский народ оказался, может быть, единственным великим европейским народом, который устоял перед натиском золотого тельца, властью денежного мешка.

Нет, деньги для трудового человека не являются фетишем: «Лучше дать нежели взять», «Дай Бог подать, не дай Бог просить».

Западная протестантская этика рассматривает *богатство*, каким бы путем оно ни получено, как благословение Бога, а богатых как божьих избранников. Соответственно бедные — это те, кого Бог не любит, не благословляет. Для русских все наоборот. К богатству и богачам, к накопительству русский человек относится недоброжелательно и с

большим подозрением. Трудовой человек понимал, что «От трудов праведных не наживешь палат каменных», «От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь». Хотя было бы неправильным считать, что им руководило чувство зависти. Нет. Просто стяжание богатства выше своей потребности, накопительство всяких благ свыше меры не вписывалось в его шкалу жизненных ценностей. «Не хвались серебром, хвались добром».

Многие в народе считали, что любое богатство связано с грехом (и, конечно, не без основания). «Богатство перед Богом — большой грех», «Богатому черти деньги куют», «Не отвернешь головы клячом (т. е. ограбишь ближнего), не будешь богачом», «Пусти душу в ад — будешь богат», «Грехов много, да и денег вволю», «В аду не быть — богатства не нажить», «Деньги копил, да нелегкого купил», «Копил, копил, да черта купил!».

Отсюда выводы: «Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом», «Неправедная корысть впрок нейдет», «Неправедная нажива — огонь», «Неправедно нажитое боком выпрет, неправильное стяжание — прах», «Не от скудости скупость вышла, от богатства».

Итак, к богачам трудовой человек относится с большим недоверием. «Богатство спеси сродни» — говорит он. «Богатый никого не помнит, только себя помнит», «Мужик богатый гребет деньги лопатой», «У него денег — куры не клюют», «Рак клешнею, а богатый мошною», «Мужик богатый, что бык рогатый», «Богатый совести не купит, а свою погубляет».

Вместе с тем, крестьяне даже чем-то сочувствуют богатому, видя в его положении нравственное неудобство и даже ущербность. «Богатый и не тужит, да сучает», «Богатому не спится, богатый вора боится». А уж для нравственного воспитания ребенка богатство в народном сознании приносит прямой вред. «Богатство родителей — порча детям», «Отец богатый, да сын неудатый».

Порой неприязнь к богачам доходит и до проклятий: «Бога хвалим, Христа величаем, богатого богатыню проклинаяем!» — гласит одна из народных пословиц.

Трудовая мотивация. Оплата труда

Трудовая мотивация, построенная на принципе преобладания моральных форм понуждения к труду над материальными, была одной из главных основ культуры труда в России. Согласно этому принципу качественный и эффективный труд стимулировался не столько материальным вознаграждением, сколько различными внутренними моральными мотивами, основывающимися на народном представлении о труде как о добродетели, выполнить который плохо или некачественно — грех, строго осуждаемый общественным мнением. В народном сознании выработалась идеология нестяжательства, презрение к погоне за наживой, богатством, что, конечно, не означало склонности российских тружеников работать бесплатно. За хорошо выполненный труд полагалась справедливая награда. При этом считалось само собой разумеющимся, что работа должна быть выполнена хорошо, согласно традиционным нормам, обычаям и вековым привычкам крестьянина.

Надо хорошо работать и не думать о вознаграждении, оно само собой следует тебе за старательный труд. Народное чувство выработало идеал справедливого вознаграждения, отступление от которого — попытка обмануть, надуть работника — осуждалось как нравственное преступление.

Народная сказка о батраке и купце (попе), пытавшемся его обмануть, во всех вариантах кончается торжеством справедливости и посрамлением нечестного нанимателя. Если крестьянин, ремесленник один или с артелью нанимался (подряжался) на работу, с нанимателем заключался договор,

чаще всего устный, но нарушить его было величайшим грехом, ибо «договор дороже денег».

Договору-уговору или иначе ряде придавалось очень большое значение. «Уговор — родной брат всем делам», «Уговорец — кормилец. Ряда — не досада». «Ряда дело хорошее, а устойка (т. е. соблюдение его) того лучше», «Язык на сговоре (т. е. условия заключения)», «Рядись не торопись, — рассудительно говорит работник, — делай не сердись» или «Рядись не оглядись, верши не спеши, делай не греши».

О нечестном нанимателе говорят так: «Он на грош пятков хочет. С алтыном под полтину подъезжает».

Поймав нанимателя на нечестности, работник не доверяет ему впредь.

Если в уговоре ошибочка выйдет по твоей вине, отвечать будешь только сам. «Рядой не вырядишь, так из платы не вымозишь». После уговора менять ничего нельзя. «Переговор не уговор. Недоряжено — недоплачено». В следующий раз умнее будешь.

«Что побьем (руками при договоре), то и поживем. Что ударишь, то и уведешь (увезешь с собой)».

И отсюда в конце договора обязательство — «Он в долгу не останется», т. е. заплатит все без остатка, ведь так мы и сегодня говорим.

Справедливое вознаграждение за труд — дело неперенное. И вот тут главную роль играют для крестьянина деньги как мера труда. «Без счета и денег нет», «Деньги счет любят, а хлеб меру», «Деньги счетом крепки». Деньги для крестьянина не золотой телец — объект поклонения, а средство счета.

«Счет не обманет», «Счет всю правду скажет», «Доверять-то доверяй, но и проверяй», «Не все с верою — ино с мерою». Впрочем, «Кому как верят, так и мерят».

«Мера — всякому делу вера, счет да мера — безгрешная вера». В расчетах не должно быть исключений. «Счет друж-

бы не портит», «Дружба дружбой, а денежкам счет», «Чаше счет, крепче дружба».

Подчеркивая трудовой характер своего заработка, русский трудовой человек говаривал: «Трудовая денежка до века живет (кормит, служит)», «Трудовая денежка всегда крепка», «Трудовая денежка плотно лежит, незаработанная ребром торчит».

Преобладание моральных форм принуждения к труду над материальными совсем не предполагало уравниловки в распределении, а наоборот, исключало ее. Для крестьянина считалось безнравственным заплатить равную плату и мастеру и простому работнику. Качественный труд должен вознаграждаться значительно выше. «Работнику полтина, мастеру рубль».

Говоря о мотивации к труду, важно отметить довольно высокий уровень оплаты труда русских тружеников по сравнению с их товарищами в западноевропейских странах. Проведенные акад. *С. Струмилиным* исследования свидетельствуют, что традиционно высокий уровень оплаты труда сложился еще в XI–XII вв. И в мирное время вплоть до XIX в. на порядок (порой не в один раз) опережал уровень оплаты западноевропейских работников.

В сер. XIX в. немецкий ученый барон Гаксгаузен, посетивший большое количество предприятий и изучивший системы оплаты труда на них, сделал вывод, что «ни в одной стране заработная плата (фабричных рабочих) не достигает такой высоты, как в России». «Даже денежная заработная плата в России, — писал он, — в общем выше, чем в Германии.

Что же касается до реальной платы, то преимущество русского рабочего перед заграничным в этом отношении еще значительнее». Перед Первой мировой войной уровень оплаты труда в промышленности России был выше уровня Англии, Германии и Франции, составляя примерно 85 % уровня США.

Роль ярмарок

Роль западной биржи в русской экономике вплоть до Петра I играли ярмарки, которых в России к XIX в. насчитывалось 18,5 тыс. в 7 тыс. населенных пунктах. Каждая ярмарка играла роль экономического регулятора и распределителя местного сельского хозяйства, ремесла и промышленности. Одна ярмарка следовала за другой, перерастала в третью — на Николу, на Спас, на Успение, на Покров, а также в больших селах при монастырях. Зимой — сибирская ярмарка в Ирбите, осенью — Крестовско-Ивановская в Пермской губ., весной — Алексеевская в Вятской, летом — Караванная в Казанской и много, много других.

Однако главной ярмаркой России, своего рода связующим центром русской экономики, являлась Нижегородская ярмарка. Она была основным регулятором экономической жизни, отражая общий тонус хозяйственного развития страны. Именно здесь в большей степени формировался баланс между спросом и предложением, производством и потреблением главных российских продуктов. На ярмарке отдельные части, отрасли, виды деятельности гигантского хозяйственного механизма России связывались в одно целое, координировались, получали общественное признание или недоверие, определялись направления развития по крайней мере на год вперед.

Современники подчеркивают совершенно исключительную роль этой ярмарки, которая по своему значению и размаху сравнивалась только со всемирными выставками, нередко опережая их по масштабу торговых оборотов «своим значением как в торговле, так и вообще в народном хозяйстве, — и не только в русском, но и всемирном хозяйстве. Нижегородская ярмарка, без сомнения, далеко превосходит все ныне существующие во всем свете подобные ярмарочные или вре-

менные торжища. Такова она и в качественном отношении, своей экономической силой в движении народного хозяйства (своим влиянием на развитие разных его отраслей и на все его обороты), а также в количественном отношении, — размерами своих торговых оборотов и ценностью всех здесь покупаемых и продаваемых, сюда привозимых и отсюда развозимых товаров, количеством своих посетителей, и, наконец, величиной своего географического района действия».

Община и артель

Саморазвитие и самоорганизация русской экономики на селе осуществлялись в рамках самоуправления общины, создававшей условия для проявления хозяйственной инициативы и предприимчивости каждого отдельного крестьянина. Община была одновременно и органом сельского самоуправления, и общественной организацией, и объединением производственных единиц.

Хозяйственное самоуправление русских крестьян возникло в процессе освоения огромной территории нашей страны. Множество рек и озер, непроходимые леса и сравнительно малочисленное население, селившееся здесь мелкими деревеньками, между которыми порой пролегал пространства в 100 — 200 верст. Территория с центром в сравнительно большом населенном пункте называлась волостью, а население волости — миром. Волость на своих собраниях — сходах выбирала старост и некоторых др. руководящих лиц, решала вопросы о принятии в общину новых членов и выделении им земель.

Все дани и платежи, разные трудовые повинности налагались княжеской властью на всю волость, а она уж на своих сходах сама решала, как разверстать эти тяготы среди крестьян «по животам и промыслам», «по силе» каждого хозяйс-

тва, а может быть, отбывали те или иные повинности сообща, с круговой порукой всех за каждого, имущего за неимущего, «хозяйственных жильцов-волощан за пустые заброшенные участки».

«Кто за сколько душ тянет, столько землицы берет», — говорили крестьяне. «По тяге и поле», «В восемнадцать лет жениться, чтобы на тягло садиться», «На мир баран прибыл (т. е. налог, тягота)», «Постылое тягло на мир полегло (при раскладке тягла, которое никто на себя не принимает)», «Вали на мир — мир все снесет».

На первых этапах существования волостной общины крестьяне были заинтересованы в привлечении новых членов, — земли много, а чем больше людей, тем податей на одного человека будет меньше. Волость имела свой выборный крестьянский суд, и только важнейшие преступления рассматривались княжеской властью, и то материалы по ним готовились выборными крестьянами волости. Волость обеспечивала удовлетворение духовных потребностей населения: строила церкви, подыскивала для них священника, определяла их содержание, иногда заводила школы для подготовки грамотеев.

По мере роста населения и числа населенных пунктов волость дробилась на отдельные самоуправляемые общины, избиравшие в волостное управление своих выборных и принимавшие активное участие в разработке «волостной политики».

Проходили столетия, но русская деревня продолжала сохранять сложившиеся в глубокой древности традиционные формы общественной жизни. Еще в н. XX в. можно было встретить социальные структуры, существовавшие 500 и более лет назад.

Прежде всего, как и в старину, одна или несколько деревень составляли мир, сельское общество со своим демократическим собранием — сходом — и своим выборным управлением — старостой, десятским, сотским.

«В деревне, — писал Н. П. Павлов-Сильванский в к. XIX в., — действительная власть принадлежит не представителям царской администрации, а волостным и сельским сходам и их уполномоченным старшинам и сельским старостам...»

«Миром всякое дело решишь». На сходах обсуждались дела по общинному владению землей, ее разделу и перераспределению, раскладу податей, приселению новых членов общины, проведению выборов, вопросы пользования лесом, строительства плотин, сдачи в аренду рыболовных угодий и общественных мельниц, согласие на отлучку и удаление из общины, пополнения общественных запасов на случай стихийных бедствий и неурожаев.

На сходах отдельных селений (чаще составлявших только часть общины) регулировались все стороны трудовой жизни села — сроки начала и окончания сельских работ; дела, связанные с лугами («заказы» лугов, выделение вытей, жеребьевки, аукцион); починка дорог, чистка колодцев, строительство изгородей, наем пастухов и сторожей; штрафы за самовольные порубки, неявку на сход, нарушение общинных запретов; семейные разделы и выделы, мелкие преступления; назначение опекунов; конфликты между членами общины и некоторые внутрисемейные конфликты; сборы денег на общие расходы селения.

Неустойчивость и капризность погоды в условиях общины компенсировались разбивкой сельскохозяйственных земель в разных местах. Имея земельные участки то в низинах, то на взгорках, крестьянин обеспечивал себе средний устойчивый урожай, т.к. в засушливый год хороший урожай обеспечивался на низинах, а в дождливый — на обдуваемых взгорках. Община представляла также хорошую возможность для проведения масштабных агрономических мероприятий, которые были не под силу большинству индивидуальных хозяйств. С к. XIX в. община способствовала переходу крестьянских хозяйств от устарелой трехпольной

системы к многопольным севооборотам, а также от вредной «узкополосицы» к «широкой полосе».

Экономический принцип общины, отмечал А. И. Герцен, — полная противоположность знаменитому положению Мальтуса: она предоставляет каждому без исключения место за своим столом. Земля принадлежит общине, а не отдельным ее членам; последние же обладают неотъемлемым правом иметь столько земли, сколько ее имеет каждый другой член той же общины.

Община давала русскому человеку незыблемую гарантию владения землей. Причем, как справедливо отмечал кн. А. Васильчиков, русский мир имел в виду не общее владение и пользование, а, напротив, общее право на надел каждого домохозяина отдельным участком земли, тогда как обработка сообща и деление продуктов, хлеба или сена в натуре при уборке никогда не были в обычае русского крестьянина. Общественные земли, огульные работы, особенно когда они проводились по указанию помещиков или высшего начальства, вызывали у крестьян отвращение и исполнялись только по принуждению.

В отличие от экономистов-западников, видевших в общине выражение отсталости и регресса, коренная русская экономическая мысль рассматривала ее как главное условие существования русского хозяйства и гарант его процветания и стабильности в будущем. «Ближайшим русским идеалом, — писал *Д. И. Менделеев*, — отвечающим наибольшему благосостоянию нашего народа... должно считать общину, согласно — под руководством лучших и образованнейших сочленов — ведущую летом земледельческую работу, а зимой фабрично-заводскую на своей общинной фабрике или на своем общинном руднике».

Сами крестьяне крепко держались за общину и не стремились выйти из нее. Ведь еще по положению 1861 г. они имели право выйти из общины, если согласие давали две трети ее

членов. Вплоть до *Столыпинской реформы* эти случаи были единичны. Но и Столыпинская реформа, хотя и проводилась твердой государственной рукой, не удалась. В центральных русских губерниях вышедших из общины было только 2 — 4%, а в северных русских губерниях выходцев из общины почти не наблюдалось.

Исключительно русской формой хозяйственной самоорганизации и самоуправления была артель.

Русская артель представляла собой добровольное товарищество совершенно равноправных работников, призванное на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать практически любые хозяйственные и производственные задачи. Объединение людей в артель не только не ограничивало дух самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а, напротив, поощряло его. Мало того, артель удивительным образом позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями. Подчеркивая самостоятельность и равноправие членов артели, старинная пословица гласила: «Артели думой не владати. Сто голов — сто умов».

Началом равноправности артели резко отличались от капиталистических предприятий; попытки эксплуатации одних членов артели другими, как правило, жестко пресекались (в этом плане артель была антикапиталистической организацией). Причем равноправность не нарушалась предоставлением одному из членов распорядительной функции, т.к. каждый из членов мог быть назначен товарищами на ее выполнение. В некоторых артелях распорядительная функция выполнялась поочередно каждым из артельщиков. Равноправие, конечно, не означало уравниловки — распределение дохода осуществлялось по труду.

Чисто русской особенностью этой формы труда было также то, что члены артели связывались круговой порукой, т.е.

каждый из них ручался солидарно за всех остальных, все же вместе за каждого отдельно. Этот признак вытекал из самого понятия об артели, как о самостоятельной общественной единице. Эта ответственность друг за друга есть искони исключительный признак артели, доказательством чего служат дошедшие до нас исторические памятники, договоры с артелями, заканчивающиеся указаниями, что ответственность за ущерб и убытки, нанесенные артелью, должны падать на того, «кто будет в лицах», т.е. на каждого конкретного члена артели. Все это лишний раз подчеркивало общинное происхождение артели, кровное родство с ней. Недаром Герцен считал артели передвижными общинами.

Общинные и артельные формы народной жизни и хозяйствования тесно переплетались между собой. Известны случаи, когда целые общины организовывали артель. В Вологодской и Архангельской губерниях были часты случаи, когда целые деревни — общины образовали артель по обслуживанию почты и перевозов. Такие артели сами распределяли работу между своими членами, устанавливали норму выработки и оплату труда по гонке и перевозу.

Артелью, писал историк Прыжов, называется братство, которое строилось для какого-нибудь общего дела. Русская артель имеет своего рода семейный характер: «Артель — своя семья». Про большую семью говорят: «Экая артель». Товарищеская взаимопомощь и общее согласие — главное в артели: «Артельная каша гуще живет».

В артели человек должен был проявить свои лучшие способности и не просто приложить труд. Демократический характер артели был не в примитивном равенстве, а в равном праве для всех выразить свои способности вне зависимости от социального положения. В самых типичных артелях Древней Руси могли участвовать все без исключения при одном условии — признания ими артельных основ. В кладочные пиры, в пустынные монастыри, в братства и в вольные

дружины могли входить и «лучшие», и «молодые» люди, и смерды, и бояре, и духовные лица, и даже князья.

На Руси существовало большое количество различных форм объединений ремесленников, но все они тяготели к общинному самоуправлению, самоорганизации, порой даже обладали судебными правами. Часто ремесленники одной профессии селились рядом друг с другом, образуя, как, напр., в Новгороде, «концы», «улицы», «сотни», «ряды», строили свои патрональные церкви, объединялись вокруг них в «братчины» или «обчины» с правами суда.

Подобные объединения (гильдии, сотни) существовали и у купцов, которые строили свои церкви и имели право суда.

Древними организациями самоуправления городских тружеников были черные сотни и черные слободы, имена которых до сих пор сохранились в названиях улиц. Каждая черная сотня составляла объединения ремесленников или торговцев, управляемых подобно сельскому обществу выборными старостами или сотскими.

Артельные формы организации труда пронизывают русскую промышленность до 2-й пол. XIX в.

Еще в к. XIX в. на многих российских заводах и фабриках были широко распространены артельные формы труда, когда артельщики брали на свой подряд цех или участок производства и отчитывались перед руководством только за количество и качество работы, а все вопросы по выполнению подряда и распределению заработка решали сами внутри артели. Были случаи, когда рабочие артельно брали в свои руки все предприятие.

В России впервые в мире зафиксированы факты рабочего самоуправления на предприятиях. Одно из известных, но не самых древних, свидетельств относится к 1803, когда на Красносельской бумажной фабрике близ Петербурга рабочие заключили с владельцем договор, по которому фабри-

ка в течение долгого срока находилась в управлении самих рабочих. Для руководства работами они выбирали из своей среды мастера, сами определяли продолжительность рабочего дня, порядок работы, распределение заработка.

Русская артель давала образцы высокоэффективной работы. С 1838 по 1917 строительные артели без каких-либо механических средств проложили более 90 тыс. км железных дорог. 8 тыс. чел. построили *Великую Сибирскую магистраль* протяженностью 7, 5 тыс. км всего за 10 лет. В XVIII — н. XIX в. артельные формы труда широко применялись на заводах и фабриках, что стимулировало бурное развитие русской железодельной промышленности, которая уже с 1730-х обогнала Англию и удерживала первенство весь XVIII век.

Народный путь развития промышленности в трудах национально мыслящих русских экономистов — это путь артелей, где «рабочие трудятся не для возрастания капитала, а для удовлетворения собственных потребностей, где стремлением производства делается не безграничное его расширение, а сокращение числа работающих». По мнению Д. И. Менделеева, побывавшего в к. XIX в. на уральских металлургических заводах, многие из них могли бы быть переданы артельно-кооперативному хозяйству.

Идеология русского хозяйства

Русские мыслители от Феодосия Печерского до *славянофилов* видели в хозяйственной деятельности и труде одну из главных форм духовной жизни. Позитивистскому и рационалистскому представлению хозяйственной деятельности как суммы трудовых функций, выполняемых ради денег, русские мыслители противопоставляли идею преимущественно духовного характера труда, имеющего значение

универсальной всечеловеческой ценности, эффективность которого зависит от степени неразрывности веры и жизни, целостности соединения личности и окружающего его мира. Наиболее последовательными выразителями экономических идей русской цивилизации были славянофилы. Именно они указали на духовный характер русского хозяйства, показали его коренное отличие от западного. В мире идет борьба между началами трудовыми, производительными, воплощенными в России, и силами Запада, ориентированными на захват и паразитическое существование за счет ресурсов других народов. Славянофилы первые раскрыли механизм экономического ограбления России Западом. Они доказывали, что главные европейские страны заинтересованы в отсталости России, поставляющей им хлеб и сырье. Славянофилы выступали за развитие отечественных *промышленности* и *транспорта*. Настаивали на необходимости предоставить свободу частному капиталу и защитить русскую промышленность от иностранной конкуренции.

Выступая за технический прогресс в промышленности и на транспорте, славянофилы доказывали необходимость сохранения главных устоев русской экономики — общины и артели. Все славянофилы были решительными сторонниками отмены *крепостного права*. Самый известный славянофил *А. С. Хомяков* предлагал самый эффективный проект отмены крепостного права: государство должно выкупить всю землю у помещиков и раздать ее крестьянским общинам, а крестьяне в рассрочку вернут ее стоимость *казне*. Труд свободных крестьян сумеет эффективно реализовываться только на основе традиционных ценностей общины и артели, в условиях которых русские труженики жили с глубокой древности.

Славянофилы выступали против всех форм паразитизма в экономике и прежде всего «жидовства» и ростовщичества. Славянофилы в числе первых отметили эксплуататорский характер еврейских кагалов, посредством казаки и ме-

ропии занимавшихся ограблением и экономическим обменом христиан.

«Неправое стяжание, — отмечал *И. С. Аксаков*, — вот что вызывает гнев русского народа на евреев, а не племенная и религиозная вражда»¹. Русский крестьянин в западно-русских землях видит в еврее жестокого эксплуататора. «Шинкарь, корчмарь, арендатор, подрядчик — везде, всюду крестьянин встретит еврея: ни купить, ни продать, ни нанять, ни наняться, ни достать денег, ничего не может сделать без посредства жидов, — жидов, знающих свою власть и силу, поддерживаемых кагалом (ибо все евреи тесно стоят друг за друга и подчиняются между собой строгой дисциплине) и потому дерзких и нахальных»².

Наиболее полно и последовательно экономические взгляды славянофилов развиты в учении *С. Ф. Шарапова*, занимавшегося экономикой не только теоретически, но и как серьезный практический хозяин. В своем имении Сосновка (Смоленской губ.) он основал для облегчения труда крестьян мастерскую по изготовлению дешевых плугов. В 1895 с ним заключило соглашение Министерство земледелия: за небольшую субсидию от казны Шарапов взялся за распространение плуга среди крестьян и за организацию кустарного производства дешевых плугов в др. губерниях. С этой целью он совершал поездки по России, во время которых читал лекции и демонстрировал плуги, основал акционерное общество «Пахарь». Шарапов был одним из активных противников финансовой реформы Витте, доказывал неудачность конверсий, основанных на еврейских биржевых теориях.

Шарапов без преувеличения является классиком русской экономической мысли, еще до конца не понятым и не оцененным. Он — автор монографии, в которой концентрируются важнейшие основы русской экономической мысли. Хотя

¹ Аксаков И. А. Сочинения. М., 1886. Т. 3. с. 781.

² Там же. с. 738 — 739.

сам автор скромно назвал ее «Бумажный рубль (его теория и практика)», по существу, это обобщающий труд, который правильнее назвать «Экономика в русском самодержавном государстве».

Шарапов постоянно подчеркивает самобытность русской хозяйственной системы, условия которой совершенно противоположны условиям европейской экономики. Наличие общинных и артельных отношений придает русской экономике нравственный характер. Русские крестьяне являются коллективными землевладельцами. Им не грозит полное разорение, ибо земля не может быть отчуждена от них.

Отмечая нравственный характер русской общины, Шарапов связывает с ней развитие возможностей хозяйственного самоуправления, тесной связи между людьми на основе Православия и церковности. Главной единицей духовного и хозяйственного развития России, по мнению Шарапова, должен стать церковный приход, который может быть не только вероисповедной, но и административной, судебной, полицейской, финансовой, учебной и почтовой единицей, обладающей общественным имуществом, своими учреждениями и предприятиями.

Идеалом Шарапова была независимая от западных стран развитая экономика, регулируемая сильной самодержавной властью, имеющей традиционно нравственный характер. Даже покупательная стоимость рубля, по мнению Шарапова, должна оставаться на нравственном начале всенародного доверия к единой, сильной и свободной верховной власти, в руках которой находится управление денежным обращением.

Самодержавное государство должно играть в экономике ту роль, какую на Западе играют крупнейшие банки и биржи. Государство ограничивает возможности хищной, спекулятивной наживы, создает условия, при которых паразитический капитал, стремящийся к мировому господству, уже не сможет существовать.

Вместо шаткой и колеблющейся золотой валюты, связанной со всеми неурядицами мирового рынка, Шарапов предлагает введение абсолютных денег, находящихся в распоряжении центрального государственного учреждения, регулирующего денежное обращение. Введение абсолютных денег ликвидирует господство биржи, спекуляцию, ростовщичество. Шарапов не был противником частного предпринимательства, но считал, что оно должно носить не спекулятивный, а производительный характер, увеличивая народное богатство.

Экономические взгляды славянофилов оплодотворили хозяйственные учения многих русских мыслителей. Именно со славянофилов хозяйство начинает исследоваться в христианских категориях как выражение духовной жизни человека и общества.

Рассмотрение хозяйства как христианского понятия, имеющего духовную основу, нашло свое отражение в работах таких русских мыслителей и экономистов, как *С. Булгаков*, *Н. Бердяев*, *В. Соловьев*, *П. Флоренский*, *Д. Менделеев*. В хозяйстве, вслед за славянофилами повторяли они, выражается целостность бытия человека. Человек — субъект бытия — соединяется с природой, объектом бытия. Целостность этого процесса существует в сознании и имеет первостепенную духовно-нравственную и культурную значимость. Западная цивилизация несет в себе много элементов, разрушающих эту целостность, ведущих к отчуждению труда и разрушению личности человека. Цель органичного хозяйственного процесса — восстановить эту целостность, создать такое качество трудовой жизни, которое отвечает самым высоким требованиям человеческой личности. Русские мыслители отождествляют хозяйство с трудовой деятельностью. Понятие «капитал» как бы устраняется. В этом проявляется народная традиция рассмотрения хозяйства преимущественно с духовно-нравственных и трудовых позиций.

В. Соловьев определяет труд как взаимодействие людей в области материальной, которая, в согласии с нравственными требованиями, должна обеспечивать всем и каждому необходимые средства к достаточному существованию и всестороннему совершенствованию, а в окончательном своем назначении должна преобразовать и одухотворить материальную природу. Т. е. труд понимается им не просто как процесс взаимодействия человека с природой, а как явление, обусловленное определенными нравственными требованиями. Подобный подход к пониманию труда характерен и для других, уже названных нами, ученых. Нравственный взгляд на труд предполагал и особое отношение к вопросам материального стимулирования. Здесь в работах русских ученых преобладало отрицание решающей роли материального стимулирования в побуждении к труду.

«Выставлять своекорыстие или личный интерес как основное побуждение у труду, — писал В. Соловьев, — значит отнимать у самого труда значение всеобщей заповеди, делать его чем-то случайным. Если я тружусь только для благосостояния своего и своих, то раз имею возможность достигнуть этого благосостояния помимо труда, я тем самым теряю единственное (с этой точки зрения) побуждение к труду».

Вся культура человечества есть результат трудовой деятельности и наоборот, труд человека, даже самый честный, несет в себе результаты всей предыдущей деятельности человечества. В этом смысле он содержит в себе весь предыдущий опыт и выражает собой трудовой потенциал, накопленный многими поколениями людей. Накопленное наследие вбирает в себя только те элементы, которые способствовали развитию человека. Многовековой отбор характеристик отсеял все ненужное и лишнее, оставив только те, которые обеспечивали возможность развития. «Человек, как родовое существо, — отмечал С. Булгаков, — несет в себе богатое наследие хозяйственного труда предшествующего человечества».

ва и работает, ощущая на своем труде влияние современного человечества, и если трансцендентальный субъект хозяйства есть все совокупное человечество, то и эмпирический человек знает хозяйство только общественное, какие бы формы оно ни принимало».

Труд — сама жизнь — обязательное условие существования человека, само бытие человека, его реализация. «Труд — субъективно — объективный процесс... явление сознательное, осознанное и сознательно организованное. Неосознанного труда просто не может быть. Подсознание, конечно, участвует в труде, но лишь соседствуя с сознанием, с его помощью, а в чем-то и через него. Участие подсознания не отрицает, а предполагает, не снимает, а подтверждает ведущую роль сознания в человеческом труде. Труд — это сознание, а сознание — труд». А сознание — это сложная гамма мыслей, эмоций и переживаний — от чисто биологических до высших нюансов духовно-нравственных представлений. Чем выше развита личность, чем сложнее и многообразнее ее сознание, тем более значителен ее трудовой потенциал и возможность трудовой реализации. «Человек есть воплощенный дух и одухотворенная плоть, духовно-материальное существо и поэтому в его жизни не может быть проведено точной грани между материальным и духовным...» Эта неразрывная целостность материального и духовного предопределяет всю трудовую деятельность человека, превращая ее в творческий акт.

Трудовая деятельность постоянного моделирования или проектирования действительности, а вместе и объективирования своих идей есть реальный мост из человеческого «я» в «не-я» неодоушевленного мира, из субъекта в объект, их живое и непосредственное единство. Отношения между «я» и «не-я» есть отношения двух миров или двух энергий, находящихся в постоянном взаимодействии. Трудовая деятельность является живой связью между субъектом и объектом, мостом, выводящим «я» в мир реальности и нераз-

рывно соединяющим его с этим миром. Благодаря труду не может быть не только субъект, как это понимает субъективный идеализм, не только объект, как это понимает материализм, но есть их живое единство, субъект-объект. Эта полярность бытия, его раздвоение погашается только в Абсолютном — в Боге, которое есть одновременно и субъект, и объект для самого себя.

И в этом выводе мы подходим к самому главному, что определяет сущность труда и является основой понятия качества трудовой жизни. Оно состоит в том, что труд соединяет человека с окружающим миром, создает ему целостность бытия, от степени которой зависит как полноценность существования самого человека, так и возможность реализации его внутреннего — родового и индивидуального — потенциала. Человек — субъект бытия — соединяется с миром, природой — объектом бытия. Экономическая эффективность этого соединения тем выше, чем органичнее целостность процесса.

Традиция русской мысли, выраженная, в частности, в трудах С. Булгакова, рассматривает труд как борьбу человека за жизнь с силами природы в целях защиты и расширения жизни, очеловечивания природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм. В труде выражается стремление человека превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело с его органической целостностью и целесообразностью. Цель труда формируется русскими мыслителями как вселенский процесс превращения всего космического механизма в средство, доступное для возможностей человека, как преодоление необходимости свободой, механизма — организмом, причинности — целесообразностью как очеловечение природы. Жизнь человека — безостановочный хозяйственный процесс, протекающий в трудовой деятельности, эффективность которой зависит от органичной целостности бытия. Главный метафизический вывод этой мысли, что труд в своем прогрессе есть

победа организующих сил жизни над дезорганизующими силами смерти князя тьмы, победа Бога над сатаной.

Органичная целостность бытия понимается как гармоничное соответствие его составляющих, т.е. субъекта и объекта, человека и мира.

Цель трудовой деятельности — в восстановлении единства природы и человека. «Человек, будучи частью природы, до некоторой степени и продуктом, носит в сознании своем образ идеального всеединства, в нем потенциально заложено самосознание всей природы. В этом самосознании в нем непосредственно проявляется мировая душа, идеальный центр мира, и в этом смысле... природа человекообразна. Каждая человеческая личность потенциально носит в себе всю вселенную, будучи причастна *natura naturans*¹ творящей души природного мира, и *natura naturata*² теперешней природе. Этим принципиально и обосновывается хозяйство как единый процесс, в котором разрешается общая задача и творится общее дело всего человечества». Т. о., формулируется идея универсальности хозяйства и труда.

Русская экономическая мысль всегда отвергала идею примата экономических, материальных отношений над личностью человека. Особенно ярко эту идею выражает В. Соловьев. Формулируя два условия, при которых общественные отношения в области материального труда становятся нравственными, русский мыслитель, по сути дела, формулирует главные принципы концепции качества трудовой жизни (появившейся через 70 лет после его смерти), делая это, пожалуй, только еще глубже. «Первое, общее условие, — пишет он, — состоит в том, чтобы область экономической деятельности не обособлялась и не утверждалась как самостоятельная, себедовлеющая. Второе условие, более специальное, состоит в том, чтобы производство совершалось не за счет

¹ Природа творящая.

² Природа сотворенная.

человеческого достоинства производителей, чтобы ни один из них не становился только орудием производства, чтобы каждому были обеспечены материальные средства к достойному существованию и развитию. Первое требование имеет характер религиозный: не ставить Маммона на место Бога, не признавать вещественное богатство самостоятельным благом и окончательной целью человеческой деятельности, хотя бы в сфере хозяйственной; второе есть требование человеколюбия жалеть труждающихся и обремененных и не ценить их ниже бездушных вещей.

К этим двум присоединяется необходимое третье условие, на которое, насколько мне известно, еще никто не обращал серьезного внимания в этом порядке идей. Разумею обязанности человека как хозяйственного деятеля относительно той самой материальной природы, которую он призван в этой сфере обрабатывать. Эта обязанность прямо указана в заповеди труда: возделывать землю. Возделывать землю — не значит злоупотреблять ею, истощать и разрушать ее, а значит, улучшать ее, водить ее в большую силу и полноту бытия. Итак, не только наши ближние, но и материальная природа не должна быть лишь старательным и безразличным орудием экономического производства или эксплуатации. Она не есть сама по себе, или отдельно взятая, цель нашей деятельности, но она входит как особый, самостоятельный член в эту цель. Ее подчиненное положение относительно Божества и человечества не делает ее бесправною: она имеет право на нашу помощь для ее преобразования и возвышения. Вещи не имеют прав, но природа или земля не есть только вещь, она есть овеществленная сущность, которой мы можем, а потому и должны способствовать в ее одухотворении. Цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добывания вещей и денег, а совершенствования ее самой — оживления в ней мертвого, одухотворения вещественного».

Проблема создания духа человечности, духа общности является не отвлеченной теоретической проблемой, а одной из исходных позиций создания высшей производительности труда, ибо последнее есть достижение высшей целостности субъекта и объекта. Дух целостности и человечности является неосязаемым капиталом социальной и экономической системы любого общества. В той непрекращающейся борьбе, которая идет в любой ячейке общества и в сознании каждого отдельного человека, между началам общности и человечности, с одной стороны, и началами разобщенности, конкуренции и индивидуализма с другой, преимущество отнюдь не на стороне последних. Суть в том, что любое живое сознательное существо в конечном счете имеет главный ресурс развития — человечность. Здесь уместно привести глубокую мысль С. Булгакова: «Человечность как потенциал, как глубина возможностей, интенсивная, а не экстенсивная, соединяет людей в неизмеримо большей степени, нежели их разделяет индивидуация. К этому единству или основе, представляющей некоторый универс, приобщается всякий человек, без различия, долго ли он живет, много ли или мало удастся испытать ему в его эмпирической жизни, какой уголок мирового калейдоскопа ему приоткроется».

Преимущественное развитие начал человечности и общности вовсе не означает отрицание развития индивидуальности. По мнению уже упомянутого мной С. Булгакова, каждая индивидуальность с тем неповторимым своеобразным «я» или своей особой идеей по-своему преломляет и воспринимает тот же мир и ту же человеческую природу, как свою основу. Она не ограничивается, не восполняется другими индивидуальностями. «В гармонии индивидуальностей, в их свободной любви и деятельном единстве заключается особый источник блаженства для индивидуальности. Утопать в сверхиндивидуальном, находить себя в других индивидуальностях, любить и быть взаимно любимым, отражать себя друг

в друге, превратить индивидуальности в центры любви, а не обособления, видеть во всяком вновь рождающемся человеке возможность новой любви — это значит осуществлять идеал, который предвечно дан человечеству...»

Однако развитие индивидуальности имеет и свою отрицательную сторону в виде центробежных сил индивидуализма и эгоизма, препятствующих достижению целостности жизни и хозяйства, личности и производства. Индивидуализм и эгоизм «набрасывают свой тяжелый флер на всю жизнь, превращая ее в юдоль печали и вздыханий, налагая печать глубокой меланхолии, тоски, неудовлетворенных стремлений», вся совокупность которых создает отчуждение личности от духовной, экономической и социальной жизни, и таким образом происходит отчуждение от труда и хозяйства.

Русской хозяйственной идеологии противостояло экономическое учение Талмуда и рожденный им капитализм.

Экономическое учение Талмуда и капитализм

Капитализм возник как антихристианская идеология, основанная на экономическом учении Талмуда и ставшая, по определению философа А.Ф. Лосева, одной из сторон (наряду с социализмом) развертывания сатанинского духа неприятия христианской цивилизации. Главной целью жизни, согласно идеологии капитализма, является материальное преуспевание, нажива, стяжание денег и капитала любыми возможными средствами, и прежде всего за счет обмана и эксплуатации более слабых народов и членов общества.

С самого начала возникновения капитализма в конце средних веков ядром и главными носителями его идеологии были иудеи-талмудисты, ориентировавшиеся на создание общества, в котором, по учению Талмуда, будет господство-

вать еврейский народ, а все остальные народы мира станут служить ему и положат к его ногам все богатства земли. Богатство — выражение избранничества. Богатый человек благословлен богом, а все, у кого нет денег, должны служить «избранникам».

Разложение западного христианства в конце средних веков стало исходной точкой создания капиталистической идеологии и экономических средств порабощения человечества.

Талмуд учит иудея считать имущество всех неевреев «гефкер», что означает свободную, никому не принадлежащую вещь. «Имущество всех неевреев имеет такое же значение, как если бы оно найдено было в пустыне: оно принадлежит первому, кто захватит его» (Бабабатра. л. 54, с. 2). В Талмуде есть постановление, по которому открытый грабеж и воровство запрещаются, но разрешается приобретать что угодно обманом или хитростью. Имущество неевреев все равно, что пустыня свободная (там же, с. 55). «Если еврей эксплуатирует нееврея, то в некоторых местах запрещается входить в сношения с этим лицом во избежание подрыва первому; но в других местах это запрещение не имеет силы: всякий еврей может давать ему деньги займы и обирать его, ибо имущество нееврея «гефкер» (свободное), и кто им раньше овладеет, тому оно и принадлежит (Хошен-га-Мишпат, 56; Бабабатра, гл. 8).

Отсюда следует, что все ресурсы и богатства неевреев должны принадлежать представителям «избранного народа». «По Талмуду, — писал русский историк С. С. Громека, — бог предал все народы в распоряжение иудеев» (Вава-Катта, 38); «весь Израиль — дети царей; оскорбляющие иудеи оскорбляют самого бога» (Сихаб, 67, 1) и «подлежат смертной казни, как за оскорбление величества» (Санхедрин, 58, 2); благочестивые люди других народов, удостоенные участия в царствовании мессии, займут роль рабов у евреев (Санхед-

рин, 91, 21, 1051). С этой точки зрения весьма последовательно и со зверской жестокостью, проведенной в Талмуде, вся собственность в мире принадлежит иудеям, и владеющие ею христиане являются только временными, «незаконными» владельцами, узурпаторами, у которых эта собственность будет конфискована иудеями рано или поздно. Когда иудеи возвысятся над всеми остальными народами, бог отдаст иудеям все народы на окончательное истребление».

Историк иудаизма И. Лютостанский приводит примеры из старинных изданий Талмуда, который учит иудеев, что присваивать имущество гоев угодно богу. В частности, он излагает учение Самуэля о том, что обмануть гоя не грех, и поэтому учитель сам рассказывает, как он однажды в куске железа, которое продавал гою, купил кусок золота и, условившись с гоем дать ему за это мнимое железо 4 зузи (около 60 коп.), дал ему всего 1 зузи; Самуэль признавал совершенно неуместным стесняться перед человеком, который не умеет сосчитать деньги и отличить золото от железа (Баба камма, л. 113, 2). Раввин Каган купил у одного гоя 120 бочек вина вместо 100; третий раввин продал гою пальмовое дерево и дал такое распоряжение своему слуге: «Иди и укради несколько полен, так как гою не знает в точности, сколько полен принадлежит ему» (там же, л. 113, 1).

Раввин Моисей сказал: «Если гою, производя счет, сделает ошибку, то еврей, заметив это, должен говорить, что он об этом ничего не знает». Раввин Бренц говорит: «Если евреи, набегавшись в течение недели в разные места обманывать христиан, то в шабас они вместе сходятся и, хвалясь друг перед другом своими обманами, говорят: «Нужно гоям вынимать сердца из груди и убивать даже лучших между ними, — конечно, если это удастся достигнуть» (Санхедрин, л. 76, 2). Раввин Моисей учит: «Евреи грешат, когда возвращают потерянные вещи отступникам и язычникам, равно и всем, которые шабаса не почитают» (там же, л. 132, 8). Рав-

вин Раши говорит: «Кто гою возвращает потерянные вещи, тот гою считает равным еврею» (Санхедрин, гл. 1). Маймонид учит: «Грешит тот, кто возвращает потерянные вещи нееврею, потому что в таком случае он увеличивает силу безбожных». Раввин Черухет прибавляет: «Если гой держит у себя залог еврея, — залог, за который еврей одолжит ему деньги, и гой потеряет этот залог, и еврей его найдет, то еврей не должен возвращать гою найденный залог, потому что обязанность возвратить потерянную вещь прекратилась с того момента, как еврей нашел этот залог. Если нашедший подумал, что надо найденную вещь возвратить гою для славы имени Божия, то ему нужно сказать: «Если хочешь прославлять имя Божие, имей дело с тем, что тебе принадлежит». Талмуд учит, что если еврей и Божественное величие — одно и то же, то само собой разумеется, что евреям принадлежит весь мир. На этом основании Талмуд ясно говорит: «Если вол, принадлежащий еврею, забодает вола, принадлежащего гою, то еврей освобождается от вины или вознаграждения за убыток», потому что Священное Писание говорит: «Явился Господь Бог, и измерил землю, и отдал гоев во власть израильтян. Так как дети Ноя не исполнили 7 заповедей, то Господь Бог отдал все их имущество израильтянам». Дети Ноя, по учению Талмуда и раввинов, называются все народы мира в противоположность детям Авраама. Раввин Альбо учит совместно с другими раввинами, что Бог дал евреям власть над имуществом и кровью всех народов.

Совет раввинов на основе законов Талмуда дает (точнее, продает) иудеям право меропии и хазаки. Право это, известное по кагальным документам XVIII–XIX вв., вытекало из самых древних воззрений иудаизма, рассматривавшего всех неевреев в качестве объекта экономической эксплуатации евреями.

Меропия, или мааруфия, есть право, в силу которого в эксплуатацию еврея, купившему его, поступает личность

того нееврея, с которым он входит в сношения, сделки и т.п. Этим правом личность данного иноверца делается неотъемлемым, и притом исключительным, достоянием того еврея, который купил меропию на него, и уже ни один еврей в мире не имеет права ни ссужать этого христианина деньгами, ни исполнять его поручения, ни вообще входить с ним в какие-либо сношения.

Хазака есть право, в силу которого в эксплуатацию еврею, купившему его, поступает недвижимое имущество христианина. По этому праву имущество иноверца делается неотъемлемым, и притом исключительным, достоянием того еврея, который купил на него хазаку, и уже ни один еврей в мире не имеет права ни арендовать это имущество, ни давать ссуды под него, ни вообще входить с хозяином его в какие-либо сделки относительно этого имущества. Это право непрерывного и исключительного воздействия на имущество иноверца кончается для данного еврея или отнятием его за проступки, или истечением срока хазаки. Смерть действительного хозяина имущества не прерывает хазаки.

В Талмуде существует открытое предубеждение к занятию земледелием. «Нет более плохого занятия, — говорится в этой иудейской книге, — как земледелие. Если кто имеет 100 сребреников в торговле, то он может ежедневно есть мясо и пить вино; если же кто употребляет 100 сребреников на земледелие, то он может есть лишь хлеб с солью». Предпочтительнее заниматься торговлей и ростовщичеством.

Чтобы достигнуть конечной цели, поставленной в Талмуде для иудеев, — стать хозяевами имущества гоев, — одним из лучших средств, по мнению раввинов, является ростовщичество. Согласно Талмуду, «Бог приказал давать деньги гоям взаймы, но давать их не иначе, как за проценты; следовательно, вместо оказания этим помощи, мы должны делать им вред, даже если они могут быть нам полезны». Трактат «Баба Меция» настаивает на необходимости давать деньги

в рост и советует иудеям приучать своих детей давать деньги займы на проценты, «чтобы они могли с детства вкушать сладость ростовщичества и заблаговременно приучались бы им пользоваться».

Известный еврейский экономист К. Маркс, вышедший из семьи раввинов, прекрасно понимавший религию иудеев, писал: «Деньги — это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого бога. Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар. Деньги — это всеобщая, установившаяся как нечто самостоятельное, стоимость всех вещей. Они поэтому лишили весь мир — как человеческий мир, так и природу — их собственной стоимости. Деньги — это отчужденная от человека сущность его труда и его бытия, и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей». В еврейской религии содержится в абстрактном виде презрение к теории, искусству, истории, презрение к человеку как самоцели — это является действительной, сознательной точкой зрения денежного человека, его добродетелью. Даже отношения, связанные с продолжением рода, взаимоотношения мужчины и женщины и т.д. становятся предметом торговли! Женщина здесь — предмет купли-продажи.

«Химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека».

«Какова мирская основа еврейства? — спрашивал Маркс. — Практическая потребность, своекорыстие.

Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги». Суть иудаизма, по Марксу, проявляется в эгоизме еврея, т.е. в человеческой алчности. Противостоя христианству, еврей, естественно, относится к христианскому государству «как к чему-то чуждому, противопоставляя действительной национальности свою химерическую национальность, действительному закону свой иллюзорный закон, считая себя вправе обособляться от человечества, принци-

пиально не принимая никакого участия в историческом движении, уповая на будущее, не имеющее ничего общего с будущим всего человечества, считая себя членом еврейского народа, а еврейский народ — избранным народом». Этот народ смотрит на свою религию как на «хозяйственное дело», поскольку «хозяйственное дело» есть для него религия.

Не связанные моральными ограничениями, не стесняясь обманывать, обсчитывать, обвешивать, использовать самые нечестные приемы и безжалостно эксплуатировать др. людей, иудеи ставили себя в особое экономическое положение в отношении христиан. Для настоящего христианина погоня за наживой, накопительство, ростовщичество, мошенничество и различные виды экономических махинаций противоречили религии. Поэтому при прочих равных условиях христианине проигрывали иудеям в области экономики.

Поэтому уже в средние века евреи, используя предубеждение христиан к наживе, накопительству, ростовщичеству, захватили многие важнейшие позиции в торговле и промышленности Европы. Занимаясь торговлей, ростовщичеством и эксплуатируя простой народ, они накопили огромные богатства, что позволило им стать самым богатым слоем средневекового общества.

Главным предметом торговли еврейских купцов была работорговля. Рабы приобретались гл. обр. в славянских землях, откуда они вывозились в Испанию и страны Востока. На смежных границах германских и славянских земель, в Мейсене, Магдебурге, Праге были образованы еврейские поселения, постоянно занимавшиеся работорговлей. В Испании еврейские купцы организовывали охоту на андалузских девушек, продавая их в рабство в гаремы Востока. Невольничьи рынки в Крыму обслуживались, как правило, евреями. С открытием Америки и проникновением в глубь Африки именно евреи стали поставщиками черных рабов в Новый Свет.

От торговых операций евреи переходили к денежным, ссудо-залоговым и ростовщичеству, а часто совмещали все это. Уже с XV в. образуются крупнейшие еврейские состояния. Насколько велики были их средства, можно судить по тому, что в Испании еврейские купцы содержали почти целую армию наемников, охранявших их сомнительные операции, — 25 тыс. всадников и 20 тыс. пехотинцев.

«Великое всемирное историческое событие, — писал еврейский историк В. Зомбарт, автор книги «Евреи и хозяйственная жизнь», — это изгнание евреев из Испании и Португалии (1492 и 1497). Не должно забывать, что в тот самый день, когда Колумб отплыл из Палоса, чтобы открыть Америку (3 авг. 1492), из Испании выселилось 300 000 евреев в Наварру, Францию, Португалию и на Восток и что в те годы, когда Васко да Гама открывал морской путь в Ост-Индию, евреи были изгнаны также и из других частей Пиренейского полуострова». По подсчетам Зомбарта, уже в XV в. евреи составили 1/3 численности мировой буржуазии и капиталистов. Склонный к ложному пафосу и преувеличению, Зомбарт напыщенно заявлял: «Точно солнце шествует Израиль по Европе: куда он приходит, там пробуждается новая (капиталистическая) жизнь; откуда он уходит, там увядает все, что до тех пор цело».

В XVI–XVIII вв. центром еврейской экономики становится Амстердам, который евреи сами называли «новым, великим Иерусалимом».

В течение XVI, XVII и большей части XVIII столетия левантинская торговля и торговля с Испанией и Португалией составляли важнейшие отрасли мировой торговли. Евреи почти исключительно владели этими торговыми путями. «Еще во время своего пребывания в Испании они заполучили большую часть левантинской торговли в свои руки; уже тогда они имели во всех левантинских приморских городах свои конторы. Левантинская торговля составляла важней-

шую отрасль французской торговли в XVIII в. Она вся была в руках евреев: покупатели, продавцы, маклеры, агенты, комиссионеры и т.д. — все это евреи».

Стремительными темпами увеличивалось число еврейских купцов и торговцев в главных городах Западной Европы. В Лейпциге, напр., на международных известных пасхальных и осенних ярмарках (в день святого Михаила) число евреев, по подсчетам того же В. Зомбарта, увеличилось с 416 в 1675—1680 до 6444 в 1830—1839.

Общий приговор современников по поводу «успехов» еврейских купцов и торговцев: «Они плуты и мошенники». Зомбарт писал, что «обращаясь снова к непосредственно заинтересованным современникам или людям, близко стоявшим к явлениям повседневной жизни, мы получаем прежде всего опять единодушный ответ: превосходство евреев вытекает из нечистого ведения дел». «Евреи и комиссары имеют один закон и одну вольность, называемые ложью и обманом, если только это им выгодно», — говорит Филандер фон Зиттевальд. Такой же общий и безусловный характер носит суждение, высказанное в забавном «Словаре обманов», составленном «тайным советником и начальником» Георгом П. Генном. Здесь под рубрикой «евреи» значит: «Евреи обманывают как вообще, так и в частности». Один современник рассказывает о евреях Берлина: «Они... живут грабежом и обманом, которые, по их понятиям, не являются преступлением». Цех купцов в Париже сравнивает евреев с осами, проникающими в пчельники лишь для того, чтобы убить пчел, вскрыть им тела и высосать собранный там мед. Французским подтверждением этому может служить суждение Савари: «Евреи пользуются репутацией очень ловких купцов; но их подозревают в том, что они прибегают к не совсем честным и правдивым приемам».

В странах Европы понятие «еврей» стало синонимом слова «мошенник», «ростовщик», «стяжатель», «лихоимец».

Накопленный торговый капитал богатые евреи преобразовывают в финансовый. Этот капитал получил название «паразитического», поскольку наживался не честным, а мошенническим путем. Он-то и стал главной движущей силой Французской революции, о чем поведал ее историк и очевидец английский философ Э. Барк. Отодвинув родовую знать на задворки реальной власти, на авансцену социально-экономической жизни вышли еврейские банкиры, предприниматели, торгаши. Многие из них составили «новую знать» с титулами баронов, графов, виконтов и т.п. С Францией разделили такую же «честь» Бельгия, Голландия, Австрия. В «еврейский клуб» вступила и владычица морей Великобритания.

Судьбу Европы с н. XIX в. стали определять «дома» еврейских ростовщиков, превратившихся в банкиров. Финансовую элиту Европы составили «дома» Ротшильдов. Основатель семейства Меир Ротшильд был придворным банкиром курфюрста Вильгельма I. Когда Вильгельм в 1806 бежал от французов, Ротшильд бросил накопленные курфюрстом денежные средства на расширение финансовых махинаций и спекуляций.

Вскоре Европа получила 5 некоронованных королей. Ими стали братья Ротшильды: Ансельм, Соломон, Натан-Меир, Карл и Джеймс. Ансельм повелевал из Франкфуртана-Майне, Соломон — из Вены, Натан-Меир — из Лондона, Карл — из Неаполя, Джеймс — из Парижа. Без советов и рекомендаций этого семейства не предпринималась ни одна крупная государственная акция, не формировалось ни одно правительство.

Аккумулируя в своих «домах» огромный капитал, Ротшильды не только создали биржу, но и интернационализировали ее деятельность. Повязанные родовыми и денежными узами, финансовые «дома» подчинили своему контролю множество промышленных предприятий, страховых компаний, железных дорог.

Новым элементом, который внесли в хозяйственную жизнь еврей-талмудисты, было создание механизма контроля экономики со стороны банка, а затем биржи, находившихся в руках еврейских дельцов. Этот процесс В. Зомбарт назвал «обиржвлением» народного хозяйства. Спекулятивным инструментом биржи стали ценные бумаги — векселя, акции, банкноты, облигации, которые служили орудием немислимых манипуляций со стороны еврейских финансовых спекулянтов. Стоимость реального продукта, созданного тружеником, деформируется и искажается так, чтобы с каждой единицы товара обеспечивалась прибыль банкиру или биржевику, не обязательно еврейскому, но действующему по правилам иудейских хозяйственных законов, сформулированных в Талмуде.

Контролируя потоки денежных средств с помощью банков и биржи, иудейские коммерсанты стали влиятельными посредниками международной торговли, в крупных размерах употребляя способ перевода денег посредством векселя.

«Начало современной биржевой спекуляции, — писал В. Зомбарт, — мы должны искать... в XVII в. в Амстердаме. Спекуляция акциями фондов выросла, как это можно с достаточной ясностью проследить на акциях Ост-Индийской компании... Спекуляция акциями так широко распространилась и так усердно практиковалась, что общественная власть почуяла в ней зло, которое необходимо было устранить законодательным путем... среди прочих участников спекуляции евреи сыграли выдающуюся роль».

Кроме Амстердама, крупнейшие еврейские финансовые спекулянты сосредоточились в Лондоне и во Франкфурте-на-Майне. В последнем, писал тот же Зомбарт, евреи к к. XVII в. захватили занятие маклерством, а затем завоевали профессиональную фондовую торговлю.

Самый известный финансовый аферист к. XVII — н. XVIII вв. был Джон Ло (Леви), сын золотых дел мастера и банкира. Этот финансовый аферист сумел убедить эконо-

мически невежественное правительство Франции начать выпуск необеспеченных бумажных денег. Одновременно Ло учредил огромную «Компанию Миссисипи», за которой были закреплены монопольные права на торговлю с Китаем, Индией, островами Южных морей, Канадой и всеми колониями Франции в Америке. Через европейскую колонию в Париже он обеспечил широкую рекламу. Аферист создал классическую «пирамиду» и «гарантировал» выплату дивидендов под свой проект в размере 120 процентов годовых.

Финансовые махинации Ло разорили миллионы французов, в течение ряда лет финансы страны были безнадежно расстроены. Вместе с тем на этих бедах сколотили огромные состояния многие представители иудейской общины Парижа.

Важным орудием иудейской экономики стали банкноты, выпускаемые еврейскими банками без соответствующего обеспечения золотом или государственными обязательствами. Начиная с XV в. еврейские банкиры сколотили целые состояния на торговле подобными банкнотами. Посредством операций с этими банкнотами разорялись представители дворянских фамилий и национальных элит Европы. В 1421 Сенат Венеции законодательно запретил торговлю подобными банковскими обязательствами. Однако запрет этот длился недолго. Еврейские богачи подкупили власти Венеции, и закон был отменен.

Обогащению еврейских банкиров способствовали спекуляции финансовыми обязательствами христианских государств. Европейские государи нередко обращались к еврейским дельцам за займами, которые возвращали с ростовщическими процентами. Постепенно еврейские банкиры прибирают к своим рукам государственные финансы многих европейских стран.

Евреи из откупщиков налогов, арендаторов предприятий и казенных имений превращаются в государственных банкиров и финансовых советников государств.

В Голландии евреи становятся ключевыми фигурами государственных финансов. Значение еврейского финансового мира в этой стране перешагнуло за ее пределы, т.к. она в течение XVII и XVIII вв. была главным резервуаром, из которого черпали все монархи, нуждавшиеся в деньгах. Как писал Зомбарт, таких людей, как Пинтос, Дельмонтес, Буэно де Месквита, Франсиз Мельсина, можно смело рассматривать как руководящих финансовых деятелей Северной Европы того времени.

В течение XVII и XVIII вв. и в области английских финансов заметно господствующее влияние евреев. В Англии денежные нужды «долгого парламента» послужили первым толчком к привлечению туда богатых евреев. Еще задолго до того, как Кромвель санкционировал их допущение, много богатых евреев переселяются в Англию, гл. обр. из Испании и Португалии через Амстердам; в 1643 их приток был особенно силен. Их средоточием явился дом португальского посланника в Лондоне Антонио де Суза, который также был мараном. Среди них особенно выделялся Антонию Фернандо Карваяль, равно известный как кредитор и как поставщик; он был, собственно, главным финансистом Британской империи. Контингент богатых английских евреев увеличивается при младших Стюартах, особенно при Карле II. Как известно, последний женился на Катерине Браганской, а в ее свите был целый ряд еврейских финансовых тузов, в т.ч. братья да Сильва, еврейско-португальские банкиры из Амстердама, которым было поручено заведование и присмотр за приданным Катерины. Из Испании и Португалии в это же время переселяются в Англию Мендесы и да Коста и соединяют свои торговые фирмы в одну общую под названием «Мендес — да Коста». Одновременно с этим началось переселение и немецких евреев, которые по богатству уступали южным, но насчитывали в своей среде и таких крупных капиталистов, как напр., Беньямин Леви.

Начиная с XVII в. банкирами венского Двора были только евреи. Такая же ситуация наблюдалась во многих немецких княжествах.

Во Франции при Людовиках XIV и XV ведущее положение в финансовом мире занимал еврейский банкир Самуил Бернар, о помощи которого Франции современники говорили, что «вся заслуга его состоит в том, что он поддерживает государство, как веревка держит повешенного». Это меткое замечание точно отражало положение дел с еврейской экономикой, которая, как удавка, опутала национальные хозяйства европейских государств, разоряя миллионы людей, плодя безнадежную нищету. Как писал еврейский философ Моисей Гесс, «деньги — это отчужденное богатство человека, добытое им в торгашеской деятельности. Деньги — это количественное выражение стоимости человека, клеймо нашего закабаления, печать позора нашего пресмыкательства. Деньги — это коагулируемая (свертываемая) кровь и пот тех, кто по рыночным ценам торгует неотчуждаемой собственностью, своим богатством, своей жизненной деятельностью ради накопления того, что называется капиталом. И все это напоминает ненасытность каннибала».

«Деньги — это бог нашего времени, а Ротшильд — его пророк!» — вторил Гессу еврейский поэт Генрих Гейне. Все семейство Ротшильдов, спрутом опутавшее долговыми обязательствами властные и производительные структуры Европы, представлялось поэту «подлинными революционерами». А барона М. Ротшильда он именовал «Нероном финансов», вспоминая, как римский Нерон «уничтожал» привилегии патрициев ради создания «новой демократии».

Создавая экономику на антихристианских основах Талмуда, еврейство не только присваивало денежную власть. Через еврейство деньги становились мировой властью, средством контроля над христианскими народами. Авантюристический дух еврейской экономики, перешагнув границы еврейства,

стал разлагать самих христиан. И по меткому выражению К. Маркса, «с помощью денег евреи настолько освободили себя, насколько христиане стали евреями».

Сколотив свои капиталы преступным и несправедливым, с точки зрения христианина, путем, еврейские финансисты становятся своего рода монополистами на владение деньгами, собирающими дань с тех, кто ими не владеет, а значит, и «королями биржи», первым из которых в XIX в. был Ротшильд. Как справедливо отмечал Зомбарт, «не только в количественном, но и в качественном отношении современная биржа есть ротшильдовская, т.е. еврейская».

Важно признание Зомбарта и др. еврейских экономистов, что биржа является детищем иудейской экономической мысли и практики не только по национальности ее «короля» в XIX в., а, главное, потому, что она создавалась «всею совокупностью еврейства».

«Расширение фондового рынка от 1800 до 1850-х годов, — писал Зомбарт, — означает распространение фирмы Ротшильда и всего того, что с ней связано. Ибо имя Ротшильда означает больше, чем одна фирма. Оно означает всю совокупность еврейства, поскольку оно влияло на биржи. Только с помощью еврейства Ротшильды могли завоевать себе то могущественное положение, то почти нераздельное господство на фондовой бирже, которым они пользовались в течение полувека.

Едва ли можно считать преувеличением, когда говорили, что министр финансов, почему-либо утративший благосклонное расположение этой мировой фирмы и не желающий входить с ней в соглашение, вынужден прямо закрыть свою канцелярию.

Подобную мысль подтверждает и другой еврейский деятель — А. Вайль: «Существует только одна великая держава в Европе — это Ротшильд; его телохранителями служат десятки других банкирских домов; его солдатами, его ору-

женосцами — все честные купцы и рабочие, а его мечом — спекуляция».

Во 2-й пол. XIX в. Ротшильды стали богатейшими людьми на Земле, личное состояние которых превышало государственный бюджет многих европейских стран.

В 80-х XIX в. Ротшильды захватили примерно половину нефтяной промышленности России. Операция эта была осуществлена следующим образом. В 1886 Альфонс Ротшильд купил за 60 тыс. руб. заложенные у него акции (стоимостью 4 млн. руб.) Каспийско-Черноморского общества, организованного для продажи русского керосина за границу, и предложил преимущественно мелким заводчикам продавать ему в Баку или в Батуме весь изготавливаемый керосин с выдачей вперед части цены за него, но под условием долгосрочных контрактов. Многие мелкие заводчики приняли это предложение, соблазнившись получением вперед денег от Ротшильдов, и попали к нему в кабалу. За 10 месяцев 1888 эти заводчики получили от Ротшильда по 127 руб. за вагон керосина в Баку, др. заводчики, сбывавшие свой керосин также за границу, получили за то же время по 233 руб., или комиссионерство Ротшильда обходилось первым в 106 руб. за вагон. За 1889 контрактированные Ротшильдом заводчики получили в среднем по 5 коп. за пуд меньше заводчиков, которые продавали керосин сами. Весь вывоз керосина на внутренние рынки и за границу в 1889 исчислялся 32 млн. пуд., из которых 17, 1 млн. пудов приходилось уже на долю Ротшильда, т.е. более половины всего изготавливаемого керосина.

В 1891 А. Ротшильд участвовал также в попытке экономического давления на Россию путем заключения с русским правительством договора о выпуске трехпроцентного займа. Подписав этот договор, Ротшильд пытался заставить русского царя предоставить евреям в России особые льготы и привилегии. Получив отказ, он начал экономическую войну против России, организовав еврейских банкиров в преступный

синдикат по понижению российских ценных бумаг, вызвав серьезные трудности и разорение русских предпринимателей.

Впрочем, подобные операции экономической войны против России еврейские банкиры предпринимали и раньше. В 1877—1878 дома Ротшильдов по соглашению с Дизраэли сначала скупили, а потом выбросили на рынок в Берлине большое количество русских ценных бумаг, вызвав резкое падение их курса.

Биржевик-банкир был заинтересован в постоянном росте производства и более быстром обороте капитала. С каждой единицы товара он получал свою долю, а точнее, «дань». Банкира мало интересовало, что будет производиться — нужные людям вещи или излишние или даже вредные для них.

Став с помощью биржи королями всей экономики, еврейские финансисты уже во 2-й пол. XIX в. закладывают в экономику механизм расточительного потребительства, поощряя непрерывное обновление продукции, даже когда в этом нет никакого практического смысла. Потребителю, который сравнительно недавно приобрел определенный товар, внушается мысль, что его вещь уже устарела и ее необходимо заменить на новую. Вещь, еще физически пригодная к употреблению, выбрасывалась или отправлялась пылиться на чердак. Так закладывались основы гонки потребления, в которой заинтересован не потребитель, а биржевик-банкир, собирающий дань с единицы каждого товара.

Оплачивая создание нового предприятия или выпуск нового товара, еврейский финансист не интересовался, что это даст людям, какое влияние это окажет на природу и общество. Его волновала только прибыль. Эпоха создания новых предприятий была порождением еврейского капитала. Как признает Зомбарт, «со времен Ротшильдов учредительное дело в течение многих десятилетий оставалось специальностью еврейских дельцов... Достаточно взглянуть на эпо-

ху грюндерства 1871—1873 в Германии, чтобы убедиться, что во всех предприятиях участвовало поразительное число евреев». Огромные капиталы, накопленные евреями, жгли им руки и требовали приложения. Однако участвуя в финансировании вновь создаваемых предприятий, евреи не торопились перейти к производству — напротив, как и прежде, подавляющее число их продолжало заниматься посреднической торговлей, банковскими операциями и биржевыми спекуляциями.

Со 2-й пол. XIX в. Ротшильды в частном порядке начали контролировать цены на золото, а с 1919 придали этому контролю официальный статус. Вплоть до настоящего времени 2 раза в день представители пяти ведущих еврейских компаний по торговле драгоценным металлом собираются в помещении банка Ротшильда в Лондоне, чтобы установить цену на золото. Они рассаживаются по углам комнаты и под председательством представителя торгового дома Ротшильдов определяют среднюю цену между продажной и покупной — т.н. лондонский фикс. На каждом столе стоит миниатюрный британский флажок — «Юнион Джек», и окончательная цена на золото устанавливается только тогда, когда все 5 флажков принимают горизонтальное положение — так участники встречи традиционно выражают свое согласие. Крупнейшие мировые банки и золотодобывающие компании уже много лет используют лондонский фикс в качестве точки отсчета при определении их собственной цены на золото.

Контроль еврейского капитала над мировой финансовой системой, начавшийся с биржи Ротшильда, в н. XX в. был усилен созданием Федеральной резервной системы, позволившей иудейским банкирам наряду с аферами с золотом начать аферу с интернационализацией доллара и искусственным повышением его стоимости. Как известно, первая попытка еврейских банкиров закончилась страшным крахом — мировым Великим кризисом, разорившим миллионы людей и по-

губившим целые отрасли экономики. Промышленное производство в США и др. западных странах сократилось в 2 — 3 раза, обрекая на нищету и голод миллионы людей.

Однако никто из организаторов этой аферы не разорился. Ротшильды, Варбурги, Куны, Лоебы и др. еврейские банкиры только умножили свое состояние и за бесценок приобрели многие обанкротившиеся предприятия. Как признавался один из еврейских банкиров, разорение, горе, нищета — питательная среда для создания еврейских состояний: «Наш золотой телец питается не созданием богатств, даже не их использованием, но прежде всего их мобилизацией, которая есть душа спекуляции. Чем больше переходят богатства из рук в руки, тем более от них остается у нас. Мы — маклеры, принимающие заказы на все меновые операции или, если хотите, мы — мытари, контролирующие все закоулки земного шара и взимающие пошлину со всякого перемещения анонимного и бродяжничающего капитала, будь то пересылка денег из одной страны в другую или колебание их курса. Спокойному, уныло однообразному напеву процветания мы предпочитаем страстно возбужденные голоса повышения и понижения курсов. Для пробуждения этих голосов ничто не может сравниться с революцией или войной, которая есть та же революция. Революция ослабляет народы и приводит их в состояние меньшей сопротивляемости чуждым им предприятиям».

Последним актом, окончательно закрепостившим международную финансовую систему в руках еврейских банкиров, стало создание ими Международного валютного фонда и Всемирного банка. Еврейские банкиры т.о. обеспечили себя преимуществами главных регуляторов мировых цен, а также стали самыми могущественными ростовщиками («продавцами денег») для целых государств.

Пользуясь этими преимуществами, США и др. западные страны создали специальный инструмент перераспределения

в свою пользу ресурсов др. государств, намеренно значительно занижая цены на сырье и топливо, поступающие из стран «третьего мира».

Под влиянием капиталистической экономики личное достоинство человека превратилось в меновую стоимость, товар. Вместо духовной свободы, дарованной людям Новым Заветом, капитализм нес «бессовестную свободу торговли». Как писал еврейский философ Моисей Гесс, «деньги — это отчужденное богатство человека, добытое им в торгашеской деятельности. Деньги — это количественное выражение стоимости человека, клеймо нашего закабаления, печать позора нашего пресмыкательства. Деньги — это коагулируемая (свертываемая) кровь и пот тех, кто по рыночным ценам торгует своей неотчуждаемой собственностью, своим богатством, своей жизненной деятельностью ради накопления того, что называется капиталом. И все это напоминает ненасытность каннибала».

«Деньги — это бог нашего времени, а Ротшильд — его пророк!» — вторил Гессу еврейский поэт Генрих Гейне. Все семейство Ротшильдов, спрутом опутавшее долговыми обязательствами властные и производительные структуры Европы, представлялось поэту «подлинными революционерами». А барона М. Ротшильда он именовал «Нероном финансов», вспоминая, как римский Нерон «уничтожал» привилегии патрициев ради создания «новой демократии».

Создавая экономику на антихристианских основах Талмуда, капиталисты не только присваивали денежную власть. Через капитализм деньги становились мировой властью, средством контроля над христианскими народами. Авантюристический дух капиталистической экономики, перешагнув границы еврейства, стал разлагать самих христиан. И по меткому выражению К. Маркса, «с помощью денег евреи настолько освободили себя, насколько христиане стали евреями».

В н. XX в. немецкий социолог Макс Вебер пытался объяснить природу капитализма из т.н. протестантской этики. Он утверждал, что капитализм мог возникнуть только на Западе вследствие распространения здесь протестантизма и особенно кальвинизма, «хозяйственная этика которого наиболее соответствует духу капитализма». Сделав такой вывод, Вебер не утруждал себя анализом природы самого протестантизма, который по своей сути является иудаизированной формой западного христианства. По протестантской этике, в полном соответствии с экономическим учением Талмуда богатство является выражением божьего благословения, а бедность — наказанием божьим. Богатство, каким бы путем оно ни было получено, свидетельствует о «божьем избранничестве», а бедняки должны служить «божьим избранникам».

В XIX–XX вв. капитализм стал господствующей идеологией западного мира, практически полностью вытеснив христианское мировоззрение. Погоня за материальным успехом и комфортом, стяжание денег и капитала стало главным жизненным приоритетом западного человека, превратившись в настоящую гонку потребления. Развитие капитализма в рамках западного мира во 2-й пол. XX в. переросло в т.н. глобализацию — установление господства капиталистических ценностей во всем мире.

Автаркия

Экономически Россия была единственной страной в мире, которая приближалась к автаркии, т.е. имела такой хозяйственный уклад, который позволял ей самостоятельно и полноправно существовать независимо от иностранного ввоза и вывоза. По отношению к внешнему миру Россия была автономна, обеспечивая себя всеми необходимыми товарами, и сама потребляла почти все, что производила. Высокие заградитель-

ные пошлины на многие товары стимулировали внутреннее хозяйство. Зарубежный импорт не играл для страны жизненного значения. Доля России в мировом импорте в н. XX в. составляла немногим более 3%, что для страны с населением, равным десятой части всего человечества, было ничтожной. Для сравнения отметим, что большинство западных стран, обладая незначительной численностью населения, имело долю в мировом импорте во много раз большую, т.е. экономически зависело от импорта.

Именно экономическая автаркия позволила большевикам выдержать блокаду, укрепиться у власти, а затем развернуть свой антирусский социальный эксперимент. Если Россия была экономически независима от всего остального мира, то мир, особенно западные страны, сильно зависели от ее ресурсов. Экономическая блокада России была прервана по инициативе западных стран, и они пошли на поклон к большевикам. Большевикизм стал, по сути дела, изощренной формой эксплуатации ресурсов России. В ущерб России он использовал то, что русская хозяйственная система допускала в очень ограниченных масштабах — развитие огромного экспортного потенциала страны. Для большевиков он стал фактором их существования и паразитирования, тогда как традиционная русская экономика не ориентировалась на внешний рынок. В целом историческая Россия вывозила за рубеж не более 6 — 8% производимых товаров. И даже этот незначительный вывоз вызывал беспокойство у русских экономистов. Конечно, протест русских экономистов вызывал не сам факт внешней торговли, а ее неравноправный характер, при котором экспортировали преимущественно сырье по заниженным ценам.

Неравноправный обмен продуктами труда между Россией и Западной Европой после славянофилов отмечали многие русские экономисты. В 1887 предприниматель и экономист *В.А. Кокорев* писал о перекачке ресурсов России на Запад. Созданная и поддерживаемая Западом система цен на сы-

рьевые и топливные ресурсы сильно занижала их реальную стоимость, т.к. не учитывала прибыли от производства конечного продукта. М. О. Меньшиков отмечал, что торговля с Европой выгодна для нее и разорительна для России. По его мнению: «Народ наш обеднел до теперешней столь опасной степени не потому, что работает мало, а потому, что работает слишком много и сверх сил, и весь избыток его работы идет в пользу соседей. Энергия народная — вложенная в сырье — как пар из дырявого котла — теряется напрасно, и для собственной работы ее уже не хватает».

Западники утверждали, что экономические отношения с Европой являются главным источником русского богатства. Однако факты говорили совсем о другом. Выгода от этих отношений была в основном односторонней. За 1886 — 1913 гг. из России было вывезено по крайне низким ценам товаров, преимущественно сырья, на 25,3 млрд. рублей, а ввезено по очень высоким ценам товаров, многие из которых могли бы быть произведены в самой России, на 18,7 млрд. руб. В результате страна потеряла не менее 5 — 10 млрд. руб. народного труда. «Сближение с Европой, — несколько преувеличенно отмечал М. О. Меньшиков, — разорило Россию, разучило ее обеспечивать свои нужды, лишило экономической независимости. Правда, полвека назад сахар в деревне ценился чуть ли не на вес серебра, но зато мед был ни по чем. Теперь апельсины почти дешевле яблок, но странно то, что яблоки уже дороже апельсинов. Самые простые, когда-то почти ничего не стоящие продукты деревни — грибы, ягоды, молоко, масло, дичь, раки, орехи — сделались народу едва доступными».

Русская экономическая мысль выдвигает идеи независимости России от превратностей игры западного спекулятивного капитала с его хищническими тенденциями на эксплуатацию других народов. Здесь возражения русских экономистов касались проблем кабальных займов, иностранного капитала и золотой валюты.

В 1887 — 1913 гг. иностранные капиталы в русской промышленности увеличились со 177 до 1960 млн. руб., т.е. более чем в 10 раз. Чистый доход на весь капитал, вложенный иностранцами в экономику России (составлявший 14% всего промышленного капитала), за вычетом промыслового налога составлял в 1913 — 2326,1 млн. руб., превысив сумму прямых иностранных инвестиций за 27 лет на 543,1 млн. руб. Средняя норма прибыли иностранного капитала составляла 13%, что было почти в 3 раза больше нормы прибыли, получаемой отечественным капиталом.

Займы западных государств, конечно, помогали развивать отечественную промышленность, но вместе с тем служили средством ее экономического закабаления. За займы взимались большие проценты и, чтобы заплатить старые долги, приходилось снова влезать в долг. Начиная с 80-х прошлого века, платежи по старым государственным и гарантированным правительством займам стали превышать поступления по новым. По расчетам американского историка П. Грегори, с 1881 по 1913 сумма платежей по займам превысила 5 млрд. руб.

В к. XIX в. большой уступкой Западу было введение золотой валюты. Введена она была за счет карманов русских людей, т.к. на одну треть осуществилась девальвация рубля. Конечно, эта операция позволила уменьшить на треть внутренний государственный долг, но вместе с тем и потребовала новых иностранных займов золотом для поддержания курса рубля. Но главное состояло в другом. В результате введения золотого обращения русская экономика была тесно интегрирована в мировой экономической порядок, политику которого определяли западные страны. Этот мировой порядок подразумевал неравноправный обмен между странами, продающим сырье, и странами, продающими промышленную продукцию. Цены на сырьевые ресурсы искусственно сдерживались, а на промышленную продукцию специально подстегивались. В результате страны — поставщики сырья были

обречены на постоянную выплату своего рода дани. По мере введения золотой валюты цены на сырьевые товары падали. В результате происходил отток отечественных ресурсов за границу и прежде всего «бегство» самого золота, ранее полученного в виде займов, но уже с многократной сторицей. «Россия, — справедливо писал *М. И. Туган-Барановский*, — поплатилась многими сотнями миллионов золотых рублей из золотого запаса, вполне непроизводительно растроченных нашим Министерством финансов при проведении реформы 1897 года». Через год после введения золотой валюты государственный долг России по внешним займам превышал количество золота, находившегося в обращении, а также в активах *Государственного банка* в России и за границей.

Одним из сторонников финансовой независимости России от стран Запада был славянофил *П. Оль*. Он справедливо отмечал, что финансово-экономическая структура связей между Россией и Западной Европой вела к обеспечению последней больших преимуществ в обмене. Введение золотой валюты привело к значительному оттоку золота за границу, ослабив систему денежного обращения в России. «Золотая валюта, — писал в 1899 *П. Оль*, — была слишком неудачным опытом, который при нежелании его вовремя прекратить грозит на наших глазах закончиться великой экономической катастрофой».

Отрицание самобытных основ русской экономики

Первые случаи отрицания самобытных основ русской экономики относятся к XV–XVI вв. Эпизодически с XV–XVI вв., нарастая в XVII–XVIII вв. и приобретая угрожающий характер в XIX в., рядом с традиционной народной культурой, народными основами жизни и хозяйствования

возникает идущее сверху движение за их отрицание. Сначала незначительная, а затем преобладающая часть высшего правящего слоя и дворянства России начинает предпочитать народным основам жизни заимствованные преимущественно из Западной Европы формы и представления.

Серьезным ударом по русской модели экономики стало закрепление крепостного права. Этот процесс происходил в России сравнительно поздно, когда у крестьян уже сложились черты национального характера, выражаемого прежде всего самостоятельностью и инициативой в рамках традиций и обычаев самоуправляющихся общины и артели. Закрепощение крестьян происходило по мере отказа правящего слоя от традиционных ценностей Древней Руси и принятия им в качестве образца социальных отношений, существовавших в западных государствах. Крепостное право, не свойственный для России институт, пришло к нам с Запада через Польшу, с которой близко соприкасалась правящая верхушка западнорусских земель. Именно по настоянию этого слоя феодалов в к. XVI в. отменяется Юрьев день, а во 2-й пол. XVII в. происходит закабаление около половины ранее свободных русских крестьян.

Правда, крепостное право в России носило относительно более мягкий характер, ибо даже для крепостных крестьян сохранялись общинные отношения. Закабалив крестьян, помещики не осмеливались посягать на общину, стараясь использовать ее как дополнительное средство управления крестьянами, позволяя им собираться на сходки и собирать своих старост.

Отрицание русских форм хозяйствования широко проявилось со 2-й пол. XVII в., но неверно и несправедливо связывается с именем Петра, ибо дело Петра носило народный характер. Однако деяния Петра стали своего рода отправным моментом, с которого интенсифицировались все народные и антинародные процессы русского общества. Изучение пет-

ровских преобразований позволяет понять, что Петр не копировал вслепую зарубежный опыт, а использовал его применительно к российской действительности, опираясь на уже сложившиеся общественные институты, общинное самоуправление и *землепользование* (которые он начал очень умело использовать при сборе *подушной подати*), самоуправление купцов и ремесленников, артельный дух русских тружеников. Но главное, на что делал ставку Петр I, — на использование творческой инициативы и самостоятельности русского хозяина и работника. Петр создал благоприятные условия для реализации его лучших качеств и на этой основе осуществил свою реформу.

Властители после него, может быть, кроме Елизаветы I и Екатерины II, не понимали необходимости развития народных форм хозяйствования. Общинные и артельные формы русского хозяйства, др. его основополагающие принципы в течение почти полутора веков оставались без творческого развития, вне внимания основной части русских ученых. А жизнь требовала приведения их к новым условиям и совершенствованию с учетом современных достижений науки. Забытые и интеллигенцией, и государством, народные формы труда и хозяйствования приобретали архаичный характер и постепенно деградировали, что воспринималось как признак их отмирания и приближения неизбежного конца. Однако требовалось другое — забота со стороны государства и адаптация народных форм труда и хозяйствования к новым условиям. Русская экономическая мысль об этом твердит постоянно. Однако ее голос заглушается сторонниками чужого пути, предлагающими реформы на западный манер.

Весь смысл реформ, проводимых в царствование Александра II, носил западнический характер. Но, конечно, самой большой ошибкой этого царствования был несправедливый порядок освобождения крестьян от крепостной зависимости, в результате которого крестьяне, освобождаясь с наделени-

ем их землю на началах общинного владения, по сути дела, оставались без внимания со стороны государства, попадали в зависимость от своих бывших владельцев.

Совершенно очевидно, что требовались широкая государственная программа помощи крестьянским хозяйствам, развитие и совершенствование национальных форм. Однако этого не делалось. Отсутствовала поддержка государства созданию на базе общины предприятий по обработке сельскохозяйственных продуктов и разных вспомогательных производств. Не было сделано ничего для повышения производительности труда в русле развития и совершенствования национальных форм труда.

Развитие промышленности в пореформенной России также осуществлялось в русле насаждения хозяйственных форм, существовавших на Западе. Русские формы хозяйствования и труда намеренно вытесняются, заменяясь чуждыми для России потогонными индивидуалистическими системами. Если в 1-й пол. XIX в. на средних и мелких предприятиях преобладали артельные формы организации труда, то к концу его удельный вес их значительно снизился.

Многие известные экономисты XIX в. просто игнорировали русскую экономическую мысль. Напр., министры финансов *Е. Ф. Канкрин* и *Н. Х. Бунге*, экономисты *В. В. Берви* (Флеровский), *Н. И. Зибер* и др. старательно и в практике, и в науке насаждали западноевропейские экономические представления, фактически не учитывая тысячелетний хозяйственный опыт великой страны, а если и учитывали, то рассматривали его как неотвратимое зло на пути к конечной цели вытеснения с самобытных российских начал хозяйствования, а сами эти начала как изживший себя исторический анахронизм.

В 60 — 80-х XIX в. в русской экономике идет острая борьба отечественных и западных начал хозяйствования. И нельзя сказать, что позиции отечественных начал были безнадёжны. На каком-то этапе в 80-х гг. даже наметилась тен-

денция к преобладанию народных форм жизни. Именно это дало основание экономисту В. П. Воронцову сделать вывод об упадке капитализма в России. Данные его основывались на анализе статистики развития мелкой и средней преимущественно кустарной народной промышленности, работавшей на отечественных хозяйственных принципах, и крупной промышленности, развившейся по западноевропейскому образцу. По приводимым Воронцовым данным, мелкая и средняя промышленность развивалась быстрее, чем крупная. Однако уже лет через десять эта тенденция изменилась на противоположную. Преобладание западных экономических форм обеспечивалось политикой Александра II, создавшего предпосылки для дальнейшего прогрессирующего отторжения народных форм хозяйствования.

Одним из средств разрушения русской общины со стороны западнически настроенных правящих кругов была финансово-налоговая политика по отношению к крестьянству, когда оно было обложено большими налогами и разными поборами. Нередко для выплаты налогов община прибегала к займу под круговую поруку.

Однако порой складывалось так, что община уже не могла получить кредита для выплаты займа и вынуждена была продавать средства производства. Влезая в долги, теряя средства производства, крестьянский мир терял и свою независимость и способность сохранять свои национальные методы хозяйствования, что вело к упадку сельского хозяйства. Как справедливо отмечал *В. П. Воронцов*: «Не ограниченность знания, энергии, вообще способностей народа и не общинное землевладение причиною низкого состояния русского земледелия, а неустранимые силами общины общественные и финансовые условия, созданные культурными слоями.

Эти условия мешают народу даже применять на практике те правила обычной полевой системы, которые выработаны им многолетним опытом и наблюдением природы; поэтому-

то между его теорией земледелия и практикой существует значительное противоречие».

Главные итоги

Несмотря на то, что западнический строй мыслей многих представителей правящих кругов и интеллигенции обрекал русские формы хозяйствования и труда на деградацию и вырождение, все экономические успехи России в XIX — н. XX в. были связаны именно с ними. Вопреки настроению образованных слоев народные формы хозяйствования продолжали продуктивно существовать, особенно в сельском хозяйстве, средней и мелкой промышленности. Более того, именно в этот период произошел своеобразный синтез народных основ и передовой техники и технологии. Именно этот синтез стал основой своего рода русского экономического чуда к. XIX — н. XX в., которое сравнимо только с «японским экономическим чудом» после Второй мировой войны. И ничего удивительного в этом нет — как Россия, так и Япония обеспечили себе небывалый экономический успех соединением преимуществ традиционной национальной культуры хозяйствования и преимуществ, связанных с внедрением новейшей техники и технологии. По сравнению с дореформенным периодом промышленность России выросла в 13 раз. Темпы экономического роста были самыми высокими в мире, а по отдельным отраслям просто гигантскими — производство стали возросло в 2234 раза, нефти — в 1469 раз, угля — в 694 раза, продукции машиностроения — в 44 раза, продукции химии — в 48 раз. В к. XIX — н. XX в. осуществлено коренное техническое перевооружение промышленности. Доля производственного накопления составляла 15 — 20% национального дохода, что было выше, чем в США. Только за 1885 — 1913 крупные акционерные предприятия увеличи-

ли свои фонды в 11,1 раза. Средний рост производственных фондов составлял за этот период 7,2% в год, т.е. опять выше, чем в США.

Символом экономического процветания России этого периода являлась Великая Сибирская железная дорога, воплотившая в себе все предыдущие хозяйственные достижения страны. В то время это был самый великий в мире экономический проект, воплощенный в жизнь. Металл, рельсы, вагоны, паровозы — все было произведено на русских заводах руками русских рабочих.

По производству главнейших сельскохозяйственных культур Россия заняла первое место, выращивая больше половины мирового производства ржи, больше четверти пшеницы и овса, около двух пятых ячменя, около четверти картофеля. Россия была главным экспортером сельскохозяйственной продукции, первой «житницей Европы», на которую приходилось две пятых всего мирового экспорта крестьянской продукции.

Опережая западные страны по темпам экономического роста, Россия вместе с тем по объему промышленного производства еще отставала от США, Великобритании, Германии и Франции, занимая пятое место в мире. Специалисты, основываясь на анализе промышленных мощностей и среднегодовых темпов роста продукции, предсказывали к 1930-м выход России на один из передовых рубежей мирового хозяйственного развития.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО, ИЛИ ОСНОВЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

РУССКАЯ ПРАВДА, XI–XII ВЕКА (экономические статьи)

В России никогда не было рабства. Хозяйственные отношения в Древней Руси XI–XII веков строились на строго правовой основе, в рамках трудовой демократии сельских общин (вервей) и церковных приходов. Это, конечно, не означало, что не существовало определенного слоя несвободных людей — холопов. Однако слой этих людей был невелик и использовались они не столько в процессе производства, сколько в быту, в качестве домашних слуг (челяди, чади).

Община с началами взаимопомощи и саморегулирования создавала более высокий уровень развития средств производства по сравнению с теми странами, где она отсутствовала.

В городах существовали самоуправляемые коллективы ремесленников, купцов.

И сельские общины, и городские самоуправляемые единицы действовали на началах круговой поруки, объединявшие их в экономически зависимые друг от друга коллективы.

«Русская Правда», сложившаяся еще на основе законов, существовавших в X веке, включила в себя нормы правового регулирования, возникшие из обычного права, то есть народных традиций и обычаев.

Содержание «Русской Правды» свидетельствует о высоком уровне развития экономических отношений, богатых

хозяйственных связей, регулируемых законом. «Правда,— писал историк В. О. Ключевский,— строго отличает отдачу имущества на хранение — «поклажу» от «займа», простой заем, одолжение по дружбе, от отдачи денег в рост из определенного условленного процента, процентный заем краткосрочный от долгосрочного, и, наконец, заем — от торговой комиссии и вклада в торговое компанейское предприятие из неопределенного барыша или дивиденда. Правда дает далее определенный порядок взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел, умеет различать несостоятельность злостную от несчастной. Что такое торговый кредит и операции в кредит, хорошо известно Русской Правде. Гости, иногородние, или иноземные купцы «запускали товар» за купцов туземных, т.е. продавали им в долг. Купец давал гостю, купцу-земляку, торговавшему с другими городами или землями, «куны в куплю», на комиссию для закупки ему товара на стороне; капиталист вверял купцу «куны и гостьбу», для оборота из барыша».

Вместе с тем, как видно из прочтения экономических статей «Русской Правды», нажива, погоня за прибылью не являются целью древнерусского общества. Главная экономическая мысль «Русской Правды» — стремление к обеспечению справедливой компенсации, вознаграждения за нанесенный ущерб в условиях самоуправляемых коллективов. Сама правда понимается как справедливость, а ее осуществление гарантируется общиной и другими самоуправляемыми коллективами.

Главная функция «Русской Правды» — обеспечить справедливое, с точки зрения народной традиции, решение проблем, возникавших в жизни, обеспечить баланс между общинами и государством, осуществить регулирование организации и оплаты труда по выполнению общественных функций (сбор виры, строительство укреплений, дорог и мостов).

Привожу основные экономические статьи в кратком изложении:

Статья 4. Устанавливает порядок выплаты общиной (вервью) штрафа за преступление, совершенное на ее территории. Устанавливаются размеры штрафа. Общине предоставляется право распределения суммы штрафа между ее членами, что предполагает наличие развитого самоуправления.

Статья 9. Содержит указание на традиционные размеры натурального обеспечения общиной государственных чиновников, собиравших виры.

Статья 47. Спор по договору займа решается с помощью свидетелей заключения этого договора. Длительное невозвращение долга рассматривается как преступление.

Статьи 48. Купец пользуется особыми правами на получение и выдачу в долг денег на торговые операции: при отказе в их возврате представлять свидетелей займа ему не надо, но достаточно самому дать показание, подкрепленное клятвой.

Статья 49. По положению о договоре поклажи, хранения товара, в котором участвуют купцы, товар может быть оставлен на хранение и без свидетелей. При обвинении в утайке части оставленного товара хранителю для оправдания достаточно принести присягу, поскольку договор безвозмезден, рассматривается как благодеяние.

Статья 50. Регламентируется договор займа с процентами, размер которых не ограничивается. Предписывается заключение этого договора в присутствии свидетелей.

Статья 51. Величина процентов по займу находится в зависимости от срока договора: больший срок предполагал более высокую ставку процента.

Статья 52. В случае невозможности представить свидетелей займа при отказе ответчика от его уплаты заимодавец мог получить свои деньги только в пределах установленной законом суммы. Для этого он приносил присягу в том, что он эти деньги должнику дал. Если же заем был больше установленной суммы, кредитор терял право на иск.

Статья 53. Сформулированы ограничения размеров процентов, взимаемых по долгосрочным займам.

Статья 54. Банкротство, утрата купцом взятых в долг денег и товаров не влечет за собой уголовной ответственности. Ему дается возможность восполнить утраченное и в рассрочку выплатить долг. Эта льгота не распространялась на купца, утратившего капитал в результате пьянства и иных предосудительных действий.

Статья 96. Регулирует организацию и оплату труда на общественных работах по строительству деревянных городских укреплений и башен. Строительство это велось под управлением городника самими горожанами и окрестными жителями, которых выделяли общины. Общины оплачивали труд городника и его помощников в денежной и натуральных формах в начале и конце работы по сооружению каждой городни (секции укреплений) или башни.

Статья 97. Регулирует организацию и оплату труда на общественных работах по строительству мостов. Руководитель строительства — мостник вместе с отроком получал с общины, на территории которой строился или ремонтировался мост, денежную плату в зависимости от длины моста и количества опор — городней.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА (фрагменты)

В своем Поучении русский князь Владимир Мономах (1053 — 1125) отражает ту основу, на которой строилось хозяйство Древней Руси — трудолюбие как добродетель. Труд — высшее мерило богоугодности человека, любой труд для человека — радость.

... Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«...»

В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком,— то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям или добрым, или злым.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков,

оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или сбор дани, или лечь спать. Спать в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

УСТАВ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА О МОСТЕХ, XIII ВЕК

Устав определяет принципы организации общественного хозяйства Новгорода Великого, исходя из народных экономических идеалов коллективного, общинного труда, распределения обязанностей и повинностей.

Регулируется порядок общественных работ по строительству и ремонту городских проездов и дорог, а также заготовке строительных материалов.

Работы распределяются и оплачиваются в определенном порядке всеми городскими и провинциальными сотнями (общинами).

Приводим статьи Устава в кратком изложении:

Статьи 1, 1а, 1б. Разверстывает мостовую повинность, касающуюся общественных центров города Новгорода: Детинца и главных подходов к нему, дорог, соединяющих Торг, иностранные фактории, пристани. Главная цель Устава — организовать те дороги, которые обслуживают Торг и основные экономические потребности города.

Статья 2. Организует заготовки строительных материалов среди провинциальных сотен новгородской земли.

Статья 3. Перечисляются городские, провинциальные и волостные сотни, на которые разверстываются «поплаты» за сооружение дорог и мостов.

РУКОПИСАНИЕ КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА, XIII ВЕК

«Рукописание князя Всеволода» — уникальный памятник русской экономической мысли, содержащий в себе Устав купеческой корпорации в Новгороде Великом, сформировавшейся вокруг церкви Ивана на Петрятином дворе.

Имея преимущественно купеческий характер, корпорация вместе с тем выходила за чисто сословные купеческие рамки и представляла собой торгово-экономический центр, действовавший на правах самоуправления, и выполняла функции по регулированию коммерческой жизни города, а также торговый суд. Деятельностью этого торгово-экономического центра руководили два выборных старосты от купцов и один выборный от житых и черных людей (статья 5). Чтобы стать членом купеческой корпорации, существовавшей возле церкви Ивана, необходимо было вложить в нее вкладом 50 гривен серебра (около 10 кг) и сделать подарок тысяцкому (статья 7). Купцы, совершившие этот вклад, получали наименование пошлых (исконных) с правом передачи членства по наследству.

Ни новгородские посадские, ни новгородские бояре не имели права вмешиваться в деятельность этого Центра (статья 6). Торгово-экономический центр имел исключительное право держать эталон весов для меры взвешивания при торговых операциях (статьи 8 и 9), также осуществлял в свой доход сбор воцаной пошлины от торговли воском (статья 10).

В случае старости и нетрудоспособности священники, дьяконы, дьяки и даже сторожа церкви великого Ивана брались на общественное обеспечение купеческих и других самоуправляемых городских объединений (статья 17). Таким образом, следует констатировать один из характерных

для Древней Руси фактов социального обеспечения, когда лица, находящиеся на общественной службе, брались на содержание тех или иных общин.

Ниже приводятся наиболее характерные статьи «Рукописания»:

5. И яз, князь великий Всеволод, поставил есми святому Ивану три старосты, от житых людей и от черных тысяцкого, а от купцев два старосты, управливати им всякие дела иванская, и торговая, и гостинная, и торговой.

6. А Мирославу посаднику в то не вступатца и иным посадником в иваньское ни в что же, ни боярам новгорцкым.

7. А хто хочет в купечество вложится в иваньское, даст купцем пошлым вкладу пятьдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипское, ино купцам положить в святыи Иван польгтретьяцать гривен серебра. А не вложится хто в купечество, не даст пятьдесят гривен серебра, ино то не пошлый купець. А пошлым купцем ити им отчиною и вкладом.

8. Авесити им в притворе святого Ивана, где дано, ту его и дръжати.

9. Авесити старостам иваньским, двема купцем пошлым добрым людем. А не пошлым купцем старошения не дръжати, ни весу им не весити иваньского.

10. А у гостя им имати: у низовьскаго от дву берковска вощаных пол гривне серебра да гривенка перцю, у полоцкого и у смоленского по две гривны кун от берковска вощаного, у новоторжанина полторы гривны от берковска вощаного, у новгородца шесть мор док от берковска вощаного.

11. А куны им класти святого великого Ивана в дом, что вывесят по правому слову.

17. А попов святого великого Ивана, и дьякона, и дьяка, и сторожов призирати старостам иваньским, и купцам, и старостам побереским, и побережаном».

НАСТАВЛЕНИЕ ОТЦА К СЫНУ (фрагменты)

«Наставление отца к сыну» из сборника XV века «Пчела» говорит о распространенном в русском народе идеале трудолюбия и нестяжательства.

... Тот, кто о душе своей не заботится, а только о смертной плоти печется, подобен тому, кто рабыню кормит, а госпожу отвергает. Тот, кто ищет земных благ, забывая о небесных, подобен человеку, который хочет пахаря иметь на стене изображенного, а не в поле пашущего.

Мудрый муж — мудрым и разумным друг, а друг убогим людям — Бог; муж мудрый, если и беден, то премудростью владеет вместо богатства; богатство праведников — мир Бога ко всем людям; великое богатство — хороший разум.

Мудрый муж, имеющий страх Божий, даже если он раб и нищий, — лучше царя. Тот же, у кого богатства много, но страха Божия нет — тот без ума; но если старается постичь закон Божий, — спасение получит; тот же, кто не имеет страха Божия, — спасения будет лишен.

Богатый муж, истине не наученный и не разумный, подобен ослу, взнузданному золотую уздою. Бедные и богобоязненные — лучше их.

Жизнь скупых и сребролюбцев подобна поминальной трапезе: все вокруг плачут и нет веселящегося.

Грешник хуже горбатого: горбатый за собой носит уродство, а этот — в себе.

Ленивый хуже больного: больной хоть и лежит, да не ест, а ленивый — и лежит, и ест.

Скупого дом — как облачная ночь, закрывающая звезды и свет от очей многих.

«ДОМОСТРОЙ»

Как рукодельничать всякому человеку и любое дело делать, благословясь

В домашнем хозяйстве и всюду, всякому человеку, хозяину и хозяйке или сыну и дочери, или слугам, мужчинами женщинами, и всякому мастеровому человеку, старому и малому, и ученикам любое дело начать и рукодельничать: или еду и питье готовить, или печь что и разные припасы делать и всякое рукоделье и ремесло, и пригото­виться от всякой грязи и руки начисто вымыть, прежде всего — святым образам поклониться трижды в землю, а если болен — только до пояса: а кто может — «Достоинство есть» произнести, так, благословясь у старшего, и молитву Иисусову проговорит, да перекрестись, и молвит: «Господи, бла­гослови, Отче!» — с тем и начать всякое дело, тогда ему божья милость поспешествует, ангелы незримо помогают, а бесы исчезнут, и дело такое Богу в честь, а душе на пользу.

А есть и пить с благодарностью — будет сладко: что впрок сделано, то мило, делать же с молитвой и с доброй беседой или в молчании, а если во время дела какого раздастся слово праздное и непристойное, или с ропотом, или со смехом, или с кощунством грязные и блудливые речи и песни бесовские да игры, — от такого дела и от такой беседы божья милость отступит, ангелы отойдут в скорби, и возрадуются бесы, видя, что волю их исполняют безумные христиане. И приступят тут лукавые, влагая в помысл всякую злобу, вражду и ненависть, и подвигнут мысли на блуд и на гнев и на всякое кощунство и сквернословие, и на всякое прочее зло, — и вот уже дело, еда и питье не спорятся, и каждое ремесло и всякое рукоделие не по-божьи свершается Богу во гнев, ибо не бла-

гословенное людям не нужно, не мило, да и не прочно оно, а еда и питье не вкусны и не сладки, только дьяволу да слугам его и угодно, и радостно.

А кто еду и питье и какое еще рукоделье не чисто исполнит, и в ремесле каком что украдет, подмешает, подменит или соврет и притом побожится ложно: не настолько сделано или не в столько стало, а он врет,— так те все дела не угодны Богу, и тогда запишут их бесы, и за это все взыщется с человека в день Страшного суда. И хозяина обманул, и людям навредил, да и впредь никто ему не поверит. А если что сотворил не по правде или приврал и выкляничил, или выторговал обманом,— не благословен подобный доход, не надежен, и милостыня с него неприятна Богу. От праведных же трудов и от честных доходов и себе надежно, и Богу достойно дать, и такая милостыня Богу приятна, а сам человек Богу угоден и людьми почтен, всякий ему во всем доверяет: и в этом мире добрыми делами Богу он угодит, и в будущей жизни во веки царствует.

Наказ мужу и жене, и детям, и слугам о том, как следует им жить

Следует тебе самому, господину, жену и детей, и домоладцев учить не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать, не наушничать, на чужое не посягать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не поминать зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к средним — дружелюбным, к младшим и убогим — приветливым и милостивым. Всякое дело править без волокиты и особенно в оплате не обижать работника, всякую же обиду с благодарностью претерпеть Бога ради: и поношение, и укоризну.

Если поделом поносят и укоряют — соглашаться и новых безрассудств избегать, а в ответ не мстить. Если же ни в чем

не повинен ты, уже за это от Бога получишь награду. А домочадцев своих учи страху Божию и добродетели всякой, и сам то же делай, и вместе от Бога получите милость. Если же небрежением и твоим нерадением сам или жена, наставленьем твоим обделенная, согрешит или зло сотворит перед Богом, или домочадцы твои, мужчины, женщины, дети твои грех какой совершат, хозяйского наставления не имея: ругань, воровство или блуд и всякое зло сотворят,— все вместе по делам своим примете: зло сотворившие — муку вечную, а хорошо поступишь и ты, и те, кто с тобою — вместе с ними заслужишь вечную жизнь: тебе даже больше награда, ибо не об одном себе старался ты перед Богом, но и всех, кто с тобою, ввел в вечную жизнь.

**Каких слуг держать при себе
и как о них заботиться,
во всяком их учении
и по божественным заповедям,
и в домашней работе**

А людей у себя держи дворовых хороших, чтобы знали ремесла, и кто такого достоин, такому ремеслу учи. И не был бы вор, ни бражник, ни игрок, ни грабитель, ни разбойник, ни блудник, никакому обману не потворщик. Всякий человек у хорошего хозяина, прежде всего, был бы научен страху Божию, а также и всем добродетелям, вежеству, смирению, доброй заботе и домашней работе. Не крал бы, не лгал, ко всем добродетелям относился бы со смирением и в поучении господина своего, по заповеди апостола Павла, который писал к Тимофею: «Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божье и учение. Те же, которые имеют господами верующих, не должны обращаться с ними

небрежно, ибо братья они: и тем более должны служить им, что верные они и возлюбленные и благодетельствуют им». Этому, господине, и сам следуй, и от слуг своих требуй такими быть — и наказанием и страхом великим. И опять тот же апостол к Титу писал, что должны рабы «своим господам повиноваться, угождать им во всем, не прекословить, не красть, но оказывать всю добрую верность, дабы они во всем были украшением учению Спасителя нашего Бога...

О праведном житии

А если кто по-божески живет по заповедям господним, по отеческому преданию и по христианскому закону, то есть если владыка судит справедливо и нелицемерно и одинаково всех, богатого и бедного, ближнего и дальнего, известного и неизвестного.— такие, конечно, будут вознаграждены за свои справедливые решения. И слугам своим пусть велит поступать точно так же.

Если же в селах иль в городах кто хорош по-соседски, тот у христиан, у властей и в приказе, справедливых решений в нужное время добьется не силой, не грабежом, не пыткой. Если же не уродилось что и расплатиться нечем, так он не торопит. А не то так и у соседа или иного христианина не хватило зерна — на семена ли, на пищу, да лошади или коровы нет, или налога в казну уплатить нечем,— так нужно помочь ему и ссудить, а мало у самого, так у людей подзанять, но другому по просьбе дать. И помогать им от всей души, от всяких обидчиков оберегая по правде их. Самому господину, и слугам его ни дома, ни на селе, ни на службе, ни в жалованье — ни в каких делах и отнюдь не обделять никого ни в чем: ни пашней, ни землей, ни домашним каким припасом, ни скотиной неправедного стяжания избегая.

Благословенным трудом и средствами праведными жить подобает всякому человеку. И видя добрые ваши дела и милосердие и любовь сердечную ко всем и таковую праведность, обратит на вас Бог свои милости и преумножит урожай плодам и всякое изобилие. Вот такая — от праведных трудов и благих плодов — милостыня приятна Богу, и молитву их Бог услышит, и грехи отпустит, и вечной жизнью наградит.

Люди торговые и мастеровые, и земледельцы тоже пусть праведным только и благословенным торгуют, и производят, и пашут — без покражи, разбоя и грабежа, без поклепов и лжи, клеветы и обманов; пусть торгуют и промышленяют нажитым праведными гудами, не ростовщицеством, но благодаря приплоду, труду и всякому урожаю, исполняют дела свои добрые по христианскому закону и по заповедям господним: угодит в сем мире — вечную жизнь заслужит.

Как жить человеку по средствам своим

А в повседневном своем хозяйстве: и в лавке, и во всяком товаре, и в кладовой, и в комнатах, и во всяком дворовом припасе или деревенском, и в ремесле, и в приходе-расходе, в займах-долгах,— все заранее распределить, а потом уж и жить, хозяйство ведя согласно приходу и расходу.

Кто живет нерасчетливо

Всякому человеку, богатому и бедному, великому и малому, разобратся в своем хозяйстве, распределив по добытку и промыслу, и по своему достатку.

Служивому человеку жить, все разметив себе в соответствии с государевым жалованием, по доходу и по поместью

или по вотчине, и уж такой себе дом держать и все хозяйство с припасами. По тому же расчету — и слуг держать, и уклад, по промыслу и по доходу глядя, по нему и есть и пить и одеваться, и государю служить, и слуг содержать, и с добрыми людьми общаться.

Если же кто, не оценив себя и не рассчитав добра своего, ремесла и прибыли и государева жалованья и добытка законного начнет, на людей глядя, жить не по средствам, занимая и беря незаконным путем, то честь его обернется великим бесчестьем со стыдом и позором, а в лихое время никто ему не поможет: от безрассудства своего пострадает, да и от Бога грех, а от людей насмешка. Надобно каждому человеку избегать тщеславия и гордыни и неправдою нажитого имущества, жить по силе своей и возможности и по расчету, и по средствам, добытым законным путем. Только такое житье и благоприятно, и Богу угодно, и похвально среди людей, а себе и детям своим надежно.

Кто без присмотра содержит слуг

Если же держат людей у себя не по средствам, не по достатку, а потому и не могут удовлетворить их едой и питьем и одеждой, или таких, что ремесла не знают и пропитаться сами не могут, — придется слугам таким, мужику или женке, или девке поневоле, горюя, красть, и лгать, и блудить, а мужикам еще грабить и красть, и в корчме выпивать, и всякое злочинить, — таким неразумным господину и госпоже от Бога грех, от людей насмешка и житье без соседей, от судей же пеня, разорение дому, да и сам обнищает за скудость ума. А все потому, что каждому человеку следует слуг держать по добытку-доходу, столько, сколько можно их прокормить и одеть и во всем остальном удовлетворить их, да в страхе Божьем и поучении добром их держать. И если таких людей

ты при себе имеешь, то и сам от Бога получишь благословение, и эти души спасешь.

А не по силам тебе людей содержать, не продавай их в рабство, но отпусти на волю и, насколько можно, надели их: от Бога награда, а душе польза.

Как сохранять порядок домашний и что делать, если придется у людей чего попросить или людям свое дать

Для любого рукоделья и у мужа, и у жены всякое бы орудие в порядке на подворье было: и плотническое, и портновское, и кузнечное, и сапожное: и у жены для всякого ее рукоделья и домашнего обихода всегда бы порядок был свой, и хранилось бы все то бережно, где что нужно, ибо если придется что делать — никто ничего не слышал: в чужой двор не идешь ни за чем, все свое — без лишнего слова.

Да поварские принадлежности, хлебопекарные и пивоваренные все бы были у себя сполна: и медное, и оловянное, и железное, и деревянное — какое найдется. Если же и придется у кого в долг взять или свое дать: женскую одежду, бусы или мониста, или свое дать: одежду мужскую, сосуд медный, оловянный или деревянный, или какое платье, и какой-то запас — так все пересмотреть, и новое все и ветхое: где что измято или побито, или дыряво, а одежда измазана или продралась, и какой-то в чем-нибудь непорядок или что не цело — и все то сосчитать, и заметить, и записать и тому, кто берет, и тому, кто дает — обоим то было бы ведомо.

И что можно взвесить — то взвесить, и всякой ссуде определить бы цену: по нашим грехам какой непорядок случится, так с обеих сторон ни хлопот, ни раздоров нет — и тому уплатить, у кого взято. А всякую ссуду и брать, и давать чест-

но, хранить крепче, чем свое и в срок возвратить, чтобы сами хозяева о том не просили и за вещами не посылали: тогда и еще дадут, да и дружба навек.

А если чужого не беречь или в срок не вернуть, или отдать, испортив, в том обида навек и убыток в том и пени бывают, да и впредь никто и ни в чем не поверит.

ВЕК ПЕРЕМЕН

О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ

ПОСОШКОВ Иван Тихонович

1652 — 1726

Посошков, вышедший из крестьян, занимавшихся ювелирным промыслом, с одной стороны является продолжателем хозяйственной традиции Древней Руси, выраженной в «Домострое» и практической жизни общин и артелей, а с другой несет уже сомнение в верности традиционных ценностей. Хотя в целом его симпатии на стороне национальных традиций хозяйственной жизни, которые он хочет обновить «сугубо умственным путем». Тем не менее пафос огульного и не всегда справедливого обличительства внутреннего порядка присутствует в его главном труде «Книге о скудости и богатстве».

Из основополагающих ценностей Древней Руси он принимает почти все. Прежде всего идею домостроительства (экономики, хозяйства), цель которого, по его мнению, — в достижении изобильного богатства, то есть определенного достатка человеческих вещественных и невещественных благ. Источником богатства является только труд, «безотносительно к его физическим и социальным особенностям».

Изобильное богатство понимается им не как средство к роскошной жизни, а как средство обеспечения некоторого достатка для прокормления своей семьи, церковного богослужения и выплаты царских налогов. Изобильное богатство может быть очень скромным и дело совсем не в вели-

чине его, а в том, что каждый человек должен обязательно трудиться, приносить «прибыток». Трудом создается «все-народное богатство», состоящее из «домовых внутренних богатств». Некоторые «избытки» во «внутреннем домовом хозяйстве» предполагают продажу их вне хозяйства.

Посошков стоял на позициях регулирования внешнеторговой деятельности в сторону таможенного ограничения вывоза за границу сырья. Он полагал, что продавать надо преимущественно готовые продукты. Ученый стоял за независимость русского хозяйства от иностранного рынка, предлагая использовать для этого таможенную политику, содействующую росту российской промышленности и созданию производств продукты которых тогда закупались за границей. За рубежом следует покупать только то, чего нельзя сделать в России.

Посошков неоднократно высказывает идеи экономической автаркии, независимости русского хозяйства от внешних рынков. Богатство народа состоит не в том, что он получает из-за границы, а в том, что он создает внутри своего хозяйства, обеспечивая себя всем необходимым.

Во времена Посошкова крестьяне составляли не менее 95 процентов всего населения страны. От их «изобильного богатства» зависело русское Царство. «Крестьянское богатство, — говорил Посошков — царственное, а нищета — крестьянское оскудение царственное». Крестьянский экономист считал крестьян такими же землевладельцами, как и помещиков. «Под всеми ими земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время». Земля, которую обрабатывают крестьяне, принадлежит им по обычному праву ее распределения и перераспределения, регулируется общиной. Для осуществления справедливого землевладения, по мнению Посошкова, нужно ввести всеобщий поземельный налог не только с крестьян, но и с других «чинов».

**От чего приключается
напрасная скудость,
и от чего
гобзовитое богатство умножается**

Аз, мизирный Его Императорского Величества рабчищ, мнение свое сицево предлагаю о собрании Царских сокровищ, сице, еже верным Его Величества рабом тако подобает пецися, ежебы елико о собрании казны старатися толико, но ежебы и собранное туне не погибало, и нетокмо собранного, но и несобранного прилежно смотреть, дабы даром ничто нигде не лежало и не погибало.

Подобие и о всенародном обогащении подобает пецися без утия усердия, дабы и они даром и напрасно ничего не тратили, но жили бы от пьянственного питья повоздержнее, а во одеждах не весьма тщеславно, но посредственно; чтобы от излишняго украшения своего, наипаче же жен своих и детей своих, в скудость не приходили, но вси бы по мерности своей в приличном богатстве расширились.

Понеже не то царственное богатство, еже в царской казне лежащие казны много, ниже то царственное богатство, еже синклит Царского Величества в золото-тканых одеждах ходит; но то самое царственное богатство, ежели бы весь народ по мерностям своим богат был самыми домовыми внутренними своими богатствы, а не внешними одеждами или позументным украшением: ибо украшением одежд не мы богатымся, но те государства богатыся, из коих те украшения привозят к нам, а нас во имении теми украшениями истончывают. Паче же вещественного богатства надлежит всем нам обще пецися о невещественном богатстве, то есть, о истинной правде; правде — отец Бог, и правда вельми богатство и славу умножает, и от смерти избавляет; а неправде отец диявол, и неправда не токмо вновь богатит, но и древнее богатство отгончевает, и в нищету приводит, и смерть наводит.

Сам бо Господь Бог рек: *Ищите прежде царства Божия и правды Его*; и прирече глаголя: *яко вся приложатся вам*, то есть, богатство и слава. (Матф. гл. 6, ст. 33). И по такому словеси Господню подобает нам паче всего пещися о снискании правды; а егда правда в нас утвердится, и твердо вкоренится, то не можно царству нашему Российскому не богатиться и славою не возвыситься. То бо есть самое царства украшение и прославление и честное богатство, аще правда, яко в великих лицах, тако и в мизирных; она насадится и твердо вкоренится — и вси, яко богата, тако и убозии, между собою любовию имут жить, то всяких чинов люди по своему бытию в богатстве довольни будут.

О купечестве

И купечество в ничтожность повергать не надобно, понеже без купечества никакое не только великое, но и малое царство стоять не может. Купечество и воинству товарищ: воинство воюет, а купечество помогает, и всякие потребности им уготовляет.

И того ради и о них попечение нескудное надлежит иметь: яко бо душа без тела не может быть, так и воинство без купечества пробыть не может; не можно бо ни воинству без купечества быть, ни купечеству без воинства жить. И царство воинством расширяется, а купечеством украшается. И того ради и от обидников вельми надлежит их охранити, дабы не малые обиды им от служивых людей не чинилось. Есть многие несмысленные люди — купечество ни во что ставят, и гнушаются ими, и обидят их напрасно. Нет на свете такого чина, коему бы купецкий человек не потребен был бы.

И так купечество годствует блюсти, чтобы не токмо от обидников посторонних, но и они между собою друг бы друга не обидели, и в купечество их иночинные люди отнюдь бы

не вступали, и помешательства ни малого им не чинили, но дать им торг свободный, дабы от торгов своих сами наполнились, и Его Императорского Величества интерес умножали.

Егда ибо торг дан будет Русскому купечеству свободный, чтоб не токмо иночинцы, но и иноземцы в торгу Русским людем помешательства нималого б не чинили, то и пошлинный сбор будет не в том сочислении. Я так мню, что при нынешнем сборе пошлины будут собираться вдвое или втрое; а ныне от разночинных промышленников пропадает ея большая половина.

Буде кто коего чина нибудь аще от синклита, или от офицеров, или от дворянства, или из приказных людей, или церковные причетники, или и крестьяне похотят торговать, то надлежит им прежний свой чин отставить, и записаться в купечество, и промыслять уже прямым лицом, а не пролазом, и всякие торги вести купечески с платежом пошлин, и иных каких поборов с купечества, равно со всем главным купечеством, и без согласия купеческого командира утайкою, по-прежнему, воровски ничего не делать, а пошлинного платежа ни мало не таить.

Надобно всякому чину прямо себя вести, чтобы перед Богом не грешить и пред Царем в вине не быть; и как жить, так надлежит и слыть: аще воин, то воин и да будет, и аще инаго звания человек, то всяк бы свое звание и да хранил бы цело.

Сам Господь Бог рек, глаголя: (Матф. гл. 6, ст. 24): Един раб не может дву господам служить. Тако и воину и инаго чина человеку всякому свой чин прямо вести, а в другой предел не вступати: аще бо тому к купечеству прилипнутися, то в военном деле солгат будет. Сам же Спаситель наш рек, глаголя: яко идеже сокровище ваше, ту и сердце ваше будет. А Святой Павел Апостол глаголет: яко никто воин обязуйся куплями угоден будет воеводе. А по простонародному речению есть глагол приличен сему, еже глаголется: одно взять — либо воевать, либо торговать.

И посему воину и всякому иночинцу отнюдь купечеством не подобает; но буде у кого желание к купечеству припадет, то уже в тот чин и вписаться надлежит.

И сего ради аще не учинить о сем предела, еже посторонних торговцев из господ и из прочих приказных и вотчинных людей и из крестьян не унять, то весьма обогатится купечеству не возможно, и собранию пошлинной казны умножится не от чего будет.

А аще Господь Бог у нас в Российском Царстве устроит сице: еже судьи и вси правители будут кийждо управлять свое дело с прилежанием, а в купечество не вступати, не токмо их от обидников защищать, также и военным людям, ни офицерам, ни солдатам, в купечество не вступати же, и ничем их не обижати, токмо пещися о своем деле военном, такожде и приказные люди пеклись бы о своих приказных делах, а в купечество отнюдь бы не вступали ж, а и мастеровые люди питались бы своим рукодельем, а в купечество и ти не вступались бы, такожде и крестьяне знали бы свою крестьянскую работу, а в купеческое дело ни мало не прикасались бы.

А буде кой крестьянин может рублев на сто торговать, тот бы чей ни был крестьянин, Государев ли, или Царицын, или митрополий, или монастырский, или сенатский, или дворянский, или какого звания ни был, а торгу на сто рублев имеет, тобы записался в купечество. И аще и там поведено будет им жить на стороне, а уже пахоть ему не пахать и крестьянином не слыть, но слыть купеческим человеком, и надлежит уже быть под ведением магистратским, и с торгу своего пошлина платить, в мелочные сборы, или по окладу своего торгу уколом, то так тому и платить неизменно.

А дворяне ради себя пасли бы своих крестьян неотложно, и прикащикам своим и старостам наказали б накрепко, чтоб крестьяне его ни мало к торгу не прикасались бы, и никогда бы даром ни летом, ни зимою не гуляли, но всегда б были

в работе, а к купечеству ни малым торгом отнюдь не касались бы, такожде и сами дворяне никаковому торгу не касались бы. А буде кой крестьянин и богат, то бы он пустоши занимал, да хлебом насевал, и тот излишний хлеб продавал бы, а сам у иных крестьян ни малого числа для прибыту своего не покупал бы; а буде купит хотя одну осьмину, а кто свой брат-крестьянин или и тот, кто продал, пришед в таможду, известить, то у того торгаша взято будет штрафу сто осмин, а кто о том донесет, дать десять мин. А буде кто купит для продажи десять четвертей, то взято будет на нем штрафу тысяча четвертей, а кто доведет, тому сто четвертей. А буде коему крестьянину припадет охота к купечеству чем бы он ни был, явился б в магистрате, и сказал, что могу я торговать на сто рублей или на двести или и вящше, то указом Его Императорского Величества взят будет в купечество.

Аще сие Бог устроит, еже всякого звания человек будет пещися о своем деле, то всякие дела будут споры, а купечество так обогатится, что не в пример нынешнему богатству. А пошлины будут с них собираться не то что вдвое, но, чаю, что нынешняго сбора и втрое больше будет или вящше.

Потому что ныне торгуют бояра, дворяне и люди их, и офицеры, и солдаты, и крестьяне, то все те торгуют беспошлинно, а и купецкие люди за их имены множество провозят беспошлинно же. И я не чаю, чтобы ныне и половина прямо пошлин собиралось, да и собрать ее не мочно, аще не отставить во всем торгу от господ и от служивых людей, потому что прикоснулись торгу лица сильные, а кои и не-сильны, то магистрату неподсудны.

Я о сем все совершенно знаю, что в одном Новгородском уезде крестьян, кои торгуют, будет сто-другое, а пошлин ни по деньге не дают. И аще кой сборщик, увидя их похочет пошлину взять, то дворяне за них вступятся, и чуть живых оставят, и на то смотря, никакие целовальники и прикоснуться к ним не смеют. И есть такие богачи, что сот по пя-

тишти имеют у себя торгу, а Великому Государю не платят ни по деньге.

И если вся сия устроится, то яко от сна купечество возбуждается.

А сей древний купецких людей обычай вельми есть неправ, еже и между собою друг другу неправду чинят, ибо друг друга обманывают.

Товары яко иноземцы, тако и Русские, на лице являют добрые, а внутрь положены или соделаны плохи, а иные товары и самые плохие, да закрасив добрыми, продают за добрые, и цену берут несправедную, и неискусных людей тем обманом вельми изъязят, и в весах обвешивают, и в мерах обмеривают, а в цене облыгают, и тое неправду и в грех не поставляют, и от такого неправого порядка незнающим людям великия пакости чинятся.

А кои обманывают, последи за неправду свою и сами все пропадают, и в убожество вящшее приходят; и тако вси отончевают.

А аще бы в купечестве самая христианская правда уставилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средние за средние, а плохие за плохие, и цену брали по пристойству товару прямую настоящую, почему коему товару цена положена, а излишняя бы цены ни у какого товара не то что взять, но и не припрашивали б, и ни стара, ни мала, ни несмысленнаго не обманывали б, и во всем поступали б самую правдою, то благодать бы Божия возсияла на купечестве, и Божие благословение почило бы на них, и торг бы их святой был.

И ради неподвижная в купечестве правды надлежит во всех рядах устроить сотских и пятидесятских и десятников, и в коей лавке сидит сотской, то над дверьми лавочными прибить дощечка окруженная, покрытая белилами, дабы всем она знатна была, и на такой дщице написать сице: сотской; такожде над лавкою пятидесятскаго и десятскаго, чтобы купующие, куля какой товар, знали где тот товар показать, пря-

мо ль отвесил или обмерял, и товар доброй или плохой и на-
стоящую ль цену взял.

А буде взял цену не противю настоящая цены излиш-
нюю, то за всякую излишнюю копейку взять на нем штрафу
по гривне или по две, и высечь батоги или плетьюми, чтоб впе-
ред так не делал; а буде в другой раз так же учинит, то допра-
вить штрафу сугубо, и наказание учинить сугубое ж.

А буде кто неправо отвесит или неправо отмеряет, или не
такой товар даст, какого купец требовал, и вместо добра-
го худой продаст, то таковому жесточае чинять наказание,
и штраф противю товарныя цены взять десятирично.

А буде в такой неправости помирволить продавцу сотской
или пятидесятской или десятской, то взять штраф на десятс-
ком в десять мер, а на пятидесятском в 50 мер, а на сотском
во 100 мер, и наказание чинить кнутом, по колику ударов
уложено будет: и дать тем сотским и пятидесятникам ин-
струкции с великим подкреплением, чтоб они за своими де-
сятскими смотрели неоплошно, дабы они никакому десят-
нику понаровки ни малыя не чинили, и плохо бы сего не кла-
ли, но боялись бы яко огня, дабы не дошло до великих лиц,
и чтобы десятские и по лавкам досматривали, чтобы никако-
ва товару худаго добрым не закрашивали, но каков кой есть,
таков бы продавали, добрый за добрый, средний за средний,
а плохой бы за плохой, и весили бы и меряли самую правдою,
а излишния цены ни у какого товару не прибавляли бы и не
прикрашивали бы. Но что чего стоит, того бы и просили, а и
заморские товары, сукна и камки и прочия парчи, меряли бы
и продавали с перваго конца, а не с задняго. И какой купец
не пришел, богат или убог, аще разумен или ничего не смыш-
лящ, всем бы единаче правдою продавали, и ни у рубля, ни у
десяти рублей единыя копейки не имали и не припрашива-
ли бы. (Спорить нельзя — одной цены уставить вес товару:
имя одно, да доброта не одна; ину пору да и поплоче) и са-
мья ради бесспорчныя правды не худо бы всяким товарам

весовым и локотным положить цена уставленная, чтоб она какова была в первой лавке, такова бы и в последней.

А что с кого надлежит за какую вину взять штрафу, и тот бы штраф собирали сотские не отлагая до инаго дня, когда кто провинится, тогда бы и платили, и приняв штрафу, записывали б в закрепленную книгу, и помесечно относили бы их в контору надлежащую, а со иноземцы приезжими на ярмарках без воли главнаго купеческаго правления командира, ни великаго, ни малого торгу не чинили бы.

А буде кто хотя на один рубль дерзнет приезжим иноземцам продать какого-нибудь товару без воли вышняго своего командира, то взять с него штраф сторично; за всякой взятой рубль по сту рублей, и наказание учинить кнутом, koliko уложено будет ударов дать, дабы помнил и впредь так не делал.

И с воли командира своего и по согласию купечества поставя цену товару своему, отпускали бы за моря и за прочие рубежи Русские товары, как богатые, так и убогие с воли командира своего по общему согласию компанства, чтобы никому обиды не было.

И егда иноземец сторгует какова товара Русскаго многое число или малое, то всем Русским людям, как богатым, так и убогим, комуждо из своих товаров поверстався по количеству товаров своих, чтоб ни богатому, ни убогому обиды не было.

А буде кто не похочет товару своего для малые продажи расчинать, и то как кто похочет, в том воля мочно дать.

И тако творя, между всеми купецкими людьми будет мирно и согласно, а цены никому уронить будет нельзя, и почему какому товару цену с общаго согласия наложат, то уже иноземцы по той цене и нехотя возьмут.

А буде иноземцы похотя нашим товарам цену снизить, и товаров по наложенной цене брать не станут, то надлежит у маломочных товары все богатым за себя снять.

А буде купецкие люди за недостатком денежным не соймут, то выдать бы им деньги из ратуши и отпустить их восвояси, и впредь до указа таковых товаров не возили бы хотя годы два — три или больше, донележе со иноземцы торгу не будет, промышляли бы иным каковым промыслом. И пока иноземцы по наложенной цене товаров наших принимать не будет, до тех времени отнюдь нималаго числа таких товаров на иноземческие торги не возили бы.

И буде иноземцы восхотят наших купцов принудить к своему умыслу, ежебы наших Русских товаров ценой не взвысить, а своих не снизить, оставя торг, поедут за море без наших товаров, то и свои они товары с коими приехали повезли б все с собою назад; а в амбары с кораблей не сторговавшись отнюдь класть им не попускать бы, хотя за амбары вдвое или втрое наемныя деньги давать станут, или где в доме похотят сложить, отнюдь того им не попускать; то когда наших товаров не брать, то и своих товаров оставлять им не для чего: как привозили, так пусть и назад повезут.

А в другое лето буде приедут, то надлежит нам на свои Русские товары к уставленной прошлогодней цене положить на рубль по гривне или по четыре алтына, или как о том указ Великаго Государя состоится, како бы купечеству слично было, и деньги бы в том товаре даром не прогуляли.

А буде два года иноземцы с торгом не будут, то на прежнюю цену наложить еще толико же, колико на первый год наложено. И так колико годов ни проволочат они упрямством своим, то на каждой год по толико и те накладки на всякой рубль налагать, не уступая ни малым чем, чтоб в купечестве деньги в тех залежалых товарах не даром лежали, но проценты бы на всякой год умножались.

И аще в тех процентах товарам нашим возвысится, что коему прежняя цена была рубль, а в упорстве иноземском возвысится в два рубли, то таковую цену уже впредь за упрямство их держать, не уступая ни малым чем.

И аще иноземцы упрямство свое и отложат, и станут товары свои возить к нам по-прежнему, и наших товаров к себе востребуют, а уже цены на Русские товары прибавленные отнюдь не убавлять, и в предбудущие годы по такой же наложенной цене продавать, почему в упорстве их иноземской наложилась.

И буде двойныя цены за наши товары не похотят нам дать, то и их товары перед ними: мы благословением Божиим можем без их товаров пробыть.

Обще же я мню: хотя они и хитры в купечестве и в иных гражданских расправах, а аще уведают нашего купечества твердое положение о возвышении цены, то не допустят до двойныя цены: будут торг иметь повсягодно, видя бо наше твердое постоянство всячески упрямство свое прежнее и гордость свою всю и нехотя отложат: нужда пригоняет и к поганой луже. Для нас хотя они вовсе товаров своих к нам привозить не будут, мню, можем прожить без товаров их; а они без наших товаров и десяти лет прожить не могут. И того ради подобает нам над ними господствовать, а им рабствовать пред нами, и во всем упадок пред нами держать, а не гордость. Сие странное дело, что к нам приехав со своими безделками, да нашим материяльным товарам цену уставляють низкую, а своим цену ставят двойную, а иным товарам и выше двойныя цены.

И не до сего ста, но и деньги нашего Великого Государя ценят, до чего было им нималаго дела не надлежало: им надлежит деньги ценить своих государей, потому что они власть имут над своими владельцы. А наш Великий Император сам собою владеет, и в своем государстве аще и копейку повелит за гривну иметь, то так и может правиться. Мы в своем царстве с воли Монарха своего вольны на привезенные их товары цену налагать. А буде им нелюбо, то на ту цену не отдавай, волен он и отдать и не отдать; нам силой у него не отнять, а в том мы можем стоять, несторгованному

и негодному на сухом берегу места не дать; либо назад вези, либо в корабле держи.

Время было уже им прежняя своя гордость и отложить; плохо им было над нами ломаться, тогда, когда сами наши Монархи в купеческия дела не вступали, но управляли бояре. И приехав они иноземцы засунут сильным персонам подарок рублей во сто-другое, то за сто рублей сделают они иноземцы прибыли себе полмиллиону, потому что бояре не ставили купечества ни в яичную скорлупку; бывало на грош все купечество променяют!

А ныне, слава Богу, Монарх наш вся сия рассмотрил; и подлезть им уже никак, еже бы им по прежнему своему хотению уставить и на своем поставить.

И если они иноземцы от упрямства своего года два — три и пять — шесть торговаться с нами не будут, то купечеству нашему великая и неисчислимая прибыль будет, потому которые товары покупались у нас в Руси по рублю, то будет уже в покупке по полтине или и меньше, а иноземцам меньше уставленные цены за иноземческое упрямство сбавить отнюдь невозможно. Потому что такая цена уставилась за их непокорство; они на свои товары без причины наложили цену высокую и тем нас вельми изневожили, а им изневога не от нас, но от своего им упрямства. Они в причину поставили Русския наши деньги, до чего им ни малаго дела нет. Деньги наши когда в их землю придут, то хотя они нашу копейку и за деньгу не возьмут, то в том они вольны: их земля, их воля. А в нашей земле нет им ни малыя власти, но волен наш Монарх; а по его Монаршеской воле и мы имеем некую часть воли. А они, пришед в нашу землю, цена наши деньги, да всяким своим товарам цену возвысили: червонные были без гривны по сроку алтын, а ныне по два рубля, ефимки были по осьмнадцати алтын, а ныне по восьми гривен; меди пуд был по три, а ныне — по семи и по восьми рублей, олово было не с большим по три рубля, а ныне выше шести руб-

лев; горячая сера была по полтине пуд, а ныне втрое выше продают. Бумага писчая, коя была стопа по восьми гривен, ту ныне продают по два рубля: оконечных стекол ящик покупали по три рубля, а ныне продают по десяти рублев. Колико ни есть заморских товаров, на все наложили они цену двойную, да и тройную, и тем они хошут Российское Царство пригнать к оскудению, и издеваясь над нами, вместо матерьяльных товаров возят к нам разные питья, да похваляют их, то питье честное и весьма похвальное, дабы слыша их такую похвалу, больше у них покупали, и денег бы им больше давали, а нам бы то их питье выпить, да..... а иное и выbleвать; да привозят к нам стеклянную посуду, чтоб нам купив, разбить, да бросить. И нам если заводов пять — шесть построить, то мы все их государства стеклянную посуду наполнить можем.

И того ради весьма надлежит нам себя осмотрить: их Немецких рассказов нам не переслушать; они какую безделицу не привезут, то надседаясь хвалят, чтобы мы больше у них купили, и уже чего не затеют: и пива наваря, да налив в бутылки привозят, да продают бутылку по десяти алтын: а нам мочно на ту бутылку наложить на алтын или на две копейки.

И аще нашим товарам высокая цена устави́тся или не устави́тся, то в воли Монарха нашего; как он поволит, так то и будет неизменно.

А их заморские товары весьма надлежит принимать купечеству нашему по рассмотрению, и по согласию общему, и с воли командира своего, а не по-прежнему, самовольно, и выбирали б, кои товары были прочны и самые были добрые, а плохих отнюдь не принимали, и те принятые товары также делили между собой по количеству своих товаров с общаго совета, чтобы никому и малой обиды не было.

А буде же иноземцы на тот отборной товар еще сверх настоящих цены наложат цену излишнюю, то и того отборного товара с наложением прибавочной их цены не брать бы у них

ничего, но брать по настоящей цене, какова до того от отбирания установилась.

А буде заупрямятся, и давать тех товаров по настоящей цене не похотят, то отказать им: пусть весь свой товар повезут назад, а плохих и непотребных товаров и на полцены отнюдь бы не принимать ни малого числа для того, чтобы они дураками нас не называли, и в товарах наших над нами не издевались бы.

А наипаче таких товаров не принимать, которые куля выпить, да..... или приняв разбить и бросить. Стекланную посуду мочно нам к ним возить, а не им к нам; и всякие товары, кои непрочны и портятся, якоже обшивныя их иноземчeskия пуговицы принимать и на полцены не надобно; понеже пока человек кафтан носит, то обшивныя пуговицы двое или трое переменит. И того ради годствует принимать пуговицы медныя плотныя, кои паяны не оловом, или кои и без пайки, да насажаны на деревянные болвашки, или оловянные серебром посеребряны на жестяных чашках. Такжеде кои вместо стальных привозят визмутовыя пуговицы, то и таких принимать не надобно ж для того, что они непрочны. А принимать самыя прочныя, с коими бы мочно было кафтана два-три износить; буде и стеклянныя черныя, да сделаны на железных самых плотных ушках, то таковые мочно брать; потому что оне весьма потребны, платья не дерут, а к носке прочны, цена им не высокая; буде станут ушки делать у них гораздо плотны, то они партищ пять-шесть переносят.

А и во всяких товарах смотреть того накрепко, чтобы был прочен, и парчи всякие, кои бывають к носке прочны, те и брать, а кои на клею камчицы и атласцы и штофцы, хотя кои и цветны, таковых и на полцены принимать не надобно, и никому бы из таких парчей и платья делать надлежит призапретить; потому что в них деньгам перевод.

И не токмо шелковых, но и гарусных, кои неплотны и к носке непрочны, чулки и парчевые вещи, кои скоро про-

падают, таковых никогда ж принимать не надобно: такожде и линтов, кои весьма тонки и плохи, хотя самую малою ценою не доведется ж брать; но брать те линты, кои весьма плотны, хотя и ценою выше, только б к носке были прочны; и с мишурою битью никаких линтов не принимать; потому что в них никакого проку нет, токмо денежная напрасная трата.

Тakoжде и платков шелковых Немецких и Персидских не надлежит же покупать нам; потому что и в них токмо одна денежная трата, а самая потребности ни полу нужная нет: дать за него рубль или полтора рубля и годом платка два-три истеряет, и на другой год толико ж надобно, и лет в десяток иной щеголь платков с пятьдесят: и хотя по рублю положить платок, то пятьдесят рублей истратит, и на всякий год, и в той безделице из царства тысяч десятка по два-три пропадут, а на утирание носа и на утирание на лице пота гораздо потребнее платки льняные, нежели шелковые; и шелковые только одни хвасты, да иноземцам обогащение.

И если заказ о шелковых платках будет, то никто их не востребует, и будут по-прежнему полотняными платками утираться.

Немцы никогда нас не поучат на то, чтобы мы бережно жили, и ничего б напрасно не теряли: только то выхваляют, от чего б пожиток какой им припал, а не нам. Они не токмо себя, но и прочих свою братию всякими вымыслами богатыят, а нас больше в скудость пригоняют; и того ради надобно нам разумея разуметь о всяких их делах яко о купецких, тако и о военных и о художных делах: не тут то у них правда, что на словах ладогозят; надобно смотреть их на делах, а не на словах, и смотреть презрительным оком.

А кои у нас в России обретаются вещи, яко же соль, железо, иглы, стеклянная посуда, зеркала, очки, оконечная стекла, шляпы, скипидар, робячьи игрушки, вохра, черлень, прозелень, пульмент, то всем тем надобно управляться

над своим, а у иноземцев отнюдь бы никаких тех вещей ни на полцены не покупать.

А и сукон солдатских, мнится мне, у иноземцев покупать не надобно ж, потому что наши Русские сукна аще и дороже заморских станут, обаче тыи деньги из царства вон не выйдут.

Того ради и сукнами нам потребно пронииматься своими же, чтобы те деньги у нас в России были.

И правителем не токмо одних купецких дел, но и градских, надлежит смотреть тою накрепко, чтобы нетребного и непрочнога ничего из-за моря и из-за рубежей в Русь не покупали, но покупали б такия вещи, кои прочны, и коих в России у нас не обретається, или без кои пробыть немочно.

Нам надобно не парчами себя украшать, но надлежит добрым нравом, и школьным учением, и христианской правдой, и между себя истинной любовию и непоколебимым постоянством, яко к благочестивой христианской вере, так во всех делах, и за таковое украшение не токмо на земли, но и на небеси будем славны.

А и сие в купецких людях деется весьма неправильно, еже аще который человек проча себе и детям своим построить палаты, и аще он построил их и одолжась, а соседы и клеветы его вси, вместо ежебы его за то паче первого любить и благодарити, что сделал от бочнаго огня преграду и царственную учинил украсу, вознегодуют на него, и налягут на него тяжелыми податями и службами, и то стало быть дьявольская ненависть: за что было надлежало ему польготить, потому, что он строя палаты изубыточился, а они вместо льготы нападут на него с разорением.

А мнится: не худо бы и Царским указом сие подтвердить, чтобы лет на пять-шесть или и больше построившим палаты в Царских поборах давать льготы, и в те льготные годы службы никаковы не выбирать бы; дабы он поправился, и на то смотря, стали б иначе тшаться палаты строить.

Паки и сие мнится: не весьма право посадские люди многие украшают себя паче меры своей, а жен своих и детей и наипаче того со излишеством украшений, и в том украшении излишнем себя истощевают.

Паки мне мнится — не худо бы расположить, чтобы всякий чин свое бы определение имел: посадские люди все купечество собственное свое платье носили; чтобы оно ничем ни военному, ни приказному согласно не было. А ныне ни коими дела по платью невозможно познать, кто какого чина есть, посадский или приказный или дворянин или холоп чей; и не токмо с военными людьми, но и с царедворцами распознать невозможно.

А мнится быть то самое прямое дело, чтобы не то что от царедворцев или от солдат, но и между собою надлежит им различие иметь.

Первая статья купецкаго чина, кии выше тысячи рублей, даже до десяти тысяч пожитки у себя имеют, тии бо носили на верхних кафтанах от сукна кармазиннаго, кой купуется выше дву рублей, а камзолы луданые и стофные и прочие шелковые парчи, кои без золота, без атласа и без испещрения разных цветов, а разноцветных парчей купечество и на малых своих детей не надевали бы; пуговицы носили бы серебряныя позолоченыя, а позументов бы и снуров золотых и серебряных, ни пуговиц обшивных, отнюдь бы не было и на малых их детях; а покроем надлежит, мнится, всему купечеству иметь: верхние кафтаны были б ниже подвязки, чтоб оно было служивого платья длиннее, а церковного чина покороче, а штаны бы имели суконныя и триповыя, а камчатых и парчовых отнюдь бы не было у них, а на ногах имели бы сапоги, а башмаков тот чин отнюдь не носили же бы, а на головах бы носили летом шляпы, и носили бы их аще и пуховыя, а пол по служивому маниру не заворачивали бы, а зимою носили бы шапки с околыши лисьми и рассомашными, а собольих бы отнюдь не носили. Собольи шапки носили бы гости, да гостинные сотни, кии выше десяти тысяч имут у се-

бя пожитку. А средния статьи, кии имут у себя пожитки ото ста рублей даже до тысячи, то тии бы носили сукна Английския, кии около рубля покупается аршин, а камзолы китайчатые и суконные носит, а пуговицы серебряныя белыя и медныя, паяныя медью и серебром посеребренныя; а на головах летом носили бы шляпы без заломов, а зимою шапки лисьи и бобровыя, а покроем особым от первостатейного купечества, а на ногах — сапоги. А нижняя статья, кии от десяти рублей имеют пожитка только до ста рублей, тии бы носили сукна Русские крашенныя лазоревыя и иными цветами, хотя валеныя, хотя неваленыя, только бы были крашенныя, а некрашенныя носили бы работные люди и крестьяна.

И по одежном расположении аще инем повидится дело невеликое, мне же мнится — велико оно: первее, что чин от чина явен будет, и всяк свою мерность будет знать; другое, что у всякого чина денежныя истраты излишния не будет; третью, что царству наполнение будет немалое.

И платенное расположение, я чаю, что иноземцы вельми будут спорить того ради, что разходу парчам их будет гораздо меньше. И о всем, как воля Его Императорского Величества произыдет, тако и будет; и расположить бы все статьи особливостно, не токмо материяльными статьями, но и покроями, и утвердить бы накрепко, чтобы впредь неподвижно быти. И того ради штрафом подтвердить и страх предложить, дабы никто не держал на изменение предела сего.

У кого пожитку на тысячу рублей есть, тот бы себя не ругал, но благодаря Бога, носил бы достойное платье по пристойнству своему.

А ныне много есть, что тысячи две — три имеют, а ходит в сером кафтане; а у инаго и ста рублей нет, а он носит платье против тысячника; а по прямому, у кого пожитка большого нет, тот бы не тщеславился, но всяк бы свою мерность знал.

И аще у кого пожитку выше тысячи рублей, и он платье по своему достоинству противу своего клеветства носить

не будет, и кто, ведая его пожиток, донесет о нем, то все его пожитки переписать, и аще явятся тысячи на две или на три, то оставить ему ста на два или на три; потому что он сам себе того возжелал, а излишнее все, аще и выше того будет, взять на Великого Государя, а доносителю из взятого пожитку выдать десятая доля.

А буде у кого по смете явится ни с большим на тысячу рублей, тому в пеню не ставить: аще сто — другое или третье явится излишня, и кто доносил, нет ему ничего. А буде сот пять излишня будет, то излишня пять сот или и больше взять на Государя, а ему оставить тысячу рублей или сот пять — шесть.

А кто выше своей меры платью себе сделает, и по доношению тою платью снять, и дать тому, кто на него о том непристойном платью обличит его, и учинить ему наказание, чтобы впредь так он и иные не делали, и себя бы не убытчили.

И аще сие дело не великое, а царственному обогащению будет великая помощь: никто излишняго тратить не будет.

И аще воля Великого нашего Монарха на сие дело произыдет, то надлежит закрепить штрафом великим и страхом немалым, дабы не токмо в городех, но и в путях ездили бы в определенном своем платью.

А буде кто оденется не своего чина одежою, то наказание чинить ему жестокое, а по людям смотря, надлежит и разыскать, а наипаче, аще крестьяне да уберутся людьми боярскими или самыми дворянами или солдатами, то уже явно, что хошет идти на легкую работу — на разбой.

В одеждах так бы хорошо устроить, что не то, чтоб по верхнему платью или по исподнему, но и по рубашкам все бы были знатны, кто какого звания есть.

И по такому расположению все чины будут явны, и никто волгатись во иной чин не может; а мне видится, от такого порядка и азарничества поубудет; ныне бо многие поубравшись по-солдатски, ходя по улицам, чинят, что хотят, а никто при-

стать к ним не смеет: мнят быть их прямых солдат, наипаче кии убираются подобием Преображенских или Семеновских солдат, и тако творя, наносят слово на прямых солдат недоброе.

А если бы все чины были расположены, то аще бы кто и поазарничал, то положил бы порок на свой чин, а и сыскивать бы скоро мочно было, кто азарничает.

И не худо бы расположить какими знаками и полки все как солдатские, так и Драгунские, чтобы всякий солдат и драгун знатен был, коего он полку.

И аще все чины повадится расположить трудно, то хотя б то учинить, чтобы мочно было знать, кто идет или едет, господин ли или раб; обаче о всем сем како воля Божия и Его Императорскаго Величества произыдет, так и может быть.

И сие вельми потребно, еже бы то учинить, чтобы никто выше меры своя одежд и всяких украшений не строили.

А наипаче монахом шелковыя одежды носить неприлично; а сие весьма непристойно, еже носят они рясы луданья, атласныя и штофныя; они бо уже мира сего отреклися, и яже суть в мире, и миру подобает от них отреченну быть: они живые мертвецы, они токмо Богу живы, а миру мертвы суть: и того ради ни малаго убрания не подобает им не токмо в одеждах иметь, но и во всяких вещех украшати себя светскими украшеньми не надлежит, но подобает им украшати себя святым житием и всякими добродетельми, паче же смиреннием и из монастыря неисхождением. Им по чину своему подобает носить самое простотное одеяние, от волны сотканное, а и покрой рясам их надлежит быть мешковатой, чтобы и в том украшения ни малого какого не было.

А исподы носили б самые смиренные овечьи, а собольих, и кунных, ни лисьих, ни белых, отнюдь бы не носили; ибо на худой конец, что они по всей России на всякой год тысяч десятка по два — три в том украшении истратят, и тая трата самая непотребная: ни она царству украшение, ни она миру

увеселение, то токмо тщеславие и к б... цам присвоение, и иного ничего в том украшении несть, кроме греха.

И аз не вем, како у них на сие рассуждение будет, а мое мнение тако лежит, что отнюдь им не то что одежд, но и опушки шелковые не подобает им иметь. Чернец — мертвец. И от пьянственного питья подобает им весьма удаляться, и между мирскими людьми не шататься, и в деревнях монастырских управителями не подобает им быть, но токмо знать им монастырь, да святую церковь, и келлий своих никаковым украшением не украшати, а не худо, чтоб и стен не тесати, и в келлиях своих не токмо хлопцев молодых при себе держати, но и родных своих детей отнюдь при себе не надлежит имети.

У инока инако всякому делу подобает быть: у инока ни отца, ни матери, ни детей, ни сродников нет, кроме единого Бога. Им пища сладимая и приправная и маслом гораздо усмаженная не весьма подобает ясти. А егда случится торжественный день, то и тогда ради разрешения маслица положить самую малую часть, дабы не весьма уж усладило; такожде и на питие разрешить от самые ж малые части, чтоб пьянства в себе не почувати.

Чернецу непрестанно подобает быть в молитве, да в труде и в непрестанном богомыслии. Им так надобно жить, что он весь был в Бозе и Бог бы в нем неизходно, и не токмо ему сладостныя яствы ясти или по люторску мясу коснуться, но и рыбы, кроме разрешенных дней, не подобает вкушати. Вся бо та в мире суть, а не монастыре, и егда на рыбу разрешено, то и рыбу не весьма усмаживать маслом и иными приправами, но варить ее просто и, кроме соли никакой потравы в нее класть не весьма потребно; в монастыре токмо труд и алкание, а не роскошь какая. И того ради называется равноангельское житие их, потому что непрестанно в церковном пении и в келейном правиле и в постех и молитве пребывают и в богомыслии.

И в монастырех каков труд и воздержание всей братии, таков и архимандриту, и пища какова все соборным и работным инокам, такова и самому архимандриту. И в таком бытии самое будет братство, такожде и одежда у всех бы была безукрасная и ничем одежда от одежды не отмеченная; и тако бы они в монастыре трудились, чтоб никто посторонний человек познать не мог, кто какого чина есть.

Христос, дая нам образ, будут на земле, платья украшенного и изменного не имел, и яко Сам едину ризу имел, тако и прочим ученикам своим повелел единокоризным быти.

А и пищу Христос требовал простую без приправ (Лук. гл. 1, зач. 54): егда бо пришед в весь посетит Лазаревых сестер, и Мария села при ногу Иисусову слышаше словес Его, нача про Христа припасать ядь со учреждением. Господь же похвалил Марию, коя о пище не пеклася, но седше, слушаше словес его Господних, а Марфе рек: Марфо, Марфо, печешися о мнозе, едино же есть на потребу. Яве есть, яко повелел ей припасти то, чем мочно человеку сыту быть. Тако и инокам токмо припасать, чем мочно человеку сыту быть, и есть надобно не чрез сытость, чтобы не отяготить себя, и имения иноку никакого не подобает имети.

И в такомом житии могут они слыть Евангеликами, понеже они никаковыя утехы себе, кроме Бота, не имеют; всегда пребывают в посте и в молитве, и мяса не вкушают, и никакими сладкостями не услаждают себя, и яко Христос жил, тако и они живут, и живут житие безженное, а мнози в них обретаются и девственники; итого ради весьма им надлежит слыть Евангеликами.

А люторы, я невим, с коего разума называются евангеликами: они живут... а не евангельски: мясо едят...

И ради всенародного охранения надлежит не одних иноков, но и купечество от лишнего пиянства и от роскошного жития повоздержать; наипаче надлежит запретить от заморских питей, чтобы сами не пили и в гостинцы никому бы

не носили: а чаю, не худо бы и приказным людям и служивым и прочим всякого чина людям прикрепить, чтоб и они в заморских питеях не касались, и денег бы напрасно не теряли. Буде кто похочет прохладиться, то может и Русскими питеями забавиться, а не то что покупаючи пить, но и приносяго никакого заморского питея не поваживались бы пить. И буде кто учинить и пиршество, аще и про высокие персоны, а заморских питей и духу бы не было, кроме табаку, (а табак не худо бы в Руси ж завести сеяти и строить его по-заморски, как у них водится, чтобы и на табак деньги из Руси напрасно не тратились), но чем Бог нашу страну наполнил, тем надлежит и честноватись.

И иноземцам то прилично питее свое заморское во домех своих держать и кого не похотят поить им хотя Рейнским или алканом, но хотя Венгерским безденежно; а на деньги буде продаст много или мало, брать штраф сторичный — за копейку по рублю, а за рубль по сту рублей, а достальное питее, колико у него не сыщется, взять на Великаго Государя.

А буде кто и иноземцев позовет к себе в гости, то потчивали б своими питеями, а на заморские питея отнюдь никакого числа денег не тратили бы, но токмо заморские питея покупали бы одни сенаторы, да из Царского Синклита, кои самые богатые люди, обаче с рассуждением же бы, чтобы деньгам не весьма истратно было.

Разве к кому случится пришествие Царского Величества, то уже тут нет предела — идеже Царское пришествие, тут и закон изменяется.

Нам от заморских питей кроме тщеты и богатству нашему Российскому препятая и здравию повреждения инога несть ничего, и дадим мы из Российского царства за него червонные, да ефимки и иные потребности, без коих им пробыть не можно, и от чего они богатство себе приобретают, а от них иноземцев примем мы то, что выпита да... и на землю

вылить, а иное выблевать, и здравие свое повредить, а и веку своему пресечение учинить.

А нас Россиян благословляя, благословил Бог хлебом и медом и всяких питей довольством: водок у нас такое довольство, что и числа им нет; пива у нас предорогие и меды у нас преславные вареные, самые чистые, что ничем не хуже Рейнского, а плохого Рейнского и гораздо лучше. Есть же у нас и красные питья, каразин и меды красные ж вишневые, малиновые, смородинные, костяничные и яблочные.

И аще заморские питья оставить, а повелеть строить меды разными видами, различными искусствами, и продавать их из-австери; то так их настроят, что больше заморских питей их будет.

А аще и табачные заводы завести в России, и ради доброго в нем управления, чтоб он был ничем не хуже заморского, добыта мастера доброго, чтобы научился строить по-заморски, то так нам мочно его напасти, что и кораблями за море мочно нам его отпускать, и если в Руси его строить, то выше копейки фунт его не станет, а заморского выше десяти алтын фунт покупают, а сеять его места у нас много. Нам так мочно его размножить, что миллионная от него прибыль будет; а на каких землях он родится, таких земель у нас премножество, мочно нам или его сеять во всех понизовых городах, а наипаче в Симбирску, на Самаре, на Пензе, на Инсаре, на Ломове, во Мченске, на Саратове, на Царицыне, и в Астрахане, и на Воронеже и во всей Киевской стране и в тех городах мочно его на каждый год по тысяче тысяч пуд наплодить его.

И аще он в Руси заведется и размножится, то те все деньги, кои за него за море идут, все останутся у нас в Руси. А если за море будут отпускать, то будут деньги и к нам от них возвращаться.

И аще и табак в Руси заведется, то кто сколько каких питей Русских и табаку ни выпьет, все те деньги из царства вон не выйдут, а заморские питья покупать ничем же лучше то, что деньги в воду метать.

Обаче, по моему мнению, лучше в воду деньги метать, нежели за море за питье их отдавать; из воды колико ни есть либо кто и добудет, а из-за моря данные деньги за питье никогда к нам не возвратятся, но те деньги из царства уже погибли.

А самого ради лучшего царственного пополнения надлежит и прочие заморские товары с рассмотрением покупать, ибо те токмо надлежит товары покупать, без которых нам пробывать не мочно, а иные их Немецкие затейки и прихоти их мочно и приостановить, дабы, напрасно из Руси богатства не тасили; на их мягкие лестные басни и на всякие их хвасты нам смотреть не для чего. Нам надлежит свой ум держать, и что нам к пополнению царственному потребно и прибыльно, то надлежит у них покупать, а кои вещи нам не к прибыли, или кои и непрочны, то тех отнюдь у них не покупали б.

И аще мочно так учинить, еже бы в Санкт-Петербурге и в Риге и в Нарве и у Архангельского города, приезжие иноземцы товаров своих продавали с кораблей, аще большими статьями, аще, и малыми, обаче с кораблей бы продавали, а в амбары и на дворы не сторговав и пошлин не заплатя не выгружали бы, а кои товары их за непотребность или за высокость цены не проданы будут, то те товары, не вынимая из кораблей, назад к себе за море повезли бы, а у нас бы отнюдь не оставляли их.

И аще тако состоится, то иноземцы будут к нам ласковее, а прежнюю свою гордость всю отложат. Нам о том вельми крепко надобно стоять, чтобы прежнюю их пыху в конец сломить, и привести бы их во смирение, и чтобы они за нами гонялись.

И аще в сем мы можем устояти еже бы товаров незапроданных в амбары наши им не складывать, то станут они гораздо охотнее те свои товары продавать, а пошлина уже будет со всего товара взята сполна, а на перевод по-прежнему уже переводить не станут.

И хорошо бы в купечестве и то учинить, чтобы все друг другу помогали, и до нищеты никого не допускали. Аще своими деньгами не могут его оправить, то из Царские бы сборные казны из ратуши давали им из процента на промысл, смотря по промыслу его, дабы никто промышленной человек во убожество великое от какого своего упадка не входил.

И аще в купечестве тако будет строиться, то никогда они не оскудеют, но год от года в промыслах своих будут расширяться, и Бог их за такое братолюбие, благословляя благословит, и во всем им подаст угобжение и душевное спасение.

О крестьянстве

Крестьянское житие скудно ни от чего иного, токмо от своая их лености, а потом от нерассмотрения правителей, и от помещичья насилия, и от небрежения их.

Аще бы Царского Величества поборы были расположены по владению земли их, колико кой крестьянин на себя пашет, и поборы собирали бы с них в удобное время, а помещики их излишнего ничего с них неимали, и работы бы излишние не накладывали, не токмо и подать свою и работу налагали по владению земли их, и смотрели бы за крестьянами своими, чтоб они, кроме недельных и праздничных дней, не гуляли, но всегда б были в работе, то никогда крестьянин весьма не оскудеет. А буде кой крестьянин станет лежбочить, то бы таковых жестоко наказывали, понеже кой крестьянин изгуляется, в том уже пути не будет, но токмо уклонится в разбой и во иные воровства.

Крестьянину надлежит летом землю управлять неоплошно, а зимою в лесу работати что надлежит про домашний обиход или на люди, от чего бы какой себе прибыток учинить.

А буде при дворе своем никакой работы пожиточной нет, то шел бы в такие места, где из найму люди работают, дабы

даром времени своего не теряли. И тако творя никакой крестьянин не оскудеет. «...»

А и сие не весьма право зрится, еже помещики на крестьян своих налагают бремена, неудобь носимые; ибо есть такие бесчеловечные дворяне, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сенокосную пору всю и потеряют у них; или что наложено на их крестьян оброку или столовых запасов, и то положенное забрав, и еще требуют с них излишнего побору, и тем излишеством крестьянство в нищету пригоняют; и который крестьянин станет мало мало посытее быть, то на него и подати прибавят. И за таким их порядком крестьянин никогда у такого помещика обогатится не может, и многие дворяне говорят: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя, царство пустошат; понеже так их обирают, что у иного и козы не оставляют. От таковые нужды дома свои оставляют и бегут иные в Понизовые места, иные ж и во Украинные, а иные — ив зарубежные; тако чужие страны населяют, а свою пусту оставляют. А чтобы до того помещикам дела, что крестьяне богаты, лишь бы он пашни не запустил; хотя бы у него и не одна тысяча рублей была, только бы не воровал, и без явочно не торговал: что крестьяне богаты, то бы и честь помещику.

Крестьянам помещики невековые владельцы; того ради они не весьма их и берут, а прямой их Владетель Всероссийский Самодержец, а они владеют временно.

И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их Царским указом хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство — богатство Царственное.

И того ради мнится мне: лучше и помещикам учинить расположение указное, по чему им с крестьян оброку и иного чего имать, и по колику дней в неделю на помещика своего работать и иного какого сделья делать, чтобы им сносно было

Государеву подать и помещику заплатить, и себя прокормить без нужды. Того судьям вельми надлежит смотреть, чтобы помещики на крестьян излишнего сверх указу ничего не накладывали, и в нищету бы их не приводили.

И о сем яко высоким господам, тако и мелким дворяном, надлежит между собою посоветовать о всяких крестьянских поборех помещичьих и о сделье, как бы их обложить с общего совета и с доклада Его Императорского Величества, чтобы крестьянству было не тягостно, и расположить именно по чему с целого двора и по чему с полу-двора или с четверти или с осьмья доли двора иметь денег и столовых запасов, и поколику с целого и не с целого двора пашни на помещика своего вспахать и хлебом засеять и сжав обмолотить: такожде и подводы расположить по расположению дворовому, чтобы всем по владению земли было никому ни перед кем не обидно, и чтоб Государевы поборы сносно им было платить сполна без доимки. И како о сем с общего совета изложится и указом Его Императорского Величества утвердится, и тако аще нерушимо будет стоять, то крестьянство все будут сыти, а иные из них обогатятся.

Я, истинно, о сем много размышлял, како бы право крестьянские поборы с них собирать, чтобы Его Императорскому Величеству было прибыльно, а им бы было нетягостно, и се-го здравее не обретох: что прежде расположить крестьянские дворы по владению земли им данные, чем кой владеет, и колико он на той своей земле хлеба высеет про себя.

Я неvem, чего господа дворяне смотрят: крестьянами владеют, а что то именовать крестьянина не знают, и почему числит двор крестьянской ничего того не разумеют, но токмо ворота, да городьбу числят; а иные дым избной считают. И яко дым на воздух исчезает, тако и исчисление их ни во чтожность обращается. А и во счислении душевном нечаю ж я проку быть; понеже душа вещь неосязаемая и умом непостижимая и цены неимущая: надлежит ценить вещи

грунтованные. В душевном следовании труда много подъято, а казны, чаю, тысяч десятка два-три истощилось на него, обаче чаю я, что она вся туне пропала, и груд весь ни во что; ибо побор сей несостоятелен, а в чесом надлежит прямо неподвижной прибыли искать...

А о крестьянех, мнится мне, лучше так учинить: егда кой крестьянин повыток свой сполна помещику своему заплатит, то уже бы никакой помещик сверх уреченного числа ни малого чего не требовал с него, и ни чем бы таковых не теснил, токмо смотрит за ним, чтоб он даром не гулял, но какую мочно к прокормлению своему работы бы работал. И от такового порядка, кои разумные крестьяне, могут себе и хорошие пожитки нажить.

А буде кой крестьянин хлеба напахав, да станет гулять, и впредь ничего не станет запасать, и таковых, не токмо помещикам или прикащикам, но и сотским надлежит за ними смотреть и жестоко наказывать, чтобы от лености своей в скудость не приходили, и в воровство бы, ни в пьянство не уклонялись.

Крестьянам и радетельным разорение чинится не малое и от того, что дворового расположения прямого у них нет: кои сильные помещики, те пишут дворов по пяти и по шти и по десяти в один двор, то тем легко и жить; а кои средние могуты, те дворы по два и по три вместе сваливают, а одними воротами ходят, а прочие ворота забором забирают, то и тем крестьяном не весьма тягостно; а кои бедные и беспомощные помещики, то у тех крестьян все дворы целыми дворами писаны. И от такового порядка тыи крестьяне от несносных поборов во Бесконечную нищету приходят; а богатые и сильные бояре своих токмо крестьян оберегают от поборов, а о прочих не пекутся.

И ради основания правды надлежит первее уставить в крестьянстве, что то именовать двор и что полдвора или четверть или осьмая доля двора.

Я сему вельми удивляюсь, что в Российском царстве премногое множество помещиков богатых и судейством владеющих, а того не могут сделать, чтобы собравшись посоветовать и уложить, что тот крестьянской двор именовать или полдвора или четверть двора, и почему бы разуметь целой двор или без четверти или с четвертью двор?

В Москве в посадских слободах аще и мужики живут, обаче у них разумно учинено: кто на целом дворе живет, тот с целого двора и платит, а кто на полудворе или на четверти, то с того и тягло платит.

А у крестьян писцы и перепищики ворота числят двором, хотя одна изба на дворе, хотя и с пять-шесть или и с десять, а пишут двором же. И то стало бы не разум, но самое безумство и всесовершенная неправда, и убогим и маломочным обида и разорение.

По здравому рассуждению надлежит крестьянскому двору положить рассмотрение не по воротам, не по дымам избным, но по владению земли и по засеву хлеба на том его владении.

По моему мнению, аще у коего крестьянина целой двор, то надобно ему земли дать мерою толикою, чтобы ему мочно было на всякий год высеять ржи четыре четверти, а ярового осьм четвертей, а сена накосить ему про себя двадцать копен.

А буде коему крестьянину отведено земли, что и четверти ржи на ней не высеет, то того двора не надлежит написать, но разве шестою долею двора: и тако всякому крестьянину числить дворы по количеству земли надлежит.

А буде ж кой крестьянин могутен, а земли ему от помещика отведено малое число, и он мочью своею наймет земли у иного помещика, и на той наемной земле высеет хотя четвертей десять, или больше, и тоя земли к дворовому числу не причитать, и Государевой подати никакой с той наемной земли не платить; потому что с тоя наемныя земли будет платить помещик, который тою землею владеет; тако ж поме-

щику своему ничегож с тоя пашни не платить же, а платить тому помещику по договору деньгами или снопами, у коего ту землю нанял.

А буде кой помещик видя коего крестьянина семьяниста и лошадиста, даст ему земли со удовольствием что высевать, а он будет четвертей по десяти на лето ржи, а ярового по двадцати, а сенокосу отведет ему на пятьдесят копен, то с такого крестьянина мочно брать как Его Императорского Величества, так и помещику с полутретья двора. И тако все дворы расположить не по воротам, ни по дымам, но по владению земли и по засеvu их на отведенной им земле.

И аще тако во всей России устроено будет, то ни богатому ни убогому обиды ни малые не будет, но всякой по своей мочи, как Великому Государю, так и помещику своему будет платить.

И ради охранения крестьянского от помещиков их надлежит и в помещичьих поборах учинить по земле же, и чтоб больше положенного оклада отнюдь на крестьян своих не накладывали. И тако яко в Государевых поборах, тако и в помещичьих, будет им сносно. И по такому расположению и помещикам дворов крестьян своих таить по-прежнему не для чего; потому, буде кто дворы свои целые полудворами или четвертьми или осьмушками напишет, то и сам помещик не может уже с них больше того взять; ибо всякой крестьянин на чем будет жить и чем будет владеть, с того будет и платить как Царю, так и помещиком своим. И буде кой помещик напишет дворы целые полудворами или и меньше полу дворов, и Царские поборы платит против письма, а себе станет с них имать с целых дворов, и кто про то уведомится посторонний человек, и донесет о такой его неправде судьям, то те дворы и со крестьяны отдать тому, кто известил. А буде крестьяна непохотя лишнего помещикам своим платить и донесут судьям, то того крестьянина, кой доведет, дать волю, да за довод — пятьдесят рублей денег. А которые крестьяна ведали,

что помещик их берет с них излишние поборы, а умолчат, то тех крестьян бить кнутом, колико ударов уложено будет.

И аще кой помещик на целый двор или на полдвора или на четверть двора посадит дворового человека или делового или бобыля или полонника, то кто бы он ни был, а плату дворовую имать с него по владению земли неизменно.

И тако как крестьяне, так и дворовые люди, будут Великому Государю данники, и платеж им тягостен не будет, потому что платеж их будет по владению земли, определенной при дворе. И таким порядком интерес Его Императорского Величества вельми будет множится.

И аще по всей России тако устроится, и поборы с дворового числа легкостнее будут; а по древнему порядку от побору иные в конец разоряются, а иные даром живут.

По моему мнению, Царю паче помещиков надлежит крестьянство беречи; понеже помещики владеют ими временно, а Царю они вековые, и крестьянское богатство — царственное, а нищета крестьянская — оскудение царственное.

И того ради Царю яко великородных и военных, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто в убожестве не входил, но все бы по своей мерности изобильны были.

И аще по вышеписанному крестьянские дворы управятся, то каково за сильными люди будет крестьянам жить, таково и за самыми убогими быть, и к прежнему бегать крестьянам будет уже не для чего, потому что везде равно будет жить.

И у коего крестьянина двор целой и меньше или больше двора, обаче в селитьбе строили бы по два двора гнездами, и между ними по два огорода... И аще тако устроены будут деревни, то во время огненного запаления никакая деревня вся не выгорит.

А буде кой помещик будет на крестьян своих налегать, и наложит сверх указанного числа, или излишнюю работу наложит, и аще те крестьяне дойдут до суда, и у такого помещика тех крестьян отнять на Государя и землю; то на то

смотря и самый ядовитый помещик сократит себя, и крестьян разорять не станет.

А буде кой судья по доношению крестьянскому о виновности помещиковой сыскивать не станет, и отошлет их к старому их помещику, или и сыскивать станет, да будет во всем помещику наровить, а на крестьянина вину валить, и аще те крестьяна дойдут до вышнего суда, и вину на помещика своего изъявят, и судейскую вину предложат, то тот судья не токмо пожитков, но и живота своего лишится.

И тако злый зле погибнет, а праведный судья за праведный свой суд настоящих благ насладится, и грядущих не лишится во веки веков. Аминь!

ПРАВОУЧЕНИЯ ЖИЗНИ ДОБРОГО КРЕСТЬЯНИНА И РУКОДЕЛЬНИКА

ТАТИЩЕВ Василий Никитич
1686 — 1750

Выдающийся русский ученый-энциклопедист — историк, географ, этнограф, философ, лингвист и многое прочее, оставил после себя опубликованный уже посмертно незаурядный труд по экономике русского хозяйства, продолжающий традиции домостроительства в лучших их проявлениях — нестяжательство, трудолюбие как добродетель, попечительная забота о крестьянах. Не тот счастлив, кто имеет много денег, или несчастлив, у кого их нет, а тот, кто живет трудом согласно своему достатку, довольствуясь малым, презирая роскошь. «Нравоучения жизни» Татищева безусловно имеют корни в «Домострое», однако автор его не повторяет, а воспроизводит творчески, внося немало собственных соображений.

Каждый день необходимо всякой доброй крестьянин должен поутру встать зимою и летом в 4-м часу по полуночи, обутыца, одетыца, умытыца, голову вычесать, отдать Богу долг, принести молитву, потом осмотреть свою скотину и птиц, накормить, клевы вычистить, коров выдоить, после того делать разную по времени надлежащую работу до 10-го часу; а потом обедать, а в 12-м часу поить всякий скот и птиц и доить коров; а сделав то, взять роздых, летом до 4 часу пополудни, потом надлежит умытыца и ужинать; а в 5-ть начать

производить с поспешением надлежащую работу до 10 часу пополудни; после того должно убрать с поля скотину и птиц, коров выдоить, а в ночь летом корму не давать; сделав оное, отблагодаря Бога, спокойно может спать. Зимую же работу производить таким же образом с разделением тем: обедать в 12-м часу, ужинать в 9 часу пополудни, по холодному времени, кроме 12 часу, весь день производить работу; в субботу пополудни итти в баню, где обрезать ногти у рук и у ног. А в воскресенье, торжественные праздники, кроме пустых крестьянских, должны быть в церкви, слушать божественную литургию в белых рубашках и во всяком опрятстве. Доброй хозяин должен стараться иметь чистые хорошие постели из перья, дабы от скота иметь различие в своем покое; в дому истреблять всякую гадину, которая родится единственно от нечистоты, также и от духу всякой той пищи, которую мы употребляем, и для того по обеде и ужине надлежит тотчас хлеб и прочие съестные припасы выносить вон в нежилое место, избу тотчас вымести. Всякая крестьянка должна уметь хлебы печь добрые, делать квасы хорошие, стряпать разное кушанье; в саду хозяйка должна иметь фруктов и овощи всякие: яблоки, груши, вишни, сливы, малину, смородину, рябину, черемуху, капусту, огурцы, лук, чеснок, хрен, редьку, брюкву, репу, морковь, горох, бобы, пущарнак, петрушку, грибы, всякие ягоды, картофель; и тем может чрез всю зиму хорошо себя довольствовать и различить себя от скотской пищи. В летнее время делать сыры молошныя, пахтанное масло ибо способно употреблять во время работы летом по неимению случая варить пищу от поспешности в работе. Каждой человек, которой ежечасно упражняется в работе, тот всегда здоров и бодр; а которой спит довольно, ест много, тот ежечасно себя подвергает болезни. При том то ведать надлежит: летом меньше есть, а чаще пить, а зимою больше есть, а меньше пить, то никакой болезни знать не будет; чрез силу не пей и не ешь и спать не ложись, когда

не хочешь. Каждый крестьянин должен иметь у себя 2 лошадей, 2 вола, 5 коров, 10 овец, 2 свиньи, гусей старых две пары, кур старых 10; а кто будет иметь больше, то заслужит больше себе похвалы и тем докажет доброе свое хозяйство и домоводство. Должен иметь посуду ценную, блюда, тарелки, ножи, вилки, оловянные ложки, солонки, стаканы, скатерти, полотенца, шкафы или поставцы, малинковое зеркало, деревянные стулья, жестяные шандалы, свечи сальные, железные половники и ковши; а кто всего вышеписанного в доме своем иметь не будет, таковых отдавать другому в батраки без заплаты, который будет за него платить всякую подать и землю его владеть, а его ленивца будет иметь работником, пока он заслужит хорошую похвалу.

И для того всякий крестьянин детей своих должен в великом страхе содержать, ни до какой праздности не допускать, и всегда принуждать к работе, дабы он в том взял привычку и, смотря отца своего неусыпные труды, себя к тому приучать мог. Праздность человека приводит в воровство и разбои, от чего после навеки должен будет пропасть душою и телом. А дабы каждой праздности в младости не был, то должен он отдать его какому-нибудь художеству или рукоделью учитьца, от чего всегда интерес свой получить может; а навившей пункт — учить грамоте и писать, чрез что познает закон и страх Божий, хотя тем может назваться истинным человеком и различить себя от скота. В случае же недорода хлеба никакой доброй крестьянин, льстясь на барыши, хлеб продавать не станет, для того, польстясь на самый малый барыш, продаст хлеб, а при крайней нужде не токмо на ссуду другому, но и самому за великие деньги достать будет невозможно; от чего принужденным себя найдет, оставя свой дом, скитаясь, странствовать и без призрения жизнь свою окончить. В таком случае должен он без утайки о своем хлебе объявить своему приказчику, который, сыскав к тому разные способы, к продовольствию их употреблять будет; и тем

сохранитьца может целое их жилище без всякого разорения и убытка. «...»

Конец желаниям нашим ненасытным в свете главный пункт — деньги: не тот богат, кто их имеет много и еще желает, и не тот убог, кто их имеет мало, мало же скорбит о том и не желает, а богат, славен и честен тот, кто может по пропорции своего состояния без долгу век жить и честь свою тем хранить и быть судьбою довольным, роскоши презирать, скупость в доме не пускать. Советую всякому жителю сего света оставлять от годового своего дохода по крайней мере пятую часть денег для нечаянных приключений: например, в случае недорода хлеба в прокормлении крестьян, в падеже скота и пожара; притом сделать разоренному вспомошествование, увечному подаяние, больному на исцеление, попу и доктору за труды и на погребение бедного своего трупа, дабы оставшим тягости не навести преселением своим в вечное жилище и не оставить от обидимых слез о себе, вопиющих на небо. Сохраняя все то, укрепит Бог чад его. «...»

Всего наивышше смотреть надлежит, дабы летом во время работы не малой лености и дальняго покою крестьянам происходить не могло. Кроме одних тех праздников, которые точно положены и освобождены от работы, не торжествовать; понеже ленивые крестьяне ни о чем больше не пекутца, как только узнать больше праздников. И для того работу производить, начав с вечера, ночью и поутру, а в самое жаркое время отнюдь не работать, ибо как людям, так и лошадям оное весьма вредно. А имянно: до 10 часу по полуночи производить летом работу, а от 10 часу до 4-го пополудни самой жар иметь свободу. И всякий скот и птиц на жар не пускать, а иметь в хлевах... И необходимо во время работы с крестьянами старосте и приказчику с великою строгостью и прилежностью обращаться надлежит, пока хлеб весь с поля убран будет, как помещиков, так и крестьянской. Работу ж производить, сделав сперва помещичью, а потом принуж-

дать крестьян свою, а не давать им то на волю; как то есть в худых экономиях, то не смотря за крестьянскою работою, когда они обращаются к собственной своей работе, понеже от лености в великую нищету приходят, а после произносятся на судьбу жалобу. Когда ж убран будет с поля весь хлеб, то староста и приказчик не имеет их больше к работе принуждать и должен им дать покой несколько времени; а за труды их, выбрав свободный день и собрав, всех напоить и накормить из боярского кошту. А в зиму ревизует художников, что кто сделал для своей продажи и не были ль праздно; понеже от праздности крестьяня не токмо в болезнь приходят, но и вовсе умирают, спят довольно, едят много, а не имеют муциону; доброму старосте и приказчику всего того смотреть надлежит, ибо за хорошее смотрение должны получить хорошую заплату, а за нерадение штраф или наказание. Он должен смотреть, чтоб каждой крестьянин, муж с женою, имел у себя лошадей работных 2-х, быков кладеных двух, боровов 5, овец 10, свиней 2, гусей старых две пары, кур старых 10; а кто пожелает иметь больше, дозволяется, а меньше вышеписанного положения отнюдь не иметь. Крестьянин не должен продавать посторонним хлеб, скот и птиц лишних, кроме своей деревни, а когда купца нет, то должен купить помещик по вольною ценою; а когда помещик купить не захочет, тогда вольно продать постороннему. А кто без ведома продает или к работе ленив будет, тех сажать в тюрьму и не давать хлеба двое или трое сутки. А особливо вражды, ссор и драк между собой не иметь под жестоким наказанием; а жить согласно и единодушно без всякой зависти во всяком дружелюбии, одному другому во всем вспомоществовать и друг другу быть покорным по закону Божию. А кто в том виновен явитца или каким себя злодеем окажет, то штрафовать денежным штрафом и сверх того чинить наказание, не давать пить и есть время, смотря по вине, до трех дней. Приказчик же ни под каким видом не должен иметь присевок

или пашню, кроме своего дохода, положенного от помещика, а может держать скот на барском корму, сколько ему позволено будет; а лутче содержать приказчика деньгами. Крестьян в чужую деревню в батраки и пастухи не пускать и в свою не принимать; вдов и девок на вывод не давать под жестоким наказанием; понеже от того крестьяня в нищету приходят, все свои пожитки выдают в приданые, и тем богатятца чужие деревни. В своей деревне между собой кумовства не иметь, затем чтоб было можно женитьца. Крестьян старых и хворых мужеска и женска полу по миру не пускать, а определять их в домовую богадельню, которых поить и кормить боярским коштом. Приказчик должен иметь годовой ежедневный журнал, что когда делано и зачем когда работы не было. На барском дворе иметь каждую ночь караульщиков по 3 человека с рогатинами. Если паче чаяния в случае недорода хлеба или в дороговизне должен всякой приказчик у крестьян весь хлеб собственной заарестовать и продавать им запретить; дабы они в самую крайнюю нужду могли тем себя пропитать, чрез что можно их удержать в случае самой крайней нужды от разброду. Впрочем, и то доброму приказчику и старосте наблюдать должно и ежегодно готовить надлежит к довольствию и прибыли своего помещика, а именно: яблоки, груши, дули, сливы, вишни, смородину, малину, бамбарис, крыжовник, клубнику, чернику, клюкву, бруснику, землянику, орехов, рябину, черемухи, сельцерей, петрушки, пустарнаку, бобов, картофелю, репы, моркови, хрену, зеленого гороху, редьки, тыквы, арбузов, дыней, капусты, огурцов, свеклы, луку, чесноку, разных салат, артишоков и всяких трав: мяты, шалфей, полыни, безелики, мариам, спаржи, грибов, груздей и рыжиков, сосновыя шишки, можжевеловые ягоды и всякие тому подобныя, которое, смотря по времени, в погребах свежее хранить, а прочее сушить, солить, и разными способами; а ягоды и всякие фрукты водкою наливать, дабы ништо, произращенное от Бога, данное нам в пищу,

втуне по нашей лености пропасть не могло. Естли ж в чем потребно надобности в дому состоять не будет, то все оное можно будет продать, а хотя и крестьянам отдать весьма полезно. «...» Не менее ж и то знать надлежит, каким образом из всякого хлеба по крайней мере семь ведр доброго вина вытти могло; в том предосторожности зачат те: всякого хлеба зерны должны быть сырмомолотные обращаемы в солод, который смолоть мелко, положи в чан, налить горячею водою, спустить сусло в другой чан, и промыть тот солод горячею водою раза три, и собрать все то в один чан, куда положить дрожжей: на каждую четверть солода по ведру; закрыть плотно, штоб дух не выходил, квасить десять дней; при том смотреть, штоб работные люди сусло не пили и траты не было. Почасту надлежит трубы и кубы чистить, штоб вино было чисто и без всякого запаху; а дрожжи разводить суслом, сколько возьмешь из бочки дрожжей, толикое число положить должно в дрожжи сусла, будет беспереводно; одним словом сказать: из всякой кислоты заквашенной дрожжами, вино быть может, если взять какие-нибудь ягоды, и налить водою, и положить дрожжей, и как крепко закиснет, оной морс двоить чрез куб, будет вино. А барду и всякую гущу употреблять должно рогатому скоту и птицам...

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО

СУМАРОКОВ Александр Петрович
1717 — 1777

Домостроительство состоит в приумножении изобилия. Многие превозносятся прехвальным именем Домостроителя и заслужили себе похвалу; но рассмотрим, похвалы ли они достойны или чего иного, и в чем состоит домостроительство, а паче, какая от него истинная польза. На первое услышу я сей ответ: дабы умножены были тщанием хозяина прибытки; на второе: дабы тем обогатилось государство. Чьи прибытки? ежели только единого хозяина, так это только ему единому разрешение вина и еля, а крестьянам его сухоядение; а польза государственная, или паче общественная, умножение изобилия всем, а не единому; почему ж называют тех жадных помещиков экономами, которые или на свое великолепие, или на заточение злата и серебра в сундуки сдирают со крестьян своих кожи и коих мануфактуры и прочие вымыслы крестьян отягощают и все время у них на себя отъемлют, учиняя их невинными каторжниками, кормя и поя, как водовозных лошадей, противу права и морального и политического, единственно ради своего излишнего изобилия, раздражая и Божество и человечество. Блаженство состоит во спокойствии духов. Что приятнее Богу и государю: то ли, когда господин обитатель великой деревни ест привезенных из Кизляра фазанов и пьет столетнее токайское вино, а крестьяне его едят сухари и пьют одну воду; или когда помещик ест кашу и пьет квас, а крестьянин то же: вкус помещика потоне; так пускай щи его будут погуще, погуще и квас, когда ему угодно. Когда солнце равно освещает и помещика и крестьянина, так можно и крес-

тьянину такие же есть яйца, какие высокородный его помещик кушать изволит. Должно жить мещанину пышнее поселения, дворянину мещанина, государю дворянина; но можно и крестьянину такую же есть курицу, какую вельможе, ибо от вельможи больше рассудка требуется, а не прожорливости. Никак не вообразительно мне, чтобы вельможа от маленького человека, а малочинный от крестьянина весьма отличен был. Каждый человек есть человек, и все преимущества только в различии наших качеств состоят, а чины суть утверждения наших отличных качеств: сожаления достойно, что то не всегда бывает. Но как то ни есть, уступим политическому расположению, когда моральное мало свойственно роду человеческому, и утвердим поместничество, или паче власть нашу, свойственную единому человеколюбию. Власть быта должна; не деревня будет, но гнездо разбойническое, где нет у поселян ни приказчика, ни старосты. Тело без головы быта не может, однако и мизинец ноги есть член тела.

Помещик, обогащающийся непомерными трудами своих подданных, суетно возносится почтенным именем Домостроителя, и должен он назван быть доморазорителем. Такой изверг природы невежа и во естественной истории и во всех науках: тварь безграмотная, не почитающая ни Божества, ни человечества, каявшийся по привычке и по той привычке возвращавшийся на свои злодеяния, заставляющий поститься крестьян своих ради наполнения сундуков своих, разрушающий блаженство вверенных ему людей, стократно вредяне разбойника отечеству. Увеселяюся ли я тогда, имея доброе сердце и чистую совесть, когда мне такой изверг показывает сады свои, оранжереи, лошадей, скотину, птиц, рыбные ловли, рукоделия и прочее? Но я с такими Домостроителями не схожуся и пищи, орошенная слезами, не вкушаю. Много оставит он детям своим; но и у крестьян его есть дети. В таком обеде пища мясо человеческое, а питье слезы и кровь их. Пускай он то сам со своими чадами кушает.

В моде ныне суконные заводы; но полезны ли они земледелию? Не только суконные дворянские заводы, но и сами лионские шелковые ткани, по мнению отличных рассмотрителей Франции, меньше земледелия обогащения приносят. А Россия паче всего на земледелие уповати должна, имея пространные поля, а по пространству земли не весьма довольно поселян, хотя в некоторых местах и со излишеством многонародна. Тамо полезны заводы, где мало земли и много крестьян. Но чтобы заводы и крестьянам, а не одному помещику доходны были и были бы крестьяне работники, а не каторжники. Крестьяне не работы, но каторги гнушаются. А блаженство деревни не во едином изобилии помещика состоит, но в общем. Ежели помещик почитает себя головою своих подданных, так сохраняя голову, сохранит и мизинец, ибо голова тела и мизинцу состраждет. Но таковые гнусные Домостроители не почитают себя головою своей деревни и не отличают крестьян от лошадей: на лошади такой человек езда питает ее ради того только, чтобы она его возила; людей он содержит на корме единственно только ради работы, не помятуя того, что и крестьянин не ради единого помещика от Бога создан.

Наша премудрая обладательница печется о домостроительстве, но домостроительство помещичье есть яд империи, когда оно только единого помещика обогащает. Но я похвалу, экономам соплетаемую, слышу только о таковых помещиках, которые свои собственные доходы умножают, так кажется мне, что люди гнусные, похвалою ободряемые, ободряются к разорению своих подданных и ко вреду своего отчества.

Сколько мало имею я времени писать о домостроительстве, упражняясь и соликовствуя с музами, толико много я имею о сем веществе ясным рассмотрением готовых ко рассуждению мыслей. О, если бы мнимые Домостроители такое попечение о своих крестьянах имели, какое они о себе имеют. Но что делаю я в рассуждении моих крестьян по домостроительству? Что я против незаконного домостроительства пишу, то я и делаю.

КАКИМ ОБРАЗОМ ПРАВИТЬ ДЕРЕВНЯМИ

БОЛОТОВ Андрей Тимофеевич
1738 — 1833

Один из величайших русских ученых-энциклопедистов, выдающийся предприниматель, писатель и мыслитель. Болотов оставил глубокий след в русской экономической мысли. Не считая погоню за прибылью главной целью развития хозяйства, Болотов вместе с тем во главу своих предприятий ставил экономичность и рациональность, основанные на точном научном расчете. Целью своей жизни он считал преобразование сельскохозяйственного производства на основе собственных научных достижений. Активно работал над новыми видами растений и формами сельскохозяйственного производства. Болотов выступал против некритического переноса на русскую почву иностранных видов и сортов растений, чужеземную практику возделывания полевых культур без учета местных условий.

Болотову принадлежит множество открытий мирового значения, среди которых обоснование выгонной системы земледелия. Научные разработки в этой области позволили ему заложить основы учения о системах земледелия, дать практические рекомендации по организации и землеустройству территории, а также по введению многопольных севооборотов.

Продолжая развивать русские национальные традиции домостроительства, он совмещал крайнюю бережливость с готовностью затрачивать значительные средства на со-

здание новых сортов и видов сельскохозяйственного производства, заботу о своих крестьянах со строгим отношением к ним, многопрофильность хозяйства со специализацией его по ряду передовых культур. В подведомственной ему деревне Болотов за счет внутреннего производства обеспечивал почти все потребности населения, создавая как в старину «беззаботный монастырь». В приводимом ниже очерке анализируются все основные источники дохода от сельского хозяйства, позволяющие создать замкнутую, самообеспечивающуюся экономическую систему, вместе с тем работающую и на рынок.

О первом источнике доходов

§ 21. Первый и важнейший источник доходов в хлебных деревнях происходит обыкновенно от продажи или отправления в поведенное от господина место разного сеямого обыкновенно в деревнях хлеба, как, например, пшеницы, ржи, ячменя, овса, гречихи, гороха и проса. Легко можно заключить, что умножение сего источника состоит в том, чтоб чрез прилагаемые старания, во-первых, хлеба родилось больше и преимущественнее того, который продается дороже прочих; во-вторых, чтоб хлебом сим наиудобнейшим образом пользоваться, то есть чтоб продавать колико можно дороже и больше или на иное что употребить наивыгоднейшим образом. Сии суть вообще главные правила или пункты в рассуждении сего источника доходов, о коих приказчику помышлять надобно.

§ 22. Что касается до подробности оных, то они суть многие, ибо к первому из них принадлежит вся пространная часть сельского домостроительства, касающаяся до собственного хлебопашества и земледелия, и потому весьма бы было пространно, если б хотеть предписывать все подобные

для того касающиеся правила и обстоятельства, да и намерение сего сочинения не к тому клонится. И для того подробнейших наставлений к приведению хлебопашества в лучшее состояние должен приказчик искать в других экономических книгах и сочинениях, а здесь сообщаются только важнейшие и по большей части общие из оных.

§ 23. Количество урожаемого хлеба зависит от многих разных причин. Одни и наиважнейшие из них не подлежат нашей власти, например, добрые или худые года, или собственные различные погоды во все времена года. Худые следствия, проистекающие от них для хлебородия, суть по большей части не отвратимы и такого состояния, что все человеческое искусство иногда не в состоянии ни малейшего обстоятельства отвратить или чему-нибудь сделать поспешествование, почему о том и говорить будет бесполезно. Другие же, и не менее важные, зависят от нас, или от старания земледельца. О сих приказчику надобно ближайшее иметь сведение и наблюдать все принадлежащие к тому правила.

§ 24. Сии правила имеют основание свое на следующих известных и весьма важных в рассуждении хлебопашества обстоятельствах, а именно: ежели хотеть, чтоб хлеба родилось больше, то надобно: 1) чтоб земли было больше; 2) чтоб она была колико можно лучших свойств и качеств; 3) чтоб она была надлежащим образом и как можно лучше уработана; 4) семена хлебные были б колико можно самые лучшие и совершеннейшие; 5) посеяны они были б надлежащим образом и в настоящую пору; 6) хлеб во время растения своего не имел бы никаких удобоотвратимых помешательств и повреждений; 7) наконец, по созревании своем не был бы попустому растерян, но собран с возможнейшею бережливостью.

§ 25. Из каждого из сих обстоятельств проистекают многие и разные для приказчика правила и должности. Я упомяну только о наиважнейших. Итак, что до первого из них, или до количества земли принадлежит, так хотя то и справед-

ливо, что чем земли больше будет засеяно, тем более и хлеба родится, однако сие правило имеет некоторые изъятия и сопряжено с тем необходимым условием, чтоб о приумножении земли потоплику токмо стараться, сколько того число работников или хлебопашцев дозволять станет. Не диковинка пашенной земли присовокупить великое множество, но какая польза от нее, если всю ее имеющиеся работники порядочным и надлежащим образом ухахать и уработать не с состоянием? Погрешность в рассуждении сего пункта делается от многих. Они завиствуются землею, но из опытов известно, что тем они количество урожаемого хлеба не только весьма мало приумножают, но иногда еще делают малейшим, что и натурально последовать должно, ибо в таком случае ни порядочно ее ухахать и уработать, ни благовременно посеять и спрятать невозможно. Единая польза от того та, что крестьяне, будучи отягощены непомерною работою, упускают за тем и свое земледелие и от того приходят в крайнее разорение. Хорошо, когда, по-земледельчески говоря, люди возьмут верх над землею, а не земля над людьми. И для того разумному приказчику о приумножении пахотной земли тогда только стараться надобно, когда он по исчислении работников и земли и по расположении сей на них надлежащею пропорцией найдет, что земли против работников мало и недостаточно. В таком случае должен он изыскивать все те места в дачах деревень своих, которые в пашню удобно превращены быть могут, как, например, нет ли каких излишних лесов или малого и низкого чепыжнику, который бы без дальнего труда мог выкопан или выжжен, а потом распахан быть; нет ли каких худых или излишних лугов, которые бы могли быть разодраны в пашню; нет ли каких праздно лежащих полей или других каких лоскутов подле усадеб и в иных местах и прочее тому подобное; а все таковые места, которые хотя некоторым образом в пашню годятся, немедленно в оную обращать и тем число пахотной земли от времени до времени приумножать

стараться надобно. Напротив того, если окажется в земле сверх надлежащей по числу работников пропорции излишество такое, что оно никоим образом порядочно урабатывать невозможно будет, то либо о приумножении работных людей господину представлять, либо иные какие приличные к тому меры предпринимать, как, например, избирая самонегоднейшие из излишних, либо в залог запускать, чтобы они несколько лет отдохнули, обросли дерном и потом с лучшею пользою могли опять употреблены быть в пашню, или по недостатку и надобности в лугах оставлены, в котором случае лучше засеять их какими-нибудь травяными семенами, либо в случае недостатка и нужды в лесе запускать в лес, а ежели надежды нет, чтоб сам вырос, то обсеять древесными семенами или засаживать рощами и лесами, либо все таковые земли отдавать в наем и другое тому подобное. Одним словом, старание прилагать, чтоб и сии излишние земли не лежали праздно и приносили бы какую-нибудь пользу. Что ж касается до пропорции, поскольку земли полагают на работников, по сему общего правила предписать не можно — толь разные и неодинаковые свойства земли в разных провинциях нашего отечества и проистекающее из того великое различие в обыкновениях ее урабатывания, сопряженное в одних местах со множайшими трудами, нежели в других, причиною сей невозможности. Ибо хотя по большей части полагается на каждую соху по полторы десятины в каждом поле, однако в других местах могут уработать они более, а в иных и сего не могут, и для того помянутая пропорция должна определяема быть согласно с тем родом земли и обыкновениями, какие в том месте находятся.

§ 26. В рассуждении ж второго обстоятельства, или доброты земель, следующее примечать он должен. Известно то, что чем земля лучше, тем она и хлебороднее, доброта ж и худоба земли зависят от добрых или худых ее свойств и качеств. Но как худых земель гораздо больше, нежели добрых, и од-

ни только степные провинции в нашем государстве имеют то блаженное преимущество, что земли в них почти повсюду сами собою такой доброты, что никакого удобрения не требуют, то, кроме сих, во всех других местах и проистекает необходимая надобность удобрения худых земель. И как пункт сей наиважнейший есть в рассуждении поспешествования лучшему урожаю хлеба, то, натурально, приказчику о сем преимущественнее всего прочего стараться и все удобовозможные к тому способы употреблять надобно. И для того за главное правило он себе почитать должен, чтоб удобренных земель у него колико можно было больше. Сие удобрение состоит либо в снабдении земли нужными для хлебородия и в ней недостаточными вещами, либо в отвращении каких-либо худых ее свойств и помешательств, препятствующих хлебородию. Примечание приказчиково должно к обоим сим предметам устремляться, и он не должен упускать ни малейшего обстоятельства, поспешествующего обоим сим пунктам. Пространное наставление ему о том сообщить пределы сочинения сего не дозволяют, и для того упомяну только вскользь о нужнейших вещах.

§ 27. Под снабдением земли нужными для хлебородия вещами разумею я удобрение ее как обыкновенным скотским и птичьим навозом, так и другими вещами, как, например, золою, гноеным листом, приготовленным прудовым илом, мергелем, гипсом, известью и другими некоторыми вещами, о коих, равно как и о средствах и нужных притом примечаниях, должно приказчику осведомляться в особых экономических книгах. Здесь упомяну я только о навозе, яко обыкновеннейшем, наилучшем и известнейшем средстве. В рассуждении сего рода удобрения должен он о следующих обстоятельствах старание прилагать: 1) чтоб сего навоза сколько можно было у него больше, дабы им множайшее количество земли удобрить можно; 2) чтоб он был сколько можно лучше и действительнее; 3) наконец, чтоб употреблен

был наилучшим образом в пользу. Сии суть важнейшие пункты в рассуждении навоза, а из каждого из них проистекают многоразличные экономические правила, из которых наименитейшие суть следующие.

§ 28. I. Как количество навоза зависит от умножения и бережения тех вещей, из которых он состоит или от которых происходит, то, натурально, следует, чтоб стараться, во-первых, сколько можно умножать скот, а особливо такой, от которого бывает его более и лучшего, как, например, коров, лошадей и овец. На сем оснуется все толь надобное для хлебопашества скотоводство, о котором ниже пространнее упомянется. Во-вторых, надобно не только об обыкновенном сбирании бываемого от скота навоза, но и о нетерянии без пользы и того, которого собрать не можно, старание прилагать, и для того всегда наблюдать, чтоб скот праздно по улицам не шатался, но был бы либо в сараях, либо на пажити, а на сих, чтоб в полднях летом держан он был на пахотной земле, ибо через то унавоживаются земли уже довольно изрядно и навоз скотский не пропадает. В-третьих, заготавливать сколько можно более потребной для подстилки скоту соломы, которая при хорошем употреблении составляет великую важность и весьма много к умножению навоза служит. А особливо нужна сия подстилка летом в то время, как навоз вывозят, тут надобно ей быть сколько можно толще, и для того к сему времени должно довольному числу соломы быть в готовности. Скашиваемое осенью ржаное и пшеничное жнивенье делает великое подспорье, и потому о заготовлении оного стараться надобно. В-четвертых, не упускать подспаривать навоз всем тем, что только к тому прилично, как, например, кроме обыкновенной соломы, сбирать и валить в навоз всякий со дворов сор, лист, гнилую щепу и хворост, золу, пыль с дорог, выпальваемую на полях, огородах и выкашиваемую в усадьбах всякую негодную траву и прочее тому подобное. Все сие, смешавшись с навозом, умножит его

довольным образом. Наконец, польза и надобность навоза так велики, что рачительному приказчику всячески стараться надобно и о доставании его из других мест, как, например, покупкою от соседей и привозом из близлежащих городов и торговых мест, где множество навоза пропадает тщетно. Капитал и труды, к тому определенные, с лихвою возвращены и награждены будут.

§ 29. 2. Что касается до доброты навоза, то к сему пункту принадлежат все правила, касающиеся до различного приготовления навоза, о чем должен приказчик искать страннейшего наставления в экономических книгах. Я только скажу, что как доброта оного наиболее в том состоит, чтоб он довольно перегнил и напоен был довольным соком, и не состоял бы из целой и неперегнившей соломы, то приказчику о следующих вещах наиболее стараться надобно: 1. Чтобы дворы и сараи скотские были по пропорции скота не пространны, но так, чтоб скот подстилаемую солому довольно перемять мог. 2. Чтоб они были крытые и навозные кучи не лежали бы на солнце, ветре и дожде. 3. Солома для подстилки употребляема бы была более старая и наполовину уже гнилая, а подстилаема бы была больше в ненастную погоду и осенью. 4. Для скорейшего перегнития пересыпаемы бы были слои навозные кое-когда землею. Пыль, сгребаемая с дорог, которая сама уже довольно унавожена, с лучшею пользою к тому употреблена быть может. 5. Давать навозу сколько можно более времени согнивать и возить на поле уже переогодовалый, в котором случае надобно его сгребать в кучи и оные чем-нибудь прикрывать. Обыкновение сие нетрудно в употребление ввести. Нужно только один год навоз не возить, но, сгребая в кучу, дать ему гнить, а там возка навозная опять производиться будет по порядку только из кучи, а новый опять в кучу складываться.

§ 30. Употребление навоза в пользу не меньшего требует от приказчика внимания. Тут примечаются три важных об-

стоятельства: 1) выбор земли, которую унавоживать; 2) выбор удобного к тому времени; 3) собственная возка и унавоживание. В рассуждении первого обстоятельства не должен приказчик свято следовать древним обыкновениям, чтоб навоз возить на такие земли, которые только лежат поблизости к деревням и исстари были унавоживаемы. Сии и без того много доброго в себе имеют и довольную пользу и без навоза долгое время приносить могут, но ему надобно помогать тем, кои никогда навоза не видали и унавоживать хотя по несколько десятин на год, лежащих в отдаленности, дабы чрез сие час от часу унавоженных земель было больше, а сие учинит лучшему и множайшему урожаю великое поспешествование. Кроме сего, должен он иметь предосторожность, чтоб навоз не возить на такую землю, где оного либо много тщетно пропадать может, как, например, на косогорах и крутых скатах, либо где он мало действовать может, например очень мокрые пашни. Что касается до времени унавоживания, то надобно выбирать к тому наиудобнейшее. За важное обстоятельство при том почитают многие, чтоб не возить и не запахивать навоз в мокрую и ненастную погоду, сверх того и в сем случае нет нужды держаться одного древнего обыкновения, чтоб возить его только в петровки, а можно возить также и в осень, а по нужде и зимою, по последнему пути, и весною по вскрытии воды, а особливо на отдаленные земли, на которые летом возить время не дозволяет. Наконец, что касается до собственной возки навоза и самого унавоживания, то притом два важных обстоятельства приказчику наблюдать надобно: во-первых, чтоб при возке навоза как самого его, так и нужных из него частиц колико можно меньше было растеряно; во-вторых, навоз соединен был с землею неиудобнейшим и лучшим образом. В рассуждении первого надобно прилежно смотреть за работниками, чтоб они имели телеги крепкие, накладывали на них умеренно, а не так, чтоб по дороге сыпалось, и чтоб воздухом и солнцем не вытягива-

ло из него нужных частиц, то надобно при возке навоза такие распоряжения сделать, чтоб навоз отнюдь не лежал и не сох долго на поле в кучах, но чтоб он вдруг и вожен, и разбиваем, и запахиваем был, и потому для скорейшего вывоза надлежит употребить всех работников, а из них несколько человек отрядить для запахивания оною, а разбивать должны в самое то время, как привезут, бабы. В рассуждении ж второго пункта надобно навоз на вспаханную и заскороженную землю, которую расчертить наперед равными полосами, кучи класть на равное расстояние, смотря по доброте или худобе земли, то есть чаще или реже, разбивать как можно ровнее и по запашке оставшиеся наруже клочки чтоб бабами были затоптаны в землю и прикрыты оною. За всем сим должно приказчику неленостно самому смотреть, а особливо за разбиванием навоза, ибо от того зависит великая важность, а не менее того стараться, чтоб и навоз был весь вычищен и вывезен.

§ 31. Кроме обыкновенного навоза, унавоживают землю, как выше упомянуто, некоторые и другие вещи, как, например: 1) зола, которой о собирании из-под овинов, винокурен, печей и других огнищ приказчику во весь год стараться надобно. Она по земле рассеивается руками или разбрасывается лопатами; 2) голубиный навоз; сей надобно также стараться собирать для унавоживания земли, сперва он толчется, а потом рассеивается по пашне. Обоими сими средствами хорошо унавоживать самые отдаленные земли, куда навоза возить не можно: 3) прудовый ил; сей пригоден более для удобрения песчаных земель, но ему надобно наперед в куче дать год или два пролежать, проветриться и промерзнуть. Всеми и другими подобными сему средствами, о каких в экономических книгах предписывается, должно приказчику земли свои удабривать стараться.

§ 32. Что ж касается до второго главного рода удобрения земель, состоящего в отвращении помешательств и худых свойств земель, то, не входя в подробность, упомяну только

о главнейших. Итак, во-первых, мешает много хлебородию, если пашни лежат в низких местах и от того бывают слишком мокры и хлеба на них вымокают. В рассуждении сих надобно приказчику стараться копать в пристойных местах рвы и делать для воды стоки. Сие правило надобно наблюдать также в рассуждении таких пашен, кои лежат подле лесов и кустарника, где равномерно хлеба вымокают. Некоторые истребляют излишнюю мокроту в земле рассеиванием по ней извести и в том находят пользу; сие также не худо опытами изведывать, а особливо если в земле находится много железных частиц и от того она в сухую погоду красна кажется. Во-вторых, мешает много также хлебородию вырастаемый на пашне кустарник, как то в особливости в степных местах от полевого персика бывает; в других местах зарастают пашни великим множеством негодных больших трав, например полынью, чернобылом и прочая. В-третьих, усыпаны пашни великим множеством камней. Все сии и другие тому подобные помешательства, о коих ниже несколько упомянется, должен приказчик всячески истреблять и о приведении вообще земель своих в лучшее состояние стараться, а для лучшего успеха небесполезно иметь ему как всем своим землям и их свойствам и качествам, а особливо унавоженным, исправную всегда записку, дабы ему во всякое время справляться можно было, которая земля когда и чем унавожена, и по этому делать свои примечания и распоряжения. Для сих и многих других нужных до земли касающихся записок, о коих ниже упомянется, должен он иметь особливую тетрадь, которая полевою названа быть может. А каким образом наиспособнее сии записки вести, о том прилагается примерная форма, где сообщены и нужные об ней примечания.

§ 33. Что касается до третьего главного обстоятельства в рассуждении хлебопашества, то есть урабатывания земли, или собственного земледелия, то приказчику не в меньшее уважение оное принимать надобно. Известно, что зем-

ля чем лучше будет уработана, тем с лучшею способностью родится на ней хлеб. Собственных правил в рассуждении урабатывания оной для [при] великой разности в землях и в обыкновениях ее урабатывания здесь предписать не можно. Общие ж состоят в том, чтоб земля сколько можно глубже вспахана и мягче была уработана. Для сего приказчику стараться надобно, чтоб пашни его благовременно были вспаханы и заскорожены. Неупускание приличных и удобных к производству сея работы погод делает великое в хорошем урабатывании земли поспешествование. И для того не надобно отнюдь упускать способного времени в пашне, а особливо скородьбе, ибо великая разность урабатывать землю в сухую погоду и после дождя или очень рано весною, или дав земле прочахнуть. Для всего того надобно приказчику заблаговременно при наступлении весны сделать распоряжение, кому из крестьян которую землю пахать и ускораживать. Обыкновение пахать сгоном не таково способно, как в удел по тяглам. Тут всякое тягло должно ответствовать за свою землю и скорей можно найти виноватого, а сверх того, вся пашня скорей может быть уработана, ибо всякий спешит для себя и опасается делать проступки. А чтоб отвратить оные, то необходимо приказчику, а того более старосте должно смотреть за пахарями, и сделавшие хотя малые проступки, например огрехи и прочее, или худо пашни свои уработавшие должны в страх другим наказываемы быть. О средствах, каким образом урабатывать, должен приказчик по свойствам своей земли сам рассуждать и изыскивать оные. Наконец, надобно ему и о том стараться, чтоб при урабатывании земли счищаема и сволакиваема была вся случающаяся на землях дрянь, как, например, каменья, коренья худых и больших трав и прочее.

§ 34. Четвертый главный и весьма важный предмет при хлебопашестве составляют семена хлебные, чего ради приказчику их в наивысшее уважение принимать надобно. Наиглавнейшие должности его, касающиеся до сего пункта,

суть следующие: 1. Должен он стараться, чтоб семенной хлеб был заблаговременно приготовлен. 2. Чтоб был он самый хороший, имеющий все потребные качества, то есть был бы самый зрелый, всхожий, чистый, не наполнен семенами худых трав, например головнею. 3. Чтоб сохранен он был до времени посева с возможным бережением и не допускаем был до какого-нибудь повреждения. В подробности должен он в рассуждении первого пункта на семена потребный хлеб заблаговременно и в лучшую погоду молотить, а буде которого недостаточно — доставать. Второго: заблаговременно семенной хлеб осматривать, кидать его в рост; для чищения ж его, а особливо пшеницы и гороха, употреблять все средства, как, например, при молотьбе наилучшим образом веять, отнимать от чела, пред посевом подсеивать. иной мыть или заблаговременно выбирать по зерну и прочая. Буде же который совсем худ и негоден, то доставанием и покупкою лучших переменить стараться и денег на покупку самых хороших не жалеть, либо лучше хлеб не сеять, нежели сеять худой и ни к чему не годный и тем отягощать только землю и людей. В рассуждении третьего пункта должен он с особливым старанием семенной хлеб в зимнее время беречь в крепких закромах и смотреть, чтоб он не сдохнулся, не засорен был другим каким хлебом и прочее тому подобное, за чем особливо смотреть и ответственность должен староста.

§ 35. Пятое важное обстоятельство при хлебопашестве есть собственный сев хлеба. В рассуждении сего пункта есть две главные должности для приказчика. Во-первых, должен он благовременное и лучшее распоряжение сделать, какую землю каким хлебом засеять и более ли которого или менее сеять. Во-вторых, прилежно наблюдать, чтоб собственный посев производился порядочным и koliko можно лучшим образом, ибо от посева проистекают великие важности. В рассуждении обоих сих пунктов не можно также почти ничего собственного для различности земель предписать

и остается только включить некоторые общие правила. Итак, что касается до распоряжения, сколько какого хлеба и где сеять, то должен он согласовать оное с обстоятельствами того места, с обыкновением тутошних жителей, а не менее того с свойством и качеством земель, а наиглавнейшие с домашними нуждами и обстоятельствами, в рассуждении получения на хлебе прибитка. Ему должно наблюдать при сем известное и весьма важное экономическое правило, чтоб стараться от всякой земли или, так сказать, от каждого лоскута оной наивеличайшую и такую прибить получить, какую только она принести в состоянии. И для того по прилежащем разведывании об урожае хлебов в тамошних местах или, того лучше, искусившись во всем нужном собственными опытами, всякую землю под то и определить, к чему она наиспособнее и более прибитка принести может. Для самого того и требовалось выше. чтоб ему о свойствах своих земель стараться получить совершенное сведение. А из хорошего рассмотрения и распоряжения в сем случае всего более искусство и рачение приказчика усмотреть можно. Искусный домостроитель получает иногда от тех же земель прибитка вдвое против прежнего и единственно чрез хорошее распоряжение посева хлеба. Есть земли, которые могут иные хлеба чрезвычайно хорошо и всегда родить, но что пользы от того, если сей хлеб с хорошею прибитью с рук сжить не можно, и для того такого хлеба не более надобно сеять, как сколько его на домашние необходимые нужды потребно, а прочие земли определять под продажный и лучший, стараясь наперед привести их в такое состояние, чтоб они его родить могли. Что касается до второй главной должности в рассуждении сего пункта, то весьма было бы пространно, если б упоминать о всех до него касающихся подробностях, а скажу только вкратце, что старания приказчика наиглавнейше касаются до следующих предметов: 1) чтоб для посева хлеба выбираема и наблюдаема была способная погода и севом бы

ни уранено, ни опоздано не было; 2) чтоб севцы были умеющие и рассевали бы ровно и хорошо; в обоих сих пунктах, как из опытов известно, заключается великая в хлебопашестве важность; 3) чтоб посеянный хлеб запахан или заскоружен был по свойству хлеба и земли и обыкновения тамошнего места порядочным образом. Наконец, чтоб остающийся от посева хлеб не пропадал и украден был севцами, ибо сие часто случается, а для всего того и нужно записывать, кто которую десятину пахал и рассевал так, как о том в форме полевой книги показано.

§ 36. Как из опытов известно, что хлеба во время растения своего претерпевают иногда великие повреждения и от того гораздо хуже и в меньшем количестве рождаются, то проистекает из сего шестая главная должность приказчика в рассуждении хлебопашества, состоящая в прилежном и неленостном смотре за посеянными хлебами и в усердном старании об отвращении всех повреждений, которые отвратить можно. Сии повреждения бывают многоразличные и происходят либо от стихии, либо от произрастений, либо от животных. К первым причислить можно бывающие повреждения от градов, больших дождей, худых мучных и медвяных рос, морозов, инеев и снега, от чрезвычайной стужи, ненастья и жара и прочая. Ко вторым — от зарастания худыми травами и кустарником и от тени от лесов и дерев. К третьим — от разного рода червей, насекомых, скота, зверей, птиц и, наконец, самих человек. Некоторые из сих повреждений совсем неотвратимы, а другие отвращены и предупреждены быть могут, почему рачительный приказчик всеми образами стараться должен все то отвратить, что только можно, и к тому предпринимать надлежащие меры, о которых пространно упоминать не дозволяет место, и для того упомяну только вскользь, какие вещи наиглавнейше принадлежат к сему пункту: 1) опускание воды и луж с низких и ровных пашен; 2) перескораживание забитого дождем хлеба; 3) за-

севание вновь земли, где посеянный хлеб пропал; 4) зарывание и заглушение рытвин и водомоин; 5) полоние хлебов и истребление из них негодных трав, а особливо из пшениц; 6) недопускание скота ходить по хлебам и оный как растущий голочить, так и молодой втапывать в землю и грязь; 7) смотрение за изгородями; 8) недопускание домовых птиц до хлебов; 9) бережение от диких и отгонение оных прочь, а особливо воробьев, грачей и диких гусей: 10) смотрение, чтоб по хлебам никто не ездил и не топтал, и прочее тому подобное. Из всех сих обстоятельств следует само собою, что приказчику надобно как возможно чаще все поля свои осматривать и примечать, все ли везде в надлежащем порядке находится и не требуется ли где какая предосторожность или иное что подобное, и как скоро где увидит, то, не упуская времени, нужное исправлять и до дальнейшего вреда не допускать стараться надобно. А чтоб тем способнее могло сие смотрение в действо производиться, то надобно стараться, чтоб земли господские были сколько возможно вместе, дабы ее всю вдруг осматривать было можно, а не перемешаны с крестьянскою или разбросаны по всему полю, и для того в случае чресполосного с кем владения, когда сего учинить или землю столбами разделить для каких-нибудь обстоятельств будет не можно, то, по крайней мере, о мене десятин и о соединении их хотя по несколько в одну кучу прилагать старание.

§ 37. Наконец, дошли мы до седьмого и последнего главного предмета при земледелии, а именно жнитва и прочего прятанья хлеба. Сей пункт не менее важен, как и все прочие. Ибо от оплошности приказчика в сем случае и от делаемых погрешностей множество хлеба по-пустому растеряно или перепорчено быть может. И для того рачительному приказчику неотменно самому при прятанье хлеба всегда быть и как можно за всеми нужными притом вещами смотреть надобно. Старание его должно до следующих трех наиважнейших

вещей касаться: во-первых, чтоб всякий хлеб впору зрелый и наилучшим образом был сжат; во-вторых, чтоб по сжатии или по скошении оно до возки в гумна не сделалось ему какого удобоотвратимого повреждения: в-третьих, чтоб свожен в гумна и складен в скирды и одонья с наименьшею растерею и с употреблением к тому всех нужных предосторожностей. Для всего того надобно ему: 1. Делать рассмотрение, которые десятины прежде, которые после жать, а не сподвал и спелый и неспелый. 2. Прилежно стараться, чтоб прятаньем не опоздать и не допустить до того, чтоб хлеб, например, высыпался, пал, обит был ветром, попал под снег и прочее, и для того надобно ему заблаговременное к скорейшему прятанию поспешествующее распоряжение сделать, в рассуждение которого также удобнее одну только рожь и другой семенной и такой хлеб, который дружного прятанья требует, жать миром и всеми работниками мужского и женского пола вдруг, а прочий разделять по тяглам и в удел, имея только за ними почаще смотрение. 3. Для семенного хлеба надобно ему определять с особливым рассмотрением самый лучший, чистейший и зрелый хлеб и смотреть, чтоб сжат был с наилучшим рачением и с ожинанием всех худых больших трав, а если того не можно, то с выдергиванием из снопов или прежде жнитва пред собою, что особливо о таких разумеется, которых семена при веянии от хлеба не могут быть отвеяны и отделены, а хлеб много портят, как, например, горошек, куколь, или хлеб, отменный от того, например овес в яровой пшенице. Сия предосторожность нужна и не для одного семенного хлеба, но и для прочего из хороших, ибо худой и сорный и в продаже дешевле. 4. В случае непостоянной погоды во время прятанья надобно с отменным рачением стараться, чтоб хлеб не претерпевал от мокроты какого вреда, как то часто случается, и для того не упускать удобной погоды и времени к возке хлеба и прочего, иногда один час весьма дорог бывает; особливо же наблюдать, чтоб сырой и непровялый не был

свожен и складен в скирды и от того бы не сгорелся, а не менее того и на поле в копнах от дождей чтоб не вырос. 5. При собственной жнитве наблюдать, чтоб делано было сколько можно меньше растери, а особливо хорошим и дорогим хлебам. Всякий жнец должен, связав сноп, собрать кругом себя все незахваченные колосья и оные воткнуть в сноп, при встаскивании же оных в копны отнюдь по земле не волочить, а особливо сухой хлеб, ибо чрез то прежде времени много его обмолачивается. 6. Равномерную ж предосторожность надобно употреблять и при возке в гумна: в телегах должны растилаемы быть веретья, а снопы так складены, чтоб колесами колосья не отбивало, около же скирдов очищено и снопы с бережением киданы и кладены были. Кроме всех сих, есть многие и другие вещи, кои приказчику при прятанье наблюдать надобно, как, например, чтоб в копнах хлеб не распропал, не обит был птицею и прочее тому подобное. Но о всем том упоминать будет пространно.

§ 38. Сии суть вообще наиважнейшие обстоятельства и правила, кои приказчику в рассуждении хлебопашества наблюдать надобно. Теперь присовокуплю несколько слов о других обстоятельствах, касающихся до приумножения доходов от сего источника. Добрый приказчик должен уже во время прятанья помышлять о будущем и лучшем употреблении родившегося у него хлеба. Ему надобно уже заранее делать примерные счисления, сколько у него которого будет и сколько от домашних расходов на продажу останется. Для первого надобно ему как можно скорее узнать об умолоте и для того всякого хлеба оставлять понемногу для опытов, выбирая добрый, средний и худой, а для лучшей удобности и в скирды класть особо, не мешая добрый с худым, записывая именно в хлебной своей тетради, какой хлеб с каких десятин и в какой скирде кладен, дабы ему после, узнав умолот, примерно можно счислить, сколько какого будет и сколько всего хлеба будет. В рассуждении молотыбы

должен он тот прежде и велеть молотить, который надобнее для скорейшего сева или лучшей благовременнейшей продажи. А и вообще о молотьбе должен он не меньшее попечение иметь, как и за прочим. Нужные притом обстоятельства суть следующие: 1. Чтоб хлеб как можно скорее был перемолочен и излишний сбыт с рук, ибо известно, что с каждый днем и молоченого и немолоченого несколько уже убывает. Для поспешествования сему надобно необходимо ему стараться иметь крытый ток, или так называемую *ригу*, и с крытым овином, или избу сушильную с потолком. Нельзя довольно изобразить, сколь великое поспешествование делают сии избы и крытые гумна скорейшей молотьбе и сколь преимущественнее и безопаснее [они] обыкновенных открытых токов и овинов. А особливо нужны они, если хлеба много, ибо в них никакая почти погода в молотьбе не делает помешательства. Хорошее учреждение в молотильной работе также много помогает. В иных местах молотят по тяглам, а в других делается множество овинов, и хлеб перемолачивается сгоном вдруг с осени, не оставляя ничего в застой, и прочее тому подобное. Все такие обыкновения имеют свои пользы и неудобности, и приказчик должен выбирать то, что обстоятельствам его деревень наиудобнее и для желаемого поспешествования скорейшей молотьбе лучше. 2. Чтоб сушение овинов производимо было с наивеличайшею осторожностью, а особливо во время ветров. Толь частое горение оных с хлебом и бедствия, проистекающие от того целым селениям, и убыток явный не только приватному домостроительству, но и для всего общества требуют сей предосторожности. И для того приказчику надобно прилежно смотреть, чтоб печи в овинах были хорошие, сажа бы часто была обметаема; сушили бы их не ребята, а старые, обвыкшие и умеющие люди, ибо из опытов известно, что овины пожигаются по большей части от неосторожности и неумения в сушке. 3. Хлеб обмолочиван бы был, а особливо вяен, как возмож-

но чище и лучше и для веяния выбираемы бы были хорошие ветры, а в случае недостатка лучше сносить невеянный, полагая в особое место, нежели веять в худой [при плохом ветре] и тем только продолжить время. 4. Чтоб при молотьбе не происходило никаких мытарств и плутовства как от старосты, так и крестьян, и для того на овины бы сажены были всегда хлеб счетом, а за мерою смотреть приказчику. Для счисления ж одного самому ему иметь ежедневную записку в хлебной тетради, а старосте — так называемые бирки. Меру же должен он во всех деревнях иметь одинаковую и мерить всякий хлеб вровень, а не вверх, ибо и в том происходят иногда бездельничества, в отвращение которых, явившихся в преступлении, нещадно наказывать. 5. Чтоб не пропал также и остающийся от молотьбы гуменный корм, как, например, озадки, мякина, охоботье, колос и солома. Всякая вещь должна иметь особое для себя место и употреблена быть в корм скоту и прочее...

О втором источнике доходов

§ 40. Все вышепомянутое говорил я об обыкновенном хлебопашестве и о хлебах, по большей части везде сеяемых, как, например, разного рода пшеницах, ржи, ячмене, овсе, гречихе, горохе, а в некоторых местах — полбе, просе и чечевице. Но, кроме сих, есть и другие полевые и огородные продукты, которых на продаже в иных местах весьма знатный доход проистекает, как, например, мак, лен, конопля, картофель, или земляные яблоки, хмель, а в некоторых степных местах — табак и арбузы. Известно, сколь великие деньги получают в иных местах на маке и льне, и для того радетьельному приказчику надобно доходы с деревень, в правление ему порученных, и с сей стороны возможным образом приумножать стараться, и потому все те из сих продуктов,

которые в тех местах по свойству климата и земель родиться могут, не только, если нет заведенных, заводить, но и о поспешествовании лучшему оных урожаю, а потом к лучшему вырабатыванию и выгоднейшей продаже прилагать всяческое старание. Но как многие из сих продуктов не везде и не во всяком месте довольную прибыль приносить могут, то пространно о них говорить оставляю, а скажу только, что приказчику в рассуждении их наиглавнейшим предметом должно иметь ожидаемую прибыль и заводить более те, от которых бесспорно надеяться можно хорошей прибыли. Прочие же, которые к единому только отягощению в работе служат и со многими неудобностями в тех местах сопряжены, лучше оставлять, нежели тратить по-пустому на то время, труды и землю. О собственных обстоятельствах, касающихся до каждого из сих продуктов, должен он наиприлежнейшим образом в тамошних местах, где они родятся, наведаться и узнать то из экономических книг стараться, а здесь всего нужного сообщить не дозволяют пределы сего сочинения, и по всему тому принимать как в рассуждении заведения, так сева, сажания, содержания, сбирания, приугодования и продажи лучшие и полезнейшие меры.

О третьем источнике доходов

§41. Третьим и равномерно важным из обыкновенных источников доходов в хлебных деревнях почесть можно известный доход, получаемый от скотоводства. И потому приказчику не только должно и с сей стороны о приумножении доходов стараться, но сверх того еще особое рачение о сей части сельской экономии иметь, для того что она сама собою неразрывно сопряжена с первою главною частью, то есть земледелием. Земля не может без скота и лошадей урабатываема быть, а какое участие имеет скот и в удобре-

нии оной, о том всем известно. Одни только немногие провинции, как я выше уже упоминал, имеют то преимущество, что в них часть, касающаяся до удобрения земель навозом, совсем отпадает, и где оный более отяготителен, нежели полезен. Но и в сих местах долго ли или скоро навоз не менее будет надобен, как и в прочих, как тому уже примеры видим, для которой причины и в сих местах полезнее бы было собирать его в особое и такое место, где б он не пропадал и после сыскать бы его можно было, нежели валить по нынешнему обыкновению в вершины и буераки. Таким образом, в рассуждении скотоводства за важное правило в сельском домостроительстве почеть можно, чтоб скота столько содержать, чтоб одного на урабатывание земли и на получение от него довольного количества навоза для удобрения земель было довольно, а не менее, чтоб и знатный прибыток на продаже излишнего скота и вещей, от него происходящих, получать можно было. Но как скот взаимного ж вспоможения требует и от земли, то сие содержание одного предполагает уже и то, чтоб для содержания скота довольно было летнего и зимнего корма, и потому следует само собою, чтоб скота не более содержать, как толикое число, сколько одного тутошними пашнями и лугами прокормить можно.

§ 42. Теперь было бы весьма пространно, если б входить во всю подробность сей части сельского домостроительства и говорить о всех вещах, касающихся до скотоводства, и для того необходимость принуждает упомянуть только о нужнейших и общих правилах и должностях, расположив их по разности предметов, касающихся до скотоводства.

§ 43. Итак, первым предметом в рассуждении скотоводства можно почеть заведение и размножение всякого рода скота. В рассуждении сего пункта приказчику следующее наиважнейшее наблюдать надобно: 1. Прежде всего рассматривать, которого скота наиболее ему надобнее и полезнее по обстоятельствам той деревни, которую он управляет, то есть разби-

рать, сколько которого для исправления полевой работы и на необходимые домашние надобности потребно, коликое число прочего он кормом своим прокормить и лугами, и пажитнями содержать может; который скот в тамошних местах лучше водится и подвержен меньшим опасностям, который содержать не убыточнее и, наконец, от которого он по тамошнему месту наиболее господину своему прибыли принести может, и потому такого более и заводить и размножать стараться, который нужнее и прибыточнее. 2. Должен он стараться заводить всякий скот, колико можно лучшего рода, чтоб труды и иждивение, употребляемые на содержание оного тем более награждались, и для того, который скот негодной породы или гораздо уже измелен, то о перемене оного и о заведении иной лучшей породы прилагать старание. 3. Должен он наблюдать все то в рассуждении припусков, клажи и особенного воспитания молодых скотин, что экономия за полезное предписывает.

§ 44. Вторым главным предметом при скотоводстве почесть можно содержание оного. Оно разделяется на летнее и зимнее, и об обоих равно попечение приказчику иметь должно. В рассуждении летнего должен он разбирать, каким образом наилучше ему по обстоятельствам той деревни скот свой на пажитях содержать и вместе ли который или особливо и на каких местах приказывать стеречь. Его главное попечение притом должно быть, чтоб скот сколько можно имел во все лето хорошее довольствие и не растерян и не заморен был пастухами, и для того прилежно самому надсматривать над пастухами, чтоб они стерегли, кормили, давали отдыхать, выгоняли б, пригоняли б и поили б скотину порядочным образом и в подлежащее время. В случае особенного владения может он многие найти к тому поспешествования, как, например, разделяя пажитные места на несколько частей и приказывая стеречь на них попеременно, дабы между тем, когда скотина на одном месте пасется, тогда в другом

вырастал для нее корм и прочее тому подобное. В рассуждении зимнего содержания должен он попечение иметь,, чтоб всякий скот имел не только особливые себе хлевы, сараи и закуты, но чтоб из них одни были теплые, то есть крытые или иногда с потолками, другие же холодные, также, чтоб были особливые на скотских дворах места, куда бы на день можно было скотину выгонять или так называемые денники, а, наконец, особливые сарайчики и закуты для молодого скота, или куда бы требующую особого призрения скотину загонять можно было, и для всего того вообще о скотском дворе и о построении всего нужного стараться. Во-вторых, чтоб для хождения за каждым родом скотины определены были скотники и скотницы и всем бы им распределены были разные до хождения, кормления и смотрения касающиеся должности. В-третьих, прилежно наблюдать, чтоб всякая скотина довольствована была надлежащим кормом и не претерпевала бы никогда нужды, также была бы в надлежащее время поена и в прочем призираема, и для того надобно приказчику скотские дворы нередко надсматривать и наблюдать, чтоб ходящие за скотиною исправно отправляли свою должность. В-четвертых, чтоб не сделалось никогда в потребном корме недостатка, надобно приказчику всегда в том стараться, чтоб оного в готовности во всякое время довольно находилось, и для того как гуменный корм, так и сено и прочее заблаговременно заготовлять, и буде своего мало, то заранее о доставании оного покупкою или привозом из других мест стараться, а на тот же конец и летом липовый и других дерев лист, а осенью хорошее жнивенье заготовлять. В-пятых, чтоб хороший скотский корм с меньшею растерею мог быть в пользу употреблен, то надобно о том стараться, чтоб всякого рода скотине поделаны были ясли или такие особливые места и решетки, где бы корм закладывался, дабы он не валялся по земле и не втапывался без пользы в навоз. В-шестых, чтоб о молодом скоте, как, например, телятах и ягня-

тах, прилагаемо было особое смотрение и они б содержаны были лучше; наконец, в-седьмых, стараться сколько можно, чтоб на содержание скота расходилось меньше хлеба зернами, а особливо в рассуждении свиней, которых содержание в иных местах более убыточно, нежели прибыльно бывает.

§ 45. Третий предмет при скотоводстве есть сохранение скота от случающихся прилипчивых и других болезней и лечение оного. Пункт сей весьма важен и требует особенного от приказчика попечения, потому что скотоводство не чрез что иное, как чрез сие, величайший подрыв претерпевает. И для того надобно ему скотникам накрепко приказывать скотину чаще осматривать и примечать, не больна ли которая, и для случаев надобно приискивать и иметь на примете всегда таких людей, которые скотские болезни лечат, а в случае недостатка оных самому стараться узнавать все известные от скотских болезней лекарства и в случае нужды употреблять. Но ни в которое время не нужно столь хорошее рачение приказчика, как в случае заразительных скотских болезней, например коровьего или конского падежа, в котором случае надобно ему наперед в то время величайшие предосторожности употреблять, когда падеж в соседстве и до той деревни еще не дошел, например, отгонять скот в какое-нибудь отдаленное место, не допускать его ни под каким видом до воды, текущей из мест, зараженных скотским падежом; велеть всех собак в деревне держать на привязи; прилежно и ежедневно осматривать поля и буераки, чтоб кто не подвез падалицы и чтоб не затащили собаки костей, а вороны — падалища и стервы. Подтверждать накрепко, чтоб как можно меньше в те места ездили, а особливо никакого бы скотского корма оттуда не завозили. Наконец, разведывать, зарывается ли там мертвая скотина и не снимаются ли кожи, и как в случае сего ни с какими предосторожностями устеречься почти не можно, то делать в тех местах представления, чтобы скотина была зарываема и кожи не снимаемы, и изыскивать средс-

тва для принуждения к тому, например чрез сотских или городские канцелярии. Бude же оплошностью какою или так, невзирая на все предосторожности, зараза в той деревне появится, то приказчику в то время труды и прилежность свою усугубить надобно и употреблять все то, что только может служить к отвращению, сего зла, и что в экономических книгах в таких случаях предписывается.

§ 46. Наконец, четвертый предмет скотоводства есть получение от него пользы. Польза от скотоводства получается тройкая. Во-первых, проистекает доход от продажи разных вещей от скота получаемых и остающихся от употребления на домашний обиход, как, например, масла, творогу, шерсти, овчин, кож, сукон и прочее. В рассуждении сего пункта надобно приказчику также хорошо смотрение иметь за сбиранием и приуготовлением и бережением сих вещей, ибо без того легко может быть дохода меньше. Продажа оных должна быть не безвременная, а в лучшую пору и местах, где что дороже. Во-вторых, получается прибыль на продаже самого излишнего скота, живого и битого. В сем случае надобно приказчику также все то употребить, что может служить к лучшей пользе, и для продажи битой, назначенную к тому заблаговременно откармливать. Наконец, в-третьих, получается от скота толь нужный навоз, о котором довольно уже говорено выше.

§ 47. Вот все, что приказчику о скотоводстве вообще наблюдать надлежит. Теперь следовало бы упомянуть о каждом роде особо, но как сие заведет в великое пространство, то, оставляя сие, упомяну только несколько слов о лошадях. Заведение и содержание сих нужнейших при сельском домостроительстве животных сколько выгодно и полезно, столько ж, напротив того, сопряжено с некоторыми условиями. Содержание довольно числа и добрых лошадей предполагает уже, чтоб было довольно и таких угодий, где их и пасти и с которых бы довольно сена на содержание оных получать можно. Кроме того, потребно для них знатное число овса,

также особливых людей для хождения за ними и прочее, почему сие только в таких местах полезно быть может, где потребных к тому угодий много, да и прочее содержание немногого будет стоить, да и в том случае полезнее заводить уже порядочный конский завод, дабы употребляемые на содержание оногo убытки и труды награждалися довольною от продажи излишних дорогих лошадей прибылью, но о коих писать не принадлежит к теперешнему намерению. Итак, не касаясь до порядочных конских заводов, что принадлежит до содержания прочих лошадей, то обыкновенно содержатся либо ежжалые, либо рабочие, да и то смотря по надобности, ибо как первые более при присутствии самих господ для езды, а другие только в случае деловым или дворовым рабочим людям надобны, то во многих отсутственных деревнях обе сии надобности не бывают. Однако как и без лошадей в доме пробывать не можно, по крайней мере для езды приказчику, для разных посылок и домовых работ, то содержание такого рода недорогих, не нежных лошадей в отсутственной деревне, а особливо в такой, где в навозе большая надобность, не инако как крайне полезно быть может, ибо: 1) содержание для них требуется не дорогое; 2) навоза от них делается много и хорошего; 3) подвержены они наименьшей опасности, нежели прочий скот; 4) пользу приносят могут тройкою, а именно: употребляться для езды и в работу, для возки хлеба на продажу и, наконец, для продажи и снабдения ими нужных мужиков и в нужное время. Но в таком случае не надобно держать сих лошадей много на конюшнях, а более должны они содержаны быть в пространных крытых сараях, и сие собственно для получения от них довольногo числа навоза, ибо в них должно не уреживая стлать негодную солому.

§ 48. Наконец, присовокупить надобно и сие, что приказчику о всем, что касается до скотоводства, должно иметь особую записку, сколько, например, в который год какого было и каким образом утратилось и прочее тому подобное.

О четвертом и пятом источниках доходов

§ 49. Земледелие и скотоводство, о коих выше говорено было, суть по справедливости наиважнейшие источники доходов в хлебных деревнях; прочие суть не таковы знамениты, однако для других обстоятельств в сельском домоводстве не менее важны. К сим принадлежит особливо часть экономии, касающаяся до лугов и сенокосов, ибо во многих местах получаютя и на продаже сена, и отдачи излишних лугов внаймы великие доходы, и потому приказчику равное попечение и о сем иметь надобно. Должности его в рассуждении сего пункта должны состоять вообще в том, чтоб ему всеми образами стараться не только, чтоб сено в настоящее время было скошено и все работы, касающиеся до сенокосов, исправляемы были как надобно, но чтоб и луга приводить час от часу в лучшее состояние, дабы сена от них от часу более получать было можно.

§ 50. Что касается до отправления сенокосов, то как бывает сие в одно время в году и притом требует прямой от сельских жителей расторопности, то приказчику необходимо надлежит отменное притом рачение иметь и во время сенокосов самому при том чаще быть и за всем производством сей работы иметь смотрение, ибо как погода составляет наиважнейшее обстоятельство и иногда один час очень дорог, то и не надобно упускать удобного времени к перетрясыванию и возке сена и для того поворачиваться с возможным поспешением, а особливо когда предвидится дождь или ненастливая или случится так называемая сеногнойная погода.

§ 51. Прочие же его до сего пункта касающиеся должности состоят в следующем: 1. Весною должен он сколько можно ранее заказывать луга и не давать скоту поедать первые нужные травяные отрасли, ибо из опытов известно, что самое сие на-

ибо более уменьшает урожай сена. 2. В сие ж время осматривать все луга и велеть счищать с них всякий дрязг и камни. 3. В продолжение лета, а особливо во время пахания пара и пред покосом накрепко наблюдать, чтоб луга никто из своих и посторонних воровски не выбивал лошаадьми и не выкашивал по ночам сена, что обыкновенно случается, и для того в сие время чаще осматривать и по ночам посылать людей для ловления таких бездельников, которых за то неупустительно наказывать, а если посторонние, то взыскивать потраву. 4. Во время кошения смотреть за косцами, чтоб чисто и плотно косили и не оставляли бы под рядами высоко траву. 5. При гребле наблюдать, чтоб гребено было чище, а при возке — чтоб вожено было с меньшею растерею. 6. Ежели сено становится в лугах, то чтоб вывершиваемые стоги и скирды были круче, а потом, если гоняется туда скотина, оные бы огорожены были жердями или оплетены плетнями. За всеми сими вещами надобно приказчику иметь прилежное смотрение, ибо известно из искусства, что при малом недосмотрении тотчас сделано будет что-нибудь от наших крестьян предосудительное.

§ 52. В вышепомянутом состоят все те должности, кои при нынешней простой экономии наблюдаемы быть должны; однако сие еще далеко не все, о чем доброму домостроителю притом попечение иметь следует. Луга составляют в сельском домостроительстве не меньшую важность, как и земледелие, и как с ним, так особливо с скотоводством неразрывно сопряжены, почему и о том рассуждать надобно, довольно ли и столько ли всякий год родится сена, сколько одного на содержание лошадей и скота надобно, и буде мало, то о приумножении сего нужного продукта стараться, что не инако, как двумя средствами сделаться может, то есть либо приведением имеющихся лугов в лучшее состояние, либо приумножением числа оных вновь сделанными лугами.

§ 53. Что касается до первого пункта, то старание о сем и, кроме недостатка, во всякое время надобно, по тому прави-

лу, что лучше иметь хотя немного, но хорошо родящие луга, нежели множество, да негодных, того ради упомяну о том вкратце. Сие исправление лугов имеет два главных предмета: 1) отвращение всех препятств хорошему урожаю сена; 2) приращение лугам новой силы к поспешствованию лучшему урожаю. К первому пункту принадлежат вычищение и вырубание мелкого кустарника, коим луга зарастают, истребление моха, который наиболее луга неплодородными делает; срывание кротовых и муравьиных кочек; предпринимание предосторожностей, чтоб луга не заносило с полей илом и землей, также, чтоб не изрываемы они были свиньями; истребление худых и негодных на лугах трав; осушивание слишком мокрых и болотных мест; выкапывание в удобных местах рвов; благовременное заказывание лугов, огораживание лучших от скота и прочее. Ко второму принадлежит удобрение худых лугов разными к тому удобными средствами, как, например, некоторыми скотскими навозами, золой и птичьим навозом и прочее. Заведением на лугах гораздо лучших выгоднейших полезнейших трав, а наиглавнейшее, наводнением оных в приличное время приведенною на них водой и прочее.

§ 54. Что же принадлежит до другого славного средства, служащего к умножению сена и лугов, то сии делаются вновь или из леса, или из болот, или из пашен. Первое средство у нас употребительнейшее. Лес обращается в луга чрез вырубание и выкапывание кореньев, древ и кустарников, но сие средство тогда только должно употреблять, когда есть излишнее число лесных угодий или отлогие вершины и буераки, зарослые кустарником, которые в изрядные сенокосы обращены быть могут; а не менее того не надобно жалеть и таких ровных мест, где растет один низкий кустарник или раakitник, который никогда в хорошие дрова не вырастет. Болота же должны во всякое время осушаемы и в луга обращаемы быть, разве только состояние их и местоположение никоим образом того позволять не будут. Что же касается

до обращения в луга пашен, то сие средство не гораздо у нас еще употребительно, хотя и наивеличайшее искусство и полезность в рассуждении всей оной части сельского домостроительства составляет, и сие не только в случае недостаточного числа лугов и излишнего числа пашен, а особливо худой земли, предпринимается, но и в противном случае, когда бы, например, лугов довольно находилось и пашен излишних не было, в котором случае делается двоякое преобращение: то есть из пашни делаются луга, а из лугов — пашни, и сие на тот конец, чтоб чрез сие средство из худых лугов сделать хорошие пашни, а из худых пашен изрядные луга и чрез то и хлебопашеству, и сенокосам не малое поправление. Сии суть вообще те вещи, кои сверх нынешней обыкновенной экономии примечаемы быть должны и о коих рачительному приказчику по мере сил своих стараться надобно.

О прочих источниках доходов, кои не во всех местах бывают

§ 60. Кроме всех вышепомянутых, есть многие и другие части сельского домостроительства, из коих также не малый доход проистекать может и действительно во многих местах бывает знатный. К сим принадлежат: 1) пчелиные заводы; 2) сады и огороды; 3) пруды и рыбные ловли; 4) разного рода мельницы; 5) птицеводство. Всем известно, коль прибыльны бывают иногда все сии вещи, но было бы весьма пространно, если б о каждой из них сообщить пространные наставления, и как, сверх того, все сии вещи более случайные и не во всяком месте быть могут, то и упомяну об них с возможнейшей краткостью.

§ 61. Пчелиные заводы имеют по справедливости пред всеми оными преимущество, потому что пчелы не только в множайших местах могут заводимы быть, но и на содер-

жание свое не требуют почти никакого иждивения, да и смотрение за ними не сопряжено с дальними затруднениями. Нужно только иметь хорошего человека, который бы до них охотник был и разумел, как с ними обходиться и их содержать. Почему усердному приказчику и в рассуждении сего пункта ничего упускать не надобно, что б только могло служить в пользу и, например, буде пчелиного завода нет, то стараться оный заводить, а особливо если места к тому способные и знающие люди есть. В таком случае надобно ему испрашивать у господина своего довольного капитала на покупку оных и стараться купить сколько можно в множайшем количестве и хорошего рода, ибо в малом числе оные заводить не стоит почти труда и служить будет к единому только отягощению, доход же от оных долгое время совсем будет не виден. Буде же пчелы есть, то во всякое время иметь об них хорошее попечение и не упускать ничего, им в пользу служащего. Правда, главные должности касаются тут до пчельников, однако и для приказчика остается многое для наблюдения, как, например: 1) чтоб ульев запасных всегда было довольно; 2) чтоб пчелиные омшеники и ограда около осеков были в добром состоянии; 3) чтоб посторонние пчелы не нападали на него и не производили бы толь иногда чувствительного вреда или совершенного подрыва, а равномерно, чтоб и свои к чужим не ходили и не делали обиды; 4) чтоб пчельник не делал каких шалостей, как, например, не упускал бы роев или не продавал бы оных и прочее тому подобное. Наиважнейшая же должность приказчика касается до получения от них доходов. В рассуждении сего должен он поступать по обыкновениям тамошнего места и по правилам разумной экономии, то есть или продавать излишние хорошие ульи, или выламывать ежегодно худые, оставлять добрые на приплод и продавать самому мед, воск и прочее.

§ 62. Сколько сады бывают иногда прибыточны, а особливо в таких местах, где их мало и где от продажи целых са-

дов или плодов и овощей великую прибыль получить можно, о том упоминать нет нужды; всем известно, что иногда такой же доход получается с них, как из целой и хорошей деревни, почему следовало бы приказчику и о заведении оных возможнейшее и заблаговременное иметь попечение, а буде они есть, то о приумножении и распространении, а особливо о содержании оных в хорошем состоянии прилагать старание. О правилах и нужных наставлениях к тому, каким образом оные скорее завести и в хорошее состояние привести можно, я не буду здесь упоминать ничего для того, что, несмотря на все старание, материя сия заведет в пространство, с пределами сего сочинения не согласующеся. И потому оставляю стараниям домостроителей осведомляться о том в приличных к тому экономических книгах. А я то только скажу, что когда сады в той деревне уже есть, то приказчику по крайней мере крепкое смотрение иметь надобно, чтоб не претерпевали они какого удобоотвратимого повреждения, например не объедены бы были плодовые деревья скотом, а особливо зайцами, не переломаны б были сучья и деревья людьми или за недостатком нужных подпор ветром или от тяжести плодов и прочее. И для того наблюдать, чтоб ограда около садов особливо была в хорошем состоянии, а в случае продажи оных не делано бы было сидельцами отнюдь ни малейших обид, ибо чрез то отгоняются купцы от покупки оных к немалому предосуждению хозяина.

§ 63. Пруды также нужны и полезны в сельском домостроительстве. Часто случается, что они за оскудением воды необходимо надобны, а сверх того и от рыб, распложающихся в них, может иногда проистекать доход, который хотя бы был и не важный, но в домостроительстве всякая копейка дорога. И для того рачительному приказчику как о заведении и размножении, так о ловле и продаже оных стараться надобно, а особливо если удобные места для запружения прудов в дачах находятся. Сии пруды надобно утверждать крепкими

плотинами и хорошими снабдевать спусками, рыбу же сажать не всякую без разбора, но смотря по воде и по различию их природы, а особливо не мешать хищных рыб с прочими. С сим сопряжено уже и то, чтоб приказчику иметь за имеющимися старыми прудами все надлежащее смотрение. Главные пункты, о коих ему в рассуждении сего попечение иметь надобно, суть следующие: 1) чтоб в зимнее время вода в прудах «...» не портилась и не поморила б рыбу, в отвращение чего прорубаемы бы были всегда большие проруби; 2) весною чтоб льдом и водою не испортило плотин и прудов не прорвало, также бы с водою не сбегало много рыбы, в отвращение чего надобно лед заблаговременно около плотин обрубать, спуски осенью еще вычинивать, а весною сетями и решетками заставляивать; 3) чтоб пруды заносились сколько можно меньше с полей илом, тиною и дрязгом, в отвращение чего чтоб сделаны были вверху для удержания того ила небольшие прудки; 4) чтоб не было в пруды стоков из скотских дворов и не шел бы в оные навозный сок и не портил бы воду; 5) летом во время туч или паводков иметь предосторожности, чтоб дружною водою не прорвало; 6) во всякое время накрепко беречь, чтоб рыба из прудов бездельниками воровски была не ловлена, как, например, по ночам квашнями, снастями и прочее; 7) не допускать, чтоб утки, плавая по прудам, молодых рыбных зародышей и икру поедали, также, чтоб завелись в прудах выдры и другие зверьки, толь много рыбы поедающие; 8) не допускать того, чтоб пруды от долговременного нечищения совсем обмелели, но оные благовременно спускать, чистить и вновь запружать; 9) беречь рыболовные снасти и не допускать их сгнивать на дожде и солнце и прочее тому подобное. Если же случится в дачах того владения озеро или реки, в коих рыбная ловля производится быть может, то приказчику не надобно упускать и с сей стороны о приумножении доходов господину своему чрез продажу оных стараться и для того в праздничные и гуля-

щие дни и другие для ловли удобные времена оную в озерах и реках ловить или тотчас продавать, либо сажать в садки, сохранять до времени.

§ 64. Ежели есть в деревнях его водяные, ветряные или лошадиные хлебные или другие какие мельницы, то о содержании их в хорошем состоянии и о приведении от часу в лучшее должно прилагать старание, а буде нет, а места к тому способные есть, то в рассуждении бываемой от них великой прибыли с дозволения господского самому оные вновь заводить или посторонними исполу, или на других каких договорах строить стараться. Особливо же иметь за мельничными плотинами попечение и делать их, колико можно, крепче, не жалея на то капитала, дабы чрез частое прерывание не было мельничному доходу столь часто случающегося подрыва и, одним словом, о всем том стараться, что в рассуждении сего пункта за нужное почитается.

§ 65. Что касается до птицеводства, или содержания разного рода домашних птиц, то вообще можно сказать, что содержание оных в деревнях более необходимо, нежели полезно, потому что часто поедают они столько хлеба, что и половины оного сами не стоят, и потому содержание их в пригородных и в таких местах необходимо, где они тотчас в расход употребляемы или живностью в города отвозимы бывают. В отдаленных же и отсутственных, а особливо в таких деревнях, где хлеб может хорошою ценою продаваться, великое множество оных, и только для того водить и кормить, чтоб зимою перебивши и переморозив, на торгах за малую цену распродать, конечно, будет не великая прибыль. Не убыточнее из всех их могут почестья гуси и того более русские куры. Сии не только малым, но к тому ж негодным кормом могут быть содержаны, а пользу как сами собою, так и яйцами приносить могут. Но как бы то ни было, а в случае содержания всех их приказчику великое смотрение иметь надобно, чтоб хожатые ходили и смотрели за ними хорошенько, а особливо

надобно ему изыскивать все способы, чтоб как возможно расходилось на них меньше доброго хлеба, и в записках особо замечать, сколько какого хлеба употреблено на содержание оных. Обыкновение, имеющееся в некоторых уездах, раздавать гусей, индеек и кур по дворовым людям, а иногда и по крестьянам и отпускать для корма оных положенное число хлеба, а потом взыскивать с них определенное число молодых птиц и яиц, в отсутственных деревнях может с великою пользою употреблено быть, если только определенное число не будет превосходить меры и обратится в отягощение.

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ СЕЛЬСКУЮ ОБЩИНУ

КАВЕЛИН Константин Дмитриевич
1818 — 1885

Русский мыслитель, один из творцов крестьянского законодательства 1861 года, в числе первых отечественных ученых исследовал сельскую общину, доказав, что в ее сохранении — основа социальной и экономической устойчивости России. Разрушение тысячелетних обычаев крестьянского мира, по мнению Кавелина, приведет к упадку экономики и падению самого Русского государства.

Кавелин выступал противником личной собственности на землю, считая, что в условиях России она приведет к массовому обнищанию крестьян. Чтобы не допустить этого, ученый предлагал передать землю крестьянам в пожизненное пользование с правом наследования, но без права продажи. Причем выделение земли должно осуществляться строго в рамках уже существующих общин, являющихся по сути дела коллективными владельцами земли.

I

Первый, самый обильный источник недоразумений относительно русской сельской общины — это смешение общины административной с поземельной. Находят, что община пог-

лощает индивидуальность, не дает почти никакого простора для личности и гражданской самостоятельности членам общины и тем парализует их силы, существенно мешая вместе с тем развитию нравственных и экономических сил всего государства. Упрек справедлив, но к кому он относится? Очевидно к общине административной. Коль скоро подать лежит не на земле, а на душе... государству невозможно иметь дело с каждым из податных людей в отдельности, и оно поручает это общинам, возлагает на них надзор за каждым из своих членов и ответственность за них — современное государственное хозяйство, к слову, от всякой ответственности свободно — поскольку имеет дело не с крестьянами, — личностями в полном смысле, а с наемной рабочей силой... последнее зависит от общей финансовой системы, существующей у нас с Петра Великого, и с изменением ее может измениться административным или законодательным порядком, не касаясь поземельного устройства.

Обратимся теперь к поземельной общине.

Владение землею миром, как называется наша сельская община, чрезвычайно оригинально... в мирских землях и угодьях имеет часть только член мирского общества, пока остается его членом, т.е. пока имеет в нем оседлость. Получает он ее безвозмездно, не платя за нее ничего вперед. Оставляя свое общество и перенося оседлость в другое место, крестьянин лишается всякого права на часть в земле и угодьях, и лишается безвозмездно, не вправе даже оставить своего бывшего жилья за собою, ни строений, потому что они на мирской земле, в которой у него нет более части: последняя поступает в распоряжение мира.

Как же пользуются члены общины землями и угодьями? В исключительном, постоянном пользовании находится усадьба, сад, дом, огород; лес состоит в общем пользовании всех членов общины, по мере надобности; также и выгон, если по местным обычаям выгоны не прирезаны к усадьбам.

Луга и сенокосы тоже или разделяются на участки ежегодно перед косьбой, по числу земельных частей, или же сено косится и ставится в копны всем миром, а затем уже делится...

Наконец, при повсеместной почти у нас трехпольной системе хозяйства полевая мирская земля делится на три поля: озимое, яровое и пар. Последний служит пастбищем для скота всей общины. Каждое из остальных двух полей разделяется или по числу душ, или по числу тягловых работников в семье на равные части... Качество и плодородие почвы, местоположение пашни — все это принимается крестьянами в самое внимательное соображение при наделе участков..

Сроки пользования одними и теми же земельными паями чрезвычайно разнообразны, смотря по местности, обстоятельствам и обычаям. В одних местах передел производится ежегодно; у государственных крестьян законом определено переделывать землю не иначе, как с наступлением новой ревизии: здесь за начало принят не тягловый, а душевой надел; наконец, есть сельские общества, в которых поземельные участки никогда не переделываются и остаются неизменными... Между этими тремя главными видами срочного и бессрочного общинного землевладения есть множество оттенков: так, например, в некоторых местах передел бывает не ежегодно и не вследствие новой ревизии, а с принятием в общество или выбытием из него членов...

Переделы, чересполосицы вытекают из теперешнего способа пользования общинными землями, который следует изменить: но общинное землевладение удержать необходимо...

От переделов мирской земли, рано или поздно, придется отказаться совсем: это бесспорно.

... Но и за этими важными переменами общинное землевладение сохранит еще много особенностей, одному ему свойственных. Юридически оно определяется следующими положениями:

1) член общины не имеет права собственности на отведенный ему земляной пай, а лишь право владения и пользования. Поэтому он не может отчуждать его ни при жизни, ни на случай смерти; не может его закладывать; дети и родственники в случае, если не пожелают остаться в общине, не наследуют его по смерти крестьянина; наконец, отведенный обществом земляной пай не может быть продан в удовлетворение долгов и взысканий... какие бы они ни были;

2) владение и пользование общинною землей неразрывно связано с постоянною оседлостью в общине... нельзя владеть общинными земельными паями в одно и то же время в нескольких общинах; нельзя владеть в одной и той же общине двумя и более паями... уступать, дарить свой пай не только члену другой общины, но даже той самой, к которой принадлежит владелец:

3) владение и пользование общинною землею соединено с отпращиванием известных податей и есть пожизненное, ограниченное сроком жизни; но если после умершего владельца остались малолетние сироты или взрослый сын, не имеющий своего земельного пая, то они имеют предпочтительное перед всеми прочими соискателями право удержать за собой отцовский пай. Общинные участки отводятся безденежно, то есть без требования залога, поручительства состоянием или задатка.

Все эти положения существуют в действительности и частью держатся обычаем, частью перешли в закон. Рассматривая их поодиночке, можно подменить сходство их то с тою, то с другою формами землевладения, выработанными римским правом и законодательством новых христианских народов; но взятые в совокупности, они представляют особый гражданский институт, не похожий на все известные доселе и всего менее на личную собственность...

Но всего любопытнее и поразительнее то, что общинное землевладение, которое обыкновенно считается запоздалым остатком варварских времен, уделом безличных масс,

не представляет, за исключением названных выше несущественных его принадлежностей: чересполосица, передел, ни одного положения, которое не подходило бы под правила любого гражданского права, наиболее благоприятствующего личной независимости и свободе.

Говорят: безвозмездный отвод земельного пая есть благодеяние... Это замечание основано на очевидном недоразумении. Нельзя называть благодеянием отвод земли с обязанностью платить подати... Это кредит, к развитию которого стремятся все законодательства в мире. И надобно сказать, что кредит далеко еще не такой рискованный, какие встречаются в Европе, где считать умеют.

Скажут: чем оправдать правило, что за участок, оставляемый членом общины, последняя не дает ему никакого вознаграждения? Крестьянин улучшил, удобрил участок, вложил в него труд и капитал...

Взгляните поближе: все знают, что такое договор об отдаче земли в содержание из выстройки. Хозяин предоставляет свой участок другому лицу с условием, чтобы он выстроил на нем такое-то строение; по истечении определенного числа лет участок возвращается в полное распоряжение и собственность хозяина, и вместе с ним... безвозмездно и поставленное на нем строение, часто наниматель всего лишь не платит при этом аренды. Примеров подобных сделок множество. Те же начала лежат в основании условий правительства с частными лицами и компаниями о постройке железных дорог, которые со временем также безвозмездно переходят в собственность государства — главного владельца земли.

Что постановили законодательства, то подтверждает и простой здравый смысл. Когда я спокойно владею или пользуюсь землей в качестве арендатора на более или менее продолжительный срок, я могу, соображаясь с этим сроком, найти для себя выгодным, в течение первых лет арендного содержания, не только не получать никакого дохода от за-

арендованной земли, но даже положить в нее труд и капитал, ибо рассчитываю в остальные годы арендного срока воротить все издержки и сверх того получить барыш. Если посреди этой моей операции, когда сделаны затраты, а выручка еще впереди, у меня вдруг отнимут аренду, что исключено в общине, понятно, что мне по всей справедливости следует вознаграждение. Но если расчет верен и срок достаточен — в выигрыше и сдатчик и арендатор. Вопрос второй: «Арендатор может иногда сделать такие улучшения, что у хозяина земли и состояния не хватит за них. Что тогда делать?»

II

С изменением действующей ныне административной и финансовой системы, а с тем вместе и гражданских прав земледельческих классов... владение и пользование общинными землями перейдет мало-помалу в пожизненное арендное содержание, которое, при известных условиях, может быть и наследственным. Но эта система аренд будет иметь свое особое назначение, свой характер, совершенно отличный от аренд частных, которые, по самому свойству личной собственности, неудержимо обращаются, рано или поздно, в промышленные спекуляции. Система же мелких и практически бесплатных у общины аренд служит верным, единственным возможным убежищем для народных масс от монополии землевладельцев и капиталистов. Наоборот, система мелкой, личной, поземельной собственности, в которую многие предлагают обратить общинное землевладение, не может идти в этом отношении ни в какое сравнение с системой таких мелких аренд. Это вытекает само собою из самого свойства личной собственности...

Личная собственность, исключительная по своей природе, стремится к непрерывному расширению, увеличе-

нию: стяжание есть ее лозунг и знамя... но в том-то и беда, что бойцы не равны. При таких условиях окончательный исход борьбы несомненен: рано или поздно собственность сосредоточивается в немногих руках и дает им безграничную материальную власть над не имеющими собственности. Мелкие собственники не могут держаться и постепенно переходят в работников. Массы народа должны по необходимости безусловно подчиниться этому нового рода владычеству, беспощадному, произвольному, которого единственный закон — личная выгода. Создается гнет нестерпимый и тем более ненавистный, что не оправдывается никакою разумною необходимостью и требованием общественного блага.

Такой порядок действует губительно на народные массы и в материальном и в нравственном отношениях. Они тупеют от нищеты, голода, чрезмерного труда и безвыходного положения; озлобление и отчаяние овладевают ими...

Социальные теории, надеющиеся воссоздать общественный мир и равновесие сил и в то же время сохранить исключительное господство начала личной собственности, доказывают только, что корень зла не понят; те же, которые отрицают вовсе это начало, осуждают общество на вечную регламентацию, апатию и бездеятельность. Указывают на ассоциацию как на панацею против такой безурядицы. Но успех ее опять-таки зависит от тысячи случайностей, в т.ч. от... капитала.

III

Социальная анархия, то есть ничем не умеряемая борьба частных интересов, принадлежит именно к числу тех страшных разъедающих общественных недугов, которые исподволь, незаметно, разрушают общественные организмы. Только уравновешенная другим началом, эта борьба поддержи-

вает и развивает жизнь. Какое же это начало? Обыкновенно указывают на правильную администрацию, суд...

Но это заблуждение!

Ни администрация, ни суд не могут устоять против социальной анархии, по той простой причине, что они соответствуют совершенно другим функциям жизни. Суд существует на вора, разбойника, убийцу... Борьба же капиталов, собственности, совершающаяся в условиях закона и без нарушения общественного порядка, ускользает и от суда, и от администрации. Ее нельзя поймать без... нарушения законов. Ей может противодействовать только начало, вполне ей соответствующее. Одно лишь развитие кредита убивает ростовщичество, а не законы о росте; обильный подвоз хлеба понижает цены на него и прекращает дороговизну, а не хлебные таксы и не запретительные меры.

Применим все сказанное к землевладению. Представить всю землю в частную собственность — она тотчас же сделается предметом ажиотажа и коммерческой конкуренции. Ее начнут скупать и перепродавать с барышом. Делом этим займутся сильные капиталисты... цена ее будет подниматься... масса земледельцев обратятся в батраков и бездомников... Возражения на этот непреложный закон социальной анархии, подтверждаемый наблюдениями из других областей коммерции невольно вызывают улыбку...

Нет, не количественное, а качественное врачевание социального недуга может положить этому конец. Личная собственность становится началом гибели и разрушения, когда не будет умеряема другим организующим началом. Такое начало я вижу в нашем общинном владении, приведенном к его юридическим началам и приспособленному у более развитой и граждански самостоятельной личности. Не представляя никакой возможности для спекуляции, оно будет служить надежным убежищем для людей неимущих от монопольного повышения цен на земли и понижения цен на труд. Общин-

ное владение предназначено быть великим хранилищем народных сил.

Из боязни промышленного застоя не вгоняйте человека в промышленную белую горячку, которая есть тоже источник деятельности, но истощающий, а не поддерживающий силы. Устраняйте только препятствия, замедляющие естественный рост народа. Искусственные приемы хороши в местной патологии, но убийственны против всей экономии общественного организма. Дорожите общиной, как зеницей ока, поддержите, закрепите заложенный в общине смысл народный законом на вечные времена! В нем верный оплот от будущих бед.

СПБ. 3-го ноября 1858 года.

ОБЩИНА ПРОТИВ КОММУНИЗМА

ВАСИЛЬЧИКОВ Александр Илларионович
1818 — 1881

Князь Васильчиков подготовил ряд капитальных научных трудов о землевладении, земледелии и самоуправлении в России, где на большом фактическом материале доказывал необходимость сохранения крестьянской общины как средства экономического процветания России и спасения ее от революции и социализма.

Мы должны также объяснить то глубокое, существенное различие, которое отличает наш мирской быт от общинных и так называемых коммунистических воззрений, проявляющихся в наше время на Западе, ибо, как известно, противники русского мира между прочим приводят и довод, что будто бы наша община есть грубый, но живой зародыш коммунизма, как ее понимают европейские революционеры. и, с другой стороны, наши народолюбивые юноши тоже мечтают найти в русском мире элементы для излюбленных ими учений об упразднении собственности и хозяйства.

В этом отношении те и другие одинаково ошибаются, как и часто случается с людьми крайних мнений, принимающих свои личные опасения и увлечения за всенародные угрозы и стремления.

Наш мирской быт не имеет ничего общего с коммунистическими стремлениями европейских рабочих, и не представляет никаких элементов для разрушения собственности

и семейства; он, напротив, вырос на двух основах: праве поземельной собственности, обусловленном семейным бытом.

Это мы постараемся доказать.

Если не ошибаемся, то суть всех коммунистических учений состоит в том, что доход недвижимых имуществ, и земли в особенности, по справедливости, принадлежит не столько собственнику, сколько лицу, эксплуатирующему имущество, возделывающему землю, и это учение, доведенное до крайних своих афоризмов, приводится окончательно к тому, что не принадлежность имущества, а труд, на него употребленный, основывает право на получение дохода; далее, возводя эту теорию в общий закон человеческих обществ, коммунисты отвергают всякое семейное право на владение, заменяют брачный союз сожитием рабочих мужского и женского пола, двор и общество — казармой и артелью, и, по пресловутому принципу — *a chacun selon ses oeuvres*, распределяют прибыли и убытки по заработкам, добытым работою сообща.

Общее пользование, общинный труд, вольная ассоциация, дележ продуктов и заработков между членами общества — таковы главные основания новейших коммунистических вымыслов.

Нашему крестьянскому быту эти принципы не только чужды, но и противны по существу.

Наш русский мир имеет в виду не общее владение и пользование, а напротив, общее право на надел каждого домохозяина отдельным участком земли; обработка сообща и дележ продуктов, хлеба или сена в натуре, при уборке, никогда не были в обычае русского крестьянства и совершенно противны мирскому быту.

Общественные запашки, огульные работы всегда внушают нашим общинникам неодолимое отвращение, и когда подобные меры принимались помещиками или начальством (в удельных имениях и военных поселениях), то они испол-

нялись только по принуждению и часто с помощью насильственных средств, военных команд и экзекуций, а при освобождении крестьян были повсеместно отменены.

При нарядах на общественные работы, починки дорог, провод канав и т.п., крестьяне всегда избегают работы сообща, разбивают дорогу или канаву посаженно, по тяглам или душам, и исполняют наряд под личную ответственностью каждого домохозяина. Вообще, коммунистический принцип общественного обязательного труда так противен нраву русских рабочих, что они, без сомнения, встретили бы проповедников подобных иноземных учений с таким же радушием, с каким принимали сельских начальников и арачьевских офицеров, выгонявших их, по наряду, на сельские полевые работы.

Существо мирского общинного быта заключается в равном праве на земли всех членов общества пропорционально их рабочим силам; но земля, однажды наделенная, разверстанная, возделывается, пашется, боронится и косится отдельно каждым владельцем.

Коренное понятие, из коего выросло русское мирское общество, есть равноправность всех членов общества по земельному владению, равное разверстание всех полевых угодий между всеми взрослыми рабочими, но вовсе не совместное, общинное пользование, о коем мечтают легковверные реформаторы-социалисты, отвергающие право собственности и семейные связи. Русский мир есть, напротив, наивысшее, даже несколько преувеличенное подтверждение прав собственности и семейного быта, ибо полагает основанием всякого общества — право на землю всех его членов и ставит одно условие, один срок для получения земельного надела — вступление в брак и в семейную жизнь. Полное тягло слагается из двух рабочих душ мужского и женского пола, совершеннолетнего мужика и замужней бабы, и они, совокупно в одном общем хозяйстве, выражают единицу рабочей

силы, первое звено хозяйственного и мирского общественно-го быта.

Поэтому можно смело утверждать, что мирское землевладение в том виде, в коем оно устроилось в великороссийских губерниях на местах первобытных поселений славянских племен, имеет главною основою рабочую семейную силу, полным выражением коей служат не отдельные личности, не индивидуальные способности и нужды, а хозяйственный быт мужа с женой, совокупный их труд, скрепленный брачным союзом и потребностями, истекающими из супружества, пропитанием детей, прокормлением престарелых родителей. Земельный надел есть не только право, но и обязанность; женатый крестьянин не только может, но и должен держать землю; холостой или вдовый мужик должен отыскивать невесту, потому что дом, крестьянский двор, без бабы признается неполным, расстроеным хозяйством. Все эти понятия, права и обязанности домохозяйства и супружества, равноправности и равнотягости соединяются в выражении тягло, которое есть основное понятие русского крестьянского землевладения, точно так как подворный участок есть основа германского аграрного строя.

ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

КАРЫШЕВ Николай Александрович
1855 — 1905

Профессор политической экономии, публицист, земский деятель, предводитель уездного дворянства в Екатеринославской губернии. В своем исследовании «Труд, его роль и условия приложения в производстве» дал огромный фактический материал о развитии трудовой деятельности в России, уделял особое внимание хозяйственному крестьянину, живущему в условиях общины. Карышев отмечает благотворное влияние общины на социально-экономическую стабильность России. Община спасает русского крестьянина от пролетаризации.

Многие кризисные явления в экономике Карышев связывал с неумением должным образом регулировать и реформировать общину с учетом современных требований.

Основное отличие общинного земледелия от частного или подворного заключается в следующем. Земля не составляет собственности одного лица — в общине она принадлежит всем членам в совокупности. Вся община в полном составе распределяет ее между отдельными домохозяевами для использования в течение определенного срока, по истечении которого община снова и снова периодически повторяет такое распределение, называемое «переделом» земли: при этом каждый Домохозяин получает новые участки в иных местах и почти всегда иных размеров.

Некоторые угодья не подлежат переделу; чаще всего это бывают усадьбы и выгоны; другие могут подвергаться ему лишь иногда (огороды, леса, сенокосы); существенной, однако, чертой господствующих у нас общинных отношений служит передел пахотной земли. Как весьма редкая разновидность общинных распорядков встречается артельная общая обработка всех угодий, (кроме усадеб) с разделом продуктов между членами.

Вся совокупность общинников имеет право полного распоряжения всем общинным имуществом; каждый из них, как один из членов корпорации, может подавать голос за отчуждение этого имущества, но не может по желанию отчуждить своего участка, который он получает лишь для пользования с определенными целями. Из сказанного вытекают два важных последствия: 1) общинник не может лишиться своей доли земельного надела и 2) каждый общинник имеет право на получение своей доли из общинной земли. В самом деле, при общинном землевладении каждый домохозяин может, конечно, сдать в аренду свой участок по своей задолженности, бесхозяйности, безлошадности и т.п. причинам, никакого отношения к общинным распорядкам не имеющим; его земельный пай может быть сдан в аренду самой общиной для уплаты его недоимок, но такое отчуждение всегда есть результат силы каких-нибудь внешних факторов; юридически оно представляется временным, форсированным, исключительным: по истечении срока отчуждения или при обзаведении рабочим скотом, вообще при улучшении своего хозяйственного положения общинник никогда не теряет права получить свой участок обратно в собственное пользование. Так, напр., две крупные финансовые меры первой половины 80-х годов — уничтожение подушной подати и уменьшение выкупных платежей, сократившие крестьянские платежи в иных местах весьма значительно, как увидим ниже, имели следствием возврат на родину, требование вновь своих общинных паев и возобновле-

ние хозяйства немалого числа таких крестьян, которые ранее бросали свои наделы и уходили на заработки. Во-вторых, всякий полноправный член общины имеет в составе общинной земли свою долю, сколько бы таких членов ни было. Поэтому каждый общинник — землевладелец, все его дети, сколько бы их у него ни было, также в свое время получают в пользование причитающиеся им участки земли. Раздел общинных полей между всеми общинниками гарантирует им принадлежность этого важнейшего орудия их труда. В данном случае безразлично, велики или малы участки, приходящиеся на долю каждого отдельного члена общины. Общинный принцип заключается в уравнительном распределении наличного земельного фонда общины. Если он чрезмерно мал и участки общинников представляют ничтожные делянки, то это может быть следствием лишь других причин, обуславливающих малоземелие той или иной части населения, но не следствием общинных распоряжений. Нам придется сейчас увидеть, что размеры крестьянского землевладения играют видную роль в системах разверсток земли: чем больше наделный фонд относительно числа общинников, тем и последовательнее проводится общиной уравнительность при переделах.

При господстве денежного хозяйства в жизни каждого собственника и в особенности мелкого, нередко случаи нужды в деньгах. Заем их или залог земли в частных руках или продажа земли могут нередко служить единственными выходами из затруднения. Но сношения с деревенским ростовщиком также ведут весьма часто к потере земли, а такая потеря есть признак разорения. Причины такого явления могут быть весьма разнообразны: одни коренятся просто в индивидуальных свойствах лица, другие — во временном расстройстве его хозяйства, наконец, третьи — в общем угнетенном состоянии хозяйства страны или какой-нибудь ее части. Подобные бедствия, по мнению сторонников общины, и предупреждаются этой формой отношений в зна-

чительной мере. Невозможно думать вместе с писателями 50-х годов, что община предотвращает возможность появления в стране земледельческого пролетариата, так как возрастающее малоземелье может иметь результатом увеличение числа бесхозных или чрезмерное парцеллирование полос, перестающее удовлетворять продовольственным нуждам семьи земледельца. И против последнего, как сказано, община бессильна, так как причины этого явления лежат вне ее. Но процесс обращения населения в пролетариат бесспорно значительно затрудняется при наличии общинных отношений потому, что невозможность юридически отчуждать участок, с одной стороны, сокращает кредитоспособность общинника, а с другой — допускает лишь фактическое отчуждение земли, владение которой может быть восстановлено с улучшением хозяйственного положения должника.

Второй весьма важной стороной в этом деле служит то обстоятельство, что при переделах община наблюдает между своими членами возможное равенство не только в их количестве и в величине земельных паев, но и в их качестве. Каждый общинник получает не один цельный участок, но несколько, иногда много полос разного плодородия и разной отдаленности. Если бы доля его находилась в одном отрубе, невозможно было бы уравнивать плодородие и отдаленность участков между всеми общинниками. Как это делается, постараемся сейчас выяснить.

Выше (...) были указаны причины, по которым мелкая частная земельная собственность ограничена в своем развитии известными пределами и теряет мало-помалу свою выгодность. Можно думать, что община обладает гораздо большей приспособляемостью к изменяющимся хозяйственным условиям и имеет более данных к развитию и переходу к высшим формам земельных отношений. Наличие переделов при росте населения и неизменяемых размерах земельного фонда общинников, конечно способствует раз-

мельчанию участков отдельных лиц и может привести в результате к господству того же «карликового» хозяйства, которое служит столь пагубным отрицательным идеалом, и мелкой собственности. При тех же условиях наступает в общине и уменьшение средств большинства общинников, и недоступность для отдельных членов общины дорого стоящих улучшений, и истощение почвы, и отсутствие кормовых угодий. В конце концов разделение общинного населения на обособленные группы, различающиеся между собой по степени хозяйственного обеспечения, хотя и затрудняемое общинными порядками, все же может делать значительные поступательные шаги. Но тесная имущественная связь, создающаяся между общинниками общностью их земельного надела, обуславливает наличие некоторых условий, способствующих дальнейшей эволюции этой формы земельных отношений. Переделы стремятся уравнивать между членами общины главнейшее орудие земледельческого труда. Насущные хозяйственные нужды отдельных общинников указывают им на выгодность разных проявлений сотрудничества и на необходимость выработки разных форм общественного труда. «Помочь», «супруга», совместное пользование сенокосами, отдельные случаи совместной артельной обработки пахотной земли общими орудиями и т.п. служат внешними выразителями такой тенденции, имеющей целью парализовать вред обособленности отдельного производителя. По мере размельчения хозяйства общинников и усиления недостаточности их обеспечения, такая тенденция развивается с течением времени более и более. Нельзя видеть простой случайности в том, что идея «земледельческих артелей», находившая лишь отдельные, разбросанные случаи для своего выражения в 70-х и 80-х годах, начинает осуществляться в виде систематических опытов в последние годы. Наблюдения окружающей жизни в переживаемый исторический момент наводят на мысль, что дальнейшее развитие указанной

тенденции — тенденции к выработке форм труда, носящих более общественный характер — имеет будущность. Если же это так, если обособленность производителя в общине осуждена на постепенное сокращение, то можно думать, что эта форма земельных отношений эволюционирует к такой, при которой возможна крупная культура, т.е. которой чуждо размельчание участков, доступны дорого стоящие улучшения, при которой можно избежать истощения почвы, можно практиковать в больших размерах сотрудничество, можно применять «средства и знания». Несколько ниже мы увидим, что даже на современной ступени своего развития община вовсе не ставит неодолимых преград таким улучшениям земледельческой культуры, когда на то имеются достаточные данные в виде средств и знаний. Уменьшение обособленности производителя под влиянием настоятельных потребностей и наличных условий ведения хозяйства может только увеличить количественно, распространить территориально и разнообразить приводимые ниже факты поступательного культурного движения общины.

Переходим к внутренним распорядкам общинного землепользования. Они представляют в разных областях нашей страны весьма большое разнообразие, о котором могут дать понятие указанные выше исследования. Здесь мы можем привести лишь наиболее типичные формы этих отношений в самых общих чертах.

Прежде всего отметим, что слово «община» неизвестно крестьянству. В Великороссии его заменяет слово «мир», а в Малороссии — «громада», «общество».

Эта форма землевладения поэтому и называется также «мирским» в противоположность «подворному».

Община не всегда совпадает с понятием деревни, села. Часто такое совпадение действительно имеет место. Это — случай наиболее распространенный. Иной раз община бывает больше или меньше села. Общину называют простою,

если она совпадает с деревней или селом. В Московской губернии простые общины составляют 94 процента всего их числа. Общину называют составною, если она больше деревни или села, т.е. если в состав ее входит несколько деревень, пользующихся одной и той же земельной территорией. Такие общины распространены особенно на севере, где редкое население разбросано небольшими поселками среди лесов, где удобные для земледелия пространства встречаются лишь небольшими участками между землями неудобными, болотами и лесами. В Олонецкой губ., напр., «селением» называется нередко два двора или просто хижина в лесу. Всякий такой незначительный поселок имеет всегда свое особое название. В состав одной общины входит, конечно, много таких поселков (поговорка: «в деревне мира не наберешь»). Она состоит иногда из 20, 30, даже 50 таких «селений». В том же Олонецком уезде насчитывали до 600 таких «селений» в то время, когда общин там было не более 30. Наконец, общину называют раздельною, если она менее села. Это явление тоже довольно редкое и встречается только в селах, составленных из двух или нескольких крестьянских групп. Или деревня населена, напр., и государственными, и удельными и бывшими помещичьими крестьянами; или в бывшей владельческой деревне крестьяне принадлежали нескольким разделившимся наследникам и т.д. В этих и подобных случаях каждая группа имеет свой особый надел и образует самостоятельную общину. В Московской губ. таких раздельных общин числится всего около 4 процентов. По способу владения землей и вообще в отношении всех своих распоряжений общины составные и раздельные весьма сильно приближаются к общинам простым и отличаются от них лишь в подробностях, на которых мы останавливаться не будем и перейдем прямо к внутреннему устройству общин простых.

Основную черту нашей общины, как сказано, представляют пределы одних угодий и общее пользование других. Общины

без переделов с артельной обработкой всех угодий составляют исключения. Обыкновенно же выгоны и пастбища находятся в совокупном пользовании всей общины. Переделам подвергаются пашни, сенокосы и иногда лесные угодья. Усадьбы же составляют предмет частного пользования общинников.

Далее, для ясного понимания приемов переделов земли между общинниками, прежде всего следует ознакомиться с той единицей, которая служит этой цели. Единица эта несколько своеобразна и ее следует себе уяснить, прежде чем начать знакомство с техникой переделов.

Такой единицей служит «душа». Но эта душа не наличная, а условная, фиктивная, податная. После каждой ревизии во всякой общине числится то количество душ, которое застала ревизия. Но в период между ревизиями, очевидно, количество это значительно видоизменяется. Население или возрастает, или сокращается. Следовательно общая сумма душ в общине постоянно колеблется. То же следует сказать и о каждом отдельном семействе. Иные семьи совершенно уничтожаются, другие разделяются на несколько частей, третьи увеличиваются, не разделяясь, и т.п. Считаться со всеми этими изменениями при взимании налогов фискальному ведомству представляется, конечно, невозможным. Оно производит свои расчеты на основании данных последней ревизии и требует от общины то количество платежей, которое причитается с нее именно на основании этих данных. Когда в общину поступает такое требование, то задачей ее делается — распределить возможно равномернее требуемую сумму между наличным числом своих членов. Для этого она накладывает на наличные души известное число (целое или дробное) душ податных. Эти-то податные души (количество которых определено для каждой общины ревизией) и пишутся в каждом окладном листе и служат поэтому единицей раскладки между наличными душами податей и повинностей, лежащих на всей общине. Если, напр., в деревне по ревизии 1858 г.

числится 500 человек, то «душой» (в техническом податном смысле) в ней и до настоящей минуты считается $1/500$ всех податей и повинностей. Если теперь в деревне имеется 1000 наличных душ, то в среднем на каждую падает $1/2$ «души», если 250, то 2 «души» и т.д.

Количество этих душ служит основанием для раскладки податей и для переделов земли. Каждый общинник получает на свою долю, конечно, равное количество того и другого (т. е., напр., пяти душам податным соответствуют непременно пять же душ и земельных). Но определение суммы таких, падающих на долю того или другого общинника в частности, обуславливается весьма многими соображениями. Разделить число душ податных на число жителей мужского пола было бы в этом случае, конечно, проще всего, но далеко не всегда справедливо. Община не допускает такого грубого, противохозяйственного приема раздела. Разница между общинниками в возрасте, в разных личных индивидуальных особенностях, обладании средствами обработки земли (скотом, орудиями и проч.) оказывает немалое влияние на трудовую способность человека, и ее нельзя не принимать в расчет. «Наблюдения показывают нам, — говорит весьма почтенный исследователь Григоров, что общество ежегодно обсуждает самым внимательным образом раскладку общей суммы по дворам, причем принимает во внимание не голый двор, не одно только число работников по возрасту, но оно входит возможно подробно в условия семейного положения, принимает при этом в соображение умственные и физические способности лиц, его составляющих, отправление каких-либо общественных должностей и т.п.»

Главнейший пункт, около которого концентрируются в этом вопросе рассуждения общины, представляет состав семьи. Большая семья с достаточным количеством взрослых мужских работников в хозяйственном отношении гораздо сильнее семьи небольшой или состоящей только из женщин

и детей. Понятно, что в данном случае на практике встречается много комбинаций, варьирующих до бесконечности трудовую способность семьи. Вообще же намечается два типа домохозяев — одиночки и с е м ь я н ы е. Одиночкой считается единственный взрослый работник в семье. Если это человек здоровый, молодой, обладающий некоторым достатком, то он может представлять собой силу, способную «поднять» две и более «души». В противном случае он считается м а л о м о щ н ы м. Сообразно способности своей к труду, старости, болезненности и проч., сообразно имеющимся у него средствам обработки земли (орудиям, скоту и пр.), такой общинник может быть иногда вовсе освобожден от всяких повинностей или получить какую-нибудь дробь «души» (1/2, напр.). Семейными домохозяевами называются те, которые имеют двух и более взрослых работников, достаток которых выше, трудовая способность которых сильнее. Они представляют главную массу, среди которой разделяется остальное количество «душ».

Для распределения «душ» между общинниками сообразно всем этим особенностям отдельных семейств существуют, как сказано, переделы земель. Переделы бывают общие и частные. При общем — переделяется вся общинная земля, при частном — только часть ее. Последний наступает тогда, когда бывает возможно удовлетворить требование новых или прежних общинников о выделе или прирезке им земли при помощи отобрания части земель от других вследствие обеднения, смерти, болезни, ухода и проч. последних. В этом случае мир «сваливает» часть «душ» с этих и «наваливает» их на тех. Кроме того «свалка» и «навалка» «душ» может иметь место просто с целями более справедливого распределения земли по причине каких-либо перемен в уровне благосостояния прежних общинников.

Далее, вообще могут быть три системы разверстки земли между членами общины. При первой принимаются во вни-

мание только мужчины рабочего возраста, по второй — все наличные мужчины, по третьей, кроме числа мужчин, еще и иные признаки состава и благосостояния семьи. Первая система называется т я г о л ь н о й разверсткой, вторая — подушной, третья — смешанной.

Т я г о л ь н а я разверстка совсем не принимает в расчет количество неполных работников в семье. Она считается только с количеством взрослых мужчин, полных работников. Очевидно, эта система принимает во внимание только часть тех условий, которые указаны выше, и потому не может, по-видимому, достигать того равенства общинников, из-за которого и совершаются самые переделы. Такое суждение было бы, однако, ошибочным. Выдающийся знаток русской общины — покойный В. И. Орлов — указывает на то, что разверстка эта встречается в тех случаях, когда она является именно наиболее справедливою. Это бывает там, где надельная земля едва ли может оплатить лежащие на ней подати и повинности да к тому же еще и прокормить общинников без помощи отхожих промыслов или других посторонних заработков. При этих условиях земля не представляет для семьи источника благосостояния, нередко она является даже бременем. Часть работников должна искать посторонних заработков на стороне. Если бы община при этом «навалила» большое количество земельных «душ» на человека, семья которого многочисленна, но бедна полными работниками, то поставила бы его этим в безвыходное положение. Чтобы не бросать земли и в то же время иметь возможность выдержать ее, необходимо сообразовать величину долей общинников с количеством только одних взрослых работников мужчин. Это подсказывает опыт, и так поступает община, взвешивая интересы своих сочленов.

Основанием подушной разверстки служит все число наличных душ мужского пола в семье. Там, где платежи находятся в большем соответствии с доходностями земли, пос-

ледня, очевидно, представляет не бремя, а некоторое благо, к которому стремятся общинники. Каждый домохозяин желает получить ее побольше, чтобы тем полнее удовлетворить потребность своей семьи. «Если бы с течением времени, — говорит В. И. Орлов, — и произошло в ней уменьшение рабочих сил или иные какие-либо семейные несчастья, то это не вызвало бы за собою необходимости отказа от излишней земли, так как ее можно на время сдать в аренду соседу за такую цену, которая покроет платежи; а если бы кто и пожелал «свалить» с себя надел, то всегда найдутся охотники взять ее со всеми лежащими на ней платежами».

Смешанные разверстки практикуются там, где платежи находятся в еще большем соответствии с доходностью земли. По большей части она встречается у крестьян бывших государственных и бывших удельных, имеющих большие наделы и платящих меньше, чем бывшие владельческие. Здесь обладание землей представляет предмет еще больших исканий со стороны общинников, чем в предшествующем случае. И в этом случае община должна принимать в расчет все положительные и отрицательные признаки крестьянской состоятельности и потребности семьи в предметах первой необходимости, и количество взрослых работников, и общее количество всех членов семьи обоого пола, и имущественное положение хозяйства.

Переходим, наконец, к технике переделов и начнем с переделов пахотной земли.

Выше было сказано, что община стремится уравнивать между своими членами участки земли не только количественно, но и качественно. Это бывает всегда необходимо, ибо полосы, хотя бы и равной величины, обыкновенно разнятся одна от другой. Причин тому на практике представляется немало. В о - п е р в ы х. в данном случае играет роль качество почвы. На общинной земле может встречаться глина, песок, камень, чернозем и пр. В о - в т о р ы х, расстояние участ-

ка от усадеб. Обстоятельство это бывает настолько важным, что даже там, где нет почвенных различий, поля все-таки делятся по признаку их удаления от села. Некоторые части общинной земли расположены бывают за 10, 15, 18 верст от двора. Нетрудно понять, какую огромную затрату времени и труда должен нести домохозяин, работающий в таком отдалении. Наконец, в - т р е т ь и х, сюда относятся всевозможные особенности той или другой части общинной земли (болото, низкое или высокое положение места, сырость, защита лесом, покатость места на юг или на север, какая-нибудь неправильная форма участка и пр. и пр.). Согласно общинному распорядку каждый ее член должен пользоваться частью выгод и разделять наравне с прочими часть невыгод, приистекающих от всех у к а з а н н ы х причин. Для этого община прежде всего разделяет по всем этим признакам свою землю на соответственное количество крупных участков, из которых каждый обладает каким-либо специфическим достоинством или недостатком (напр., участки глинистый, каменистый и черноземный, участки ближний и дальний, участки на пригорке, на низу, под защитой леса и пр.). Они носят весьма различные названия в разных местностях России: кон, ярус, столбняк и пр. Число их иногда не превышает 3 — 4, а иногда возрастает до 20 в каждом поле, т. е. всего в трех полях до 60. Это деление на конь имеет целью доставить каждому общиннику возможность получить свою долю земли совершенно такого же качества, какого получает и другой. Всякий из них получает свою часть в каждом кону. Поэтому очерченным приемом устраняются все споры по поводу неравенства естественного плодородия участков. Эта черта переделов существенно отличает общинное землевладение от частного. В то время, как мелкий частный собственник не может изменить почвенных и других названных условий, присущих полосе земли, случайно ставшей его собственностью, общинник пользуется всем разнообразием

их, имеющих в сравнительно большой площади земли, которая отмежевана всей общине. Равенство в этом отношении нескольких соседских мелких частных собственников может иметь место опять-таки только случайно; равенство общинников в данном случае гарантируется тем принципом, который коренится в основании всей системы.

Далее, коны не делятся непосредственно на полосы по числу домохозяев. Имеется еще промежуточное подразделение, называемое в разных местах вытью, осмаком и пр. Этим именем обозначается та доля кона, которая достается в пользование целой группы хозяев. Наконец, выти разделяются уже по числу членов группы на полосы. Такой двухступенный раздел вызывается требованиями простого удобства переделов и является особенно необходимым в больших общинах. Самое назначение вытей и полос производится с помощью жеребьевки в присутствии всех членов общины.

Что касается до переделов сенокосов, то приемы их весьма мало отличаются от приемов переделов пахотной земли. Сенокосы также разбиваются на коны по количеству травы и иным признакам (коны носят в этом случае иные весьма разнообразные названия). Эти — делятся на выти, а выти — на полосы. Нередко, однако, сенокосы не подвергаются переделам и трава скашивается или сообца всей общиной, или группой домохозяев, входящих в состав одной и той же выти. Последний случай наблюден был, между прочим, в Московской губернии, причем между домохозяевами делится не земля, а продукт (трава). И это не составляет особенности названной губернии. Исследования общины в различных уголках России доставляют немало подобных фактов. Так, в некоторых селах Вологодской губ. сено скашивается общим трудом всего мира и складывается в копны. Затем его делят на два сорта и дают поровну каждого сорта каждой половине населения села. Затем каждая половина снова делится на две части и т.д., причем каждая группа об-

щинников продолжает получать по ровной части сена каждого сорта. Наконец, когда путем такого последовательного деления дело доходит до дележа сена между членами общины попарно, то жребий решает, кому должен достаться верх и кому низ копны. Такие и подобные способы пользования сенокосами встречаются вообще нередко.

Нельзя при этом обойти молчанием весьма интересного способа общинного сенокосения на Урале у яицких казаков (сведения относятся к 60-м годам). Войсковое управление назначает для начала сенокосов особый день. Кто вздумал бы косить раньше этого дня, тот лишается права косить сено на один год. В указанный день, начиная с утренней зари, каждый домохозяин начинает обкашивать кругом то место, внутри которого он затем может скосить всю траву в свою пользу. При этом он обязан до вечерней зари того же дня заключить свой круг, т.е. возвратиться к точке своего отправления. В противном случае он не может воспрепятствовать соседу вкоститься своим кругом в его круг.

Наконец, и переделы лесных угодий совершаются по приемам, аналогичным приемам переделов пахоты и сенокосов. Если переделу подлежит лес крупный, то еще на корню он разделяется на известные группы по качеству деревьев. Группы эти, аналогичные конам, разделяются на осмаки, а последние делятся между отдельными домохозяевами. Если же переделу подлежит лес мелкий, то весь он принимается за один кон и разделяется на осмаки и полосы. Если при этом возникает сомнение в равенстве передела вследствие различия в качестве осмаков, то оно устраняется простым увеличением их величины в одном месте и уменьшением в другом. Наконец, если подлежащий переделу лес представляет смесь крупного с мелким, то применяются оба названных способа передела одновременно.

Таковы общинные распорядки. Чтобы изучить те изменения, которым они подвергаются во времени, необходимо

было бы произвести несколько подворных исчерпывающих массовых исследований, разделенных между собой некоторыми промежутками времени. Таких исследований, однако, мы не имеем. Поэтому приходится в этом вопросе довольствоваться теми сведениями, которые имеются.

В литературе достаточно прочно установлены причины, вызывающие коренные переделы общинных земель. Главнейшим определяющим моментом в данном случае служит отношение, существующее между доходностью наделов и размерами лежащих на них платежей. Земско-статистические исследования показывают, что «надельная» земля имеет для крестьянина двоякое значение: она служит ему источником дохода и вместе с тем мерою взыскиваемых с него податей и других сборов. Первое ее значение для него положительное, второе — отрицательное, и окончательное отношение крестьянина к наделу в значительной степени определяется равнодействующей того и другого ее влияния на экономическое состояние хозяина. Где земля не окупает платежей, там хозяйственному крестьянину выгодно получить лишь такой участок, который не отнимал бы всех его трудовых сил и оставлял ему возможность арендовать землю или зарабатывать на стороне, а крестьянину маломощному — отказаться от надельной земли совсем; другими словами — обе категории в этом случае стремятся отделаться от земли, следовательно, «мотивом к изменению существующего распределения наделов здесь служит стремление облегчить членов общины, чрезмерно обремененных платежами, равномерно распределить недоимки, запущенные неплательщиками». С другой стороны, в обществах, где доходность надела равняется или даже превосходит платежи, главнейшей причиной передела служит «малоземелье одних членов общины при относительном многоземелье других, а соответствующий психический мотив — желание увеличить участок как источник дохода. Этот естественный мотив, вызываемый

непосредственно неравномерностью распределения земли между членами общины, усиливается тягостями, лежащими на малоземельных и безземельных ее членах по исполнению воинских и мирских натуральных повинностей, привлечение к которым делается не на основании размера землевладения, а по величине рабочего состава семьи». К этим двум основным мотивам переделов присоединяются еще другие, имеющие меньшее распространение, на которых останавливаться не будем.

В исследовании В. П. Воронцова подробно разработан исторический очерк развития идеи передела после крестьянской реформы. К нему мы и отсылаем желающих изучить фактические изменения в этой области и препятствия, испытанные тенденцией общинников к переделам в течение последних десятилетий. В прежнее время государственные крестьяне давно выработали обычай периодического перераспределения земли между членами общины вслед за ревизией. Когда неравномерность земельного обеспечения общинников начала выясняться после последней ревизии 1858 г., возник прежде всего вопрос о праве общины производить переделы без ревизии. Пока этот вопрос не был решен в утвердительном смысле, до тех пор он служил первым крупным препятствием к устранению возникшего земельного неравенства. Сказанному помогали нередко и представители ближайшего «начальства» над крестьянами, сознательно или бессознательно затемнявшие для общинников истинный смысл закона в этом вопросе. Однако когда население поняло, что перераспределение земли входит в число его прав, препятствия к переделам этим еще далеко не были устранены. Внутри самих общин возгорелась упорная борьба тех, кому выгодно было прежнее распределение участков, с теми, кому выгодно было его изменение. В местностях, где платежи превышают доходность земель, оппозицию переделам должны были оказывать домохозяева, которым переверстка участков грозила увеличением их зем-

левладения: в местностях, где платежи находились в большом соответствии с доходностью земель, оппозицию оказывали те, которым переверстка обещала уменьшение землевладения. В первом случае «против передела стоят бедные, малоземельные крестьяне, думающие, что им трудно будет справиться с большой тягостью, связанной с расширением их участков», во втором случае «противники переделов, кроме семей с большим числом умерших ревизских душ, являются обыкновенно кулаки, мироеды, каштаны, так или иначе захватившие в свои руки наделы переселенцев и другие, или наживающиеся при распоряжении общества мироплатимыми душами. Вспомнив влияние на общественные дела, каким пользуются эти обыкновенно богатые и ловкие лица, легко понять, каких сильных противников имеет в них передел». Борьба бывает упорная, страсти разыгрываются и сторонами пускаются в ход все средства (прибегают и к подлогам, и к обманам, к подкупам, спаиваниям, насилиям и т.д.). Очевидно, при таких условиях перевес должен остаться на стороне, оказавшейся более сильной фактически. Если настойчивость и установленное законом большинство окажутся в лагере требующих переверстки земли «по новым душам» — передел состоится, в обратном случае хлопоты меньшинства останутся без результата. Нетрудно понять, что во всех тех случаях, когда платежи не превосходят доходности земель, борьба за передел есть борьба менее состоятельных членов общины против более состоятельных, борьба обделенных землею против тех, в руках которых концентрировались земельные участки. В этой борьбе замешаны крупнейшие интересы тех и других и потому ее исход может служить весьма важным показателем степени действительного влияния на общинные отношения той или другой из борющихся сторон. Если дифференциация общинного крестьянства дошла уже до той степени, когда все эти «кулаки, мироеды, каштаны», и как они все называются, концентрировавшие в своих руках значительную долю наделов, когда весь этот

люди фактически распоряжаются судьбами общинных отношений, передел, очевидно, состояться не может или может быть произведен лишь по прежней системе разверстки земли, выгодной для этого «командующего» слоя деревни.

Если же переделы совершаются и если системы их эволюционируют в сторону удовлетворения интересов менее состоятельных общинников, то необходимо предположить, что первая группа домохозяев не обладает еще тем безусловным господством над второй. В первом случае община близка к разложению. Общинные порядки если при этом и сохраняются, то лишь по форме, а не по внутреннему своему содержанию, ибо не удовлетворяют более первому принципиальному требованию; они перестают служить всем участникам, а служат лишь состоятельному меньшинству их. Во втором случае эти распорядки удовлетворяют именно потребности большинства, менее состоятельной массы домохозяев, в ущерб интересам более обеспеченного меньшинства, подчас — небольшой кучки, даже единиц, т.е. уравнивают, нивелируют интересы общинников. При таких условиях, очевидно, принцип этот обнаруживает дееспособность.

Было упомянуто, что государственные крестьяне выработали обычай переделов после ревизий. То есть каждый новый передел совершался по новому наличному числу душ мужского пола. Понятия «ревизской» и «наличной» души при этих условиях совпадали. Переделы, совершенные вслед за X ревизией, носили тот же характер — все наличные общинники попадали в ревизию и получали на свою долю участки земли. Понятно, чем далее шло время, тем значительнее становилась разница между числом «ревизских» и «наличных» душ в каждой общине, от движения населения — естественного (рождаемости и смертности) и искусственного (переселений и вселений). Обнаруживалось несоответствие между единицей разверстки (ревизская душа) и потребностями массы общинников. Семьи, в которых имелось сравнительно много мужчин

в момент X ревизии, владели большим количеством наделов, хотя бы численный состав их изменился весьма значительно в смысле уменьшения числа мужчин. С другой стороны, семьи с малым числом ревизских душ владели, очевидно, несправедливо малыми участками в случае разрастания. Ждали XI ревизии для переустройства этих отношений на прежних основаниях, но проходили десятилетия, а ревизии не было. Свалка и навалка душ служили лишь паллиативом.

Крестьяне бывшие помещичьи, в силу меньших размеров и удобств своего землевладения и высоких размеров лежащих на земле платежей, обратились прежде всего к разверсткам по рабочей силе. «Нашлись такие общины, — говорит В. П. Воронцов, — которые донесли эту систему нетронутой до самого последнего времени. Такие общины обыкновенно характеризуются небольшими размерами: несколько дворов, иногда несколько десятков дворов — вот тип тягловой общины». Но и среди этого разряда крестьян начала практиковаться ревизская же система разверстки, подобно государственному, что и понятно, — в начале шестидесятых годов ревизская разверстка почти совпадала с наличной. Но очевидно с течением времени и в этом случае в тех общинах, где доходность наделов превышала платежи, должно было обнаружиться стремление к более равномерному распределению наличного земельного фонда.

В результате у тех и других началась та борьба за передел, о которой сказано выше. Нетрудно понять, что является лозунгом при такой борьбе для обделенных. Это прежде всего — разверстка земли по наличным душам мужского пола, т.е. восстановление того принципа переделов, который действовал ранее вплоть до X ревизии и времени, непосредственно за ней следовавшего включительно. Та часть общинников, которой передел обещает сокращение размеров их участков, понятно, заинтересована в сохранении прежней ревизской разверстки. Нередко прежде окончательной по-

беды первой группы над второй наступает промежуточный период разных разверсток, составляющий переживание прежней системы и переход к новой. Сюда относятся переделы по живым или наличным ревизским душам или разновидность последних — смешанные по ревизским и наличным душам, или, наконец, переделы по наличным душам мужского пола, но не всех возрастов (напр., с 5, с 10 и т.д. лет), вследствие чего дробление участков увеличивается сравнительно несколько слабее и т.п.

Наконец, когда необходимость коренного изменения принципа переделов входит в сознание необходимого большинства общинников, настает момент установления той системы разверстки, которая является наиболее удобной при наличных условиях. Прежде всего там, где доходность земли не покрывает лежащих на ней платежей, наиболее целесообразной, как уже упомянуто, является разверстка тягильная, по взрослым мужчинам, чаще всего — только рабочего возраста.

В этом случае часть работников каждой семьи вынуждена обращаться к сторонним заработкам. Двор, обладающий большим количеством мальчиков и стариков при малом числе рабочих мужчин, очевидно, не смог бы справиться с большим количеством земли¹. Далее, там, где платежи находятся в большем соответствии с доходностью земли, указанное препятствие к разверстке земли по всем наличным душам мужского пола устраняется, и такая система вступает в действие, знаменуя собой победу интересов массы над стремле-

¹ Такая принудительная разверстка земли, представляющей собой для земледельца лишь тяготу (вследствие весьма высоких платежей или плохого ее качества, или ряда крупных неурожаев и т.д.), часто заменяется затем полюбовой «по милу», «по согласию», причем главную роль играет личное решение каждого члена о том, какое количество общинной земли он считает возможным взять на себя, причем мир «накидывает» ему земли больше заявленного лишь в том случае, если он берет на себя («не по совести») меньше, чем он может осилить (В. В. 236).

нием меньшинства сохранить прежнюю неравномерность распределения земли.

Но сказанным дело не кончается. Если общинные традиции не пришли в забвение, если внутренний смысл общинных отношений не отступил на задний план, оставив лишь внешнюю их оболочку (а без всего этого трудно себе представить возможность успешного окончания начатой большинством борьбы и введения разверстки по наличным душам мужского пола), то на такой системе община не может помириться надолго при наличных благоприятствующих условиях. Условия эти заключаются в еще лучшем соотношении между доходностью земель и платежами, а дальнейшая тенденция переделов — в устранении тех неудобств, которые сопряжены с разверсткой по одним мужским душам и безотносительно разных хозяйственных признаков двора. При наличном подушном переделе семья, состоящая из малого числа мужчин и большого числа женщин, может удовлетворять своим потребительным требованиям в гораздо более слабой степени, чем другая, с иным соотношением числа лиц разных полов между собой. Отсюда — стремление внести поправку в принятую систему разверстки в смысле включения в число участников в дележе земли и женщин, и рядом с этим начинают иногда приниматься в расчет и некоторые хозяйственные особенности двора. Являются разновидности так называемой смешанной разверстки, из которых более других начинает пользоваться распространением разверстка на всех «едоков».

Таков общий процесс выработки системы разверстки общинной земли. Все сказанное до сих пор представляет результат фактического обследования общины земской статистикой.

Еще в 70-х годах начала назревать потребность в коренных переделах, но в огромном большинстве случаев те препятствия, о которых говорено выше, удерживали общины

от равнения земельных участков между своими членами. По-видимому, тогда больше всего действовала в этом направлении неясность сознания общинниками своих прав распоряжения их земельным фондом. Мало-помалу сознание это, однако, распространялось в массе, а рядом с этим обострялась и необходимость перераспределения участков. На первый план выдвигалась борьба разных имущественных слоев внутри общины. Обе стороны начинали уже понимать, что передел юридически возможен. Оставалось тем, кому он выгоден, преодолеть тех, кто от него потерпит. В таком положении застала вопрос о переделах большая часть земско-статистических исследований. Первые подворные описи встречали еще очень мало коренных переверсток земли; год от году число таковых увеличивалось. Восьмидесятые и девяностые годы представляют собой, по-видимому, тот период, когда число переделов росло постоянно и повсеместно, когда, следовательно, очень большая часть надельной земли подвергалась переверстке. При этом должны были обнаружиться те течения, которые характеризуют современную общину и выражаются в установлении тех или других систем переделов.

Большой интерес имеют собранные податными инспекторами данные, касающиеся господствующих систем разверсток. Постараемся прежде всего сравнить их с теми аналогичными данными земской статистики, которые приведены у г. В. П. Воронцова. Последние относятся по большей части к концу 70-х и первой половине 80-х годов.; первые — к периоду 1887 — 1893 годов. Следовательно, эти рисуют продолжение и развитие тех процессов в вопросе о переделах, которые установлены теми.

В Херсонской губ. при земско-статистическом обследовании обнаружено было почти исключительное применение ревизской разверстки; в 96,3 процента общин (1602 из 1664). Только 3,7 процента их практиковали другие системы (ис-

ключительную подушную — 42, а по едокам — всего 1). В последнее время эта губерния представляет собой поле приложения весьма разнообразных систем, от первобытных до наиболее совершенных. Ревизская продолжает преобладать только у бывших помещичьих крестьян, но и у них вымороченные наделы предоставляются сходами в пользование или безземельных — преимущественно многосемейных (Херсонский уезд), или же распределяются между всеми членами общества (Александрийский). Далее имеется целый ряд промежуточных систем, составляющих переход к наличной подушной. Так, местами земля поделена по наличным ревизским душам с такими изменениями: или вымороченные участки распределяются между всеми родившимися после ревизии мужчинами (поровну или смотря по возрасту их: Тираспольский, Херсонский, Елизаветградский), или — также между бессыновними вдовами (Тираспольский), или — при ревизском счете принимается во внимание и семейный состав двора: крупным семьям прибавляют землю на мужчин побольше, на женщин поменьше (Елизаветградский). Компромиссы при разверстках выражаются там еще и тем, что подушная система применяется местами к мужчинам не всех возрастов, а лишь с 5 л. или с 1 г. В Тираспольском уезде есть селения, где при этой системе разверстки земли делают различия в размере отвода между взрослыми мужчинами (с 20 лет) и не достигшими этого возраста: последним дают меньше земли. Наконец, в уездах Тираспольском, Аняньевском и Александрийском имеется налицо уже немало разверсток на всех членов семьи без различия возраста и пола («по едокам»). Как ни разнообразны эти системы, но при сравнении их с приведенными более ранними сведениями по тому же предмету, они совершенно ясно указывают на то, что новейшие переделы имеют более уравнивательные тенденции и переходят там постепенно к более высшим с этой точки зрения формам.

Переходим к Таврической губ. Здесь в четырех материковых уездах при подворной земско-статистической описи найдена была ревизская разверстка в 50 процентах общин, наличная — в 30 процентах и смешанная — в 12 процентах. Очевидно, первая преобладала. Что же касается до Крымских уездов, то там она господствовала почти исключительно в тех местах, где не практиковалась заимочная, захватная форма. В последние годы и в этой губернии системы разверсток изменились в том же направлении, как и в Херсонской. Наибольшим распространением все еще пользуется ревизская разверстка, но устои ее, по-видимому, расшатаны очень сильно. Влияние ее сказывается чаще всего лишь в том, что «живые ревизские души» получают большие участки, чем не ревизские (Днепровский, Бердянский, Мелитопольский). В Бердянском уезде она сохранилась в тех — преимущественно мелких — общинах, где во всех семьях население возросло почти равномерно. Там же в виде исключения сохранилась разверстка по работникам (с 18 лет). Рядом же с этим наличная разверстка имеется в Днепровском, Бердянском и Евпаторийском уездах. В Бердянском — в селениях, где земли мало, наделяются мальчики от 3-х, 4-х лет; вообще же эта система распространяется все более и более (без различия между всеми ревизскими душами). Изредка появляется уже и разверстка по едокам (Евпаторийский). Вместе с тем характерно постановление некоторых общин Бердянского уезда — не давать одной семье больших душевых наделов, очевидно для избежания концентрации в немногих руках больших количеств надельной земли. Вдовы и сироты женского пола иногда получают там клинья и вообще небольшие участки, оставшиеся от передела.

Насколько можно судить о системах разверстки в Екатеринославской губернии по обследованию земской статистикой общины в двух уездах — Бахмутском и Славяно-сербском, то переделы по наличным душам и «по едокам»

там еще почти совсем не были известны в половине 80-х годов. Последняя система не встречалась ни в одном из этих уездов, а первая — всего в двух общинах уезда Бахмутского. Ревизская разверстка практиковалась в Бахмутском в 70 процентах исследованных общин, а в Славяносербском — в 43 процентах; в обоих в немалом числе встречались разверстки по работникам и «по согласию»; наконец, переходные формы встречались в первом — лишь в незначительном количестве общин, а во втором в несколько большем.

К сожалению, наш материал, относящийся к последнему времени, ничего не говорит о переделах в Бахмутском уезде и весьма мало о Славяносербском, где теперь существуют параллельно ревизская и подушная (от 17 лет) разверстки. Но сведения несколько полнее о других уездах той же губернии. В Екатеринославском, Новомосковском и Павлоградском при ревизской разверстке остались лишь бывшие помещичьи крестьяне, а бывшие государственные уже перешли к наличной подушной — без различия возраста в последних двух уездах (в одной только волости — с 5 лет) и с 1,5,7,10,17 и 21-летнего возраста — в первом¹. В Павлоградском уезде, кроме того, встречаются уже случаи, когда при разверстке принимается во внимание и весь состав семьи, а в Новомосковском не допускается отвод одной семье больше 4 наделов, как то уже встретили мы в Бердянском уезде.

Таким образом, данные по этим трем Новороссийским губерниям дают основание заключить, что развитие систем переверсток земли в смысле большей уравнительности представляет там характерный факт последних лет.

О Саратовской губернии находим в «Итогах» следующие данные земской статистики. В Саратовском уезде сохранили в то время ревизскую разверстку 29,3 процента всего числа общин, а 70,7 процента делили землю по живым ревизским

¹ При этом делается оговорка, что устранение младших возрастов от участия в разверстке обусловливается недостатком земли.

душам с присоединением неревизских, с 16 — 18-летнего возраста, просто по живым ревизским, по работникам, по работникам с подростками, по достатку семьи и, наконец, по наличным душам. Словом, имелась целая лестница систем, служащих переходом от ревизской к наличной разверстке. Рабочая сила, как единица переверстки, выдвигалась в общинах, в которых надел не окупал платежей, на нем лежавших. В Хвалынском уезде более 60 процентов общин (61,3 процента), придерживались еще ревизской системы, 27,2 процента — по работникам, и только 11,5 процента — подушной наличной. В Царицынском уезде о переделе по наличным душам тогда не было «еще и разговору». Преобладала разверстка ревизская, по живым ревизским с неревизскими от 16 — 18 лет и по работникам. Таковы сведения подворных переписей. В последние годы общая картина переделов сильно изменилась и там в том же направлении, как и в Новороссии. Ревизская разверстка сохранилась преимущественно только в малоземельных общинах (чаще всего у бывших помещичьих крестьян) — в уездах Вольском, Сердобском, Балашевском и Хвалынском. В Саратовском и Вольском встречается несколько переходных систем (свалкой «пустовых» и умерших ревизских душ и навалкой на наличных). Практикуется иногда и разверстка по работникам там, где платежи высоки, хозяйство в упадке (как в татарских селениях) и где поэтому главный источник доходов составляют заработки (Хвалынский). Но «преобладающий» способ разверстки в губернии — по наличному мужскому населению. В Кузнецком и Петровском уездах в счет душ входят и вдовы-хозяйки. Чем меньше надел, тем старше возраст, дающий право на получение земельного пая (иногда с 5 л., иногда старше, иногда даже с 18 л.). Даже в тех уездах, где, как указано, ревизская система сохранилась еще более, чем в других (Балашевский, Вольский, Хвалынский), замечается «усиливающаяся склонность в последнее время» к подушной разверстке. В одном

Хвалынском уезде к ней перешли с 1887 по 1892 г. от ревизской системы 19 общин.

В Самарской губернии более ранние земско-статистические исследования (1882 — 1884 гг.) уездов Самарского, Ставропольского и Бузулукского показали там совершенное отсутствие других систем разверстки, кроме ревизской и тяговой; исследования 1885 — 1888 гг. дали в результате уже некоторое количество наличных разверсток: в 10,4 процента общин Николаевского уезда, в 20,1 процента Бугульминского и 23,5 процента Бугурусланского; наконец, последняя по времени опись Новоузенского уезда (1888—1889 гг.) зарегистрировала уже 58,4 процента общин с ревизской разверсткой. В последние годы — «в Самарском и Ставропольском уездах преобладает ревизская разверстка земли» (стало быть, наличная уже есть, но не преобладает); в остальных уездах подушная разверстка развита не менее ревизской (по количеству мужчин всякого возраста или начиная с 10, 12, 15 лет и т.д.), а всего более распространена в Новоузенском (сведения по этой губернии хотя и весьма кратки, но довольно ясно характеризуют интересующее нас явление).

В Казанской губернии разверстка по ревизским душам в последние годы преобладала только в северных нечерноземных уездах. В уездах черноземных (Ядринском, Цивильском и Свияжском) землю теперь делят только по наличному населению. В остальных уездах обе системы практикуются рядом: в Казанском и Тетюшском ревизская у бывших помещичьих, а подушная наличная — у бывших государственных и бывших удельных: в Лаишевском: при земско-статистическом исследовании в начале 90-х годов

Ревизская: 206 общ. 193 общ.

Подушная: 116 общ. 156 общ.

По работникам: 27 общ. 1 вол.

Т. е. наличная подушная разверстка распространилась за счет двух других. Следовательно, и в этой губернии ревиз-

ская система отступает перед наличной. Больше того, там уже имеются симптомы перехода к переделам «по едокам», состоящие и в привлечении женского пола к пользованию общинной землей. В Козьмодемьянском уезде при подушной разверстке не исключают и вдов; в Лаишевском — в некоторых селениях дают землю и на девочек (до 1/2 надела); в Ядринском — если в исправном хозяйстве за смертью мужчин остались одни женщины, то на каждую дается или целый душевой надел, или 1/2, или 1/3 надела.

Из уездов Нижегородской губернии в «Итогах» находим данные о трех. В Макарьевском наличная разверстка обнаружена была всего в 7,6 процента общин (преобладала тягольная), в Княгининском — в 8,0 процента; столь же мало, по-видимому, была распространена эта система и в Васильевском. В последнее время преобладающая разверстка в губернии — по наличным душам м. п.; минимальный возраст наделяемых при этом увеличивается с уменьшением размеров надела. «Менее распространены разверстки по ревизским душам, по живым ревизским, по имущественной состоятельности семей». В вышеупомянутом Макарьевском уезде чистая ревизская разверстка уже совсем «не допускается»: встречается лишь по живым ревизским душам (что обыкновенно соединяется с привлечением к земле и неревизских). В Васильевском уезде ревизская разверстка теперь практикуется только в 20 общинах, тягольная (по работникам и полуработникам (12 — 18 л. и больше 60 л.) с меньшим наделением землей) — только в 30, а наличная — в 140 (с 2 — 12 лет; подростку 1/2 надела). Наконец, там практикуются уже и переделы по едокам. В Васильевском уезде эта система принята в 35 общинах; в Лукояновском — каждая брачная пара получает один надел, из остальных членов семьи — каждый мужчина (без различия возраста) получает целый надел, а женщина — 1/4 надела (во избежание дробления полос дается только 1/2 двум-трем женщинам, целый надел — четырем-пяти и т. д.).

Таким образом, и в среднем Поволжье, подобно Новороссии, системы разверсток претерпевают в последние годы резкие изменения в сторону более уравнительного распределения общинных земель.

Далее, в двух уездах Воронежской губ., по данным земской статистики, в середине 80-х годов системы разверстки распределялись следующим образом:

Ревизская:

Воронежский у б. помещ. 167 общ. у б. госуд. 42 общ.

Наличная:

у б. помещ. 2 общ. у б. госуд. 57 общ.

Ревизская:

Острогожский у б. помещ. 105 общ. у б. госуд. 57 общ.

Наличная:

у б. помещ. 8 общ.. у б. госуд. 57 общ.

Всего **Ревизская:** 371 общ.=75 %

Наличная: 124 общ.=25 %

Т. е. ревизская разверстка распространена была в 3/4 случаев, причем ее придерживались не только почти все б. помещичьи крестьяне, но и больше половины общин б. государственных. В сущности распространение подушной наличной разверстки было тогда еще меньше показанного, так как в приведенные цифры включены и те общины с малодоходными наделами, которые возвышали минимальный возраст наделяемых земель до рабочего возраста и тем обращали наличную разверстку в тягловую, принимавшую иногда форму разверстки «по согласию». В последние годы дело улучшения систем переделов подвинулось и здесь, наподобие предшествующих губерний. У б. помещичьих сохранилась ревизская разверстка «преимущественно», а не почти исключительно, как это мы видели выше; «во многих общинах» того же разряда крестьян в уездах Бирюченском,

Павловском и Воронежском «замечается стремление перейти к разверстке по наличному мужскому составу дворов», хотя оно и встречает противодействие со стороны малосемейных, но многодушных (по числу ревизских душ) домохозяев. «Иногда препятствием является малоземелье», боязнь чрезмерного дробления полос (Павловский). Следует добавить, что при ревизской разверстке чистая ее форма (по всем ревизским душам) (некоторые общины Бирюченского уезда) дает место переходной форме (по живым ревизским душам) (Бирюченский, Воронежский). Но в селениях б. государственных крестьян вполне господствует наличная подушная разверстка (Воронежский, Павловский, Бирюченский, Бобровский), причем минимальный возраст колеблется так же, как и указано выше. Наконец, проявляются уже и разверстки «по едокам» (Бирюченский, Павловский).

Во всей Курской губ. при земско-статистическом обследовании найдено было всего 40 общин, практиковавших наличную разверстку. Ревизская господствовала во всех уездах почти исключительно, заменяясь в иных случаях лишь тягловою. В новейшее время эта система удержалась только среди бывших помещичьих крестьян Льговского, Грайворонского, Дмитриевского и Тимского уездов, уступив место наличной. Даже и в этих уездах относительно названного разряда крестьян замечается, что они «стали переходить к разверстке земли по числу мужчин во дворе».

В Орловской губ. по аналогичным данным земской статистики разверстка «по едокам» почти не практиковалась, а наличная составляла менее 45 случаев. В последние годы в этой губернии в противность всему тому, что нам известно до сих пор, это положение изменилось, по-видимому, весьма мало, даже почти совсем не изменилось. Наличная разверстка господствует лишь в Севском уезде и среди бывших государственных крестьян Карачаевского. На всем остальном пространстве губернии продолжает господствовать ревизс-

кая система. В Малоархангельском уезде отмечено возникшее в последние годы стремление к переделам по наличным душам, встречающее усиленное сопротивление тех домохозяев, кому выгодна существующая ревизская разверстка.

В Рязанской губ. при подворной переписи ревизская разверстка решительно преобладала, допуская наличную лишь в виде исключения. В Данковском уезде последней придерживались лишь около 30 общин из почти 300, в Ранненбургском — около 12 из почти 275, в Егорьевском — 33 из 606; она была несколько более распространена лишь в Михайловском уезде — 158 из 384 (41 процент). В настоящее время, хотя ревизская система еще и преобладает, но «много разверсток имеется и по наличным душам мужского пола: к этому порядку обыкновенно переходят особенно при переделах последних лет». В уездах Рязанском, Касимовском, отчасти Егорьевском и Касимовском встречается тяговая разверстка (где население живет сторонними заработками более, чем земледелием, и где платежи превышают доходность наделов), переходящая (в северной части Рязанского уезда) в разверстку «по согласию», «по милу». В Касимовском уезде при этих системах не отказывают в наделе и крестьянам свыше 60 лет, если у них нет родственников, которые обеспечивали бы их пропитание. Наконец, где платежи невысоки, при наличной разверстке прибавляют земли на женщин или просто переходят к переделам «по едокам» (Рязанский).

В Тамбовской губернии в годы земско-статистических исследований наличная разверстка у бывших помещичьих крестьян (за исключением единичных случаев) совсем не практиковалась; эта система была более известна бывшим государственным, у которых в 6 уездах¹ в период с 1880 до 1884 г. по этой системе были переделены земли в 225 общинах из 548 (41 процент). В последние годы наличная раз-

¹ Козловский, Кирсановский, Усманский, Тамбовский, Липецкий. Лебедянский.

верстка, по-видимому, приобрела там господство. Ни о какой другой системе не упоминается для уездов Кирсановского, Моршанского, Темниковского и Спасского; в Тамбовском, Козловском, Лебедянском, Елатомском и Борисоглебском рядом с ревизской приобрела большое развитие и наличная.

В Московской губ. в конце 70-х годов тягольная разверстка охватывала почти 75 процентов общин, 3/4 их по работникам, «побратно», а 1/4 по дробной системе — с полурабочими), смешанная — 21 процент общин (бывшие государственные и бывшие удельные) и только около 4 процентов общин полных собственников, быших государственных и удельных, практиковали подушную разверстку. Подобно Орловской губ., здесь мало изменилось это распределение систем. Тягольная разверстка продолжает господствовать. В общинах, где земля «оправдывает платежи», наделы остаются в пользовании и стариков старше 60 — 65 лет, и семейств, в которых число работников уменьшилось; там же, где она их «не оправдывает», каждое изменение числа лиц рабочего возраста вызывает свалку и навалку душ, причем принудительным образом наделяются в большей мере более состоятельные двory (Звенигородский, Бронницкий, Дмитровский, отчасти Рузский: в захудалых деревнях). В более земледельческих уездах встречаются иные системы: в Подольском, Серпуховском и Рузском ревизская разверстка и только в одном Волоколамском господствует наличная (с 5-летнего возраста).

Во всех приведенных губерниях Новороссии, Приволжья, средней черноземной полосы и московской промышленной замечается в последние годы одна общая тенденция: системы переделов, по-видимому, изменяются по направлению от ревизской к более уравнивательным — наличной и «по едокам». Весьма прочно, по-видимому, держится тягольная разверстка, зависящая от плохого соотношения между доходностью наделов и платежами, но и она теперь уже, по-видимому, нередко нарушает свой принудительный принцип и переходит

в разверстку «по милу», «по согласию». Сказанная тенденция проявляется, как кажется, сравнительно слабо в малоземельном центре и гораздо сильнее — на юге и востоке.

Для остальных губерний мы не можем, по свойству материала, сделать тех сравнений, которые произведены выше. Но мы знаем, что история переделов после крестьянской реформы везде начинается с ревизской и тяговой систем. Поэтому, изучая распространенность улучшенных разверсток в настоящее время, мы и без таких сопоставлений легко можем понять, насколько уравнительность переделов сделала успехи в разных местностях Европейской России.

Начиная опять с юга, и в частности с малороссийских губерний, встречаем и там знакомую уже нам тенденцию.

В Черниговской губ. общинное землевладение имеется у бывших государственных крестьян и у большей части бывших помещичьих. Переделов у них «до последних годов вовсе не было, когда среди бывших государственных возникло стремление к новой разверстке земли». Сравнительно мало таких случаев было в Козелецком и в Черниговском уездах, а особенно много — в Остерском, Суражском, Новгородсеверском и Стародубском. Общепринятой системой при этом является разверстка по наличным душам мужского пола (редко — по рабочему составу и по зажиточности). Иногда при этом уменьшаются размеры участков малолетних. У бывших владельческих крестьян переделы реже и системы их носят еще переходный характер (по живым ревизским душам). Наконец, в уездах Новгородсеверском, Суражском и Стародубском встречается уже разверстка «по едокам» — по всему населению, и не только среди бывших государственных, но и среди бывших помещичьих (у этих лица женского пола получают иногда добавочные участки из запасных наделов).

В Полтавской губ. в тех общинах бывших государственных крестьян, в которых уже произведены были переделы, «чаще всего наблюдается переход от ревизской системы

к разверстке по числу всех наличных мужчин (Кобелякский, Прилукский, Кременчугский)». Ревизская удержалась только в мелких и малоземельных общинах Кобелякского уезда; в Лубенском встречается переходная форма — по живым ревизским душам. Ко всему этому должны быть отмечены два очень характерных факта. Первый заключается в том, что в некоторых селениях Кобелякского уезда при переделах не давали на одно домохозяйство более 4 наделов во избежание концентрации наделов, а второй — в том, что в Прилуком уезде в 1886 г. был случай перехода от подворного владения к общинному: крестьяне одной деревни поделили свою частную (подворную) полевую и лесную землю по наличным душам мужского пола.

В Харьковской губ. ревизская разверстка систематически вытесняется наличной. По наличному мужскому населению не делят земли только в Купянском уезде (ревизская) и в Изюмском (по рабочим); В Харьковском, Волчанском и Сумском эта система уже начала заменять собой ревизскую: в Ахтырском и Валковском она практикуется у бывших государственных крестьян, а ревизская у бывших помещичьих¹, которые, однако, в первом из этих уездов стали переходить в последние годы также к наличной разверстке. Наконец, этот порядок практикуется исключительно в Старобельском уезде. Как в этих, так и в названных выше уездах, при такой системе земель наделяются мужчины или всех возрастов, или с 5, 10, даже иногда 15 лет.

В Бессарабской губ. общинное землевладение существует только в двух уездах — Аккерманском и Хотинском. В первом ревизская разверстка удержалась лишь в немногих местах; в большинстве селений землю делят или по работникам, или по наличному мужскому населению. Во втором —

¹ В Валковском земельное владение 90 селений с ревизской разверсткой в 4 раза меньше площади владения 31 селения с разверсткой наличной. Из тех 90 общин в 47 земля распределяется по живым ревизским душам.

еще в первой половине 70-х годов произведены были переделы на все население (без различия пола и возраста) причем «давним» владельцам и имеющим больше скота увеличивали участки по сравнению с остальными.

В Донской области преобладающая система разверстки — ревизская; рядом практикуется — по работникам (Ростовский, Усть-Медведицкий, иногда Таганрогский). В последнем из этих округов от домохозяев неисправных или старше рабочего возраста отбирается часть надела и передается не упомянутым в уставной грамоте. Иногда вдовы получают половинные наделы (Донецкий). Нетрудно заметить, что Донская область принадлежит к числу наиболее отсталых губерний в разверстке общинных земель.

Переходя далее на восток, в Астраханской губ. находим полное господство наличной системы. Ревизская сохранилась только в одной волости Черноярского уезда, в одной — Енонтаевского и в 10 общинах Царевского. В Астраханском уезде принята разверстка по рабочим, встречающаяся местами в Енонтаевском и Черноярском. Везде в остальных общинах практикуется только наличная — по мужчинам всех возрастов или с 5, 10, 13 лет.

Из уездов Оренбургской губ. в Верхнеуральском и Троицком земля, поделенная весьма давно по имущественной состоятельности (по скоту), лишь в редких местах подвергалась последующим переверсткам. «Происходящая отсюда неравномерность участков не вызывает жалоб благодаря невысокой арендной плате — от 20 к. до 2 р. за десятину — у соседних казаков и башкир». Переделов там не бывает, очевидно, потому, что земельный простор обуславливает пока отсутствие в них надобности. Но и здесь иногда составляется приговор об отдаче более бедному домохозяину части пашни более богатого; а иногда производят передел (ревизская система уступила место рабочей, в одном случае — по скоту). В остальных уездах переверстки повторяются более или ме-

нее периодически. В Орском у башкир преобладающей системой является ревизская (с добровольной или принудительной свалкой и навалкой душ), а у бывших государственных крестьян и иногда башкир по рабочим (18 — 55 лет). Гораздо больше, чем в этом уезде, уравнительности в остальных двух; в Оренбургском господствует та же разверстка по рабочим, но с той крупной особенностью, что наделами там пользуются женщины, если пожелают; а в Челябинском делят землю по наличному составу мужчин без различия возраста.

В Уфимской губ. ревизская разверстка сохранилась, по-видимому, только у татар и башкир; русское же население практикует наличную подушную.

В уездах Симбирском, Сызранском и Буинском¹ Симбирской губ. еще преобладает ревизская разверстка, хотя в селениях с сравнительно меньшими наделами Сызранского уезда земля по большей части переделяется по наличным душам. В других местностях (по трем уездам сведений нет) подушная система практикуется рядом с ревизской (Ардатовский) или господствует (Курмышский). По-видимому там еще весьма сильна оппозиция наличной разверстке со стороны мало-семейных домохозяев, пользующихся большими наделами (Курмышский, вероятно, Сызранский). В некоторых частях Курмышского уезда, однако, уже встречается разверстка «по едокам».

В Пензенской губ. ревизская разверстка сохранилась только в Городищенском и Пензенском уездах, но и там она уже испытывает натиск наличной. Разверстка по рабочим (с 16 — 18 л.) встречается в Чембарском, Нижнеломовском, Саранском и Мокшанском, а наличная в Нижнеломовском, Чембарском и Наровчатском (в 3/4 сельских общин).

Вятская губ. практикует целую лестницу систем переде-

¹ В Буинском уезде ревизская разверстка удерживается, между прочим, «вследствие разноплеменности населения — частью татарского, частью чувашского: татары размножаются быстрее чуваш и для последних передел земли по наличному составу невыгоден».

лов. Южная часть губернии сохранила ревизскую разверстку, причем, однако, в расчет иногда включаются и женщины, стоящие во главе хозяйств (Нолинский, Яренский, Уржумский, Сарапульский, часть Малмыжского и северный уезд Орловский). Встречаются также и переходные формы — по наличным ревизским душам (Орловский, исчезают в Котельническом). Значительно распространена, далее, в малоземельных селениях рабочая система (Вятский, Сарапульский, Елабужский, Уржумский, отчасти Орловский). Изредка в бедных селениях последних двух из названных уездов наваливают на более состоятельного домохозяина (имеющего больше скота и построек) больше земли, от которой освобождают менее состоятельного. Наличная разверстка «часто встречается» в уездах Малмыжском (во всех 877 селениях, где были пределы), Елабужском, Котельническом и Орловском. Наконец, «за последнее время замечается движение в пользу разверстки земли «по едокам» (без различия пола и возраста)». К этому порядку перешли в Сарапульском уезде с разверстки «по работникам», в Яранском к переделам «по парням»(?) или «по едокам» начали переходить только с 1887 г.: раньше не производили «в ожидании ревизии и новых нарезок земли». Таким переделам сопротивляются крестьяне, имеющие много ревизских душ в семье и состоятельные. В Вятском уезде при разверстке по рабочим «нередко допускаются отступления в пользу начала распределения «по едокам»: малоробочему, но многосемейному двору прибавляется против нормы 1/4, 1/2 надела и более». Очевидно, эта губерния представляет на сравнительно небольшом пространстве все главнейшие движения, которыми характеризуется наша земельная община в настоящее время, и потому заслуживала бы с этой точки зрения тщательного изучения.

В Вологодской губернии разверстки по ревизским душам, по наличным ревизским, по работникам и даже по наличным душам мужского пола встречаются весьма редко — в единич-

ных волостях и селениях разных уездов. Преобладающей же системой является — «по едокам», без различия пола и возраста, иногда с 5 или с 2 лет. В Яренском и Усть-Сысольском уездах она существует издавна, в остальных (кроме Вольского и Тотемского) она «устанавливалась постепенно, заменяя собой прежний ревизский счет», там, где крестьяне «дорожат наделами», где под руками мало оброчной (казенной и удельной) земли и малоземельные «начали одолевать на сходах». Характерно, что в уездах Устюжском и Сольвычегодском вдовам дают только 1/2 и 1/4 пая и сокращают надел неисправных дворов, в которых большинство едоков — мужчины. Наконец, распространен и при ревизской разверстке обычай отбирать у малосемейного часть пая (1/8—1/4) и передавать многосемейному.

В Архангельской губ. ревизская разверстка встречается кое-где лишь в Печорском и Шенкурском уездах; господствующей же системой «почти везде» служит наличная без различия возраста. В Архангельском уезде при этом иногда принимают во внимание имущественную состоятельность, но не занимающимся земледелием земли не дают¹. В Шенкурском уезде при новейших переделах появилась и разверстка «по едокам».

В Олонецкой губернии ревизская разверстка удержалась значительно больше, чем в предшествующих. Но и там она уступает место более уравнительным системам. От ревизского счета к наличному переходят в уездах Вытегорском и Пудожском и уже перешли в Петрозаводском и Каргопольском. В Петрозаводском участие отдельных селений в пользовании землями общего надела определяется также числом мужского населения «с равнением потребностей селений» (лесом же пользуются только по потребности). В том же уезде, в Повенецком и в виде исключения — в других имеется

¹ У поморов Кемского уезда, не занимающихся хлебопашеством, сенокосами наделяются мужчины с 10 — 18 лет.

разверстка по количеству высеваемого хлеба и убираемого сена (в основание разверстки принимается пространство, засеваемое 1 четвериком ржи = воз сена в 20 пудов). Наконец, в Каргопольском уезде встречаются и переделы «по едокам» («причем принимаются во внимание и силы двора»).

В Костромской губ. о ревизской разверстке не упоминается уже совсем. Она, по-видимому, уже исчезла и заменена почти везде рабочей или наличной, а в некоторых местах разверсткой «по едокам». Первая преобладает в восточных уездах — Кологривском, Ветлужском, Варнавинском, Макарьевском, а также в Юрьевецком и Кинешмском¹; вторая — в Галичском и Чухломском; обе вместе — в Нерехтском, Костромском и Буйском. Характерно размещаются эти системы в последнем уезде: рабочая встречается в тех волостях, где земледелие не может служить единственным источником дохода крестьян и где распространены некоторые промыслы (шапочный, плотничный и проч.), а наличная (или всех возрастов, или с 3 лет) — в исключительно земледельческих. Наконец, в том же Буйском, Варнавинском и Ветлужском землю делят и по всему составу двора и вдовам наравне с домохозяевами мужчинами, если они того пожелают².

В Ярославской губ. ревизский счет сохранился местами только в Ярославском, Угличском, Ростовском и Даниловском уездах, но и здесь — «путем скидок-накидок душевых наделов (или частей их — 1/2, 1/4 души) землевладение приспособляется к наличному мужскому составу семей». В Пошехонском, Мышкинском, Любимском, Мологском, Рыбинском и Ростовском (от 16 — 18 л. до дряхлости) («где мало земли для быстро увеличивающегося населения») имеется разверстка по рабо-

¹ В этом уезде — с 18 лет полтягла, а целое — лишь с 21 — 22 (после явки к отбыванию воинской повинности).

² Вдовам обыкновенно или сохраняют надел мужей, но новых не дают (Галичский), или дают землю в том размере, который она в силах обработать (Костромской), или — преимущественно тем, у которых есть дети (Костромской, Юрьевецкий).

чим (вдовы домохозяйки приравниваются к мужчинам, если нет в семье рабочих мужчин). В Романово-Борисоглебском землю делят исключительно по наличным душам мужского пола (малолетним меньше, подросткам больше, взрослым еще больше), а в Ярославском и Даниловском встречается разверстка «по едокам». Иногда принимают в соображение имущественную состоятельность двора (Пошехонский), выражающуюся в числе скота (Мологский) или доходности кустарных и отхожих промыслов (Ярославский, Угличский).

Ревизская разверстка во Владимирской губ. встречается уже весьма редко (в Александровском, Покровском, Ковровском, Владимирском, Меленковском). В зависимости от хозяйственного значения наделов и в связи с развитием у населения посторонних заработков практикуется то рабочая, то наличная система. Чем хуже почва и чем больше перемещается центр тяжести хозяйства на заработки, тем более распространена первая и тем более расширяется понятие о рабочем возрасте (от 15 — 18 лет до 55 — 60) (Судогодский, Гороховецкий, Вязниковский, Покровский, Ковровский; в уездах с лучшей почвой преобладает вторая (Юрьевский, Суздальский, Муромский, Александровский). Среди всех уездов первой группы встречается также нередко и наделение земель всех, «охотно дают ее вдовам и старикам, лишь бы разобрали всю» (что весьма напоминает разверстку «по милу», «по согласию», в которую часто переходит рабочая): в Ковровском «даже наваливают на сильные дворы» (вероятно, принудительно). Во второй группе рабочая разверстка иногда встречается в селениях с хорошими посторонними заработками (Муромский), или у бывших помещичьих крестьян, или в селениях с землей похуже (Александровский, при этом, однако, здесь принимаются во внимание, с одной стороны — женская рабочая сила, количество скота и вообще состоятельность, а с другой — число едоков). Наконец, в уездах Юрьевском, Суздальском («лучших по почве») и Меленковском прак-

тикуется уже и разверстка по всему наличному населению без различия возраста и пола (по едокам).

В Тульской губернии ревизская разверстка удержалась лишь «местами», где не было переделов с начала 60-х годов. Повсеместно по всей губернии распространена наличная разверстка по мужским душам всех возрастов (чаще) или с 1 — 5 лет (реже). В Тульском уезде установилась разверстка «по едокам» (в 12 волостях из 17), встречающаяся также в уездах Богородицком и Крапивенском.

В Калужской губ. встречается разверстка ревизская (особенно в Мещовском и Перемышльском), по работникам 18 — 60 лет (Боровский, Жиздринский, отчасти Калужский, Тарусский), особенно развита система — по наличным душам, преимущественное распространение имеет разверстка «по едокам» (Малоярославский, Козельский, Лихвинский). Здесь вообще замечается усиленное тяготение крестьян к земле, о чем несколько подробнее сказано будет ниже.

В восточной и южной частях Смоленской губернии сохранились еще «прежние порядки разверстки»; ревизская (Рославльский, Ельнинский) и рабочая (Гжатский), или рядом обе (Юхновский, Вяземский). В остальных семи уездах (о Дорогобужском сведений нет) эти системы встречаются лишь в виде исключения. В Смоленском уезде рядом с рабочей практикуется и наличная разверстка; даже иногда с наделением землею вдов и малолеток; в Краснинском уже перешли к наличной с нарезкой земли на женщин, если их много во дворе; наконец, в Вольском, Поречском, Духовщинском и Сычевском («крестьяне стали дорожить больше наделами») практикуется, по-видимому, исключительно разверстка «по едокам» (без различия пола и возраста или с 3 — 5 лет).

В Тверской губернии в местностях, где переделы еще встречают сильное сопротивление со стороны более состоятельных крестьян, продолжает еще держаться ревизская разверстка, хотя свалки и навалки душ и здесь стремятся при-

вести землепользование в большее соответствие с наличным и рабочим составом семейств и отчасти — с их имущественной состоятельностью (Тверской, Новоторжский, Ржевский, Весьегонский, Старицкий, Зубцовский и отчасти Кашинский). Эта система уступает место другим везде, где переделы уже состоялись. Рабочая (от 18 — 21 г. до 60 лет) имеется в Старицком, Зубцовском, Тверском (в селениях с плохим наделом), Вышневолоцком («вследствие малопродуктивности почвы»), Осташковском, Корчевском, Калязинском и отчасти в Кашинском. При этом в местностях с особенно плохой почвой принимается во внимание «сила» отдельного двора. Далее, наличная разверстка встречается уже во всех уездах, причем наделы малолетков и подростков бывают иногда меньше наделов взрослых. Наконец, в Тверском уезде в селениях с наделами «высокого качества» и в 70 общинах Кашинского уезда появилась уже разверстка «по едокам», а в Бежецком «она стала теперь обычною».

В восточных уездах Новгородской губ., где полевое хозяйство развито слабо, господствует или ревизский счет (Белозерский, Тихвинский у бывших помещичьих), или по рабочим (Устюжнский, Тихвинский у бывших государственных); при этом иногда соображаются с «моготой» дворов; в Новгородском и Боровичском распространяется уже переходная форма — по живым ревизским душам. Там, где земледелие играет большую роль — улучшенные формы разверстки уже утвердились: наличная — в Старорусском, Крестецком и Череповецком (без различия возраста или с 5 — 10 лет), или «по едокам» — в Боровичском, Новгородском, Старорусском, Череповецком, Демянском. При той и другой системе принимается иногда во внимание имущественная состоятельность двора (Старорусский, Череповецкий).

В С.-Петербургской губернии ревизская разверстка сохранилась только в Петергофском уезде и в некоторых селениях Царскосельского и Гдовского. Наибольшим же распростра-

нением, по-видимому, пользуется система по работникам (Ямбургский, Шлиссельбургский, частью Гдовский и Царскосельский). Но в последнее время в Гдовском же уезде стала распространяться система наличная и (реже) по «едокам».

В Псковской губернии ревизский счет еще преобладает. Но более уравнительные системы получили и там в последние годы заметное распространение: не только наличная (Новоржевский, Псковский, Опочецкий, Великолукский), но даже и — «по едокам» всех возвратов или с 3 — 10 лет, или с нарезкой половинного надела до 12 — 15 лет (Псковский, Опочецкий, Великолукский).

В Витебской губернии общинное землевладение преобладает среди бывших помещичьих крестьян, в ее северо-восточной части — в уездах, смежных с Псковской и Смоленской губерниями (Себежском, Невельском, Городокском и Велижском), но встречаются и в других местах. В Себежском уезде практикуются системы разверстки: и ревизская, и по живым ревизским душам, и по рабочим, и по имущественной состоятельности («зажиточные получают меньше земли»). В остальных, по-видимому, безусловно господствует или наличная разверстка земли, (Невельский, Городокский, 2 волости Двинского), или «по едокам» (Велижский).

Наконец, в Могилевской губернии общинная земля, отведенная бывшим помещичьим по ревизскому счету, а бывшим государственным по наличному (мужчин м. п.) 1873 года (люстрационными комиссиями), не переделывалась в большей части губернии. Но в Могилевском, Быховском и Чаусском уездах перешли к разверстке по работникам.

Приведенный материал, очевидно, весьма несовершенен. Это не результат научного массового изучения вопроса. Но его однородность позволяет думать, что в Европейской России, по-видимому, везде наблюдается в данном случае одно и то же движение, укладываемое в очень небольшую формулу.

В начале 60-х годов крестьяне разных разрядов были наделены землей по числу душ мужского пола, зарегистрированных в X ревизию. Число это еще весьма близко совпадало в то время с числом наличных душ того же пола, и потому крупных неудобств от такого деления вначале не возникало. По мере того, как личный состав каждой общины изменялся в силу рождаемости, смертности, вселении и выселении, неравномерность землепользования отдельных домохозяев выступала все более и более рельефно. Если бы к тому времени успело бы уже заглухнуть в массе сознание тех хозяйственных выгод, которые соединяются с общинным землевладением для огромного большинства домохозяев, новых переделов не возникало бы. Но произошло иное. Когда указанная неравномерность землепользования стала сказываться острее, масса домохозяев не пожелала примириться с этим явлением. Возник вопрос о переделе, а вместе с тем возникли и те препятствия к осуществлению желания массы, о которых говорено выше. Началась упорная борьба за переделы между общинниками, в которой обе стороны боролись за те свои личные выгоды. Это явление, конечно, не могло окончиться быстро. И упорство обеих сторон, затронутых в своих насущнейших интересах, и различия хозяйственные, племенные и иные, разделяющие русское крестьянство, и громадность территории, на которой эта борьба происходит, — все это обусловило продолжительность переходного периода. Мы едва ли ошибемся, если скажем, что для всей общинной России он длится уже 20 лет, и еще далеко не завершен, как показывают приведенные данные. Еще в каждой губернии имеется немало общин с первобытной ревизской разверсткой. Наиболее отсталыми в этом случае местностями, как мы могли заметить, являются, по-видимому, губернии Орловская, Московская, Приозерская область, Донская область. Но опять-таки, едва ли мы ошибемся, если скажем, что большинство местностей общинной Европейской России теперь уже зна-

чительно меньше знакомо с такой системой, чем прежде. Общий характер картины уже, кажется, изменился, другие системы разверстки занимают место, оттеснив ревизскую. Другие, но не новые. В прежнее время крепостные переделывали отводимую им землю по рабочей силе (по «тяглам»), а более обеспеченные землей государственные крестьяне — от ревизии до ревизии, т.е. по новым наличным душам. Эти же системы и сменили собой теперь ревизскую. Там, где земли мало, или она плоха, или доходность ее не «оправдывает» лежащих на ней платежей — она переделывается по рабочей силе семейств (тягловая рабочая или дробная разверстки), но где больше, где она лучше и где она с избытком покрывает платежи — она переделывается по наличным душам мужского пола (потребительный признак ставится на место производительного). В новейшее время, по-видимому, получили распространение еще другие, родственные последним системы переделов, представляющие собой дальнейшее развитие того же принципа. Рабочая разверстка во многих местах заменяется разверсткой «по милу», «по согласию», а наличная — разверсткой «по едокам». Общины, несущие за пользование землей больше повинностей, чем получают от него выгоды, могут облегчить своих членов только одним путем: обратив принудительную разверстку своих тягостей в добровольную — это и есть система «по милу», больше ничего община сделать не в силах. Общины, получающие реальные выгоды с своих земель, могут уравнивать их между своими членами лучше (чем при наличной разверстке), только приняв во внимание потребительные потребности не одного пола, а обоих; это и есть система «по едокам». Опуская разные промежуточные переходные формы разверсток и разные варианты приведенных основных типов их — сказанным исчерпывается схема той эволюции, которая, насколько можно судить на основании приведенного материала, совершалась в недавние годы в нашей земельной общине.

Чтобы отчетливо выяснить себе научным путем все причинности, закономерности в области общинной жизни, такого симптоматического изучения вопроса, конечно, мало. Необходимо для этого произвести строго статистическое обследование переделов за определенный период во всей общинной России или в значительной ее части и сопоставить полученный результат с колебаниями тех факторов, которые оказывают на общину то или другое влияние. (...) Мы довольно хорошо знаем, что происходит в общине, но весьма мало знаем, почему это происходит.

Приведенные сведения лишены цифрового характера и потому теперь для такой обработки не годятся. Но на основании их можно попытаться сделать два указания на причины, которыми обуславливаются те или другие колебания системы переделов.

Первое из них заключается в том, что размеры землевладения крестьян играют выдающуюся роль в вопросе об изменении систем разверсток. Чем меньше надельная площадь селения, тем дольше задерживается в нем деление земли по ревизским душам. Малоземелье не служит, конечно, единственным фактором этого явления, но едва ли можно сомневаться в том, что оно представляет собой одну из сильных причин его, влияющих в сказанном смысле. В доказательство этого положения мы не будем делать подробные поездные сопоставления между размерами наделов и системами разверсток. По свойству материала они являются и невозможными. Но приведенный материал и без того дает достаточно указаний в этом направлении.

Прежде всего, можно заметить, что бывшие помещичьи крестьяне чаще остаются еще до сих пор при ревизской разверстке, чем больше наделенные землей бывшие государственные.

Рядом с этим мы имеем отдельные указания на то, что именно малоземельные общины не изменяют прежней

системы переделов. Это упомянуто, напр., о Кобелякском уезде Полтавской губ. Для Валковского уезда Харьковской губернии было уже выше отмечено, что там «земельное владение 90 селений с ревизской разверсткой в четыре раза меньше площади владений 31 селения с разверсткой наличной». Аналогичную роль играет пригодность надельной земли для хлебопашества. Уменьшение значительных размеров ее удобной производительной площади имеет, по-видимому, тот же результат, как и сокращение площади наделов вообще, т.е. задерживает переход к более уравнивающим системам переделов.

Так, в Таганрогском и 2-м Донском округах Донской области, одной из наиболее отсталых в этом отношении местностей России, встречается много весьма плохих надельных земель, солонцеватых, глинистых, неудобных к обработке, на которых лишь в виде исключения попадает тонкий слой чернозема.

В Казанской губернии уезды с ревизской разверсткой — Козьмодемьянский, Царевококшайский и Чебоксарский — характеризуются относительно меньшим количеством пахоты на крестьянских наделах (58,6 процента, 62,6 процента и 70,1 процента удобной пахотной земли; в остальных уездах от 70,6 до 83,0 процента) и большим — лесной площади (15,9 процента, 20,1 процента и 13,9 процента; в остальных — от 5,0 до 12,9 процента).

Второе указание, которое можно почерпнуть из нашего материала, состоит в том, что уменьшение размеров платежей, лежащих на крестьянской земле, способствует скорейшему переходу общин к более уравнивающим системам переделов. В том крупном и повсеместном процессе ломки ревизской разверстки и замены ее разверстками по наличным душам и «по едокам», который мы проследили по всей Европейской России, сыграли существенную роль две финансовые меры первой половины 80-х годов: уничтожение

подушной подати и уменьшение выкупных платежей. Прямых указаний на этот счет имеется много¹.

Можно думать, что если о названном факторе не упомянуто по остальным губерниям, то из этого еще не следует, что чтобы там он не играл той же роли. Особенно характерен следующий отзыв из Калужской губ. Выше уже было упомянуто, что тяготение крестьян к земле там в последние годы возрастало. Так, «в Мещовском и Перемышльском уездах, где ранее крестьяне бросали наделы и уходили на сторону, преобладала разверстка земли по рабочей силе; в настоящее время крестьяне возвращаются на землю и требуют ее себе». В иных случаях это влечет за собой даже возврат к ревизской разверстке². «Как ранее допускались отступления. в разверстке земли — накладывали на более состоятельных домохозяев и давали льготу многосемейному, но захудалому двору, — так и теперь, при равных правах на землю, отдается предпочтение беднейшему, лишь бы платил повинности без недоимок». В Жиздринском уезде прежде делили землю по ревизскому счету, «но так как на душевой надел причиталось тогда 12 — 15 р. и более налогов,— что при слабой производительности почвы в уезде и необходимости сильного ее удобрения было непосильно для домохозяйства с большим числом ревизских душ, то крестьяне снимали землю с мало-мощных дворов и накидывали ее с причитающимися сборами на домохозяйства более сильные. Со времени понижения выкупных платежей и с отменой подушной подати среди сельских обществ началось движение в пользу разверстки общинной земли по рабочему или же по наличному составу дворов. Такой способ разверстки в настоящее время и пре-

¹ Из губерний: Петербургской, Новгородской, Вятской, Астраханской Таврической, Бессарабской, Черниговской, Нижегородской, Владимирской, Тверской, Калужской, Смоленской.

² Кроме упомянутых двух уездов Калужской губернии, такие случаи встретились теперь только в уездах Масальском той же губернии, в Днепровском Таврической и в Волховском Орловской.

обладает. Движение это продолжается до сих пор и вызвало во многих сельских обществах коренные переделы» и т.д. Такой отзыв является типичным и повторяется с большими или меньшими вариантами из многих мест.

Если оба эти наблюдения справедливы, то получается такое положение. Общинные формы землевладения тем прочнее и совершеннее, чем больше размеры крестьянских земель. Когда делить нечего или почти нечего, интерес общинников к переделу, понятно, сводится к нулю. Такое же положение получается и в том случае, когда площадь наделов хотя относительно и не мала, но неудобна для обработки. Внимание населения при таких условиях направляется главным образом на развитие местных или отхожих заработков, на арендувание вне-надельных земель, но не на формы своего собственного землепользования. Наоборот, чем шире размеры наделов, тем больше податные обязательства общинников, с одной стороны, и тем больший валовой доход их хозяйствования на собственной земле с другой. И в том случае, когда сказанные обязательства превышают эту доходность, и в том, когда соотношение этих факторов имеет обратный характер — общинники являются заинтересованными в возможно равном их распределении. Строгое применение такого равенства важно для существеннейших их материальных интересов, как в том случае, когда уравниваются их хозяйственные минусы, так и в том, когда уравниваются плюсы. Это во-первых. Во-вторых, общинные формы землевладения тем прочнее и совершеннее, чем ниже лежащие на общинной земле платежи. Если доходность хозяйства на общинных наделах относительно и не мала, но если вся она или почти вся поглощается повинностями, землевладение приобретает характер обязанности и теряет положительное значение в глазах общинника. Интерес последнего к земле возрастает в прямом отношении к увеличению той части дохода его хозяйства, которая остается в его распоряжении по пога-

шении обязательных платежей, а при этом растет, понятно, и стремление сохранить в возможной неприкосновенности те формы разверстки, которые гарантируют более равномерное распределение ожидаемых от хозяйства выгод. Следовательно, в смысле улучшения систем переделов важное значение должно оказывать сокращение всякого рода лежащих на земле повинностей, так как оно может создавать эти выгоды там, где их до тех пор не было (где платежи превышали до тех пор доходность) и увеличивает их там, где платежи были ниже доходности хозяйства.

В этом именно направлении и слагалось влияние отмены подушной подати и понижения выкупных платежей. Нетрудно догадаться, что всякое увеличение податной тяготы, падающей всегда на землю, равно и развитие малоземелья, должны действовать в обратном смысле.

Все сказанное убеждает в том, что в общинном землепользовании играют весьма важную роль платежи и разные повинности, лежащие на сельском населении. Поэтому знакомство с той обстановкой, среди которой прилагается труд общинников, было бы неполно, если бы мы не сделали попытки ознакомиться с приемами общинных раскладок. Воспользуемся при этом тем же материалом, собранным податными инспекторами, которым мы пользовались выше.

Напомним, что материал относится ко всей общинной Европейской России, кроме Кавказа. Нижеследующие данные имеют тот особый интерес, что приемы общинных раскладок во всех деталях известны у нас вообще мало — гораздо меньше, чем приемы переделов общинных земель. Книжка покойного Трирогова «Община и подать» касается больше других этого вопроса, но в ней речь идет, во-первых, о половине 70-х годов, а во-вторых, — только об одной части Поволжья. Поэтому всероссийская анкета об общинных раскладках последних годов приобретает большое значение, поскольку можно положиться на точность добытых ею сведений.

Закон предоставил волостным, и в особенности сельским, сходам обширные права в этой области. Статья 51 п. 11 Общ. Полож. уполномочивает сельский сход производить «раскладки всех лежащих на крестьянах казенных податей, земских и мирских денежных сборов, равно как земских и мирских натуральных повинностей», а ст. 78 п. 5 возложила на волостной сход «назначение и раскладку мирских сборов и повинностей, относящихся до целой волости». Права эти представляются очень обширными. Объектом обложения казенными и земскими сборами для казны и земства является вся земельная территория, числящаяся за целой общиной, а не участок отдельного домохозяина. В общину поступают окладные листы, в которых обозначаются лишь общие суммы причитающихся с нее платежей, а не те отдельные части их, падающие на долю каждого общинника, из которых эти суммы слагаются в действительности. При подворном владении важнейшие по своим размерам сборы — выкупные платежи — почти никогда не разверстываются сходом, так как суммы их указаны на каждого домохозяина в отдельности в особых именных списках подворных владельцев селения, приложенных к актам наделения их землей. При общинном же владении все сборы, падающие на землю целой общины, разверстываются исключительно по желанию схода, по той системе, которая принята самой общиной. Что же касается до мирских сборов (волостных и сельских), то не только раскладка их, но и возникновение, и назначение, и размер всецело зависят от усмотрения соответственных сходов по принадлежности. Так как общая сумма крестьянских платежей всегда составляет весьма крупную часть доходности крестьянской земли, а в иных случаях даже превосходит последнюю, то не трудно видеть, насколько существенны те интересы отдельных домохозяев, распоряжение которыми вверено сходам, и в особенности — сельскому.

Но прежде чем ознакомиться с практикой, которая в этом случае установилась в общинной жизни, мы должны вспомнить общие критерии, являющиеся обязательными при суждении о степени уравнительности, целесообразности, продуманности принятых систем.

Финансовая теория знает три способа обложения: налог равный, пропорциональный и прогрессивный.

Финансовая практика всех цивилизованных стран еще далека от того, чтобы прогрессивное обложение было положено в основу финансовой системы. Представлять такое требование к нашей общине — следовательно, значило бы искать в ней того, что представляется еще пока научным идеалом. Господствующим на западе принципом обложения является пропорциональность с теми или другими смягчениями его в сторону прогрессивности, в роде установления известного минимума, не подвергающегося обложению и т.п. Ближайшее фактическое исследование общинных раскладок прежде всего и должно выяснить, придерживается ли мир неуровнительного, несправедливого, отвергнутого теорией «равного» налога, или более уравнительного, более справедливого пропорционального и практикуются ли при этом какие-либо поправки к этой системе в указанном направлении.

Размер казенных и земских сборов не зависит от общины. Мир получает готовые окладные листы, определяющие денежные суммы, которые должны быть так или иначе распределены между плательщиками и взысканы с них. Размер мирских сборов также является более или менее обязательным для общин. Согласно последнему обследованию этого предмета центральным статистическим комитетом расходы более или менее устойчивого типа, более постоянные (по управлению, выполнению повинностей и на другие общественные нужды) составляют почти 10,2 процента всех мирских сборов, а расходы сельскохозяйственные всего 12,8 процента, причем и среди последних имеются такие, которые так-

же носят более или менее постоянный характер (напр., плата пастухам, расходы на борьбу с вредными насекомыми и животными).

Следовательно, мир не может иметь сколько-нибудь заметного влияния на величину общей суммы подлежащих раскладке платежей и, следовательно, на отношение последних к доходности хозяйства плательщиков. Какова бы ни была эта сумма, каково бы ни было это отношение, сход должен произвести раскладку причитающихся сборов во что бы то ни стало. Поскольку удастся ему при таких условиях удовлетворить указанным выше требованиям уравнительности раскладок, принимая во внимание высокие размеры обложения у нас крестьянских земель, — этот вопрос и устанавливает ту точку зрения, с которой представляется весьма интересным упомянутый выше фактический материал.

Обратимся прежде всего к раскладке казенных и земских сборов. Всеобщее правило, наблюдаемое в этом случае при общинных раскладках решительно везде в России, состоит в том, что платежи эти разверстываются пропорционально размерам земельных участков, находящихся в пользовании отдельных домохозяев. Эта система господствует без исключения во всех 40 губерниях, в которых имеется общинное землевладение.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что аналогичный порядок разверстки, в виде переживания, сохранился в губернии Подольской, где общинного землевладения теперь не встречается. «Хотя землевладение в этой губернии исключительно подворное и выкупные платежи исчислялись при отводе надела не только в одной общей сумме с селения за всю мирскую землю, но и по каждому подворному участку в составе селения, тем не менее эти платежи разверстываются в Каменецком и Гайсинском уездах ежегодно вместе с остальными окладными сборами». Таким образом, во всех тех случаях, когда окладные сборы не покрываются общин-

ными оброчными статьями¹, когда, следовательно, неизбежно производить их раскладку, система последней находится в зависимости от принятой системы разверстки земли².

В тех селениях (главным образом — крайнего севера), которые имеют общие земельные владения, в иных местах еще сохранилась в виде переживания первоначальная ревизская раскладка платежей между отдельными селениями, но и там внутри селений между отдельными домохозяевами сборы разверстываются по действительным размерам землепользования каждого. Такова, напр., принятая система в Олонецкой губ., где большая часть сельских обществ состоит из многих селений, включенных в одну общую владенную запись или выкупную сделку (на 4067 селений 1892 г. составлено 1069 окладных листов); число селений в сельском обществ доходит до 28 в Олонецком уезде и до 63 — в Повенецком. Аналогичные условия находим в Кольском уезде Архангельской губ. и в Устюгском и Сольвычегодском уездах Вологодской губ. (где в разных селениях, входящих в состав одного и того же сельского общества, приняты разные системы разверстки земли). Тот же прием разверстки встречается

¹ Такие факты изредка встречаются, напр., в одной волости Печорского уезда Архангельской губ. (тони), в нескольких волостях Красноярского уезда Астраханской губ. (сдача в наем киргизам разных угодий, рыбные ловли) и в некоторых других местах.

² Из двух только мест имеются сведения о каких-то нарушениях этой общей системы, смысл, которых, однако, не представляется ясным: 1) «только по Сызранскому уезду есть указание (не вполне определенное), что в селениях с дарственным наделом (по одной десятине не рев. души), находящихся в восточной части уезда (Самарская Лука), окладные сборы разверстываются между ревизскими душами, без ображения с существующим распределением между ними общинной земли» и 2) в Пермской губ. «в некоторых обществах» разверстывается по земле лишь процентов 60 — 70 всякого рода сборов, «остальное же раскладывается по ревизским душам». Так как для этой губернии материал страдает большой неопределенностью и неполнотой по вопросу о разверстке земель, то не представляется возможным отчетливо понять тех отступлений от общего правила, которые в данном случае наблюдаются.

и в Павловском уезде Воронежской губ. для селений с общим владением.

Таким образом, по общему правилу, кто пользуется большим количеством земли, тот и платит больше, и наоборот. В данном случае представляется безразличным, какое отношение существует между платежами и доходностью наделов. Если первые больше второй, то община, распределяя землю по рабочей силе своих членов, пользуется тем же критерием для выполнения лежащих на ней повинностей и стремится уравнивать таким путем тот минус, который образуется в этом случае в каждом отдельном хозяйстве. Если доходность наделов выше платежей, если в силу этого при разверстке земли принимаются во внимание потребительные требования общинников, система раскладки также соответствует распределению земельных участков, доходом которых платежи покрываются. Мир уравнивает в этом случае те полосы, которые остаются в хозяйстве каждого члена от соотношения названных факторов. Право пользования землей и обязанность выплачивать сборы следуют друг за другом в строгой зависимости между собой.

Таково общее положение, но в отдельных местностях размеры доходов домохозяев зависят в сильной степени не от полевого хозяйства, а от других факторов (скотоводство, огородничество и др.). Там приведенная система разверстки платежей, очевидно, не находилась бы в соответствии со средствами к их уплате. Поэтому в таких случаях к ней делаются те или другие поправки, имеющие целью восстановить это соответствие. Поправки эти вводятся довольно разнообразными приемами; для таких более сложных раскладок избираются довольно несхожие между собой единицы в зависимости от местных условий.

Такой единицей служит иногда скот, причем часть сборов разверстывается по земле, а часть по скоту. Этот случай распространен в Астраханской губернии (встречается во всех

уездах, кроме Красноярского). В Царевском уезде такая разверстка практикуется потому, что «некоторые крестьяне держат много скота и выпасывают его на общественных выгонах с промышленной целью». В некоторых селениях Черныярского уезда выкупные платежи раскладываются частью по земле, частью по числу рогатого скота, принадлежащего домохозяйству (по 25 $\frac{1}{2}$ к. со штуки). В некоторых обществах Царицынского уезда Саратовской губернии существует «особый сбор со скота, целиком поступающий в уплату окладных сборов до общей разверстки их по надельным душам; этот порядок обложения объясняется тем, что здесь часть наделов состоит под пастбищем и владельцы значительного количества скота при разверстке исключительно по землевладению пользовались бы большими преимуществами перед остальными домохозяевами». В Черниговской губернии (в одной волости и в нескольких обществах — немецких — Борзенского уезда) часть сборов, причитающаяся с выгонных земель, которые находятся в общем пользовании всех жителей селения, разверстывается между отдельными домохозяевами по числу голов выпасываемого скота. В Хотинском уезде Бессарабской губ. казенные и земские платежи раскладываются также и по скоту, и по земле. Там устанавливают сначала «размер сбора со скота — напр., по 1 р. со штуки крупного и по 10 коп. с овцы (козы и свиньи обыкновенно не облагаются); затем остальная сумма распределяется по наделам».

Далее, к обложению привлекаются иногда усадьбы, если владение ими представляет особые выгоды или если размеры их не соответствуют более новому распределению полевой земли. Так, в Ямбургском уезде С.-Петербургской губернии часть выкупных платежей «разверстана по величине усадебного места каждого двора, причем в некоторых селениях установлены разные разряды усадебной земли по качеству ее и другим основаниям (этого усадебного сбора причитается около 1 коп. с кв. саж., т.е. от 7 р. до 10 р. за усадьбу)».

В некоторых местностях Тверского уезда, «где количество усадебной земли, принадлежащей отдельным дворам, перестало соответствовать количеству предоставленной им теперь полевой земли, часть выкупных платежей взимается отдельно с усадебной земли, напр., по 1 р. 50 к. с души усадебной земли». В большинстве волостей Нерехтского уезда Костромской губ. при раскладке выкупных платежей принимается в расчет размер усадьбы домохозяина («усада»), так как вследствие изменений семейного состава дворов размер усадебных участков, оставшийся без изменения, нередко не соответствует существующему распределению полевых угодий.

Раскладка выкупных платежей происходит при этом таким образом, что сперва определяется усадебный сбор по расценке, а остальная сумма разверстывается по полевой земле. При раскладке прочих сборов усадьба там или вовсе не принимается в расчет, или душевой надел «усада» признается равноценным полевому наделу и вся сумма платежей делится на двойное число земельных единиц или душ, затем размер обложения каждого домохозяина определяется помножением полученного частного на сумму душевых долей его в поле и в усадьбе. В некоторых селах Макарьевского уезда Нижегородской губ., где усадьбы имеют особую ценность, на них падает часть выкупного платежа; это касается и тех крестьян, которые не пользуются полевой землей. В 3 волостях Алексинского уезда Тульской губернии при раскладке окладных сборов также принимают во внимание, кроме полевой земли, и размер принадлежащей домохозяину усадьбы (мотивы не выяснены). В Богодуховском, Харьковском и Валкском уездах Харьковской губ. в общинах с наличной разверсткой, где усадебная земля не уравнивается, часть выкупного платежа разверстывается особо, по размеру каждой усадьбы; к этому платежу привлекаются и не принадлежащие к обществу лица, владеющие усадебной землей.

В местностях, где в силу особых условий значение полевого хозяйства уступает, у крестьян первое место заработкам разного рода, раскладочной единицей нередко служит рабочая сила двора, независимо от принятой системы разверстки земли. В таких районах переделы земель составляют обыкновенно более редкое явление и производятся по большей части по ревизским душам или по работникам же. Так, в тех селах Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии, где доходы получают преимущественно от лоцманства по р. Свири, сборы разверстываются по рабочему населению (с 18 лет), а в одном селении того же уезда — по доходам каждого двора, так как крестьяне вовсе не занимаются земледелием, а живут торговлею и трактирным промыслом (также по р. Свири) и отчасти лесным промыслом. В Меленковском уезде Владимирской губернии у бывших горнозаводских мастеровых привлекаются к платежам все взрослые работники (18 — 55 л.) и в половинном размере полуработники (15 — 18 и 55 — 60 л.), «без соображения с размером участия их в пользовании общественной землей». Вероятно, тем же мотивом руководствуются и в одной волости Рузского уезда Московской губернии, где раскладке подвергаются и крестьяне, не ведущие полевого хозяйства (т. е. занимающиеся исключительно местными или отхожими промыслами?), хотя и в половинном размере (в соответствии с доходностью этих заработков?). В уездах Верхнеуральском и Троицком Оренбургской губернии платежи разверстываются по рабочему составу дворов, между тем как земля поделена по ревизским душам (рабочий возраст принимается от 17 — 18 до 50 л., а у тептерей — даже от 13 — 15 л.). В Троицком уезде привлекаются к платежу оклада также и подростки 14 — 17 л. и старики 50 — 60 л. в половине доле («половинные души»). В башкирских волостях Верхнеуральского уезда рабочее население облагается не поровну, а по степени зажиточности домохозяев, признаками которой служат скот, постройки, количест-

во засеваемой земли. Общей причиной такой системы в названных уездах служит то обстоятельство, что «земледелие здесь имеет мало значения». Население пяти русских волостей здесь «почти в полном своем составе занимается работой на горных заводах, владея только усадебной землей, а у башкир главное занятие — скотоводство, затем — лесной промысел и заработки на горных заводах»¹.

Здесь же следует отметить особенность раскладки окладных сборов в уездах Лебедянском, Кирсановском, Козловском и Моршанском Тамбовской губ., где при этом принимается во внимание только пахотная земля (быть может, остальные угодья представлены слишком слабо в составе крестьянского надела?).

Наконец, остается указать, что лесные сборы раскладываются миром исключительно между теми домохозяевами, которые пользуются лесом и лесными материалами. Так, в Мезенском и Пинежском уездах Архангельской губернии «лесной налог распределяется по потребностям каждой семьи в лесном материале». В Богодуховском и Харьковском уездах причитающаяся за лесные угодья часть окладных сборов разверстывается между наследственными пользователями этими угодьями. В Валковском Харьковской же губернии (вероятно, в силу того, что все члены общины пользуются лесными угодьями) названный платеж раскладывается поровну на дворы. В Данковском уезде Рязанской губ. «лесной налог взимается не на общем основании, а только с дворов, пользующихся лесом».

Таковы данные о разверстке казенных и земских сборов. Переходим к раскладке мирских, которая представит теперь уже весьма много знакомых черт.

Общее правило, применяемое во всех губерниях, в которых встречается общинное землевладение, в этом случае,

¹ Число таких случаев в разных местностях России, вероятно, значительно больше, чем приведено в материале.

как и в предшествующем, состоит в том, что мирские сборы (сельские и волостные) разверстываются пропорционально земельному пользованию каждого отдельного домохозяина. Такой порядок является всеобщим для всех полос России и практикуется при всех системах разверстки земли. Все видоизменения этого приема раскладки, о которых мы будем говорить сейчас, имеют значение лишь поправок и дополнений к нему в интересах возможно большей уравнительности распределения сборов между плательщиками, когда это требуется по местным условиям.

Крупным отличием раскладки мирских сборов от раскладки казенных и земских служит лишь то обстоятельство, что к первой часто привлекаются также жители деревни, которые не имеют общинной земли. Это отличие является совершенно понятным ввиду того, что все казенные и земские сборы приурочены в настоящее время исключительно к земле (после уничтожения подушной подати), мирские же сборы взимаются нередко на удовлетворение таких потребностей сельского и волостного общества, которые касаются одинаково как надельных, так и безнадельных жителей села (напр., на караул, на пожарный обоз, на медицинскую часть, церковные расходы и т.д.). Чаще всего в таких случаях эта категория деревенского населения облагается поровну, по дворам. Встречаются и варианты этого способа обложения. Так, в Царскосельском уезде с безнадельных крестьян мирской сбор взимается поровну с усадеб, а в Гдовском и Ямбургском той же Петербургской губернии волостной сбор — по числу наличных душ безземельных. Безземельные же привлекаются к обложению мирскими сборами в Олонецкой губ., в Нижнеломовском и Саранском уездах Пензенской губернии. В Саратовской губернии то же практикуется или по всем статьям мирских сборов, или только по некоторым (уезды Царицынский, Балашевский). В Борисоглебском уезде Тамбовской губернии все мирские сборы распределяются между

всеми крестьянами, принадлежащими к обществу, хотя бы они и не пользовались землей. При разверстке части сельского и мирского сбора безземельные и отсутствующие принимаются в счет и в Павловском уезде Воронежской губернии, безземельные — во 2-м Донском округе Донской области, в Днепровском и Евпаторийском уезде Таврической губернии. В Херсонском, Елисаветградском и Ананьевском Херсонской губ., в Карачевском уезде Орловской губ., в Харьковской губ., в Полтавской губ., в Орловском уезде, в Васильевском и Нижегородском уездах Нижегородской губернии (мещане), в Гжатском, Юхновском, Вяземском и Сычевском уездах Смоленской губернии. В Жиздринском и Медынском уездах Калужской губ. «безземельные крестьяне уплачивают волостные и сельские мирские сборы по душам; при этом их ревизская душа приравнивается к однодушевому наделу и облагается одинаковым с ним сбором». Сюда же должно отнести и особый сбор с усадебной и огородной земли, взимаемый только с тех дворов, которые не ведут полевого хозяйства в Новоторжском уезде Тверской губернии. В Сарапульском уезде Вятской губернии к платежу привлекаются отставные солдаты и лица, прослужившие более 20 лет на Боткинском заводе и освобожденные от платежа казенных сборов. В Дмитриевском уезде Московской губернии сельские сходы взимают с крестьян, бросивших землю, «отвыкших от земли» и промышляющих на стороне, так называемый «гудяцкий оброк», в размере от трех рублей до двадцати пяти рублей с работника, смотря по нужде общества в земле. Сбор этот практикуется в селениях с сильно развитыми фабричными отхожими заработками или с малодоходными наделами.

Возвращаясь к надельному населению, замечаем в виде общего правила разверстку платежей по размерам землевладения каждого домохозяина. Как указано выше, система эта является всеобщей, конечно, за исключением тех случаев, когда сборы покрываются общинными, оброчными статья-

ми (Печерский, Красноярский, Павловский, Воронежский, Острогожский, Ялтинский, некоторые селения Херсонской губ. и друг.). Даже в тех случаях, когда волостные сборы разверстываются по ревизским душам между селениями, эти же сборы внутри селений между отдельными домохозяевами раскладываются по земле. Такой порядок практикуется в некоторых уездах Псковской губ. (Порховской, Опочецкой, Псковской), в Валдайском уезде Новгородской губ., иногда в Олонецкой губ., в Устюгском и Сольвычегодском уездах Вологодской губ., в Уржумском, Елабужском и Малмыжском Вятской губ., в некоторых обществах Пермской губ. (30 — 40 процентов платежей, остальное — по земле), в Наровчатском уезде Пензенской губ., в большинстве уездов Воронежской губ., в Тираспольском уезде Херсонской губ., иногда в Павлоградском и Новомосковском уездах Екатеринославской губ., в Черниговской губ., в Касимовском и Раненбургском уездах Рязанской губ., в Горбатовском, Нижегородском и иногда в Васильском уездах Нижегородской губ., в Мологском, Угличском и Пошехонском уездах Ярославской губ. и в сложных общинах Звенигородского уезда Московской губ. Как показывает этот перечень уездов, такая система практикуется чаще всего на севере и северо-востоке России с господствующим типом сложных (составных) общин, т.е. таких, которые состоят из большого количества мелких поселений, разбросанных на больших пространствах, где, следовательно, волости обнимают обширную территорию. Очевидно, там представляются специальные, технические трудности производить волостную раскладку непосредственно по размерам землевладения каждого отдельного домохозяина. Там ревизская разверстка волостных сборов и должна была сохраниться в виде переживания, дольше, чем в других местах. По всей вероятности этим же особенностям следует приписать и сохранение раскладки платежей по ревизским душам даже внутри отдельных селений, встре-

чающейся в немногих местах (напр., в некоторых общинах Олонецкой губ.)¹.

Далее, общая система обложения мирскими сборами по размерам землевладения каждого двора терпит довольно разнообразные ограничения с целью уравнительности раскладки. Как было уже упомянуто выше по поводу разверстки казенных и земских платежей, в отдельных местностях количество доходов плательщиков зависит в сильной степени не от полевого хозяйства, а от других факторов. Поэтому к упомянутой господствующей системе разверстки там и здесь вводятся такие или иные поправки, обуславливаемые весьма различными местными особенностями.

Так, нередко в этом случае вводится в расчет, как и там, количество скота, принадлежащего двору, причем часть сборов разверстывается по земле, а часть по скоту. Понятно, такая единица разверстки может применяться лишь в тех степных губерниях, в которых скотоводство играет сравнительно крупную хозяйственную роль. Это мы видим в некоторых общинах Белевского уезда Уфимской губ., почти во всей Астраханской губ. (в некоторых селениях Черноярского уезда мирские сборы взимаются только с рогатого скота по 19 1/2 коп. и с овец — по 15 коп.), в Днепровском и Мелитопольском уездах Таврической губ., в некоторых обществах Павлоградского, Новомосковского, Екатеринославского, Славяносербского, Верхнеднепровского и Мариупольского

¹ В одной волости Гадячского уезда и в трех волостях Прилукского уезда Полтавской губ. мирские сборы разверстываются в виде величайшего исключения по дворам поровну. То же встречается и в некоторых волостях Борзенского, Нежинского и Козелецкого уездов Черниговской губ. В двух обществах последнего уезда и двух Борзенского мирские сборы раскладываются по тяглам (брачным парам — овдовевшие и неженатые пользуются половинным окладом). Причины переживания этих дореформенных систем раскладок не выяснены, как и то, относятся ли они к общинам или подворным обществам. Аналогичные сведения имеем по Тимскому уезду Курской губ. и по некоторым общинам Харьковской губ.

уездов Екатеринославской губ., в Херсонском, Тираспольском и Ананьевском уездах Херсонской губ. и в Аккерманском и Хотинском уездах Бессарабской губ. Отметим весьма важную особенность такой раскладки в Ананьевском уезде, где совсем не облагаются мирским сбором дворы, имеющие менее трех голов скота.

Другой единицей обложения (кроме скота), наряду с землей, нередко принимается усадьба, необходимость чего логически вытекает из принятых систем общинной разверстки общинной земли. Известно, что переделам не подвергаются усадебные угодья, поэтому периодические равнения землеуладения отдельных домохозяев не касаются усадеб, в силу чего концентрация этих угодий может представлять собой при наличии переделов явление более частное, чем концентрация других угодий.

Отсюда становится понятным стремление общины в этих случаях подвергать усадьбы, разросшиеся шире нормального размера, и большему обложению. В нашем материале не встречается указаний на то, чтобы такое усиленное обложение вытекало из факта большей доходности (от огородничества, напр.) упомянутых больших усадеб. Легко может быть, что такое соотношение между доходностью усадеб и платежами за них в иных случаях и имеет место. Чаше, однако, этой зависимости, по-видимому, не наблюдается; усадьба облагается сильнее просто потому, что ею пользуется большее количество людей, принадлежащих к более состоятельной семье. Так, в Аткарском уезде Саратовской губ. мирскими сборами облагаются иногда усадьбы, превышающие средний нормальный размер, установленный обществом. В некоторых обществах Бирюченского и Бобровского уездов Воронежской губ., где количество полевой земли ничтожно или где велика разница в количестве и качестве усадебной земли домохозяев, взимается в уплату повинности особый сбор с усадеб. Аналогичная разверстка встречается в Одес-

ском, Ананьевском и Елисаветградском уездах Херсонской губ. и в некоторых общинах Павлоградского уезда Екатеринославской губернии.

Дальнейшим признаком, который принимается во внимание при раскладках наряду с землей, служат иногда и разного рода заработки крестьян, если роль их почему-нибудь особенно выдвигается по местным условиям в бюджете общинников. Так, в Городищенском уезде Пензенской губ. при разверстке мирских сборов принимается во внимание не только наличный состав каждого двора, но и неземледельческие его заработки. Выше было уже указано, что в Верхнеуральском и Троицком уездах Оренбургской губ. и Лудейнопольском уезде Олонецкой губ. казенные и земские сборы разверстываются по рабочему составу дворов; так же раскладываются там и мирские сборы, по тем же причинам, которые указаны были выше. Аналогичные сведения имеем и из Екатеринбургского, Камышловского уездов Пермской губ., Звенигородского уезда Московской губ., из Гадячского, Кобелякского и Лубенского уездов Полтавской губ. и из некоторых местностей Черниговской губ. В иных селах Перекопского уезда Таврической губ., Тираспольского и Елисаветградского уездов Херсонской губ., по-видимому этот способ раскладки исчезает по мере перехода общин от ревизской к высшим системам разверстки земли.

В некоторых общинах Пермской и Тамбовской губ. при раскладке мирских сборов принимается во внимание пользование только одними пахотными землями. Причины такой особенности не выяснены. Надо думать, что все остальные угодья среди наделов этих селений имеют чересчур слабое распространение.

Далее, стремление возможно лучше уравнивать мирские платежи между домохозяевами побуждает общину производить между ними раскладку по наличным душам иногда даже в тех случаях, когда эта система еще не утвердилась

в раскладке земли. Мы не имеем определенных указаний на причины возникновения этого интересного факта. Нельзя, однако, не заметить, что он может возникнуть только в том случае, когда неудовлетворительность ревизской системы переделов уже достаточно проникла в сознание общинников, когда борьба за наличную разверстку уже началась, когда, быть может, распределение земельных участков между домохозяевами фактически уже к ней значительно приблизилось путем ежегодной свалки и навалки душ. Принимая во внимание общую тенденцию мирских раскладок — находиться в соответствии с землепользованием плательщиков — трудно себе представить возможность появления наличной раскладки, когда земля еще поделена по ревизским душам, при иных условиях. Если это так, то на упомянутый факт надо смотреть как на один из ясных признаков перехода общины к более уравнильным системам разверстки земли. Такие сведения мы имеем о некоторых селениях Холмского уезда Псковской губ., Стерлитамакского уезда Уфимской губ., Нижнеломовского и Саранского уездов Пензенской губ., о немецких колониях Бердянского уезда и о некоторых русских селениях Днепровского уезда Таврической губ., Херсонской губ., Павлоградского и Новомосковского уездов Екатеринославской губ., некоторых уездов Полтавской губ., Васильского и Нижегородского уездов Нижегородской губ., Дмитриевского уезда Московской губернии (в общинах, где велико число крестьян, живущих на стороне).

Наконец, с теми же целями большей уравнильности раскладки в иных местах община находит возможным привлечь к обложению мирским сбором так называемую «купчую» землю отдельных домохозяев, т.е. приобретенную ими в частную, личную собственность. Такое сообщение имеем из Казанского и Ядринского уездов Казанской губ. и из двух волостей Сычевского уезда Смоленской губ.; здесь при этом освобождаются от таких сборов безземельные.

Как нам лично известно, аналогичные случаи встречаются в Александровском уезде Екатеринославской губернии. Переходим к разверсткам разного рода сельских сборов, взимаемых с специальными целями: сборы эти бывают крайне разнообразны. Сведения, которые мы имеем по этому вопросу, конечно, не исчерпывают всего разнообразия приемов раскладки, которые встречаются в этом случае в разных местностях России. Но даже и те данные, которые мы имеем, отчетливо рисуют всю ту заботливость, которую обнаруживает мир в изыскании такой единицы раскладки, которая удовлетворила бы, по возможности, интересы всех его членов. Чем ниже благосостояние населения, чем слабее его платежные средства и чем выше необходимые платежи, тем важнее такая заботливость и тем искуснее вырабатываются более удовлетворительные приемы раскладки.

Наиболее распространенным из таких сборов является на жалованье пастуху, в найме которого заинтересованы, конечно, не все общинники, а лишь те из них, которые имеют скот. Этот расход повсеместно разверстывается не по земле, не по наличному, или рабочему, или ревизскому составу двора, а исключительно по числу голов скота, принадлежащего тому или другому хозяину. Об этом приеме раскладки сообщается решительно из всех тех местностей, в которых упоминается об этом общественном расходе. Такая практика установилась в Гдовском уезде Петербургской губ., в Новгородском и Старорусском уездах Новгородской губ., в Чистопольском уезде Казанской губ., в Симбирском и Сызранском уездах Симбирской губ., в Пензенском уезде, во всей Саратовской губ. («с череда»), в Воронежском и Павловском уездах Воронежской губ., в Корочанском, Обоянском, Новооскольском и Суджанском уездах Курской губ., в некоторых селениях Малоархангельского уезда Орловской губ., в шести уездах Тульской губ. (на пастухов и на конюхов), в Рязанском, Касимовском, и Егорьевском уездах Рязанской

губ. (так же и на конюхов), в пяти уездах Владимирской губ., во всей Нижегородской губ., в Даниловском и Ростовском уездах Ярославской губ., в Костромском уезде, в семи уездах Тверской губ., в Звенигородском, Дмитриевском и Рузском уездах Московской губ., в Масальском, Калужском и Тарусском уездах Калужской губ. и во всей Смоленской губ.

Та же система раскладки (по числу голов скота) принимается по тем же причинам и на покрытие расходов на общественного быка в Воронежском и Павловском уездах Воронежской губ., в Звенигородском, Рузском и Дмитриевском уездах Московской губ., в Бежецком и Новоторжском уездах Тверской губ., в Покровском уезде Владимирской губ. Наконец, так же распределяется между домохозяевами и плата за аренду общинами лугов и пастбищ в Старорусском уезде Новгородской губ., в Бежецком и Новоторжском уездах Тверской губ., в Судогодском уезде Владимирской губ., в Воронежском и Павловском уездах Воронежской губ.

Другая единица разверстки принята для покрытия расходов на караул и пожарный обоз. В этом случае чаще всего встречается равное обложение всех дворов селения, покоящееся на предположении одинаковой заинтересованности всех домохозяев, проживающих в селении, в охране от огня. Таковую систему встречаем в Петергофском уезде, Бугурусланском уезде Самарской губ., в Симбирском и Сызранском уездах Симбирской губ., во всей Саратовской губ., в Бирюченском уезде Воронежской губ., в Харьковской губ., в Новооскольском, Корочанском, Обоянском и Суджанском уездах Курской губ., в Малоархангельском уезде Орловской губ., в Ефремовском уезде Тульской губ., в Рязанском уезде, в четырех уездах Владимирской губ., в Сергачевском уезде Нижегородской губ., в Даниловском и Ростовском уездах Ярославской губ., в семи уездах Тверской губ., в Калужском Масальском и Тарусском уездах Калужской губ., в Вяземском и Юхневском уездах Смоленской губ.

Но такое равное обложение, в котором отсутствует принцип пропорциональности, начинает, по-видимому, сменяться другим, более уравнительным, для которого намечаются несколько приемов. Этого рода расходы начинают разверстывать или по строениям (Воронежский и Острогожский уезды Воронежской губ.), или по наличным душам (Рославльский уезд Смоленской губ.), или по сумме страховых платежей, платимых каждым домохозяином (Судогодский уезд Владимирской губ., Чистопольский уезд Казанской губ., Павловский уезд Воронежской губ., Белгородский уезд Курской губ. и Валковский уезд Харьковской губ.).

Далее, плата лесным сторожам, как и следует ожидать, разверстывается только между теми домохозяевами, которые пользуются общественным лесом (Валковский уезд Харьковской губ., Данковский уезд Рязанской губ., Рузский уезд Московской губ.; в последнем иногда поровну с дворов или печей, вероятно, где лесом пользуются все общинники).

Церковные расходы (жалованье причту, на общественные молебны и проч.) покрываются обыкновенно обложением наличного населения обоих полов (Судогодский уезд Владимирской губ., Бежецкий, Новоторжский, Старицкий уезды Тверской губ., Бугурусланский уезд Самарской губ., Валковский уезд Харьковской губ., Днепровский уезд Таврической губ.). По той же системе разверстываются расходы на медицинскую часть в Мелитопольском уезде Таврической губ. (в некоторых немецких колониях, где такой расход существует). В Ливенском уезде Орловской губ. деньги, уплаченные из мирских сумм на лечение беднейших членов общества в больницы, однако, не взыскиваются с двора, к которому принадлежит лечившийся.

О способах раскладки других специальных сборов имеется весьма мало сведений. О приемах разверстки их можно судить до некоторой степени лишь по отдельным единичным показаниям. Так, расходы на хлебозапасные магазины

раскладываются, по-видимому, по той же системе, которая принята общиной для разверстки земли: в Малоархангельском уезде Орловской губ. при господстве ревизской разверстки земли расходы на содержание хлебных магазинов распределяются по ревизским душам, а в Рузском уезде, где, как и во всей Московской губ., преобладает рабочая разверстка земли, чаще других встречается раскладка на жалование смотрителю магазина по рабочим (иногда поровну по дворам). О расходах на содержание школ имеем лишь одно сообщение, что они раскладываются в силу каких-то местных соображений в том же Малоархангельском уезде Орловской губ. по количеству паев. принадлежащих каждому домохозяину в общественном сенокосе. О раскладке между общинниками расходов на почтовую часть мы ничего не знаем, кроме одного сообщения из Сумского уезда Харьковской губ. (одна волость), где содержание почтовых лошадей разверстывается по дворам, причем, однако, не указано. в каких отношениях производится эта разверстка.

Таковы существенные черты раскладки мирских сборов в общинах, поскольку они выясняются из нашего материала. Как уже упомянуто, сведения эти не добыты путем подворной переписи, и потому весьма легко может быть, что не все разновидности существующих видов раскладки разного рода платежей зарегистрированы в вышеизложенном. Можно с уверенностью далее сказать, что каждая из приведенных систем раскладок имеет гораздо большее территориальное распространение, чем указано на предшествующих страницах. Но несомненно одно, что все эти приемы, свидетельствующие наглядно о стремлении сходов к возможному уравнению податной тяготы между своими членами, бесспорно, существуют в современной русской общине и пользуются большим или меньшим распространением.

Каковы изменения этих приемов во времени, какова эволюция, которая совершается в этой части общинных отно-

шений, — для суждения об этом вопросе прямыми данными мы не обладаем. Однако следует думать, что системы разверстки платежей прогрессируют в общине одновременно с улучшением систем переделов земли. В самом деле, какою можно себе представить раскладку платежей в общине в период, следовавший немедленно за наделением крестьян землею по ревизским душам, т.е. еще в то время, когда число наличных душ в общине весьма мало отличалось от числа ревизских? Можно с уверенностью сказать, что и тогда платежи, вероятно, разверстывались, как и теперь, по з е м л е, но тогда эта раскладка «по земле» была синонимом раскладки по ревизским душам. С течением времени, как мы уже знаем, ревизская разверстка земли все более утрачивала свое уравнительное значение и уступала место иным системам. Согласно основному принципу, которого держится в этом случае община, одновременно с перераспределением доходов от общинной земли должно было происходить и соответственное перераспределение между домохозяевами платежей, лежащих на общине.

Нетрудно поэтому убедиться в том, что приемы раскладок всякого рода сборов должны были соответственно изменяться. Ревизская раскладка должна была мало-помалу уступать место другим, более уравнительным ее формам. Должны были появиться разверстки платежей по рабочему составу семьи, по наличным душам, по едокам и т.д., судя по тому, какие изменения претерпевало распределение земельных участков между общинниками под влиянием местных условий. Даже в нашем материале мы имеем некоторые намеки на то, что такая эволюция в действительности происходила и происходит.

Так, указывается, например, на то обстоятельство, что в Сосницком и Новгородсеверском уездах Черниговской губ. в настоящее время происходит переход к раскладке платежей по размерам землепользования.

В Новоторжском уезде Тверской губ. «волостной сбор разверстывался до 1892 г. по числу ревизских душ, теперь же в нескольких волостях стали распределять волостной сбор между селениями по числу десятин принадлежащей им земли, как надельной, так и купленной». Здесь уместно отметить переживания общинных порядков в некоторых таких местностях юго-западных губерний, в которых подворная форма владения землей является теперь исключительною. Так, «в каждом сельском обществе Каневского уезда Киевской губ. (все подворные) после введения уставных грамот было два-три передела земли, вызывавшиеся обментами участков, разбросанностью и измельчением полос вследствие наследственных наделов и т.п.» (при этом изменялось только расположение подворных участков, а не их размер). В этом уезде выкупные платежи, несмотря на то, что сумма их распределена в выкупных актах по домохозяйствам, все же ежегодно разверстываются по дворам. Совершенно такое же распределение выкупных платежей ежегодно совершается и у подворных владельцев Каменецкого и Гайсинского уездов Подольской губ.

Нам остается отметить последнюю характерную черту раскладок платежей в общинах. При крайней ограниченности размеров крестьянского землевладения и при сравнительно высоком обременении крестьянской земли платежами трудно было бы ожидать, чтобы община давала крупные льготы при раскладах беднейшим из своих членов. Можно думать, что такие льготы были бы и многочисленнее, и распространнее, и существеннее по своим размерам, если бы сборы, лежащие на общине, находились в лучшем соотношении с чистым доходом крестьянского хозяйства. Но так как такого соотношения не существует и самый этот чистый доход является крайне проблематичным в массе местностей, то невозможно ожидать особенно широкого распространения и льгот при раскладке. Характерно, однако, то, что они

существуют, и даже не особенно редко. В огромном большинстве губерний, как показывает наш материал, такие льготы практикуются в весьма разнообразных формах, а это указывает на то обстоятельство, что общине далеко не чужда мысль об установлении такого минимума доходов, который избавляется частью или совсем от обложения. В Гдовском уезде Петербургской губ. бывают случаи, что бобылям, старухам и т.п. отводят бесплатно кусок земли для избы и огорода. Льготы по обложению (не объяснено какие) «виду имущественного положения домохозяев» допускаются иногда в Петрозаводском, Каргопольском и Повенецком уездах Олонецкой губ. В Кемском уезде Архангельской губ. льготные обложения дворов захудалых или временно нуждающихся бывают обыкновенно в случаях долговременного отсутствия хозяина, его смерти или смерти единственного работника в семье. В Кадниковском уезде Вологодской губ. бывают случаи снятия оклада с захудалых домохозяев и разверстки его поровну между остальными односельчанами. Сравнительно много случаев льгот по обложению встречается в Сольвычегодском и Устюгском уездах той же губернии; здесь льготы предоставляются не только отдельным домохозяевам, но и целым селениям по случаю временных бедствий (напр., пожар, наводнение и т.д.) или по состоянию бедности (хроническая захудалость, занесение песком части надела и т.д.). Снимают также оклад иногда с малолетних сирот, со слабых здоровьем нижних чинов; также в случае поступления члена домохозяйства в военную службу уменьшают оклад на целую душу. Весьма важно отметить, что в двух последних уездах снятая часть платежа разверстывается не между всеми остальными домохозяевами, а только между некоторыми более состоятельными. В Вятской губернии (Вятский, Нолинский, Слободской, Орловский) часть платежей иногда снимается с захудалых хозяев, а разверстывается между остальными членами общества; в Яранском уезде

той же губернии «общество иногда предоставляет некоторые льготы домохозяину старательному, но обремененному большим семейством: освобождает его от выбора на общественные должности, от караула, от поставки подвод или отводит ему полосу получше. В том же уезде по особым мирским приговорам производятся иногда сборы в пользу погорельцев, причем часть этих сборов иногда обращается на уплату податей. Льготы по обложению слабосильных домохозяев (не объяснено какие) встречаются и в Пермской губ. В башкирских волостях Верхнеуральского уезда Оренбургской губ. льготы по обложению захудалых определяются самой системой раскладки повинностей — по достатку каждого плательщика»; в том же уезде и в Троицком неспособные к работе и калеки обыкновенно не подлежат обложению. Платежи уменьшаются для захудалых и в Златоустовском и Бирском уездах Уфимской губернии. Эта категория домохозяев, равно и те, кого постигло временное бедствие, получают по крайней мере отсрочку платежей в Алатырском уезде Симбирской губернии. В Пензенском уезде с таких домохозяев снимают иногда часть сборов, которые разверстываются между остальными членами общества. В Балашовском уезде Саратовской губ. допускается иногда уменьшение оклада, а в Царицынском — уплата его из арендных общественных статей для захудалых домохозяев. В Воронежской губ. «мир иногда платит подати за стариков, за захудалых или пострадавших от временных бедствий, за «бабьи семьи», не отнимая у них надела; такие «мироплатимые души» исключаются из счета и раскладка производится на остальных. в Бирючинском уезде мир принял на себя за время с 1889 до 1891 года уплату податей за 43 надела, в Острогжском уезде по отношению к захудалым домохозяевам «допускается отсрочка платежей на год или два, после чего, в случае неуплаты, надел отбирается». В Астраханской губ. льготное обложение нуждающихся дворов практикуется в уездах Астраханском,

Енотаевском и Царевском. Сложенные этим путем платежи покрываются обыкновенно из мирских сумм или разверстываются между остальными домохозяевами; такие же льготы предоставляются и в Донской области в случаях временных бедствий (пожар, градобитие, крупная потрава); сложенная часть оклада или разверстывается между остальными домохозяевами, или покрывается из мирских сумм¹. Совершенно аналогичные сведения имеем и из Херсонской губ., где, однако, такие факты встречаются, по-видимому, гораздо реже. В Аккерманском уезде Бессарабской губ. из мирских сумм покрывались недоимки по мирскому сбору с заменой этого платежа натуральной повинностью: этапною, подводною и дорожною. Случай «освобождения беднейших хозяев от части причитающегося с них оклада сборов известен по Валковскому и Сумскому уездам Харьковской губернии; в некоторых обществах Валковского уезда постановлено отатки 6 раскладок (колеблющиеся от 2 до 75 руб.), образующиеся при округлении долей, употреблять на уплату податей за беднейших домохозяев». В двух волостях Сумского уезда общества берут на себя половину платежей, лежащих на вдовах, имеющих малолетних детей. В Тимском уезде Курской губ. сельские общества иногда освобождают от платежа податей крестьян, которых постигло случайное бедствие, и возлагают на них обязанность содержать подводу для сельских должностных лиц, держать въезжую избу и т.п. В Чернском и Новосильском уездах Тульской губ. уменьшают платежи тех, кого постигло временное бедствие (пожар, падеж и пр.), а в Алексинском иногда освобождают от оклада нуждающихся вдов. В Касимовском уезде Рязанской губ. льготы при раскладках практикуются в двух селениях. Сложение платежей с захудалых домохозяев составляет постоянное явление в уездах Вязниковском, Суздальском и Александровском

¹ В Ростовском уезде выдается из мирских средств безвозвратное пособие погорельцам, вдобавок страховой премии, по 50 — 100 рублей на домохозяина.

Владимирской губ., платежи эти разверстываются между остальными домохозяевами. В последнем уезде есть селения, где родители новобранцев пользуются их наделами в течение года бесплатно; подати платит за надел общество. В одной волости Судогодского уезда на каждый погорелый двор делается по волости сбор по 10 руб. В Ковровском уезде бывают уплаты из мирских сумм (преимущественно из арендных сумм за питейные заведения) всего или части оклада за отдельных домохозяев или даже за целое общество. В Угличском уезде Ярославской губ. платежи иногда снимаются с захудалого домохозяина и раскладываются на всех остальных. Аналогичные льготы встречаются в Галичском и Буйском уездах Костромской губ.; в двух волостях Кинешемского уезда той же губернии, населенных раскольниками, «установился обычай вносить обществом годовой оклад податей за домохозяев, потерпевших от пожара; в том же уезде выделяется одна волость — Георгиевская, — где случаи взноса податей за обедневших часты». В Новоторжском уезде Тверской губ. старики и бобылки иногда освобождаются от усадебного сбора на мирские расходы. В Подольском уезде Московской губ. общество освобождает иногда от уплаты сборов вдов с малолетними детьми и раскладывает этот платеж на остальных домохозяев. В Медынском уезде Калужской губернии известны случаи освобождения вдов от уплаты повинностей за находившиеся в их пользовании двухдушевые наделы, пока дети не подросли: затем общество вводило эти домохозяйства в денежную раскладку в половинном размере, а по достижении детьми семнадцатилетнего возраста оклады дворов были определены уже в полном размере. В Лихвинском уезде той же губернии снятая с захудалых домохозяев часть оклада разверстывается между всеми остальными на общем основании.

Приведенные факты не имеют всеобщего распространения. В одних губерниях они встречаются чаще, в других —

реже, в иных — даже в единичных только случаях. Но они рассеяны по всей России и драгоценны в том отношении, что свидетельствуют о возможности для общины облегчать тем или другим способом податное бремя беднейших своих членов. Кто взялся бы утверждать, что это явление не сделалось бы всеобщим, не вылилось бы в более определенные формы, не вошло в раскладку ее органической частью, если бы наша податная система подверглась изменениям и если бы крестьянские платежи могли бы более соответствовать доходности хозяйства общинников? Ведь произвела же весьма большая часть русских общин переделы по улучшенным системам, как только размеры казенных сборов были лишь несколько сокращены вследствие отмены подушной подати и уменьшения выкупных платежей. (...)

Суммируя все, что сказано было об общинных раскладах, прежде всего отчетливо выступает на первый план стремление схода достигнуть возможной пропорциональности платежей доходности хозяйства плательщиков. Важнейшим источником дохода крестьянина была и есть земля в тех местностях, где она «оправдывает» платежи. Где она их не «оправдывает», там она служит все-таки главнейшим фактором для их покрытия. Поэтому при разверстке подавляющей части крестьянских повинностей размер земельных участков остальных домохозяев и служит универсальной раскладочной единицей. Но мы уже знаем, что в распределении самых участков между общинниками нет того случайного, произвольного момента, который имеется налицо в распределении участков подворных. Эти составляются путем первоначальной отмежевки и целого ряда гражданских актов, ничего общего с «равнением» не имеющих (купля — продажа, дарение, завещание и пр.). Те же образуются путем общего и частного перераспределения их между пользователями на основании какой-либо принятой системы. А известно, что при переделах происходит «равнение» общинной земли не только коли-

чественное, но и качественное. При этой разверстке общиной уже соображены все те особенности личного и хозяйственного состава двора, которые оказывают влияние на колебание размера землепользования. Следовательно, при раскладке платежей общиной «по земле», во-первых, уже тем самым принимаются во внимание все эти особенности, а во-вторых, — устанавливается соответствие между обложением и теми средствами производства, заключающимися в земле, которые могут быть предоставлены общиной в распоряжение ее членов. Не ее вина, если при этом получается иногда только распределение минусов. Размер платежей, как было упомянуто, от схода почти не зависит. Мир делает, что может, и разверстывает ту податную тяготу, что установлена не им. Но получают ли только минусы, или имеются в наличности и плюсы (в смысле соотношения доходности общинной земли с лежащими на ней платежами), все равно — община уравнивает те и другие между своими членами пропорционально тем признакам, которые характеризуют при местных условиях хозяйственную силу двора.

Но не везде полевая земля может служить достаточным мерилем платежеспособности двора. Проводя принцип пропорциональности обложения, община во многих местностях не может ограничиться при раскладке одним этим критерием. При разнообразных условиях хозяйства в разных уездах вводятся и другие признаки, помогающие практиковать последовательнее упомянутой основной принцип, которым руководится община. Такими признаками служит то скот, где скотоводство играет сравнительно большую роль в хозяйстве, то размер усадеб, где они особенно доходны (огородничество), или распределяются неравномерно между общинниками, то заработки, поскольку община может уследить за их доходностью, то число наличных душ, где борьба против ревизской, неравномерной разверстки земли еще не закончилась, то частное землевладение отдельных домохозяев, где

община оказывается в силах подчинить себе в этом отношении деревенских «богатеев», «богатырей», разного рода земельных промышленников и т.п., то, наконец, несколько разных признаков одновременно, судя по назначению, для которого устанавливается тот или иной сбор.

Но есть и в общинной раскладке платежей одна область, в которой имеются налицо признаки архаического «равного» налога. Это — обложение безземельных, того населения деревни, которое не имеет права пользования общинной землей. Едва ли, однако, община может в данном случае применить какую-либо иную систему. Никакой промысловый налог и никакой налог на потребление установлен сходом быть не может. Для этого у него нет ни достаточных прав, ни подходящих средств.

Однако обложение этих лиц мирскими сборами является и нужным для плательщиков-общинников, и согласным с требованиями справедливости. «Равный» налог, при всем своем несовершенстве, является в таком случае единственно возможным. И подворные губернии не выработали в этом направлении, как уже упомянуто, ничего иного. И там нигде не встречается другой системы обложения, кроме поголовного.

В общинной раскладке разного рода сборов есть зато и другая сторона, принципиальное значение которой представляется весьма важным. При всех неблагоприятных условиях, которые окружают ее жизнь и развитие, при крестьянском малоземелье, при несоответствии доходов с общинной земли с платежами, при наличности того факта, что во многих местах надел «не оправдывает» лежащих на нем налогов, при всем этом община все-таки умудряется вводить некоторый проблеск прогрессивности обложения, заключающийся главным образом в установлении чего-то похожего на Existenzminimum, выставяемый финансовой теорией в качестве крупного постулата.

Конечно, это явление, о котором я говорю, не есть «Existenzimum» в точном смысле. Если бы община применяла соответственное понятие во всем его объеме — в значении того минимума, не подлежащего обложению, который безусловно необходим для удовлетворения первых насущных потребностей плательщика, ей пришлось бы в очень многих местах, пожалуй, освободить 9/10 своих членов от уплаты каких бы то ни было сборов. Этого она, очевидно, достигнуть не может по внешним причинам. Но она делает, что может. Упомянутый минимум нередко, несмотря ни на что, все же ею устанавливается, но лишь в относительном смысле. От обложения освобождаются не все те, которые отнимают от себя для уплаты различного рода повинностей часть средств, необходимых для удовлетворения своих первых потребностей, а лишь беднейшие из них. На первом плане стоят, конечно, при этом те, рабочие силы которых минимальны — сироты, калеки, неспособные к труду, вдовы, «бабьи семьи», далее следует разряд домохозяев, потерпевших от временных, острых несчастий (наводнение, пожар, падеж и проч.), наконец, все захудалые двory, т.е. те, сравнительная бедность которых приняла хронический характер по каким бы то ни было причинам. Относительно всех трех категорий применяется правило: ожидать поправки их имущественного положения и пока освобождать их от всего или части оклада. Если помощь первым двум категориям домохозяев напоминает простую благотворительность, «общественное призрение», то льготы последней категории, бесспорно, выходят за пределы последнего и носят вполне «общественно-хозяйственный» характер. Если такое явление не часто практикуется, то следует помнить, во-первых, что количественного учета таких факторов, научно-статистического массового исследования их еще не произведено, а во-вторых, что при упомянутых фискальных условиях, в которых находится современная община, следует удивляться не тому, что такие льготы рас-

пространены менее, чем то было бы желательно, а что они вообще существуют, хотя бы и в малой части общин.

Припомним, что в подворных губерниях от обложения не освобождается нигде никто, кроме пострадавших от временных, острых бедствий, и то лишь в редких, исключительных случаях.

Сложенные таким образом платежи разверстываются между всеми остальными домохозяевами. Общинники в этом случае платят за них собственные деньги. Мало того, община иногда обнаруживает в таких случаях явную тенденцию к прогрессивности обложения. Выше мы цитировали сообщение из Вологодской губернии о том, что такая разверстка сборов, снятых с беднейших, там производится иногда не между всеми, а между «некоторыми более состоятельными» хозяевами, а в Сычевском уезде Смоленской губернии, как указано, при обложении мирскими сборами «купчей» земли более состоятельных крестьян, безземельные совсем освобождаются от таких платежей.

Наконец, нельзя не видеть проявления той же тенденции и в обложении усадеб. Было уже сказано, что привлечение этого угодья к платежам в сравнительно больших размерах не всегда вытекает из большей его доходности, а часто — просто из факта концентрации усадебных мест в руках более состоятельных домохозяев. В этом случае объект обложения имеет значение лишь симптома, показателя большей платежеспособности, а не играет роли источника дохода. Едва ли может подлежать спору, что большее обложение дворовых мест при таких условиях может состояться лишь при условии понимания сходом больших выгод от прогрессивности раскладок.

Таким образом пропорциональность разверстки платежей с некоторыми поправками этой системы в смысле прогрессивности — таковы характерные черты тех приемов, которыми сходы выполняют свои фискальные функции.

Картина обложения в подворных губерниях, очевидно, составляет полную противоположность очерченной. Отсутствие разверсток выкупных платежей, раскладка остальных по голому признаку размеров землевладения без соотношения с другими особенностями личного и имущественного состава двора, распространенность «равного» обложения, появление даже поголовной подати с лиц, владеющих землей, наконец, полное отсутствие льгот для беднейшей части населения — все это весьма далеко от тех принципов, которые составляют основу общинного обложения. И если бы, в силу особых причин, податная тягота западных губерний не была значительно слабее такой же тяготы общинной России, весьма возможно, что установившаяся там система раскладки отразилась бы немалыми потрясениями для местного хозяйства.

ОБЩИНА И АРТЕЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЭНГЕЛЬГАРДТ Александр Николаевич
1832 — 1893

Известный ученый и публицист, на собственной практике убедился в преимуществах общинного и артельного хозяйства. В своем имении организовал образцовое высокоэффективное хозяйство. Главный его вывод — хозяйственный прогресс в сельском хозяйстве России возможен не в помещичьем, не в фермерском хозяйстве, а только в общинном крестьянском, существующем на артельных началах. Артель позволяет соединить склонность русского крестьянина работать самостоятельно с навыками коллективного труда. Как вариант решения помещичьего вопроса предлагал сдачу помещичьих имений в аренду крестьянским общинам.

Все дело в союзе. Вопрос об артельном хозяйстве я считаю важнейшим вопросом нашего хозяйства. Все наши агрономические рассуждения о фосфоритах, о многопольных системах, об альгаусских скотах и т.п. просто смешны по своей, так сказать, легкости.

У меня это не какое-нибудь теоретическое соображение. Занимаясь восемь лет хозяйством, страстно занимаясь им, достигнув в своем хозяйстве, могу сказать, блестящих результатов, убедившись, что земля наша еще очень богата, (а когда я садился на хозяйство, я думал совсем противное), изучив помещичьи и крестьянские хозяйства, я пришел к убеждению, что у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию,

для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении. Это мое убеждение, здесь, в деревне, выросшее, окрепшее.

Мало того, я, веря в русского человека, убежден, что это так и будет, что мы, русские, именно совершим это великое деяние, введем новые способы хозяйничанья. В этом-то и заключается самобытность, оригинальность нашего хозяйства. Что мы можем сделать, идя по следам немцев? Разве не будем постоянно отставать? И наконец, полнейшая неприменимость у нас немецкой агрономии разве не доказывает, что нам необходимо нечто самобытное?

Вот почему в одной из моих статей я говорил про крестьянское хозяйство:

«Хлеба никогда не хватает на прокормление, а чуть неурожайный год, крестьяне уже с декабря начинают покупать хлеб. А между тем дайте в мои руки ту же землю, тот же труд, то же количество скота — и в несколько лет я поставлю хозяйство на такую ногу, что хлеба не только хватит на прокормление, но еще и продавать будет что. Стоит только для этого уничтожить нивки, разделить землю на десятины и *обрабатывать землю сообща*. Я не только твердо убежден в этом, но знаю, что с этим согласится каждый крестьянин. Зажиточность не разделившихся дворов разве не доказывает этого?»

Описав там же мое хозяйство, я закончил статью следующим образом: «Я достиг в своем хозяйстве, можно сказать, блестящих результатов, но будущее не принадлежит таким хозяйствам, как мое. Будущее принадлежит хозяйствам тех людей, которые будут *сами обрабатывать* свою землю и вести хозяйство не единолично, каждый сам по себе, *но сообща*. И далее я говорю: «Когда люди, обрабатывающие землю собственным трудом, додумаются, что им выгоднее вести хозяйство сообща, то и земля, и все хозяйство неминуемо перейдут в их руки».

И додумаются.

Все крестьяне сознают, что жить большими семьями выгоднее, что разделы причиною обеднения, а между тем все-таки делятся. Есть же, значит, этому какая-нибудь причина? Очевидно, что в семейной крестьянской жизни есть что-то такое, чего не может переносить все переносящий мужик. Не в мужике ли оно? Вот у мещан, у купцов дележей гораздо меньше — там вся семья работает сообща: один брат дома торгует, другой по уезду ездит, третий в кабаке сидит и все стремятся к одному — сорвать, надуть, объегорить. Не оттого ли мужик делится, не оттого ли стремится к отдельной, самостоятельной жизни, что он более человек, чем поэт, более идеалист?

Если бы крестьянские семьи, расходясь жить по разным домам или по разным углам дома — бывает иногда, когда не на что выстроить новую избу, что живут и в одной избе в разных углах, — в то же время не разделяли хозяйства и сообща обрабатывали землю, подобно тому, как это бывает в купеческих семействах, где иногда, разделившись и живя в разных домах, все-таки ведут торг сообща, то уже одно это имело бы громадное значение. Но я даже не видел таких попыток, и трудно предположить, что люди, озлобленные друг против друга, как это всегда бывает при разделах, могли согласиться на общее дело. Гораздо скорее согласятся на это чужие, даже целая деревня, чем разделившаяся семья.

Мне часто случается сдавать крестьянам покосы из части на том условии, чтобы убрали сообща и затем делили готовое сено. Дело всегда идет отлично. Так, одна соседняя деревня ежегодно косит у меня с половины довольно большой луг, и косит *всей деревней*, потому что после покоса этим лугом и прилегающими пустошами деревня пользуется для выгона лошадей и скота. Крестьяне сначала хотели убирать луг враздел, нивками, каждый двор отдельно — так убирают они свои собственные луга и луг соседнего помещика — но я на это

не согласился. Теперь, когда привыкли, оно уже так и идет из года в год, и сами крестьяне довольны, потому что при покосе сообща весь луг убирается сразу, до Казанской, когда крестьяне еще не приступили к своим покосам, и скорее посеваает для выгона, тогда как при покосе враздел тот, другой могут опоздать покосом, затянуть, и неубранная нивка будет препятствовать выгону скота. На покос деревня выходит вся зараз. Тотчас — это совершается чрезвычайно быстро — делят часть луга на нивки по числу кос, и каждый гонит свою долю и т.д. Весь луг скашивается зараз, хотя и враздел, по нивкам. Я этому не препятствую, потому что это не производит никакой разницы в хозяйственном отношении. Косить сообща, огульно, идя в один ряд, крестьяне ни за что не соглашаются, потому что, говорят они, в деревне косцы *перинные*, не все косят одинаково хорошо, а так как сено делится по числу кос, то выйдет несправедливо. На уборку сена деревня высылает людей по числу кос, и уже эта работа производится сообща, причем распоряжается один из крестьян, пользующихся доверием деревни. Он смотрит, чтобы все хорошо работали и клали копны равной величины. Затем половина копен перевозится ко мне, а другую половину крестьяне делят между собою по числу кос.

Мне случалось также сдавать покосы из части не целой деревне, а небольшим артелям из четырех — пяти человек. Так как в артель подбираются по взаимному согласию *ровные* между собою косцы, то они уже вовсе не делят покос на нивки, даже для косьбы, но косят сообща все подряд, убирают вместе и делят сено по числу кос.

АРТЕЛИ В ДРЕВНЕЙ И НЫНЕШНЕЙ РОССИИ

КАЛАЧОВ Николай Васильевич
1819 — 1885

Приступая к исследованию об артелях, мы не можем иметь в виду рассмотреть со всех сторон это характеристическое явление в жизни и отношениях наших простолюдинов, так как для полного и удовлетворительного объяснения его еще недостает надлежащего количества материалов. Имея, однако, в виду важность этого явления, на которое в настоящее время обращено справедливое внимание, мы считаем небесполезным предложить здесь собранные нами сведения: 1) касательно артелей древней России: 2) об артелях, ныне существующих: 3) об относящихся к ним законодательных постановлениях. В заключение представим выводы, вытекающие из этих данных, и приложим те из полученных нами подлинных документов, на основании коих образовались и действуют некоторые артели.

I

Артель, в смысле товарищества нескольких лиц, соединяющихся своим капиталом и трудами или только последними для какой-нибудь работы, промысла или предприятия и вследствие этого отвечающих друг за друга, — есть явление, встречающееся у нас еще в глубокой древности, а названием своим оно указывает на отдаленные, а именно тор-

говые, связи наших предков с восточными народами, в языках которых этим словом означаются *общины и товарищи*. Первые следы такой ассоциации находим мы еще в XI и XII столетиях в правительственных постановлениях, коими дозволяется *вкладываться* в общество, учреждаемое для какой-нибудь общепользней цели. Именно, уже в «Русской Правде», древнейшем памятнике светского законодательства в нашем отечестве, встречается указание на круговую ответственность, которой обязаны в отношении платежа *дикой виры* (денежной пени) за убийство, учиненное в *верви* (округе), все *сложившиеся в дикую виру* или составляющие *дружину*. Эта круговая ответственность имела место в том случае, если убийца (*головник*) был известен и, находясь налицо, принадлежал к дружине; но размер пени, падавшей на каждого из членов, был, кажется; не одинаков. смотря по различию убийства: при вире в 80 гривен дружина могла даже платить только половину, в которой должен был участвовать и убийца, а остальное платил сам *головник*: за разбойника же никто не должен был платить, он выдавался *на поток* с женою и детьми. Другое любопытное указание на подтверждаемую правительством ассоциацию находится в известной грамоте (начала XII века), данной новгородским князем Всеволодом-Гавриилом Новгородской церкви Иоанна Предтечи («на Петрятине дворище»). При этой церкви производился, как известно, вес воска, продаваемого местными и иногородними купцами, привозившими его в Новгород: *низовыми*, полоцкими, смоленскими, новоторжскими. Право на вес, на основании грамоты, предоставляется князем только *купечеству Иванскому*, названному так от церкви, к которой они были причислены или при которой состояли. В купечество это нельзя было поступать иначе, как давши *вкладу* 50 гривен серебра и тысячьскому ипрское (*ипьское*) сукно. Давший вклад получал название *пошлого* купца, впрочем, можно было сделаться *пошлым* купцом и *отчиною*, т.е. это звание и соеди-

ненные с ним права переходили также по наследству. Кроме купцов, в состав Иванского общества входили трое старост от житых людей, тысяцкий от черных людей и двое старост от купцов, коим вверялось все управление делами Иванскими: торговыми, гостинными и суд торговый (конечно, только в отношении продажи воска). Деньги, вырученные за вес, поступали в *дом святого, великого Ивана*, т.е. в церковную сумму; но из них — и в этом состояла, кажется, вся выгода Иванских купцов — предоставлялось купецким старостам и купцам брать на всякий праздник Иоанна Предтечи, на вечные времена, по пятнадцати гривен серебра. К сожалению, более сведений о взаимных отношениях между членами этой общины мы не имеем.

Скудость дошедших до нас материалов столетий XIII, XIV и XV составляет, вероятно причину, почему в числе их мы не находим актов, в которых артельное товарищество было бы выражено вполне наглядно; но на существование его в этот период времени указывают довольно ясно как известия, сохранившиеся в памятниках о торговых и других *складчинах* и *ватагах*, так и название *товарищей*, которое давалось складчикам. Имея в виду эти данные, мы не сомневаемся связать их непосредственно с теми сведениями, какие во множестве находим о существовании у нас артельных союзов в XVI и особенно в XVII веке. Впрочем, самое слово *артель* встречается в первый раз в актах лишь в половине XVII столетия, зато в том тесном юридическом значении, которое выражает товарищество равных между собою лиц, согласившихся действовать заодно в промышленном предприятии.

Материалы, на коих мы должны по преимуществу остановиться для изучения артелей в древней России, распадутся на следующие три отдела: только, к сожалению, два акта суть артельные записи в собственном смысле, т.е. представляют условия или договоры, заключенные между артельщи-

ками и теми лицами, у которых они обязываются исполнить какую-либо работу, или что-либо нанимают; третьи, известные под названием *поручных записей*, относятся к содержанию артельных товариществ не прямо, но тем не менее очень ясно обозначают их состав, разнообразные предприятия, для коих они соединялись и важность, которую они имели в современном обществе. Независимо от этих договорных актов, о существовании артелей и товариществ для некоторых предприятий и промыслов мы находим ясные указания в современных грамотах и других источниках.

Чтобы в большей полноте представить характеристические черты нашей древней артели, мы остановимся прежде всего на содержании двух первых из вышеозначенных актов, которые суть *артельные записи* в собственном смысле.

Одна из этих записей — 1654 г. января 25. В нашем издании юридических актов мы назвали ее *артельною*, потому что сами товарищи называли себя «артелью», и все принадлежащее к этому товариществу «артельным». Самая артель, указываемая в настоящем акте, состояла из трех товарищей, взявших на трехлетний откуп сбор полшины на таможах Арзамасской и в селах Ичалове, Стековсе и Гремячем. Каждый из них сверх того принял на себя *на пай по человеку для своей перемены*, также с именем *товарища* своего, но так, что каждый заключил особое с своим товарищем условие *для укрепления его за собою*. Во всяком случае, эти товарищи представляются по акту лишь в значении поверенных, заступающих место главных товарищей, когда в том встретилась бы необходимость. Сущность артельного договора заключается в следующем. Назначение кого-либо из товарищей к той или другой таможе должно делаться всей артелью («кого похотят товарищи где тому быта... куды всею артелью не пошлют») и нельзя от назначения отговариваться, а напротив, следует артель *во всем слушать*. Запрещаются ссоры, брань, дурное поведение, игра в карты и зернь и предписывается уважение

и почтение к прочим товарищам. Никто не вправе брать какой-нибудь подарок или почесть помимо артели и свозить ее *украдом* на сторону. Нанимать посторонних людей для сбора пошлин товарищи должны не иначе как сообща. В случае иска на ком-либо из артели «в таможенном деле», что случалось в «откупных городах», и убытков, понесенных ответчиком, все потери уплачиваются «из артели». Откупные деньги должен отвозить в Москву один из артельщиков, «кого артелью излюбят»; дорожные же расходы возмещаются также сполна «из артели». Не исполняющий какого-либо из этих правил подлежит взысканию трехсот рублей пени и лишается *заводных* денег, т.е. вкладного капитала, внесенного им при вступлении в артель, и если он не подчинится этому добровольно, то прочие артельщики выговаривают себе право жаловаться на него судебным порядком всею «артелью». Количество упоминаемых здесь заводных денег в акте не определено; но сказано, что по откупу в таможах Арзамасской и Стексовской все трое товарищей положили паи поровну. Наконец, в случае смерти кого-либо из товарищей, наследникам его выделяются как заводные его деньги, так и причитающаяся ему прибыль, а на место его поступает в артель брат его, сын или кто другой, «кому он прикажет». Наклад разверстывается также между товарищами поровну, по паям. В заключение акта говорится, что он вручается *третьему* с тем, чтобы в случае спора он выдал его «правому на виноватого», с доклада воеводе при «добрых людях», и «всем артельщикам вместе» (т. е. за исключением виноватого).

Другая принадлежащая сюда запись называется в подлиннике *складной*. Она писана в 1635 году 25 апреля и имеет своим содержанием условие о взаимных отношениях между двумя товарищами, согласившимися «торговать и промышленять» в сибирских городах. Сложились мы, — говорят товарищи, — русским товаром и деньгами полюбовно на 297 рублей, заняв этот товар и деньги вместе, по кабалам, выдан-

ным нами также «свопча, вместе». Далее товарищи договариваются торговать и промышленять вместе, «за один человек», кабалы выкупать также сообща и вообще прибыль и наклад делить пополам. Касательно выполнения правил о послушании друг другу, о честности в расчетах и добром поведении здесь поставляется то же, что и в предыдущем акте. В заключение именуются свидетели, присутствующие при совершении этой записи.

Договоры между артельщиками и посторонними лицами по предмету их занятий, найма и даже займа открывают нам самые разнообразные цели товариществ, составившихся в древней Руси. Но как и *поручные записи*, хотя имеют целью лишь укрепление таких договоров со стороны артельщиков перед теми, кому они в чем-либо обязывались, содержат в себе вместе с тем чрезвычайно любопытные указания не только на занятия и промыслы артелей, но и на правила, которым они в этом подчинялись, то мы соединим данные, встречающиеся в актах того и другого рода, а также и в прочих источниках, чтобы исчислить разнообразные артели, существовавшие у нас в XVII веке, и по возможности осветить их внутренний быт, т. е. отношения артельщиков между собою и в особенности к посторонним лицам, с которыми они вступали в договоры.

1. Артели ярыжных

Две записи, одна 1642 г., другая 1653 г., сохранили нам черты этих товариществ, весьма сходных с нынешними артелями. Обе они суть поручные, взятые Лысковцем Василием Обросимовым, который в первой записи называется приказчиком, а во второй торговым человеком, по ярыжных, обязавшихся ему по первому акту *идти в тяге*, на астраханском судне, от г. Самары вверх Волгою до Лыскова, о по второму нагрузить его струг запасами и товарами в Лыскове и отсюда ехать на струге с грузом вниз по Волге в Астрахань. Об ярыж-

ных, обязавшихся в тяге, говорится в записи, что они должны «тянуть канат и всяким струговым ходом и в завозне ездити, и всякую судовую работу работати против нижегородских ходовых судовых записей», если же судно станет *на костях и на мелях*, то *снимать* его «и в воду с рычаги лазити, и перепаживатись, и по паузки ездити, и паузки назад привозити». Другие ярыжные, нанявшиеся ехать со стругом, должны были «грести весла, бить в поносную, угребать от островов, берегов, карш, песков и проносов», а в случае, если судно станет на мель, снимать его, перекладывать груз в малые лодки, перевозить его на берег и обратно с берега в судно и проч. Сверх того они обязывались перед приездом в Астрахань «высечь в лесу на всякого человека по сохе да по два честики» и поставить в Астрахани лубяной амбар, в который и укласть хозяйские запасы и товар и прочую кладь выгрузить из струга «на обруб». Число всех ярыжных по первому акту шесть человек, и все они приняты за поруками; по второму акту всех ярыжных восемь, также с поруками, но из поручившихся двое сами ярыжные, нанявшиеся к хозяину в тот же струг. Наемной платы дано первым по четыре рубля без 10 алтын и по три рубля на человека; сверх того они должны были получать «готовый хлеб и харч»; о наемной плате вторых сведения в акте не уцелело, но «на хлеб и вологу» они уговорились получать по рублю на человека. Часть наемной платы была взята теми и другими вперед — в задаток, а остальную сумму им следовало выдать — первым в Казани и Лыскове, а вторым в Астрахани по выполнении ими договора. В случае неисполнения кем-либо из ярыжных своих обязанностей, воровства или бегства за него отвечает поручившийся по нем уплатою понесенных хозяином убытков и сверх того за выданные ярыжному задаточные деньги платить вдвое. В акте 1642 г. ярыжные обеспечиваются также от притеснений со стороны хозяина: он не вправе, сказано здесь, заставить их выгружать из хозяйского судна соль и ры-

бу, не в праве вычитать у них деньги за лыка, канаты и проч.: если же судно не дойдет до Лыскова по случаю заморозков, то ярыжные все-таки условленные деньги получат сполна; а в случае болезни ярыжного хозяин обязан перевезти его в город, но больной должен нанять за себя человека в тягу.

2. Артели каменщиков

В одном еще не напечатанном акте находятся следующие любопытные сведения об одной такой артели, взявшей на себя в 1686 г. июля 14 у колокольного мастера Маторина сделать в Москве два погреба «с жилыми наверху палатками, сенями и крыльцами». Всех договаривающихся каменщиков исчислено в записи 14 человек, принадлежащих к разным селениям костромского и ярославского уездов, монастырских и помещичьих. Они рядятся заодно, ручаясь друг за друга круговой порукою. За подобным исчислением и описанием принятой ими на себя работы, в акте I сверится, что все припасы должны быть хозяйские, а латки и шайки каменщиков. Подрядная сумма назначена в 105 рублей, из коих взято в задаток 40 рублей, а остальное получать «как понадобится». В случае неисполнения каменщиками подрядных работ или даже плохой кладки хозяину предоставляется взять на том из каменщиков, *кто будет в лицах*, 200 рублей пени.

3. Артели плотничьи

О существовании этих артелей мы знаем из двух записей о постройке и починке мостов, заключенных разными крестьянами с казначеем Вяжицкого монастыря, 1598 года, и из одной записи, которою Верхотурские ямские охотники обязались казенным целовальникам сделать в казну два дощаника. Впрочем, во всех этих актах, из коих особенно любопытен последний по заключающимся в нем подробностям касательно самой постройки судов, для нашей цели заслуживает особенного внимания, кроме условия о цене работы,

оговорка со стороны плотников, что в случае неисполнения принятых на себя ими обязанностей, они подвергаются платежу пени, *что Государь укажет*, а работу должен все-таки окончить тот. «кто будет из них в лицах».

4. Артели рыболовов

Сюда, без сомнения, может быть отнесено товарищество, подрядившееся на рыбную ловлю у игумена Кириллова монастыря в 1577 г. июня 2. Договаривающиеся обязываются давать игумену или его старцам во все время лова (от Петрова заговенья до Дмитриева дня) ежедневно четвертую часть улова (четвертую рыбы); в противном же случае должны заплатить сто рублей пени, которые надлежит взыскать с того, кто из них будет налицо.

5. Артели бортников

На товарищества для выемки меду из бортей указывают два дошедшие до нас акта 1663 года, из коих один есть договор, заключенный двумя русскими крестьянами с игуменом Макарьева Желтоводского монастыря, а другой — договор, с ним же заключенный одиннадцатью черемисами. В первом из этих актов договаривающиеся упоминают, что, хотя они приняли к себе еще трех бортников «подушенников», но все они будут «ходить заодно». За бортное ухажье они обязываются платить оброк, в лес никого не пускать, дельного лесу самим не рубить и «борт с пчелами не пустошить», в противном же случае должны заплатить заряду по записи 50 рублей, а за дерево и пчелы по Уложению. То же повторяется и в другом акте.

6. Артели чернорабочих

Сюда относятся два в высшей степени любопытные акта, свидетельствующие о существовавшем и в XVI веке найме для черных работ вольных людей, составивших между собой

товарищество именно с этой целью: они напечатаны в Архиве Историческ. и практ. свед. о России 1859 г. в кн.1. 151

Это две наемные записи 1700 г. в обеих за изложением *наймитами-товарищами*, в первой в числе трех семейств, а в другой в числе двух семейств, принимаемых на себя работ на срок (семилетний по первому акту и трехлетний по второму) у помещика Григория Сабанина в его деревне Сычевке (Симбирской губ.) они говорят:

«Мы наймиты не боярские и не властелинские и не монастырские крестьяне и не дворовые чьи люди беглые, великого государя *вольные люди из разных городив, друг друга меж собою знаем, все добрые и не воровские люди*», и ручаются друг за друга *голова в голову*, а в случае невыполнения кем-то из своей среды обязанностей по договору или бегства, дурного поведения, воровства и т.п., обязываются платить сообща все понесенные хозяином убытки.

Самое условие о работах, на которые они нанимаются, заслуживает, по нашему мнению, особенного внимания, почему мы позволяем привести его здесь в подробности. Крестьяне-товарищи берутся пахать пашню, *раздирать* залоги, рубить лес, ставить строение, косить сено, возить дрова, жать и убирать хлеб, плотничать, кто умеет, и вообще делать все, что помещик заставит, причем работы должны исполняться на *своих лошадях*.

Жить они условливаются на хозяйской земле, без всякой за нее платы, и сверх того распахать себе земли, сколько понадобится; но работать при этом на своем хлебе. За все это помещик обязан платить ежегодно большим по рублю, а средним и малолетним по полтине; деньги эти были взяты наймитами за все годы вперед.

7. Артели кортомщиков

Так называют себя в одном акте два товарища-крестьянина, взявшие в кортому (наем) лес и покос Жуковской пустыни

Солдомского монастыря на десять лет. К сожалению, этот акт есть противень, данный монастырским строителем крестьянам, и потому в нем исчисляются только обязанности к ним монастырской братии, а не обязанности самих крестьян. Поэтому любопытнее для нас другой акт, данный двумя священниками и двумя крестьянами архимандриту Рязанского Богословского монастыря на взятый ими на распашку луг, на 10 лет в числе 50 нив. Кроме определения наемной платы, кортомщики обязываются, если не будут пахать взятую ими землю, все-таки платить кортомные деньги, а убытки взять на том, «кто будет из них в лицах».

8. Артели извозчиков

Такие артели составлялись как для отправления *ямской* гоньбы, так и для перевоза или доставления из одного места в другое съестных припасов, денег, строительных материалов и т.п. сухим путем или водой (на лошадях и стругах). Из множества относящихся сюда актов, дошедших до нас от XVII века, частью уже напечатанных, укажем на одну подрядную 1655 г. марта 10 об отвозе из Новгорода в Витебск хлебных запасов, и на одну поручную 1605 г. по ямских охотниках. Первая дана была архимандриту Тихвина монастыря с братией артелью, составившеюся их трех ямщиков (ямских охотников), одного крестьянина монастырского, одного крестьянина черносошного и двух «вольных людей»; все они называют себя *извозчиками* и обязываются поставить монастырские запасы на 15 лошадях, с платою за каждую лошадь по 7 рублей, которые взяты ими были вперед. «А везучи нам, — говорят они далее, — те хлебные запасы, сухари и крупы дорогою и по станом, и по ночлегом беречь от всего накрепко от всяких лихих людей, окромя Божией воли и сильной руки, и тех хлебных запасов нам, извозчикам, по дороге своим небреженьем не подмочить и никакие хитрости не учинить», в противном же случае архимандри-

ту с братией взять «за подмоченные и недовозные запасы... по Витебской цене и убытки и волокита все сполна на вас, извозчиках». Поручною записью 1605 г. трое ямщиков костромского яма обязываются, за порукою исчисляемых в этом акте ямских охотников и посадских людей, отправлять за разные села Ипатьева монастыря ямскую гоньбу как сухим, так и водяным путем, именно:

«Государевых... посланников и гонцов на подводах отпущати и провожати безотступно, денно и ночью, от Семенова дни летопроводца (т. е. 1 сентября) 113 году да до Семенова ж дни 114 году». Для исправления этой гоньбы они должны держать на яму по три мерина добрых с седлами, санями и телегами и «со всякою ямскою поряднею». Наемной платы взято извозчиками за год на каждую лошадь 15 рублей, из коих они условились половину получить вперед, а другую половину 1-го марта. В случае неисполнения ими принятых на себя обязанностей или если они «с яму до срока сбежат», поручившиеся — кто из них будет налицо — берутся заплатить пеню, «что государь укажет, и ямская гоньба, и убытки вдвое».

II

Об артелях со времени Петра Великого почти до конца XVIII века мы знаем несравненно меньше, чем об артелях XVII столетия, не потому, впрочем, чтобы такие товарищества исчезли или сделались редкими исключениями, но единственно по недостаточному знакомству нашему с памятниками этой эпохи. Наши археографы еще почти вовсе не касались драгоценных актов, относящихся к частной жизни народа в XVI веке и еще менее приступили к их изданию. Вот почему мы можем указать только на следующие артели, о существовании которых заявляется в законодательстве XVIII и XIX столетий: 1) артели *биржевые* в Петербурге; о занятиях и ус-

тройстве этих артелей я буду говорить ниже, а здесь замечу только, что в донесении Санкт-Петербургской Казенной Палаты Министру Финансов 1822 года в марте месяце прямо выражено, что «все состоящие в здешней столице биржевые артели, не имея на сие законного утверждения, существуют и занимаются промыслами по добровольному между собой условию»; 2) артели судорабочих и бурлаков; 3) артели ломщиков соли; 4) артели извозчиков; 5) артели, исполняющие разные горнозаводские работы. Дальше постараюсь я объяснить, в какой мере законодательство коснулось всех этих артелей; теперь же перейду прямо к обозрению вкратце разных существующих ныне артелей, насколько они известны как самому мне из практики, впрочем только хозяйственной, так и на основании сочинений, в которых упоминается о них с большими или меньшими подробностями.

Самые простые и вместе с тем настоящие товарищества в значении артелей представляют складчины двух, трех, а иногда и более лиц, соединяющих свои капиталы и труды для какого-либо предприятия: земледельческого, хозяйственного вообще, торгового или промышленного. Так, напр., весьма часто крестьяне или мещане нанимают сообща поля, сенокосы или рыбные ловли, потом обрабатывают эти поля, косят и убирают траву или ловят рыбу собственными трудами, а иногда употребляя для этого еще наемных людей, и затем делят между собой барыши, а подчас и убытки соразмерно вложенному каждым из них капиталу. Так, в помещичьих селениях уже теперь случается нанимать для пашни, полотья и уборки полей и для сенокоса рабочих, которые рядятся иногда артелями. Так, наконец, составляются очень часто небольшие товарищества для торговых оборотов: они закупают на общие деньги (складчиной) хлеб, скот и другие предметы сельского хозяйства, а также изделия промышленности ремесленной, мануфактурной и даже книжной, а потом делят между собой вырученные барыши соразмерно

капиталу, внесенному каждым на общее предприятие. Из таких товариществ те, которые состоят из незначительного числа лиц, напр., 2,3, не называются обыкновенно артелями. Напротив, рабочие, принимающие на себя исполнение какой-либо работы или вообще занимающиеся какой-либо промышленностью в большом числе лиц носят обыкновенно это название. Но в чистом виде, именно как ассоциации капиталом и трудом, артели существуют только в малых размерах. Как скоро является потребность в большем капитале, то, по недостатку денег в простом народе, к чистому началу артели присоединяется еще отношение между артельщиками и лицом, ссужающим этот капитал. Самый простой вид такого отношения есть тот, когда артель нужной ей капитал занимает, хотя бы даже с обязательством отдать капиталисту определенную долю барышей. Впрочем, весьма часто дающий капитал принимает сам непосредственное участие в занятиях артели, и тогда она получает совершенно иное значение. При этом случается нередко, что не артель приискивает себе хозяина, а наоборот, зажиточный мастеровой, напр., каменщик, плотник, сам составляет артель, нанимая рабочих из своих ли односельцев или из посторонних, за плату, в которой уговариваются с каждым рабочим особо, хотя, впрочем, в каждой местности эта плата довольно известна и определительна, смотря по возрасту и знанию дела рабочим и по времени, на которое он нанимается. Очевидно, что такая артель связывается только тем, что она имеет одного хозяина и большею частью исполняет работу сообща в одном месте. Но и между такими рабочими образуется обыкновенно настоящая артельная связь посредством соглашения их иметь общую пищу или общий стол. Такая *потребительная* артель поручает заведование своим хозяйством одному из своей среды, который и получает за это деньги от хозяина, вычитаемого впоследствии у каждого рабочего соразмерно их числу. Есть, впрочем, и такие артели, в которые рабочие

набираются хозяином под условием делить между ними заработки, которые и распределяются соответственно знанию дела каждого, а хозяину полагается особое вознаграждение. При этом случается, что рабочие попадают в руки обманщиков, которые, заподрядившись на работы и взяв задатки, оставляют приведенную ими артель на месте работы; впрочем, настоящими хозяевами или подрядчиками считаются такие, которые занимаются десятки лет своим промыслом и известны своей честностью.

Что касается, в частности, до разных артелей, существующих в настоящее время, то вот те сведения, какие мне удалось собрать о некоторых из них.

1. Артели биржевые

Из всех нынешних артелей артели *биржевые* должны быть поставлены на первом месте, потому что они уже успели сами собою выработаться в правильное учреждение и имеют каждая составленные ими самими правила, которыми они и руководствуются. Эти артели представляют еще ту особенность, что они обеспечивают исполнение своих обязательств не только круговой порукой, как это свойственно и прочим артелям, но сверх того страховыми суммами. К сожалению, собранные мною данные о биржевых артелях относятся только до артелей Петербургских и Московских, очерком которых я поэтому и ограничусь.

Биржевые артельщики имеют предметом своих занятий погрузку и выгрузку товаров на барже, упаковку их и хранение в складочных местах; они везут и провозят товары и сверх того исполняют разные обязанности у купцов, как то: в конторах в звании приказчиков, по посылкам (нередко с весьма значительными суммами), по домашней прислуге и проч. Все члены артели отвечают перед посторонними друг за друга, а самой артели каждый отвечает за себя капитальной суммой, без которой никто не принимается в артель.

Впрочем, подобных общих правил для действий и обязанностей артельщиков не существует и только из известных нам постановлений нескольких артелей можно извлечь некоторые одинаковые в них начала, состоящие в следующем.

Вступление в артель обуславливается, как мы сказали, взносом от каждого вновь принимаемого определенной в ее постановлении суммы (средним числом до 1000 руб. сер.), которая называется *вкупом*. *вкупными деньгами*, а также *новизной*. Эта сумма требуется в обеспечение исправного исполнения артельщиком его обязанностей. Впрочем, она редко вносится сполна при самом поступлении; обыкновенно артель, в которую вступает *новичок* (так называется артельщик до уплаты всей вкупной суммы, в противоположность уплатившим ее, называемым *стариками*), довольствуется какой-нибудь частью ее (напр., по 3 руб. сер. на каждого артельщика), которая называется *передовыми деньгами*, а остальная затем сумма составляется вычетами в течение нескольких лет из заработанных денег; но если бы новичок пожелал внести весь вкуп разом, то ему делается сбавка. Внесенные деньги распределяются между всеми наличными членами артели, так однако, что передовые деньги делятся между ними тотчас, а остальные, вычитаемые из заработка новичка, делятся между теми только артельщиками, которые находились в артели при его поступлении. При выходе из артели исправные (т. е. ничем не опороченные) артельщики, внесшие свой вкуп, получают в виде награды *вывод*, или *выводные деньги*, которые обыкновенно равняются трети *новизны*. Этот капитал составляется вычетом из заработанных денег у тех артельщиков, которые получали с выходящего новизные деньги. В случае смерти артельщика вывод выдается его наследникам.

Заработные деньги уплачиваются артелям *хозяевами* (т. е. поручающими им работы или дающими им занятия) в один срок по взаимному согласию, исключая мелкие работы, за которые плата получается тотчас. Всякую плату

хозяин вписывает сам в артельную приходную книгу, а уплаченные деньги хранятся у артельного старосты. В определенные сроки накопившаяся таким образом сумма делится между всеми членами артели, и этот раздел называется *дуваном*; но и до назначенных сроков артельщик может забрать у старосты часть денег, необходимых ему на расходы, с тем, что забранные им суммы вычитаются из части, следующей ему при общем разделе. Общие артельные расходы, как то: наем подмоги при выгрузке товаров или в других случаях, покупка нужных снастей и снарядов (рогож, веревок и проч.) и всякие мелкие выдачи производятся старостою также из заработанных денег. Эти расходы должны быть объявляемы старостой писарю, который вносит их в заведенную для того расходную книгу. При общем разделе заработных сумм приходные и расходные книги проверяются всей артелью, которая, впрочем, для подробнейшего обозрения их и проверки книг выбирает нескольких из своих членов.

Артели управляются лицами, избираемыми ими из своей среды на сходке всех артельщиков. Главное из этих лиц *староста*, выбираемый на срок не далее года. Он не только хранит деньги, но и распределяет между артельщиками работы: в нескольких, впрочем, артелях на постоянные работы староста не может ставить без согласия артели; без согласия же старосты и артели никто из артельщиков не вправе брать на себя работы, в противном случае артель не отвечает за убытки, которые он может причинить наемщику или поручителю. В некоторых артелях при замещении должности старосты соблюдается очередь между артельщиками по времени поступления в артель, так что обходят только известных по нетрезвости или по другим слабостям, и в таких случаях обыкновенно оставляется прежний староста, если им довольны, а *обойденный* платит ему известную сумму в вознаграждение за его вторичную службу. В других артелях очереди этой не соблюдается и выбор падает на достойней-

шего, хотя бы он был и неграмотный. Староста, назначенный по очереди, не получает от артели никакого особого вознаграждения за свою службу, пользуясь лишь дуваном наравне с прочими артельщиками. Напротив, старосте выборному полагается особое вознаграждение.

За старостой по важности должности следует *писарь*, который, как сказано выше, ведет книги приходные и расходные и вообще заведует письменной частью по делам артели. Хотя он назначается по выбору, но обыкновенно остается с общего согласия артели до тех пор, пока исправен. Ему во всяком случае полагается, сверх дувана, особое жалованье.

В некоторых артелях есть особые должностные лица — *выгрузные* или *амбарные*, а в других *кассиры*, получающие также жалованье.

Выборы исчисленных должностных лиц производятся всей артелью на одной из артельных квартир, смотря по тому, где удобнее. Впрочем, действительное участие в выборах принимают только лица, имеющие особенное значение в артели или пользующиеся особым ее уважением. По предварительному соглашению таких лиц, предлагаются на должность несколько артельщиков и тот из них считается избранным, в чью пользу оказалось больше голосов.

За проступки артельщиков, как то: слушание против старосты при исполнении работ, за жалобу хозяина, своевольный забор у хозяина на свои надобности денег, если не объявится о том старосте, за явку в пьяном виде на работы, буйство, неисправное исполнение поручения, за утрату хозяйских товаров и денег хозяйских или артельных, за утайку или необъявление проступка товарища, за укор или попрек товарища прежним проступком и проч. налагается штраф, размер которого, смотря по степени вины, определяется артельными правилами или каждый раз по приговору всей артели. Самый больший штраф есть временная отписка от работы или исключение из артели с лишением выводных денег. По общему

приговору артели штрафу может быть подвергаем и староста: за своевольное (без ведома и согласия артели) назначение к хозяевам людей в известные должности, исключая посылок на короткое время, напр., на день для исправления каких-либо неважных домашних работ; за произвольную неявку на биржу, если только не был занят в это время исполнением каких-либо других артельных надобностей; случается также, что артель по общему приговору не принимает на свой счет некоторых расходов, сделанных старостой совершенно произвольно или вовсе ненужных и таким образом штрафует его. Наконец, как староста, так и писарь, за умышленное нанесение вреда артели могут быть отрешаемы от должности и до истечения срока, на который были выбраны.

Особой штрафной книги в артелях не ведется с тою целью, чтобы купцы охотнее доверяли им свои товары и капиталы. Впрочем, из общей денежной книги можно видеть, подвергался ли штрафу известный артельщик в текущем году, хотя самые проступки в ней не прописываются. По истечении же года после общего раздела денег все артельные книги уничтожаются.

В случае болезни артельщика, произошедшей по воле Божией, от ушиба на работе или других причин, от него не зависящих, он получает заработные и новизные деньги в течение шести месяцев или даже года от начала болезни; но заболевший по собственной вине (от дурной жизни) не получает заработка. Как в этом случае, так и в других, артельщик не вправе заводить с артелью никаких споров по судебным местам, иначе признается виновным.

Об артелях в Москве мы находим первое сведение в указе 8 апреля 1684 г., о неприемепришлых и гулящих людей без поручных записей: «... а буде, — говорится в этом указе, — чьи люди или крестьяне придут *для найму в работу с Красныя площади*, не явясь помещикам своим и вотчинникам, и тем велеть записываться в Земском Приказе самим (т. е. не через

посредство помещиков) *артельми* по именам и иметь из Земского Приказа для свидетельства, что они в Земском Приказе явились и в книги записаны, письмо за дьячею подписью или за справкою старого подьячего; тому в Земском Приказе для записи тех пришлых и гулящих людей учинить записную особую книгу». Одну из таких артелей мы видели в приведенном выше (...) акте 1686 г. июля 14. Но это артели пришлые; об артелях же собственно московских нам не удалось встретить положительных сведений в материалах как XVII, так и XVIII столетий.

В настоящее время в Москве есть несколько артелей, которые в своих постановлениях представляют некоторые особенности от артелей петербургских. Нам известны следующие из них: 1) артель биржевая; 2) гостинодворская Ильинско-Мазуринская; 3) гостинодворская Алексеевская; 4) гостинодворская Шекулевская; 5) артель Чижевского подворья; 6) две артели ветошного ряда и 7) две артели зеркального ряда. Число лиц в них различно: от 25 до 110 человек, но так, что определенное число членов каждой артели не изменяется, если же временно встретится надобность в людях, то по усмотрению старосты нанимаются работники из посторонних, за которых артель отвечает как за своего члена. Как особенности этих артелей можно отметить следующие черты. На каждого члена есть в кассе артели определенная в обеспечение сумма (не превышающая, впрочем, 120 руб. сер.). Эта сумма (хранящаяся в кредитных билетах или и отдаваемая в частные руки под процент) считается неприкосновенной и употребляется для вознаграждения убытков, полученных *хозяином* от вины или неосмотрительности артельщика. Но еще большим обеспечением служит ценность самого места или звания артельщика: они нередко продаются или передаются по взаимному согласию от 1000 до 1300 руб. сер. каждое. В случае смерти или тяжелой продолжительной болезни артельщика место его продается его родственниками или наследниками, которые,

из вырученных денег сделав расчет с артелью, остальные затем удерживают в свою пользу. Если же артельщик исключается артелью за неисправность или дурное поведение, то место его продается самой артелью, которая, в случае наложения на него штрафа или взыскания за причиненный им убыток, удерживает их из вырученной суммы, а остальную выдает исключенному; но если бы эта сумма, равно как и капитал исключенного, находящийся в кассе артели, оказались недостаточными для покрытия причиненного им ущерба, то остальное доплачивает сама артель, а с него довыскивается по своему усмотрению. В московской биржевой артели, в отличие от петербургских, староста имеет право, как скоро кто объявит надобность в артельщиках, немедленно набирать нужное число их, давая знать писарю, чтобы он вписал в книгу как их работу, так число рабочих и полученную сумму. Необходимые расходы делаются старостой, но он обязан как можно своевременно сообщать о том артели *у образа*, где писарь и вписывает их в расходную книгу. Относительно самих артельщиков нельзя не указать на их девиз, выраженный в самом их постановлении — верность и честность; почему за утрату денег и товаров, порчу их, убытки взыскиваются с виновного или же вычитаются со всех по раскладке. Во время работ артельщики должны повиноваться тому, кому старостою доверен хозяйский приказ, хотя бы он был летами и моложе, «не возвышаться друг перед другом старшинством или званием» и не заводить никаких ссор. С артельщиков, провинившихся в малых проступках, берется штраф до пяти рублей, который налагает староста, объявляя о том *у образа*.

2. Артели для рыболовного и звериного промыслов

Товарищества для рыбной ловли составляются в малых размерах едва ли не в каждом селении, где есть рыбная река или озеро. Ловитвенные снаряды артель имеет обыкновенно

свои или же берет их под условием заплатить за них какой-либо долей улова. Если при этом и вода не находится в общем пользовании селения, а в чужой даче, то промышленники точно так же платят владельцу этой дачи деньгами или же частью улова. В больших размерах рыболовство производится артелями на морях Белом и Ледовитом, где к нему присоединяется еще звериный промысел, на Урале и на Чудском озере. Скажем о каждом из них несколько слов.

О зверином промысле и рыбной ловле артелями на морях Белом и Ледовитом сообщает некоторые любопытные подробности г. *Максимов* в сочинении «Год на севере». Вот как он описывает составление этих артелей, занятия их и отношения между артельщиками.

Каждое судно, отправляющееся из Пустозерска за промыслами на Новую Землю имеет свою артель, называемую *котляною*. Котляна носит название *плотной*, когда артельщики идут от себя, а не по найму от хозяев. В каждой котляне, снаряженной *хозяином*, бывает от 8 до 20 человек; главный из них называется *кормщик*, второй за ним *полукормщик*, третий *полууженик*; все остальные простые работники — *покрутки*, *покрученики*. Каждый из них имеет при разделе промысла свою часть, пай, называемый *ужною*. На хозяина по ужнам идет обыкновенно две трети всего промысла; кормщик из остатальной трети получает, против простого покрутика, в 4,5, и даже 7 раз больше; полукормщик всего этого половину, полууженик половину против последнего; покрученик, по взаимному договору с хозяином, получает против первых меньше иногда на половину, а иногда и того меньше. Впрочем, взаимные полюбовные условия на честное слово занимают первое и главное место, так что вышесказанные основания не всегда должно понимать за постоянное правило.

Жители Мезени выходят на тюлений промысел артелями иначе называемыми *покрутим*, *ужною*, которые состоят из 7 или 8 человек, именно хозяина, уженников и покручеников

или половинщиков и мальчиков *зув*. Обязанность снаряжать артель лежит на хозяине, который и сам всегда отправляется на место промысла с работниками. Уженники, идущие на своем содержании, получают 1/8-ю часть всего промысла; покрученики половину этих или 16-ю долю промысла, а мальчики треть 16-й доли. Остальное достается хозяину за снаряд, который во всяком случае окупается.

Для промысла трески и палтасины на дальнем мурманском берегу в селениях начиная от Онеги до Кандалажской губы составляются также артели несколькими местными богачами. При наряде ими *покрута* соблюдаются следующие правила. Крутятся в пай обыкновенно четверо: *кормщик, тяглец, весельщик и наживочник*. Последние трое называются *рядовыми* и отдаются в полное распоряжение кормщика. Добытый промысел делится на три части: две поступают в пользу хозяина, крутившего народ, за его снасти и суда, остальная треть делится поровну между четырьмя работниками. Кормщик сверх того получает на свой пай *половой* от хозяина, т.е. еще ровно половину того, что ему досталось из третьей части по разделу, и сверх того награду, так называемый *свершонок*, от 5 до 50 руб. сер. Мальчики не получают ничего, кроме мелких подарков.

У уральских казаков, по описанию г. *Данилевского*, ловля в море против устья Урала (так называемые «Кухайские ловы») производится артелями с таким ограничением, что каждая артель имеет право на выставку не более 100 сетей или, что то же, она должна занимать не более 450 сажень в линию. Так как не все места ровно уловисты, то мечут жребии для размещения артелей, которые и выставляют свои сети в порядке доставшихся им номеров. Жребии называются *полными*, если достанутся *полным артелям*, т.е. имеющим право на выставку 100 сетей, *неполными*, если достанутся меньшим артелям, и *единичными*, если их получают казаки, не приписавшиеся ни в какие артели, что, впрочем, случа-

ется весьма редко. От этого жеребьевого порядка освобождены лишь начальники участков и их помощники, которые выбирают себе место по желанию. Эти места самые лучшие и так постоянны, что известны под именем *атаманских мест*. Самые артели двух родов: одни истинно товарищеские, имеющие в виду взаимную выгоду своих членов, как, напр., потому что несколько казаков имеют одну общую морскую лодку; другие же состояются богатыми казаками, которые нанимают себе бедных казаков в работники, почему последние получают уговорную плату. Что касается дележа у уральцев добытой артелями рыбы, то он различен, смотря по способу и месту ее ловли. Так, на *осеннем* неводном лове что каким неводом вытянуто, то и принадлежит приписанной к нему артели, тянувшей его, и разделяется по паям между ее членами. Хозяин невода получает сверх того 5 паев; каждый из простых казаков, которых должно быть у невода не менее 6¹, за работу по паю, следовательно и хозяин, если он работал, как всегда и бывает. Офицеры, лично участвующие в тяге, получают: обер-офицеры по 2, штаб-офицеры по 3 пая. Основание этого преимущества офицеров заключается в том, что право на ловлю считается на Урале общей принадлежностью казаков, за исключением рядовых, находящихся в действительной службе и получающих денежное вознаграждение; но число сетей, которые казак может выставить, различно по чинам. На *зимнем* неводном лове дележ совершенно иной. Здесь лов в каждом участке производится сообща, т.е. каждый невод ловит не на себя, а складывают весь улов в общие кучи, называемые *урсами*. Дележ урсов по паям отличается тем, что хозяева неводов получают здесь по 6 паев вместо 5, потому что зимние невода дороже осенних;

¹ Назначение меньшего числа рабочих, равно как и в некоторых случаях наибольшего числа неводов, на ловлю имеет целью положить границу числу или величине паев, приходящихся на долю хозяев неводов с тем, чтобы эти пай могли доставаться большему числу казаков-работников участвующих в лове одним своим трудом.

офицерам, лично участвующим, полагается без различия чинов по 2 пая. На невод не должно быть приписано менее 14 человек. На *весеннем* Черхальском лове (в озере или морце Черхальском) вся рыба складывается вместе, солится и затем делится на равные кучи, по числу тянувших неводов. Так как эти кучи совершенно уравнивать нельзя, то один из казаков отбирает у хозяев артелей шапки и, перемешав их, кладет по шапке на каждую кучу — чья шапка, того и куча. Каждая же куча делится по паям, так что за каждые 100 сажень невода хозяин его получает 5 паев. Прочие правила дележа те же, что и на зимнем неводном лове. На узеньях, где по различному свойству речек и озер употребляются и невода различной величины, вознаграждение хозяевам предоставлено взаимному соглашению между членами артелей.

На Чудском озере для производства зимнего неводного лова образуются «ловецкие дружины». Кто достаточнее и опытнее в ловле и постановке невода, тот выбирается *жерником*. Обязанность его состоит в том, чтобы во все время производства лова распоряжаться и смотреть за порядком; ему повинуются вся дружина. Вырученная за лов сумма разделяется на две равные части: из них одна назначается на «народ» (работников), а другая «на запас», т.е. в пользу жерников, и вообще всех хозяев запаса или невода. Деньги этих последних соразмеряются с величиною принадлежащих им неводных частей, а деньги на работников делятся между всеми членами дружины поровну, исключая «коморы» (артельщика, приготавливающего пищу), который получает вполнину менее против других. Кроме того жернику дается еще плата за квартиру.

В дополнение к этим сведениям о рыболовных артелях сообщим историческую заметку о таких же артелях, еще недавно занимавшихся рыбной ловлей в Байкале. По свидетельству г. *Сельского*, до 1709 года было на этом озере несколько особых артелей; каждая состояла из 20 и более пайщиков

и имела на откуп известные рыболовные места как в самом озере, так и по речкам, впадающим в него. Главных артелей было четыре: 1) Коргинская, 2) Култукская (смежная с Коргинскою), 3) Березовская, по р. Селенге и 4) Ольхонская, производившая свои промыслы около озера Ольхона, в речке Бугульдейке и реках Баргузине и Верхней Ангаре. Артели эти имели свои собственные суда для сплава рыбы в Иркутск. Рабочих людей держали без платы, наделяя их за службу рыбою; впоследствии эти рабочие делались сами хозяевами новых артелей. В настоящее время от засорения устьев Селенги рыбный промысел здесь упал.

3. Артели бурлаков

Из артелей, промысляющих наймом своего труда, на низшей степени развития стоят артели судорабочих, известные под названием *бурлацких*, которых промысел состоит в том, что они проводят по рекам пустые или нагруженные суда от одной пристани до другой. Главным образом простолюдины, не знающие лучшего промысла. в свободное время от полевых занятий находят себе этого рода работу на Волге и Доне, почему и следует по преимуществу обратить внимание на бурлацкие артели той и другой реки. К счастью, мы имеем о них весьма подробные и верные сведения. Остановимся прежде на артелях волжских как наиболее известных и представляющих типические черты, которые прилагаются и к другим бурлацким артелям с некоторыми лишь особенностями.

Артели бурлаков на Волге разделяются на верхних и нижних, или *волжских* в собственном смысле. Самый путь, совершаемый бурлацкой артелью, называется *путиной* и бывает *дальний* или *короткий*; к первому принадлежат путины в Рыбинск из Астрахани, Царицына, Самары и проч.; короткие путины совершаются между Рыбинском, Нижним, Казанью, Симбирском. Основание, которым связываются бурлацкие артели, есть добровольное соглашение членов на рав-

ный труд для общего заработка. Отсюда следующее начало, ограничивающее их взаимные отношения, что хотя не все бурлаки одной артели трудятся равно, но плату они получают все равную, не выключая и выборного главы или десятника. Вместе с тем члены артели обязываются отвечать друг за друга хозяину, который их нанимает; так напр., если бурлак сбежит или захворает, то артель обязана нанять на свой счет другого работника; почему и стараются набирать в одну артель преимущественно односельцев.

Артели составляются обыкновенно в самых местах подряда: зимою в деревнях, селах или известных городах, куда приезжают приказчики от судовладельцев для найма рабочих, летом — в тех приволжских городах, где существуют так называемые *бурлацкие базары*. Иногда бурлаки выходят уже из дому сформированной артелью, хотя, впрочем, это бывает редко. Артели состоят обыкновенно из 10 — 45 человек; но даже на пристанях чаще встречаются бурлаки небольшими группами, человека по 4, 5 и 6 в каждой. Из таких мелких до найма артелей и составляется при найме рабочих на судно одна большая рабочая артель (иногда в 150 человек и более). Но часто в самом пути оказывается, что нанятого сначала числа бурлаков недостаточно: тогда к этим *кореным* бурлакам, как они называются, хозяин судна нанимает еще *добавочных* за особую плату. Артели, нанимающиеся зимой, обыкновенно подряжаются посредством своих выборных — десятников или простых артельщиков; летние же лично или сообща договариваются с хозяином. Договор этот в первом случае составляется письменно в форме контракта, который является у маклера, а во втором вносится только в тетради, имеющие, впрочем, такую же обязательную силу. Чтобы определить точнее содержание таких сделок, я укажу на главные условия, которые в них помещаются, на основании одного контракта, прилагаемого ниже. Из них на первом месте стоит ряда о цене, которая, однако, показана в осо-

бом реестре; затем говорится о приготовлении бурлаками судна к сплаву, о сплаве его вниз по Волге до Балакова, где оно должно быть нагружено ими же хлебом, и о возвращении с ним в Рыбинск. Груза полагается не более 1000 пудов на пятерых работников. Далее объясняются обязанности бурлаков в случае каких-либо несчастных случаев с судном; вместе с тем они обязываются иметь осторожность от огня и потому не курить, так же не напиваться и не хворать притворно, иначе хозяин волен за счет них нанять других работников; со своей стороны хозяин обязуется больных рабочих оставлять не иначе, как в городе или в другом жилом месте и отдавать их на руки старшему того места. В заключении говорится, что по прибытии на место и по уборке судна и припасов хозяин должен сделать расчет. Читая эти условия, нельзя не припомнить себе те договоры, которые уже в XVI столетии и конечно еще ранее судохозяева на Волге заключали с «ярыжными», нанимавшимися плавить их грузы.

В пути бурлаки бывают большей частью на своих харчах. Покупка провизии и все расчеты по продовольствию поручаются артелью *десятнику* или *артельщику*, который, впрочем, на эти расходы получает деньги от хозяина, вычитающего их при окончательном расчете из рядной суммы. Для предупреждения обмана со стороны десятника, артелью ведется над ним контроль, состоящий в том, что для закупки провизии с ним отправляется обыкновенно *посыльный* (один из артельщиков) и расходные его счета поверяются с хозяйскими, с которыми они должны быть согласны, иначе не признаются правильными. За свои обязанности как по части хозяйственной, так и по приискиванию ряды, десятник получает от артели вознаграждение.

В случае пьянства бурлаков, драки между ними или худой работы они подвергаются наказаниям по приговору артели.

Несмотря на долговременные обычаи, под влиянием которых сложились и окрепли отношения между бурлаками

и судовладельцами на Волге, несмотря также на письменные контракты, которыми утверждаются эти отношения, как положение бурлаков, так иногда и интерес самого хозяина судна далеко не обеспечены исполнением тех требований, на которые имеет право каждая из сторон. Иногда путь по причине противных ветров и других неблагоприятных обстоятельств продолжается долго, и тогда низкая плата, получаемая бурлаками, обращается им в наклад: вследствие этого они оставляют хозяина, так что подчас бежит целая артель. Но и судовладельца не свободны от разных проделок и обманов со стороны артели. Это самое обстоятельство, как увидим ниже, и вызвало подробные правила, которыми законодательство обставило отношения между бурлаками и судовладельцами. По этой же причине разбирательство между ними споров поручено Судоходным Расправам; однако ссорящимся в случае неудовольствия решением Расправы, предоставлено обращаться к третейскому суду.

В связи с бурлачеством находится в Рыбинске особый промысел *батырей и крючников*. Батырем называется подрядчик, имеющий одну или несколько артелей крючников, занимающихся нагрузкой или выгрузкой судов. Крючники, носящие кули на спине, называются *горбачами*. В артели из 10 человек бывает обыкновенно 2 горбача, в артели из 12 человек — 3. Богатые батыри не делят работы с своими артельщиками, разве если кто из крючников заболит; но мелкие батыри работают наравне с крючниками. Из суммы следующей артели, батырь получает двойной пай: один от судовладельца, с которым он договорился в работе, для которой нанял крючников, наравне с ними, а другой в виде вознаграждения от самих крючников, которые выделяют для этого часть из своих заработных денег. Расчет между ними, или *дуван*, происходит публично, на улице.

Бурлацкие артели на Дону представляют следующие особенности. Для сплава судов вниз по реке общество, к которо-

му принадлежат крестьяне, желающие наняться в судорабочие (большей частью государственные), выдает им из Расправы билет за подписью писаря; с этим билетом они приходят к хозяевам и нанимаются, получая самый незначительный задаток. Но чаще случается, что приказчик судопромышленника или лоцман приезжают в село или слободу и объявляют в Расправе, чтобы желающие наниматься на суда шли к ним на квартиру. Расправа с своей стороны дает знать об этом известным бурлакам, чаще тем, за которыми более состоит недоимки; последних нередко и понуждают к найму. По окончании договора нанявшихся ведут приказчики в Расправу, где при старшине и сборщике податей выдают им почти все деньги по договору, оставляя у себя незначительную сумму для получения билета рабочему. Паспорта берутся в волостном правлении или в уездном казначействе всегда хозяевами. Самим рабочим деньги выдаются только тогда, когда они приходят наниматься с готовыми паспортами. Договор с рабочими бывает словесный, контрактов с ними не делают. Дорогой, когда суда причаливают, то сей же час *кухари* (дежурные) начинают варить обед или ужин на берегу, на каждую артель отдельно. Должность кухарей исполняют все, кроме лоцмана или помощника; обязанность их отливать из судна воду день и ночь, варить обед и ужин; в трудных и опасных местах они выходят на греблю. Продовольствие, впрочем весьма скудное, получается от хозяина.

По прибытии в Ростов (на Дону), рабочие приступают выгружать барки в указанном хозяином месте на берегу в бунты или амбары. По выгрузке порожние суда также отводятся на указанные места, и только тогда рабочие получают от своих хозяев паспорта и деньги (если только они есть в остатке); тогда же некоторые из рабочих нанимаются при расчете на верховой ход. Этот наем хозяева предоставляют большею частью лоцману, иногда же и сами договариваются с судорабочими. При этом хозяин берет у нанявшихся паспорта и выдает

задаточные деньги от 2 до 5 руб. сер., а остальные оставляет за собою до места. Продовольствие и здесь на весь путь также хозяйское: пшено для каши, мука ржаная для квасу и ржанные сухари. По прибытии судов к месту назначения бурлаки выгружают и складывают все материалы на указанные хозяевами места. Но если окажется по счету недостача товаров, то стоимость недостающего вычитается с них и лоцмана.

Бурлачеством на Волге занимаются крестьяне не только прибрежных местностей, но часто и приточных рек. Так, крестьяне Вятского уезда, приходя на Волгу, спускаются аж до Астрахани или поднимаются до Рыбинска. С другой стороны, крестьяне приволжских губерний иногда ограничиваются бурлачеством лишь на известном пространстве своей реки. Так, бурлаки Астраханской губернии нанимаются только на путь от Астрахани до Царицына или Саратова. Впрочем, эти артели не отличаются ничем особенным от тех, которые составляются в верховьях Волга.

4. Артели торговые

По всей России известны и действительно так распространены торговцы поодиночке и артелями мелочных товаров, преимущественно из Владимирцев, носящие разные названия, как то: *офеней, коробочников, ходебщиков, щепильников*, что нельзя не упомянуть о них в настоящем случае. Не имея, однако, подробных сведений о составе этих артелей, об отношениях членов их между собой и к капиталистам или купцам, которые ссужают им деньги или товары, и наконец касательно раздела между ними доходов, мы можем только заметить, что они весьма близко подходят к артелям *украинских* мелочных торговцев, так хорошо описанным *И. С. Аксаковым* в его известном сочинении «Об украинских ярманках»; почему и приводим здесь это описание.

Жители местечка Рашевки, преимущественно казаки, образуют из себя артели от 6 до 10 человек. Каждая артель де-

лает складчину, избирает себе начальника или *атамана* и через посредство его берет у одного из Рашевских купцов известную пропорцию игольного товара, а иногда занимает денег на честное слово без всякой расписки; потом уплачивает подати за себя или за семьи, добывает паспорта и готовится в путь. До выезда вся артель собирается к атаману, который раздает каждому часть товара и некоторую часть денег; с общего согласия назначается срок и место для сбора, и потом вся артель расходится в разные стороны, по разным дорогам, пешком, с котомкой или коробкой за плечами, а атаман с остальным товаром и деньгами прямо едет в телеге на сборный пункт. Артельщики редко покупают что-нибудь за наличные деньги, а почти всегда выменивают свой дешевый игольный товар на щетину, перо, пух, старый медный лом, шкурки, восчину и т.п. Эта мена гораздо выгоднее продажи. На сборный пункт в урочное время являются все артельщики, выдают атаману выменянные вещи и отчет в деньгах и представляют к освидетельствованию наличный оставшийся у них товар. Атаман сейчас делает заключение, кто был исправен, кто нет, по какой причине: если от пьянства или вообще от собственной причины артельщика, то немедленно творится артельный общий суд и расправа, т.е. виновный тут же наказывается. Если же дело артели шло удачно и прибыль хороша, то все расчеты заканчиваются магарычом, после которого вновь раздаются товары, вновь назначается сборный пункт и артель движется далее... Таким образом артель проходит до Азовского побережья, постоянно смыкаясь и размыкаясь, то превращаясь в одну цельную общину, произносящую суд, то распадаясь на отдельные, самостоятельно действующие лица, ибо успех каждого зависит от его личных свойств, сметки, умения и характера. Разумеется не все артели путешествуют так далеко, некоторые из них совершают свои походы не далее Киевской и Херсонской губернии раза по два, по три, по четыре в год; отправляющиеся к Азовскому морю,

к черноморским казакам и даже на линию проводят в странствовании около года. Променяв весь взятый из дому товар и нагрузив опорожненную телегу новым приобретенным, артель возвращается домой. Атаман сдает купцу, ссудившему их деньгами и вещами, весь привезенный товар по существующим ценам. Купец вычитывает из общей ценности товара сумму, которая ему следует в возврат, без процентов, а за остальной товар уплачивает наличными деньгами. Тогда чинится расчет в самой артели: выручка делится на равные части между всеми, причем деньги, внесенные в кассу, возвращаются каждому сполна, но атаман получает еще другую часть за подводу. Если же кто не оказал усердия, то с его части с общего согласия делается вычет. Все расчеты кончаются в один день, заключаются пирушкой, и партия расходится.

К торговым артелям принадлежат еще складчины капиталами, вверяемыми известному в данной местности капиталисту, который называется *мирским воротилой*, без всяких расписок, на веру. В помощь воротиле придаются 2 — 3 опытных лица, называемые *дядями*; складчики называются *молодцами*, а вся артель *миром*. Воротила и дяди становятся опекунами семейства молодцов и платят за них все подати; они же закупают товары на чистые деньги большею частью в Москве и во Владимирской губ. Товары распределяются между молодцами сообразно вкладу каждого; затем они разъезжаются в разные стороны, назначив сборное место и время съезда: здесь происходит расчет (дуван). Каждый молодец получает свой пай в общих барышах, на долю же воротилы и дядей идет барыш вдвое и втрое против молодцов; спору в дележе не бывает: на мир суда нет.

6. Артели чумаков и возчиков

Чумаками называются не только в Малороссии, но и в некоторых местностях Великой России малороссияне, перевозящие на своих фурах и своим скотом (обыкновенно на во-

лах) разные произведения, как то: хлеб, соль, рыбу и проч. из одной местности в другую. Такие чумаки делятся на два разряда: одни из них собственники, которые возят собственные произведения в ближайший порт или город и, продав их, покупают здесь другие для продажи на месте своего жительства или в ином городе. Чумаки этого разряда хотя и ездят артелями, но не связаны между собой ничем другим, кроме товарищества в дороге, как односельцы, и разве где-нибудь на привале сделают складчину на четверть или полведра вина, смотря по многочисленности партии. Настоящие же артели или купы чумаков составляют те, которые перевозят произведения или вообще тяжести, не принадлежащие им в собственность, и на них-то мы и остановимся.

Плодородная почва южного края России при своевременной обработке дает обыкновенно обильный плод. Преимущественное здесь произведение — пшеница под разными названиями. Кроме местного потребления (как составляющая необходимость в домашнем быту малороссиян), она заготавливается в большом количестве для продажи местным купцам, которые, в свою очередь, закупают ее в ближайших портах. Перевозка этой закупленной пшеницы на места обыкновенно делается на воловых фурах, что хотя крайне замедляет доставку ее и обходится дорого, но всеупотребительно по неимению еще в том крае правильных путей сообщения. Фуры нанимаются большею частью за несколько месяцев ранее: так, напр., пшеница, закупленная с осени, не может быть отправляема зимой, ибо в дальние дороги зимой чумаки не пускаются, не имея обычая подковывать волов. Самый наем делается не в центрах торговли, как по причине недостаточного количества в этих местностях фур, так равно и высшей цены на них против местностей более или менее отдаленных. В эти последние *хозяева* (купцы) отряжают в начале зимы своих приказчиков или, как их называют, *малых*. Приехав в слободу, приказчик объявляет одному-двум мужичкам, что вот-де зачем

он приехал, а эти сейчас же дают о том знать всем и каждому, не столько из желания иметь работу, сколько для того, чтобы иметь случай запитать общий «магарыч». К вечеру или рано утром являются в хату приказчика человек 15 или более составившего товарищества — договариваться «пид фуру». После обычных приветствий с обеих сторон, сторговавшись в цене, чумаки выговаривают себе часть «лантухов» (в которые насыпается пшеница), «мостовые» или перевозные деньги, и наконец, неизбежный «магарыч». По окончании всех договоров приказчик дает задаток, рублей по 5 на фуру, а иногда и более, смотря по нуждам нанимающихся. Затем договор излагается письменно и свидетельствуется волостным правлением. Самый задаток передается, однако, в руки одного из более уважаемых крестьян, получающего вместе с тем название *артельщика* или старосты, на имя которого пишется и контракт за поручительством товарищей. По отъезде приказчика к артельщику являются тотчас артельные и просят его помочь им в нуждах: одному деньги нужны на подати, другому на необходимые домашние расходы и проч. Артельщик удовлетворяет их беспрекословно, но не без разбору, и ведя всему счет, несмотря на то, что иногда бывает неграмотный. По окончании весенних посевов артель отправляется в торговый пункт для насыпки пшеницы и тут же запасается в дорогу дегтем, солью и рыбой, которые закупает артельщик; пшено же, сало, хлеб и сухари берет каждый домохозяин из домашних запасов, но все-таки складывает и их в артель. Дорогой всем распоряжается и деньги на необходимые расходы ведет также артельщик. По приезде на место и при благополучной сдаче хлеба староста получает следующие деньги за провоз из конторы купца, и тут же производится их дележ. В обратном пути каждый ведет денежные расходы сам, потому что на заработанные деньги покупает соль или рыбу на себя, следовательно, делается чумаком-собственником; харчевые же припасы остаются по-прежнему общими. Во все лето, во время рабочей

поры, чумаки обыкновенно не ходят в дорогу; но есть и такие, которые знают только одно дело — чумаковать. Артели этих последних даже зимуют вместе со скотом близ торговых пунктов; в них заведен уже порядок относительно внутренних распоряжений и самые расчеты ведутся правильнее, так как постоянные чумаки большей частью грамотные.

В последнее время и в некоторых селениях Великой России, особенно в бывших помещичьих, по освобождении крестьян от крепостной зависимости, распространилось извозничество или перевоз разного рода сельских произведений и других продуктов от пунктов их производства в большие торговые города и к пристаням, и обратно отсюда разных припасов и товаров в уездные города и села для местного потребления. В первом случае нанимают как сами помещики (для отвоза хлеба, вина, шерсти и т.п.), так и купцы, закупающие сельские продукты на самых местах их производства, а иногда и сами крестьяне, занимающиеся торговлей; в последнем случае обыкновенно купцы, торгующие в уездах солью, рыбой и разным товаром, иногда же и сами возчики, как малороссийские чумаки, покупают соль, рыбу, яблоки и т.п. на себя и продают их дома или развозя по окрестным селениям. Такие возчики нанимаются иногда целым товариществом, обязуясь *хозяйину* отвечать друг за друга; почему и расходы, равно как и барыши, у них общие; но так, что расчет тех и других делается не по числу лиц, составляющих товарищество, а по числу *подвод*, ибо допускается, что один домохозяин может иметь в обозе двух или более лошадей и на каждую из них особые телегу или сани с поклажей, следовательно, не одну подводу.

6. Артели ремесленников и сельских рабочих

Ныне уже было нами указано на товарищества, составляющиеся для разных работ, в которых члены принимают на себя круговую друг за друга ответственность, участвуя

как в барышах, так и в убытках, выпадающих на долю товарищества. Нельзя, однако, не заметить, что такие товарищества теперь, сколько нам известно, едва ли не в самом начале, хотя мы уже видели их значительно развитыми в древней России. Причину тому, что они как бы исчезли и только с недавнего времени возрождаются с новой силой, должно, кажется нам, искать в крепостном праве, которое, ограничив огромное количество сельского населения определенными работами в пользу помещиков, тем самым, с одной стороны, устраняло большинство рабочих, которые при других условиях своего быта могли бы свободно вступать в товарищества для более выгодного употребления своего знания и труда, а с другой стороны, не только давало возможность помещикам, но даже некоторым образом заставляло их в вознаграждение за ущерб, приносимый им, в свою очередь, крепостным правом, ограничиваться производством своих крестьян или дворовых, чем самым очевидно уменьшался запрос на свободную и, следовательно, более дорогую, хотя и лучшую работу. Было бы, впрочем, несправедливо думать, что начало произвола, внешнего гнета и стеснения свободной деятельности отношений выражалось только в крепостном праве помещиков над их крестьянами и дворовыми людьми: оно касалось и других классов сельских и городских жителей, которые далеко не всегда свободно располагали своими занятиями и даже своим имуществом. Отсюда, как естественное последствие, явились апатия и лень, которые всюду и всегда приводят за собой застой, не только вообще в занятиях, но и в самом усвоении и развитии знаний, искусств и ремесел и вместе с тем рожают более или менее общую бедность. Под влиянием этого начала взамен ремесленных и рабочих артелей образовались у нас *подрядчики*, из немногих более зажиточных ремесленников, которые весьма часто держат в полной кабале своих односельцев или посторонних крестьян, нанимаемых ими для исполнения работ, взятых

с подряда, оставляя все барыши, за вычетом скудной платы артели (называемой так уже в совершенно ином смысле), исключительно в свою пользу. Не касаясь поэтому ближе таких артелей, мы укажем здесь только на те артели ремесленников и сельских рабочих, которые нам известны как действительные товарищества, заслуживающие тем большего внимания, что число их со времени отмены крепостного права на наших глазах все более увеличивается, обещаая через то в близком будущем развитие правильно организованных и многочисленных ремесленных и рабочих артелей в собственном значении этого слова. Таким артелям мы придаем еще особенную цену потому, что лишь с помощью их, по нашему убеждению, становится возможным для помещиков в настоящее время успешное занятие вольнонаемным хозяйством.

По собственному опыту нам пришлось ознакомиться с товариществами, которые ежегодно образуются в наших имениях со времени введения в них уставных грамот для исполнения разных работ по вольнонаемному хозяйству, в особенности же пашни, сенокоса, жнитва и возки снопов. В Саратовском нашем имении на пашню нанимается у нас обыкновенно целое сельское общество на таком условии, что, получив задатку по рублю серебром на каждую десятину по числу всех десятин, снятых крестьянами, они вслед за тем приступают к парке, весенней или осенней, а когда приходит время пашни или посева, то по первой поверке принимаются за пашню, бороньбу и посев и только по окончании всей работы в полной исправности получают следующие по найму остальные деньги. При этом помещику нет дела до отдельных рабочих: он требует лишь хорошей работы и исполнения ее во всем условленном количестве, а наблюдение за всем остальным, как то: за теми, кто именно дурно работал, кто не вышел на работу, как заменить того, кто не в состоянии пахать своей десятины — есть дело мира. Покос и жнитво исполняются, напротив, небольшими артелями, которые, впрочем, от-

вечают за исправность всех и каждого товарища и без того не получают следующих денег. Возка снопов делается опять большею частью целыми обществами, и эту работу принимают иногда на себя не только сельские общества наших бывших крестьян, но и сторонних помещиков. В пензенском нашем имении точно так же самая значительная часть полевых работ исполняется товариществами бывших крепостных крестьян в том же имении, с которыми заключаются для того письменные условия, свидетельствуемые в волостном правлении. Привожу для образца одно из таких условий, замечательное тем, что обязанности подрядчика-артельщика, через посредство которого обыкновенно рабочие артели ведут свои переговоры с землевладельцами, возложены здесь на сельского старосту или выбранного обществом; что число работников, какое вправе требовать ежедневно помещица, ограничено и что споры о негодности работ постановлено разрешать третейским судом.

Из числа артелей каменщиков и плотников, какие во множестве расходятся по России из губерний: Ярославской, Нижегородской, Рязанской, Владимирской и некоторых других, но обыкновенно состоят из подрядчика и нанятых им работников. г. *Ознобишин* указывает на одну артель плотников Рязанского уезда из имения княгини Варшавской, связанную началом товарищества. В этой артели, отличающейся честностью и потому пользующейся большим доверием, подрядчик (один и тот же в течение 10 лет) получает только особое вознаграждение, самый же заработок делится между ее членами соответственно их трудам и знанию.

Кроме этой ремесленной артели, мы знаем о товариществах *серповщиков* или промышленников серпами во Владимирской губернии; но, к сожалению, г. *Дубенский*, упоминающий о них в одной из своих статей, не сообщает никаких сведений об отношениях между членами этих артелей, как можно их, конечно, назвать. Так, например, из числа

их так называемые «тюковщики» занимаются своей работой по несколько человек вместе в одной кузнице, отправляя одного из среды себя в соседние деревни и села как для собирания заказов, так и для раздачи сработанных ими серпов, ножей, топоров, ножниц и проч. Такие артели ходят и в дальние губернии, в Сибирь, в земли Уральских и Донских казаков, в Украину.

По свидетельству г. *Савинова*, в Вятской губернии от уменьшения бурлачества (вследствие распространения коноводных машин и пароходств), бывшие бурлаки обратились в *рудокопов*. Они ходят на этот промысел так же партиями, как и на бурлачество, от 10 до 15 человек, в Пермские, Сибирские и Оренбургские рудники, а также на рудники железоплавительных и чугуноплавительных заводов Слободского и Глазовского уездов, в числе до 2000 человек. Такое же указание на артели сельских работников, занимающихся при разных горных и других заводах рубкою дров, жжением угля, ломкою соли и перевозом материалов, а также по золотопромышленности, мы находим в действующих законах, в которых относительно их установлены даже особые правила.

Впрочем, из всех сюда принадлежащих ремесленных и рабочих артелей правильным устройством в значении постоянного товарищества отличается недавно образовавшаяся в Петербурге *столярная артель*. Учредитель этой артели, г. *Мельников*, который, вложив для того основной капитал (2000 руб. сер.) и пригласив вступить в товарищество с ним нескольких столярных мастеров с вкладом мебели, обеспечил дальнейшее существование артели условием учредителей между собою принимать на себя исполнение заказов столярных изделий за их общим ручательством и делить между собою барыши и убытки, какие могут от этого произойти.

В течение не с большим двух лет со времени своего учреждения эта артель развилась в значительное товарищество, имеющее прекрасный магазин и признавшее полезным ис-

просить официальное утверждение своего устава на языках русском и немецком. На основании этого устава сущность артели заключается в том, чтобы все составляющие ее лица участвовали в работе, получаемой ею по заказам без всякого постороннего посредства а, следовательно, и в выручаемой от того прибыли, через что они приобретают самостоятельность, а публика — возможность иметь столярные изделия из первых рук. Для достижения этой цели материалы закупаются из общих сумм артели и выдаются членам в счет их работ вместо денег.

Число членов не ограничено; но в артель они поступают не иначе как по баллотировке в общем полугодовом собрании, а до того желающие быть членами могут лишь приписываться к артели в звании кандидатов. Избранный член в течение первых 7 дней обязан внести 25 руб. сер. *отступных* денег и в течение первых трех месяцев выставить в магазине артели не менее как на 50 руб. сер. мебели своей работы. раздел барышей производится соразмерно капиталу, внесенному деньгами и изделиями; но учредители получают сверх того на часть основного капитала, отчисляемую в запасный капитал, по 6 процентов в год до выхода их из артели. Член, оставляющий артель, получает назад свои вступные деньги и часть вырученного капитала, причитающуюся ему по расчету. Управление артелью принадлежит трем старостам, на которых возложены обязанности, лежащие и на старостах других артелей.

Из сведений, полученных нами от самих членов этой артели, оказалось, что она состоит теперь большею частью из немцев, между тем как основание ей положено было русскими. Тем не менее сущность ее не изменилась, и в этом мы не можем не увидеть указания на то, что в основе наших артелей, как товариществ, лежит то широкое начало, которого ищут западные теории для утверждения на нем своих ассоциаций. Если так, то мы вправе сказать, что задуманные вновь и от-

части уже осуществившиеся артели в Петербурге поступают весьма благоразумно, стараясь ближе ознакомиться с предшествующими им на Руси артелями. Действительно, начало, лежащее в основе этих артелей, так удобоприменимо в разных товариществах, что при нем возможно самое полное развитие всякого рода ассоциаций. Так смотрели и смотрят на свои уставы или условия и самые артели, как это ясно выражено некоторыми из них. Таким образом, и устав С.-Петербургской столярной артели предоставляет ее членам делать в нем необходимые изменения с оговоркою только, чтобы эти изменения (как и самый устав) утверждаемы были правительством.

7. Артели на урале для выставки войск

Вот что рассказывает об этих артелях *П. И. Небольсин* в своей любопытной статье под заглавием «Несколько замечаний об Уральских казаках».

«Если предположить, что в данный момент времени в Уральском войске, за всеми выкомандировками людей на службу внутреннюю и внешнюю, состоит взрослых, готовых на службу, так называемых служилых казаков, остающихся в домах при своих хозяйствах, всего-навсего только 6170 человек — и вдруг правительству немедленно, к такому-то сроку, понадобится тысяча вполне вооруженных и готовых к бою всадников, то войсковое правление делает такой домашний расчет: из 6170 человек нужна тысяча, стало быть, каждые шесть человек выставляют из себя одного человека, а затем 170 остаются в излишке — и об этом дает знать по городам и форпостам способом обычного делопроизводства.

«Если тот род службы, на который та тысяча человек требуется, общим приговором оценен а 210 руб. сер., то каждый из шестерых, выставляющих из себя служилого казака, дает ему в подмогу по 35 руб. сер. Если из этих шести человек

не найдется охотников идти на службу, то есть если каждого из них привязывают к дому рыбные промыслы и спешность караванных сделок, то каждая артель из шести человек предлагает 210 руб. сер. коренному уральцу из другой артели и снаряжает его на службу. Идет тот, кто беднее: половину денег он оставляет семье на прожиток или на поправку, а на остальную экипируется и вооружается под надзором начальства. Оставшиеся в излишке 170 человек, не нужные лично на службу, называются *нетчиками*, и из них каждые шесть человек вносят 210 руб. сер. уже не для охотника, а на войсковую казну, и этот сбор с нетчиков употребляется начальством на внутренние войсковые надобности для целого края».

«Если, — продолжает г. Небольсин, — число людей (для внутренней службы), долженствующих выставить из себя казака, не превышает числа десяти, то каждый участник этой малочисленной артели нанимает охотника лично сам за себя, и потом уже все сообща улаживают это дело общим расчетом. Но если артели должны составиться многочленные — человек из 25 или 30, в таком случае каждая артель назначает особого *десятника*, облакает его на этот предмет неограниченным полномочием, и уже тогда десятник лично и сам собою совершает эту операцию».

8. Артели нищих

В Петербурге, а также, вероятно, и в других больших городах, нищие составляют иногда между собою артели, которые занимают одну квартиру. В таких квартирах, по словам *т. Соколова*, познакомившего нас с бытом петербургских нищих, артель сих последних помещается под председательством и поручительством одного из выбранных самими ими старосты, который, собирая со всей братии деньги за квартиру, отдает их квартиропромышленнику вперед. Сверх того на обязанности старосты лежат хлопоты об освобождении нищих, когда кто из них попадется за нищенство или пьянство.

9. Артели продовольственные или потребительные

Товарищества лиц, составляющих между собою на некоторое продолжительное время складчину деньгами или припасами для общего продовольствия пищею или также другими предметами жизненных потребностей, называют себя также *артелями*. Если члены таких артелей во всех других отношениях ничем между собой не связаны, то они суть исключительно продовольственные или потребительные: цель их — получение более дешевого продовольствия, и потому они возникают в различных положениях каких бы то ни было лиц, связанных между собою иногда совершенно случайно в одно общество.

Так обыкновенно рабочие, которые поставляются на какую-либо работу одним подрядчиком, составляют между собою артель, поручая одному из среды себя покупать на общие деньги все припасы, потребные им для пищи. Так, в каждом полку нашего войска существуют артели, общая пища готовится частью на солдатское жалованье, частью же из продовольствия, отпускаемого им натурой; излишне остающиеся от того деньги называются *артельными* и составляют солдатскую собственность. Так арестанты, содержащиеся за долги, соединяются иногда в артель, чтобы иметь общий стол. Так чумаки и другие извозчики, не связанные между собой договором по извозу, тем не менее находят выгоду, отправляясь обозом, иметь общую пищу. Так, наконец, переселенцы из одной губернии в другую складываются деньгами, которые дают одному из среды себя для путевых расходов до нового места жительства.

Впрочем, для всех подобных товариществ название их артелями может быть оправдано лишь в отличие от кратковременных складчин, которые очень известны между нашими простолюдинами, особенно для взаимного угощения вином

и пивом. Такие складчины ведут свое начало с глубокой древности и называются также *братчинами* и *пирами*, а лица, распоряжающиеся на них, — *пировыми старостами*.

Представив очерк главнейших из существующих ныне известных мне артелей, прежде чем я перейду к рассмотрению вопроса об отношении нашего законодательства как к исчисленным артелям, так и вообще к товариществам этого рода, я сделаю одно замечание касательно основного начала, составляющего их сущность. Начало это, как мы видели, состоит в равенстве взаимных отношений между членами артели и вместе с тем в участии их во всех действиях, а также в выгодах и убытках составляемого ими товарищества, соразмерно капиталу или труду, внесенному каждым из них в общее дело.

Такое свободное и равномерное отношение членов артели друг к другу основывается на свободном вступлении их в общий союз, другими словами — на начале договорном. Поэтому там, где какие-либо из этих отношений между членами общества определяются обязательно, помимо договора, там нет уже чистого артельного начала. С такой точки зрения, напр., сельские общества древней и новой Руси, несмотря на связь их круговой порукой, не могут быть названы артелями. Но с другой стороны, если бы по какому-либо предмету промысла или занятия могли согласиться между собою все лица или большая часть из составляющих сельский мир, или даже жители нескольких селений, т.о. несмотря на их многочисленность, это была бы артель.

Возможность такого товарищества не есть одно предположение. Замечательный пример подобной артели-общины, кроме приведенных нами выше товариществ из членов целого сельского общества для земледельческих работ, представляют жители пяти находящихся в близком расстоянии друг от друга селений, в числе с лишком 400 душ, принадлежавших г- же Марковой и княгине С. П. Оболенской (село Пономарево, деревни Иваново, Полчаниново, Филино, Под-

вязново), в 10 верстах от Ярославля по Вологодскому тракту. Еще до отмены крепостной зависимости крестьяне этих селений платили в экономию оброк и затем уже к помещикам никаких отношений не имели. Летом они занимаются хлебопашеством, а осенью и зимой столярным и плотничьим ремеслом, от которого и получают главную прибыль.

В числе предметов столярного их производства особенно важно делание деревянных ящиков, необходимых торговцам для хранения и укладки вин, белил, сурика, восковых и сальных свеч, табаку и проч. Для того, чтобы обеспечить за каждым крестьянином право на труд и на законную от него прибыль, достаточную для уплаты оброка и для устранения вредного для бедных соперничества с богатыми, крестьяне обеих вотчин заключили между собой союз и завели у себя совершенно особый порядок работы ящиков, нечто вроде тяглогого надела, но не землю, а трудом и прибылью.

Именно осенью крестьяне всех пяти деревень по окончании полевых работ собираются на сходку, в которой рассматривают условия на заказы ящиков, предлагаемые им купцами; далее поверяют все условия истекшего года; приводят в известность, сколько каждая деревня получила барыша и поставила ящиков; наконец, рассмотрев предлагаемые работы и цены, мир утверждает их или же вновь договаривается с купцами. После всего этого, сообразив общий объем работы, «всемирской сход», как он себя называет, распределяет с наивозможной уравнительностью подряды ящиков на того или другого торговца по деревням, напр., поставку конфетных ящиков на купца Гарцева отдает деревне Филино, белильных ящиков купца Сорокина — селу Подвязному и т.д. При этом он не ограничивает работу каждой деревни известным количеством ящиков, ибо это количество нередко изменяется, но принимает в расчет приблизительные соображения купцов, примеры прежних лет, полученную по истекшему договору каждую деревню прибыль и количество тягол. Впрочем, подробное

распределение работ между жителями каждой деревни возлагается на частную мирскую сходку этой деревни. Для наблюдения же за работами, для сдачи ящиков и брака дурных все пять деревень выбирают *поставщика*.

Положение общего мирского схода всегда утверждается письменным условием, но на простой бумаге и без явки у маклера, за подписью одних крестьян и с приложением вотчинных печатей. Нарушение договора наказывается штрафом и телесно. Никому, впрочем, не запрещается производство других работ независимо от мира, напр., мебели, посуды, колес; можно также вовсе отказаться от своей части в работе ящиков или же сдать ее кому-либо из своего общества, обеспечив миру платеж оброка. Таким образом, в одной части своего промысла мир добровольно отказывается от монополии и ограничивает свои личные права в пользу общины, уравнивая между собою всех ее членов.

Пример этот, по моему мнению, чрезвычайно важен: он доказывает, какие широкие размеры может принять артельное начало и к каким счастливым результатам оно может вести в народе, в котором развилось самобытно и существует с незапамятной древности. А что в старину у нас существовали подобные товарищества целых селений, это доказывается записями XVI и XVII столетий, в которых жители разных сел и деревень договаривались между собой отправлять сообща те или другие повинности.

III

Обращаясь к вопросу, в каком отношении находилось до-селе наше законодательство к артелям, мы должны прежде всего заметить, что хотя товарищества этого рода существовали у нас еще в отдаленной древности, однако не ранее как в 1799 г., именно в Уставе цехов, они поставлены в зави-

симось от некоторых законодательных правил. Впрочем, и в этих правилах, поставленных в том предположении, что к каждому цеху будет принадлежать несколько артелей, выражается главным образом только сущность таких предполагаемых товариществ на основании тех начал, которыми руководствовались известные в то время артели. Так, здесь говорится, что для вступления в артель необходимо добровольное согласие, что все члены артели отвечают друг за друга, что всякая артель имеет своего старосту и казначея, которые подают хозяевам, нанимающим артель, счет в работе помесечно и получают деньги, которые делятся между всеми артельщиками, что артель для временной работы, как то: каменной, деревянной, земляной, — не должна быть меньше как из 6 человек, что не докончив взятой на себя работы, артель не может расходиться и т.д.

Ограничительные же правила Устава о цехах состоят в том, что артельщики должны приписываться к какому-либо цеху; что они обязаны повиноваться правилам этого цеха и объявлять ему дома и имена хозяев, у которых они работают. При этом определяется, что срок служения артелей по какому-либо постоянному промыслу должен быть не менее одного года.

Эти правила с небольшими дополнениями, изданными в 1823 году, вошли и в Свод Законов (т. XI) как глава X Устава Торгового с заглавием «О биржевых артельщиках». Но и добавление 1823 года основано опять на сущности самих артелей: объясняя, что артели состоят из настоящих артельщиков, новиков и мальчиков и что желающий быть в артели вносит за вступление в нее вкуп деньгами или же этот вкуп составляется удержанием части ежегодной платы, следующей артельщику при дележе общего дувана, до взноса же вкупа вступивший называется новиком или мальчиком, — оно таким образом повторяет только то, что принято за правило в уставах самих артелей.

В 1802 г. 12 февраля записка рабочих и нанимающихся в услужение людей в цех рабочих и служебный отменена.

В 1803 и 1805 годах состоялись Именные указы, в которых выражено, что в полках артельные деньги, остающиеся от сбережения сумм, отпускаемых на продовольствие солдат, составляют солдатскую собственность.

В 1812 году *артельщики* подчинены сбору пошлины (в 40 рублей); а в 1823 году ей признаны подлежащими и биржевые артельщики в С.-Петербурге, причем постановлено, что они должны находиться в заведовании управы приказчицкого цеха.

В 1827 г. составлено Положение о дрягилях (носильщиках и другого рода рабочих при торговых портах), но быв утверждено Министерством Финансов (5 декабря 1827 г.) и напечатано, оно, сколько известно, не получило применения на практике.

В 1830 г. марта 24 и в 1831 г. сентября 29 дозволено, впредь до времени, существование в Кронштадте и Петербурге особых, для нагрузки и выгрузки кораблей, обществ мастеровых под именем *штуров*, причем постановлены некоторые правила в устранение монополии, которую было присвоили себе эти общества. Но и здесь законодательство не коснулось внутреннего устройства и отношений между членами шутовых обществ, составившихся, как прямо выражено в представлениях Министерства Финансов по сему предмету в Комитет Министров, без особого законоположения: напротив, основное начало артелей о круговой поруче лиц, их составляющих, и об ответственности их друг за друга помещено здесь как существенный пункт в обеспечение шкиперов, нанимающих шуторов.

В 1832 г. мая 14 в Учреждении Коммерческих Судов постановлено, что дела по жалобам на судовщиков, извозчиков товаров, артельщиков, браковщиков и на другие лица, по торговле употребляемые, подлежат разбору Коммерческих Судов.

В 1833 г. по вопросу о поручительствах, которые дозволено крестьянам и мещанам представлять по подрядам вместо залогов, выяснено, что артели, занимающиеся перевозом тяжестей, могут ограничиваться в этом случае круговыми друг по друге поручительствами их членов. Нельзя, однако, при этом не заметить, что таким разъяснением, сделанным Министерством Финансов, было стеснено право, которым до этого времени пользовались и прочие артели, — представлять вместо залога такие же ручательства не только обществ, к которым они принадлежат, но и своих членов.

В 1836 г. декабря 31 Положением о судохозяевах и судорабочих вменено рабочим наниматься на суда к одному хозяину не иначе как артелями, ответственю друг за друга круговой порукой. Затем исчисляются взаимные отношения между хозяевами и бурлаками, причем имеется в виду преимущественное обеспечение этих последних. Так, напр., в случае полученного рабочим увечья на работе хозяин обязывается вознаграждать его, в случае же смерти отсылать вознаграждение его наследникам, а больных сдавать под расписку на руки начальнику или старшему того места, где оставляется больной. Здесь же определены разные правила с целью предупредить взаимные обиды между хозяевами и рабочими, и наблюдение за их исполнением возложено на начальника судоходной дистанции.

В 1838 г. апреля 30 в Положении о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири работникам, нанятым в числе нескольких человек, поставлено в обязанность являться на места работать артелями, назначив над собою в каждой артели старосту и помощников к нему с круговою порукой в неотлучке от артели и в повиновении ему.

На самых же работах для сохранения порядка и удобнейшего их производства дозволено каждому промышленнику разделять рабочих на новые артели; в каждую такую артель промышленник назначает старосту от себя, а рабочие с своей

стороны двух выборных: они составляют *артельную расправу*, которой предоставляется право умеренного домашнего исправления рабочих, составляющих артель, а именно: она имеет право ленивых, нетрезвых, обличенных в запрещенной игре, порывавшихся к побегу и буйных наказывать по словесному ее приговору (на основании Уложения о наказаниях). Таким образом, артельное товарищество признается и здесь не только обязательным, но ему придается большое значение самим законодательством.

В 1846 г. февраля 13 издано Положение об общественном управлении С.-Петербурга. В нем в главе IV об устройстве цехов наемных служилых и рабочих в С.-Петербурге поставлены общие правила для артелей, на которые предполагалось разделить эти цехи по роду и свойству их занятий. Правила о них сходны с теми, которые помещены в XI т. Свода Зак. для биржевых артелей: подробности же предполагалось определить в особом Положении об этих артелях, но оно не было издано.

Точно так же официальный проект Положения для биржевых артелей в Петербурге, который был тогда же составлен Министерством Финансов, не был утвержден в законодательном порядке.

Причина тому заключалась, может быть, в мнении, поданном Биржевым Комитетом, «что было бы весьма неудобно делать какие-либо изменения в статьях XI т. Свода Зак., потому что всякая перемена в составе артелей легко может оказать вредное влияние на деятельность их и на совестливое исполнение ими своих обязанностей: лица, вступающие в артель, подчиняют себя добровольным условиям и правилам, а при отправлении отдельно своих обязанностей артель отвечает за каждого своего члена и тем служит купечеству ручательством, что возлагаемые на артельщиков занятия, часто по весьма обширным оборотам, будут исполняться в точности и притом с совершенным обеспечением».

Из всего этого ряда узаконений очевидно, что законодательство касалось до сих пор артелей лишь косвенно, в последнее же время оно, как кажется, утвердилось на той мысли, что в отношении к ним могут быть постановляемы только правила, имеющие целью обеспечение исполнения принимаемых ими на себя работ и вообще подрядов, а с другой стороны, ограждение их самих от злоупотреблений подрядчиков, но что не следует вовсе определять как самое устройство артелей, так и взаимные отношения их членов, а равно содержание заключаемых ими условий, лишь бы эти условия не противны общим правилам о составлении договоров. С этой точки зрения и объясняется, почему во временных правилах 31 марта 1861 года о найме рабочих для исполнения казенных и общественных работ помещен ряд статей, относящихся к артелям, которые, впрочем, до внутреннего состава их не касаются, заключая в себе только постановление, что каждая артель ограничивается числом в 100 человек и что она составляется по взаимному их согласию и избирает из среды себя старшину с помощниками ему, смотря по своей величине, от одного до двух.

Не устанавливая таким образом правил, на основании которых артельщики могут вступать между собой в товарищество, законодательство тем не менее неоднократно заявляло преимущественное доверие к ним перед отдельными лицами и даже прямо выразило в некоторых Уставах и Положениях, что общественные работы должны быть особенно поручаемы артелям, в каком случае оно допускает даже взаимное ручательство членов артели в исполнении договора вместо залогов.

Такая мысль ясно выражена, напр., в Уставе о соли относительно найма рабочих для ломки и возки соли и для поставки на солеваренные заводы дров и леса; в приведенном выше Положении 1838 года апреля 30, в Положении 8 марта 1861 года о горнозаводском населении казенных горных заво-

дов ведомства Министерства Финансов, относительно найма рабочих для рубки дров, жжения угля и перевозки материалов для заводов или рудников; в Правилах о поручительстве по договорам с казною и проч.

В заключение предложенного обзора артелей как древней России, так и ныне существующих, мы считаем себя вправе из всего вышесказанного сделать следующие выводы: 1) что артели суть товарищества, возникшие на нашей почве совершенно самобытно и с незапамятной древности; 2) что при совершившемся освобождении помещичьих крестьян от крепостной зависимости, стеснявшей сельскую промышленность, и при других благоприятных условиях для общественной деятельности товариществам, коих члены связаны между собой артельным началом, предстоит значительное развитие, обещающее вместе с тем благоприятные последствия и для других классов жителей; 3) что, ввиду такого развития артельного начала, желательно, чтобы законодательные постановления относились к нему и в будущем так точно, как относились до сих пор, т.е. чтобы оно не было стесняемо преждевременной регламентацией и могло вырабатываться свободно в среде самого народа.

СОХРАНИТЬ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ

О БОГАТЕНИИ

ПРОХОРОВ Тимофей Васильевич
1797 — 1854

В работе известного русского предпринимателя, владельца знаменитой Прохоровской Трехгорной мануфактуры, высказываются мысли, которые разделялись большинством коренных русских купцов.

Человеку нужно стремиться к тому, чтобы иметь лишь необходимое в жизни: раз это достигнуто, то оно может быть и увеличено, но увеличено не с целью наживы — богатства для богатства, — а ради упрочения нажитого и ради ближнего. Благотворительность совершенно необходима человеку, но она должна быть непременно целесообразна, серьезна. Нужно знать, кому дать, сколько нужно дать. Ввиду этого нужно посещать жилища бедных, помогать каждому, в чем он нуждается: работой, советом, деньгами, лекарствами, больницей и пр. и пр. Наградою делающему добро человеку должно служить нравственное удовлетворение от сознания, что он живет «в Боге». Богатство часто приобретается ради тщеславия, пышности, сластолюбия и пр., это нехорошее, вредное богатство, оно ведет к гибели души. Богатство то хорошо, когда человек, приобретая его, сам совершенствуется

нравственно, духовно: когда он делится с другими и приходит им на помощь. Богатство необходимо должно встречаться в жизни, оно не должно пугать человека, лишь бы он не забыл Бога и заповедей его. При этих условиях богатство неопределимо, полезно. Примером того, что богатство не вредит, служат народы, у которых при изобилии средств редки пороки. Не будь богатства, не было бы ни открытий, ни усовершенствований в различных отраслях знаний, особенно промышленных. Без средств, без труда, энергии не может пойти никакое промышленное предприятие: богатство — его рычаг. Нужды нет, что иногда отец передает большие средства сыну, сын еще более увеличивает их, как бывает в коммерческом быту». Это богатство хорошо, оно плодотворно, лишь только не надо забывать заветов религии, жить хорошей нравственной жизнью. Если богатство приобретено трудом, то при потере его оно сохранит от гибели человека: он станет вновь трудиться и еще может приобрести больше, чем у него было, он живет «в Боге». Если же богатство случайно досталось человеку, то такой человек часто не думает ни о чем, кроме своей похоти, и такой человек при потере богатства погибает. Вообще частное богатство, даже коммерсантов или банкиров, полезно, если человек живет по-Божьему.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОВАЛЫ

КОКОРЕВ Василий Александрович **1817 — 1889**

Выдающийся русский предприниматель и экономист, сторонник сохранения и развития самобытных начал русской экономики. Вышел из старообрядцев поморского толка города Солигалича Костромской губернии. Добился больших успехов в торговле, разбогател на винных откупах. В 1870 г. основал Волжско-Камский банк и Северное страховое агентство. Одним из первых русских предпринимателей вложил большие капиталы в развитие нефтяного дела. Вместе с Губониным построил уральскую горнозаводскую дорогу.

В своих работах показал губительность для России механического заимствования западноевропейских финансовых и хозяйственных форм.

Книга, отрывки из которой мы публикуем ниже, была написана им на закате жизни, в 1887 году, и вместила экономические события за полвека. Анализируя экономические неудачи России, Кокорев убедительно доказывает, что они являются, как правило, результатом слепого копирования зарубежного опыта.

Особо следует отметить правильность оценки Кокоревым кабальной природы внешних займов. Он справедливо замечает, что эти займы стали средством угнетения России и способом перекачки ее ресурсов в пользу иностранных капиталистов. Вместо внешних займов, ложащихся тяжелым бременем на русскую экономику, Кокорев предлагал идею «печатания беспроцентных денежных бумажных знаков на какие бы то ни было производительные и общепользные государственные потребности».

Пора *государственной мысли* перестать блуждать вне своей земли, пора прекратить поиски экономических основ за пределами России и засорять насильственными пересадками их родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и *познать в своих людях свою силу*, без искреннего родства с которой никогда не будет согласования экономических мероприятий с потребностями народной жизни; пора твердо убедиться в том, что только это спасительное согласование есть верный путь к покойному и правильному движению от силы в силу, тогда как путь розни и разлада с жизнью, т. е. нынешний путь, тянет в обратную сторону — от бессилия к бессилию, низводя прямо в бездну экономического расстройств. И мы дошли, наконец, до той глубины этой бездны, где уже редет дыхание, не освежаемое чистым воздухом.

Печалование о расстройстве экономического положения России объемлет в настоящее время все сословия; все чувствуют, как быстро в наших карманах тают денежные средства и как неуклонно мы приближаемся к самому мрачному времени нужд и лишений.

Наше экономическое и финансовое обнищание образовывалось целыми десятками лет и дошло до того, что теперь никакие новые системы займов не могут направить нас на путь общего довольства и благосостояния. Вместе с этим было бы уже окончательно пагубно предаваться полному отчаянию, а лучше взглянуть без колебаний и робости прямо в глаза причинам, породившим угнетающие нас обстоятельства. Финансовая война против России настойчиво ведется Европою с начала 30-х годов; мы потерпели от европейских злоухищрений и собственного недомыслия полное поражение нашей финансовой силы. Настоящее положение настойчиво требует того, чтобы мы ободрились духом и сознали бы силу в самих себе. Примерами ободрения нам могут служить времена Петра I. Мы были тогда в военном деле совершенно

поражены под Нарвою, но это, однако же, не помешало нам в то же царствование отпраздновать Полтавскую победу и, к удивлению всей Европы, заявить такой исполинский рост нашей военной силы, что после присоединения Крыма и побед на Альпах, в Польше и в Финляндии, через сто лет от времени нарвского поражения, мы вступили в Париж победителями и даровали всей Европе мир и освобождение от порабощения Наполеоном I. Мы выростали в военном деле на почве незыблемого сознания своего будущего великого назначения и на силе духа, верующего в народную мощь; но в деле финансов после каждого поражения мы, наоборот, падали духом и, наконец, до того приубожились, что во всех действиях наших выражалось постоянно одно лишь рабоподражательное снятие копий с европейских финансовых систем и порядков. Продолжая идти этим путем, мы утратили уважение к самим себе и веру в самих себя. Но, благодаря Богу, теперь наступило иное время: с высоты Престола веет свежим, новым духом ободрения Русских сил, и это веяние свидетельствуется в глазах всех указаниями и решениями, исходящими лично от благополучно царствующего Императора Александра III, в силу чего Русское патриотическое здравомыслие может признавать в себе твердое убеждение в том, что период нашего финансового и экономического возрождения возможен и находится не за горами.

Прежде всего считаю необходимым предупредить благосклонных читателей, что я вовсе не имею намерения утруждать их внимание предложением какой-либо финансовой системы, откровенно сознавая в себе полное незнание финансовой техники, при совершенном при том недоверии к девальвациям, консолидациям, конверсиям и тому подобному туману, напускаемому на нас в виде финансовой науки; но в то же время я полагаю, что внесу в сокровищницу общей пользы посильную лепту, если изложу последовательно все случаи пережитых Россией финансовых и экономических

провалов, для определения которых, я должен сознаться, у меня нет никаких материалов, кроме запаса памяти о событиях, причинивших финансовое расстройство. События эти всегда предварялись блестящими надеждами и ожиданиями со стороны изобретателей их и сопровождалась самыми горькими последствиями, доставшимися на долю народонаселения. Таковые события живо и ясно сохранились в моей памяти, и мне сдается, что, если читатель вообразит себе нижеизлагаемые никогда не существовавшими, то его внутреннему зрению представится наше отечество богатейшею страной в мире, не нуждающеюся ни в каких кредитных пособиях со стороны иностранных бирж, Ротшильдов, Мендельсонов, Блейхредеров и т.п. А дабы губительное действие провалов было по возможности исправлено, надо прежде всего знать их корень и горечь последствий. Вот почему на закате моих дней я решился написать очерки экономических провалов, начинающихся за пятьдесят лет тому назад, основанные единственно на пережитых мною тяжелых ощущениях при виде того, как при каждом провале искалечивалась Русская народная жизнь и как надвигались на нее тучи бедности и лишений, несмотря на блестящую внешность официальной России. Здесь кстати будет сказать, что в настоящее время постоянно слышится: *чем хуже, тем лучше*. Отвергая этот взгляд, я верую в то, что над Россией свершится исполнение другого изречения: *«В скорби моей распространи мя еси»*.

... Представим себе, хотя мысленно, то великое значение, которое нам было, так сказать, на роду написано и неоднократно указываемо Русской народной мыслью, и которого мы непременно бы достигли, если бы обновляли экономическую жизнь нововведениями, заимствованными прямо из жизни, не сбиваясь с действительного пути на какой-то извращенный путь, т.е.:

— если бы мы жили на медную гривну, а не на серебряный рубль, развивший в нас вредную похоть к расходам;

— если бы мы избежали Крымской войны, предотвратив ее сооружением в 40 — 50-х годах железной дороги из Москвы к Черному морю;

— если бы мы не наделили насильно на крестьянское и рабочее население линючей и непрочной ситцевой ткани и вместо платежа денег за хлопок направили бы эти деньги не за границу, а в избу земледельца за домашний лен;

— если бы мы не омертвили Сибирский тракт разрешением ввозить чай по западной границе и продолжали получать этот чай в Кяхте, посредством размена его на произведения наших фабрик, не расходуя на покупку чая монеты;

— если бы мы в 1857 году вместо сооружения Варшавской дороги начали нашу железнодорожную сеть с замосковских дорог и сберегли тем сотни миллионов, потраченных за границей по случаю обесценивания наших бумаг;

— если бы мы, «...» не уничтожали бы опекунских советов и не разоряли бы земледельцев лишением кредита;

— если бы мы, прежде приступа к сооружению железных дорог, образовали бы у себя рельсовые, локомотивные и другие заводы, нужные для железнодорожного дела, и не бежали бы за каждой гайкой за границу;

— если бы мы однообразием акциза не убили бы сельскохозяйственного винокурения и безграничным открытием кабаков не спаивали бы народа;

— если бы мы не ослабили в дворянских имениях сельскохозяйственного винокурения посредством данного права всем сословиям устраивать спекулятивно-винокуренные заводы, и т.д., и т.д.

Подводя итог всем этим *если*, интересно знать, какую бы цифрой потерь он выразился? Совершенно безошибочно будет сказать, что итог этот, когда бы можно было его сосчитать в цифрах, оказался бы с лишком вдесятеро против той контрибуции, которую взяла Германия с побежденной ею Франции в 1870 году. Вот куда ушло богатство России,

вот отчего образовалось наше обнищание! Наши внутренние недуги как будто сговорились с нашими западными за- вистниками и стали соединенными силами в речах, в печати и, наконец, в государственных воззрениях проводить идею, придавая ей значение какого-то догмата, о невозможности Верховной Власти разрешать — без потрясения финансов — печатание беспроцентных денежных бумажных знаков на какие бы то ни было производительные и общеполезные государственные потребности. Известно, что в основании этой проповеди лежало в Европе желание ограничить силу Власти и поставить ей в денежном вопросе известную пре- граду для предотвращения войны, чего на деле достигнуто не было, потому что во временных действиях всякие ограни- чения исчезали и выпуск бумажных денег появлялся в том количестве, какое было необходимо для покрытия военных издержек. Мы видели, что вышеозначенное научное прави- ло не могло задержать и у нас появления бумажных знаков ни в Крымскую, ни в Восточную войны, но потом, по водво- рении мира и спокойствия, безусловное соблюдение данного правила ложилось на народную жизнь самым угнетающим образом.

Для выяснения всех гибельных последствий этого провала необходимо войти в многостороннее обсуждение всех причин и обстоятельств, низвергнувших нас в глубокую пропасть безвыходных затруднений.

После Крымской войны мы никак не решались строить железные дороги на беспроцентные бумажные деньги не- смотря на то, что народная жизнь принимала их в полном рубле и с полным доверием, и мы бы могли платить этими деньгами за все земляные, каменные, плотничные и т.п. ра- боты. Мы могли бы на эти деньги построить дома, у себя, все нужные для железнодорожного дела заводы; но мы, неизвес- тно почему и зачем, не решались отступить от исполнения чужеземного догмата, вовсе не подходящего к образу Все-

российского правления, и всецело подчинились указаниям заграничных экономических сочинений. Мы имели ложную боязнь, что при значительном выпуске бумажек наш рубль сильно упадет, и потому пустили в ход на иностранные биржи наши векселя с 5% интересов, т.е. облигации железных дорог и других займов, и отдавали их с уступкою более 30%. Что же вышло? Наш рубль все-таки упал на 40%. Если бы это падение случилось при постройке железнодорожной сети, без займов, посредством беспроцентных бумаг, даже более чем на 40%, то наше положение было бы в тысячу раз лучше теперешнего, потому что мы не были бы угнетены долгами и не были бы обязаны платить ежегодно 260 миллионов процентов за сделанные займы. Теперь, не достигнув поддержки ценности рубля, мы взвалили на народную спину такой долг по платежу процентов, который погашает целую треть из общего итога государственных доходов, упаяя ежегодно в размере около 8 рублей за каждое взрослое мужское лицо. Вот вам и теория, вот вам и плоды каких-то иностранных учений и книжек! Такое великое умопомрачение только и можно объяснить тем, что если Бог захочет наказать, то отнимет у людей ум. Самый простой поселянин понимает, что беспроцентный долг легче, чем требующий уплаты процентов, и притом еще долг заграничный с такими тяжелыми условиями, чтобы уплачивать его металлическими деньгами по векселям (облигации), проданным со скидкой 20 или 30% и с ответственностью за курс, не при займе существовавший, а за курс того дня, в который будет произведен платеж. Итак, извольте-ка теперь тянуть лямку платежей, в которую запряжена Русская жизнь лжемудрою теорией на целые полвека, без всякого с ее стороны ведома. Займы такого губительного свойства можно сравнить только с займами некоторых прапорщиков прежнего времени, которые проматывали состояние своих отцов и тем казнили сами себя, а наши заграничные займы казнят всех нас, с мала до велика.

Нет, нельзя допустить такой мысли, чтобы деятели, создавшие означенную кабалу, уже до такой степени непрозорливы, что не сознавали вредных и совершенно очевидных последствий своих действий. Тут лежало другое руководящее воззрение, и мы попробуем подойти к раскрытию его.

Все то, что было отяготительно Русскому правительству и народу, было желательно Европе, потому что всякое наше оскудение усиливало Европейское влияние на Россию. Европа постигала, что верноподданная Россия, преданная в глубине души безусловному исполнению царской воли, всегда готова двинуться всюду, по первому с высоты престола мановению: а дабы положить этой силе преграды и затруднения, надо было сверх других экономических козней связать нам руки, т.е. подчинить правилу, что вместо простых денежных знаков можно выпускать только процентные бумаги с продажей их на Европейских биржах, дабы этим способом постепенно вовлекать нас в неоплатные долги, а Верховной Русской Власти противопоставить власть Ротшильдов и т.п. заправителей биржевого курса и *сделать из этого курса политический и финансовый барометр для определения русской силы, показания же барометра заимствовать из бюллетеней иностранных бирж, находящихся в распоряжении противников нашего преуспеяния.* В этой интриге они явились горячими пособниками, затрудняя царскую мысль и волю во всех ее стремлениях к созиданию Русского благоустройства на свои домашние средства; словом, они возродили власть принципов и подчинили им боготворимую Русским народом его исконную святыню.

Свершилось! Мы разорились, обеднели и погрязли в неоплатных долгах, а влияние Европы стало нас придавлять самую ужасною тяжестью — тяжестью благоволения. И пошла Русская жизнь, кое-как путаясь с ноги на ногу, с поддержкою ее милостивыми благодеяниями Европейских банкиров, которые до того вошли во вкус порабощения нас

своей денежной силе, *от нас же ими заимствованной* во все время предыдущих провалов с 1837 года, что при последних займах, как это было слышно, требовали уже обязательств от Русского правительства о невыпуске денежных беспроцентных бумаг. Как ни тяжело наше настоящее положение, но если бы мы могли, наконец, сказать сами себе, что обеднение наше раскрыло нам глаза и дало истинное понятие о всех наших провалах и, главное, о *причинах, их породивших*, тогда бы Русская земля нашла в себе средства к выходу из всех окружающих ее затруднений. «Спасение наше дома, в своей земле», — слова М. П. Погодина. И кто ведает непостижимые судьбы Всевышнего? Кто знает, что переживаемое нами угнетение не есть ли путь к нашему вразумлению и возрождению, путь к переходу в ту светлую область соединения мудрой царской воли с народным смыслом, где уже никакие внутренние недуги не будут в силах вносить в народную жизнь ядовитых измышлений?

Следовало бы, прежде чем прийти к мысли о невозможности печатать беспроцентные бумажные деньги, определить, сколько для всей Русской жизни нужно вообще денег, чтобы можно было расплачиваться ежедневно за труд рабочих по сельскому хозяйству и фабричному производству и т. д.; потому что при неимении монеты, исчезнувшей по случаю прежде изложенных товаров и предательских тарифов, надобно, чтобы были, по крайней мере, в потребном количестве бумажные знаки ценности. Затем следовало бы принять в соображение наши расстояния, например: Кавказ — Архангельск, Иркутск — С.-Петербург, Москва — Ташкент, Варшава — Амур и т. д. У нас никакого исчисления по этому основному вопросу еще никем не сделано, и мы сами не знаем, много или мало у нас денежных знаков, и скорее надобно думать, что их мало, по тем затруднениям, какие всюду встречаются в денежных расчетах. Безусловные поклонники чужеземных правил, не входя ни в какие подробности и не исчислив раз-

мера нужного для крайних надобностей количества денег, гласно вопиют на всякие лады о невозможности выпуска бумажных знаков, для какого бы общепольного и выгодного государственного дела они ни понадобились. Голоса эти слышатся с 1856 года, после которого к России присоединились умиротворенный Кавказ и затем Амур, Ташкент, Каре и Батум, породившие новую потребность в оборотных денежных средствах. Но финансисты ничему этому не внемлют, ничего знать не хотят и продолжают петь свою песню и единично, и хором, в домах, в комитетах и на распутьях. В период времени от 1860 до 1875 года все стояли за невозможность выпуска, и даже самые патриотические люди, Ф. В. Чижов и И. К. Бабст, принадлежали к этому же воззрению, и в целой России в обществе и печати раздавались только три голоса, желавшие для постройки железных дорог появления беспроцентных железнодорожных бумаг вместо разорительных процентных займов за границу. Это были М. П. Погодин, А. П. Шипов и А. А. Пороховщиков, но их за этот взгляд называли не только отсталыми, но и юродивыми.

(...) Все наши провалы, начавшиеся с 1837 года, не были последствием зол, нанесенных небом, вроде эпидемий, землетрясений и неурожаев, или грозного нашествия каких-либо врагов, подобно бывшему в 1812 году. Все беды надвинулись на нас как наказание за великий смертный грех — *духоугашения*, и чем более гаснул дух народных мыслей, тем более входил в законопроекты и вообще в насильование жизни дух умопомрачения. Историк России будет удивлен тем, что мы растеряли свою финансовую силу на самое, так сказать, ничтожное дело, отправляясь в течение XIX столетия по два раза в каждое царствование воевать с какими-то турками, как будто эти турки могли когда-нибудь придти к нам в виде наполеоновского нашествия. Покойное и правильное развитие Русской силы в смысле экономическом и финансовом, без всяких походов под турку (говоря солдатским языком), порождавших

на театре войны человекоубийство, а дома — обеднение в денежных средствах, произвело бы гораздо большее давление на Порту, чем напряженные военные действия¹.

Пора сознаться в том, что мы забыли то, чего нельзя ни на минуту забывать, забыли, что животворные мысли, выражающие наитие Божией благодати, ниспосылаются тем людям, которых наша горделивая и бессодержательная суетность считает невеждами, не ведая того, что выражение на земле Высших Небесных Тайн было вверено грубым простолудинам, оставившим нам завет *не угашать духа, в нем бо сила*.

И этот великий завет, изреченный носителями на земле всетворящего Духа Божия, должен был бы составлять неуклонную стезю жизни, а мы с нашим оледенелым сердцем и извращенным воззрением, уклонившись от истинного светозарного пути, стали искать спасения в окоченелых канцелярских справках и форменных пустословных комиссиях, думая найти в них свет разума (о бессмысленное заблуждение!), и убедившись сто тысяч раз, что на этом пути ничего нет, кроме темнообразной путаницы, все-таки продолжаем коснеть в глубокой тьме вредного лжесловесия и разрушительного злообразия.

Слышу возражения, смешанные с вопросом: все это одни слова, и никто не знает, где находятся люди света и какая есть возможность их найти? Отвечаю: эти светочи живут вместе с нами и находятся на всех дорогах жизни, озаренные лучами правды и долготерпения.

Крестьянская семья, питающаяся милостыней и обливающаяся слезами о расстройстве жизни по случаю увеличения кабаков, представляет собою живую государственную лекцию (гораздо более поучительную, чем все наши экономи-

¹ Читатели Архива князя Воронцова припомнят, что эту же самую мысль относительно безвредности турок и необходимости беречь нашу силу для врагов с Запада неоднократно выражал граф Семен Романович Воронцов еще в прошлом столетии (Рус. Арх. 1887 года).

ческие лекции), к которой надобно было бы приложить внимательное ухо власти более двадцати лет тому назад¹.

Помещичья семья, вытесненная из своего гнезда бескредитным удушьем и разрушением мелких винокурен и скитающаяся по белу свету уже четверть столетия, составляет вторую государственную лекцию.

Кружок людей, умолявших властных лиц не учреждать Главного Французского общества железных дорог, а образовывать вместо этого Русскую деятельность, составляет своего рода поучительную, также государственную, лекцию.

Другой кружок, составившийся из 92 патриотических лиц и ходатайствовавший об отдаче Николаевской дороги, выражал собой живой родник чистых струй народной деятельности, но этот родник засыпали разным сором теоретических чужеземных воззрений и т.д., и т.д.

По всему видно, что смиренные светочи, т.е. помещичьи и крестьянские семейства, разоренные преобразованиями, не могут в течение 25 лет возбудить к себе такого внимания, которое бы поворотило их *быт на новый лучший путь*. Без сомнения, это нерадение происходит от общего свойства Русской природы, одинаково подчиняющейся как в простонародье, так и в интеллигенции, известной поговорке: Русский не перекрестится, пока гром не грянет. Впрочем, течение Русской жизни представляет не одну только сдержанную скорбь, но и грозу с страшным громом, беспрестан-

¹ Мне не раз случалось посещать лекции политической экономии в Москве и Казани, и эти посещения вполне убедили в том, что слушатели ничему научиться не могут, а сбить себя с толку (если будут верить в лекции, не относясь к ним критически), могут до такой степени, что потом между ними и народною жизнью образуется неисправимое непонимание друг друга. А сколько таких сбитых с толку людей попало впоследствии на влиятельные финансовые места? И начали эти люди направлять экономическую жизнь России по указаниям Мишелей Шевалье, Адамов Смитов и т.п., и зарыдали наши Трифоны, Прохоры, Матрены и Лукерьи и т.д., а затем надели на себя суму и пошли смиренно по миру питаться подаянием. — В. К.

но вокруг нас раздающимся. Замерзающие зимой на дорогах крестьяне, пропившие свою одежду и обувь, или преждевременно умирающие в деревнях от жестокого пьянства разве не представляют собой грозу и бурю? Затем, случаи убийства из-за нескольких гривен, совершаемые от помутившегося от пьянства рассудка, также выражают смертоносный гром бедствий. Наконец, наша молодежь, наши будущие заместители в жизни (офицеры, студенты и гимназисты), оканчивающие жизнь самоубийством, неужели не в силах возбудить такую деятельность в наших мыслях, которая додумалась бы до причины, порождающей отчаяние? Если каждодневные оглашения в печати скорбных известий о самоубийствах нас не трогают, то какие же словесные убеждения могут возродить в нас чувство жалости. Какая речь может быть убедительнее и трогательнее бездушного пораженного смертью человека, самовольно лишаящего себя жизни от тоски и невозможности направить себя на путь полезного труда? Давно изречено святым Златоустом, что если смерть наших братьев не может нас уцеломудрить, то затем уже никто и ничто нас не уцеломудрит. Остается одно: плакать горькими слезами при виде того, как мертвые духом погребают мертвых телом.

Но от всех разрушительных провалов, породивших бедность и самоубийства, можно было бы избавиться, если бы мы оканчивали каждый день строгим требованием от своей совести удостоверения в том, что в течение дня не было отвергнуто ни одной просьбы, как бы она малозначительна ни была, и ни одно предложение о разных потребностях не только больших городов, но и бедной деревни не оставлено без скорого удовлетворения.

Нетрудно отгадать, что во мнении читателя возникнет удивление, смешанное даже с досадою и порицанием за то, что воспоминания за 50 лет представляют одни только провалы, как будто Русская жизнь в течение полвека не имела свет-

лых событий. Такое неудовольствие было бы вполне справедливым, если бы я за 50 лет описывал общее течение Русской жизни и это описание наполнил бы одними экономическими провалами, но так как задача сочинения состояла в обозрении экономических преобразований, то это уже не моя вина, что пережитые мною преобразования и нововведения представляют беспрерывный ряд провалов, деятельность которых осязательно удостоверяется настоящим финансовым и экономическим положением России. Справедливее будет такое заключение, что не все провалы мною исчерпаны: многие из них вовсе неизвестны и некоторые, без сомнения, не сохранились в моей памяти. Но чтобы не оставлять читателям сетования на то, что при созерцании всего прошедшего я был неспособен видеть отрадных явлений, считаю моею обязанностью, хотя в кратком изложении, поименовать те события, которые веселили дух Русских людей. Здесь я буду держаться того же правила, как и в провалах, то есть излагать те суждения, которые высказывались в обществе и в народе и ясно доказывали, что в то время, когда мы падали в экономическом положении, Русская жизнь в других ее проявлениях выражала очевидный рост. Остановимся на нашей главной гордости, военных силах России, беспрепятственно обновляющихся дальнейшим благоустройством и через это достигающих самого блестящего и влиятельного положения в Европе. У всех русских людей на глазах значительное улучшение положения солдата в отношении пищи, одежды и всей обстановки солдатской жизни в казармах и лагерях, это улучшение выразилось на самом наружном виде солдат, в особой их бодрости и веселости лиц сравнительно с прежним временем. Введенная вместо рекрутских наборов всеобщая воинская повинность сразу прекратила семейные слезы и отчаянные вопли, какие слышались прежде.

Затем, другие части хозяйственного строя, положим, художественная — живопись, скульптура, архитектура — дав-

но уже заняли самое почетное место среди образованного Европейского мира, заявив всесветно множество талантов и массу замечательных произведений.

Русская медицина также, заняв самое почетное место в Европе, постоянно вносит в общую сокровищницу мировых знаний свои даровитые открытия и наблюдения для пользы человечества.

Инженерное искусство, сооружая мосты через такие реки, как Днепр и Волга, и пролагая дороги по Уральским и Кавказским хребтам, имеет полное право на то заслуженное удивление Европы, которое не раз высказывалось русским инженерам.

Примерно стройное и всех удовлетворяющее течение почтово-телеграфного дела не оставляет желать ничего лучшего. Но что выражает верх успеха и верное движение вперед с постоянным вкладом полезных сведений в общую сокровищницу жизни — это наша Русская печать, заявившая свой очевидный рост в размере, объемлющем отечественные потребности.

Все подобные совершенства и правильные шаги вперед вовсе не существуют в той части управления, которая ведаёт экономию и финансы. В этой части, наоборот, все идет к упадку и этим упадком тормозится общее движение жизни по пути преуспевания. Что же за причина первых вышепоименованных частей управления и упадка другой части, т.е. финансовой и экономической? Дело представляется в таком виде: военное хозяйство находится в непрерывном сношении с живыми людьми, офицеры узнают и подмечают все нужные потребности для обыденной войсковой жизни прямо из самого хода солдатской жизни, генералы узнают все это от офицеров и потом все это безо всякого промедления восходит к решению главных высших властей; тогда как экономическая жизнь не может от своего начальства добиться никакого удовлетворения в ее насущных

потребностях и даже не знает, кто ее начальство и где оно находится. Между тем на эту горемычную жизнь налагаются — без всякого совета с ней — законопроекты о налогах, измышляемые в канцеляриях на основании европейских теорий, а не живой потребности.

Мир художественный вовсе не имеет никаких канцелярий, живет и развивается сам собою, единственно от прямого соприкосновения к живой натуре человека и природы.

Мир медицинский также чужд всяких канцелярий и имеет дело прямо с пульсом человека, но ведь у экономической жизни есть свой пульс, только, к несчастью, наука политической экономии не приготовила, подобно медицине, экономических Эйхвальдов, Боткиных, Захарьиных и т. д. для ощущения экономического пульса, дабы по его ударам и отбоям можно было определять состояние общего экономического организма.

Мир инженерный, при всех сооружениях, находится в неразрывной связи с народом. П. П. Мельников не раз доказывал в своих разговорах, что только тот инженер может идти вперед, который умеет пополнять свои ученые знания народным смыслом. По его мнению, в массе простых рабочих всегда есть несколько таких, которые самого опытного инженера довоспитывают своею смышленостью при практическом исполнении работ, сами не сознавая за собою столь важного достоинства.

Общий итог сводится к тому, что в военном, медицинском, художественном и инженерном деле движущая сила исходит из вдохновения и развития мыслей, не угнетаясь никаким давлением канцелярского формализма, тогда как в финансово-экономическом управлении не было не только уважительного отношения к вдохновенью, но наоборот, полные и неистовые стремления к тому, чтобы задушить всякое вдохновение. Нет спора о том, что финансовое управление не может отрешить себя от двуличности, будучи обязано преследовать

иногда расчет, а иногда воззрение вдаль, а потому оно может часто находиться в колебании между расчетом и воззрением, но в изложении провалов мы видим только такие действия, которые, нанося явный вред расчету и воззрению, вели к прямой гибели. Говоря народным выражением, поневоле приходится сказать, что просто не хватало смекалки ни для расчета, ни для воззрения.

Возьмем для примера факты, именно: предложения Русских людей строить дороги на Русские средства без иностранных займов, мольбы не увеличивать кабаков, не доводить мелкие винокурни до разрушения, не уничтожать кредит для земледельцев и не отдавать Николаевской дороги анонимному акционерному обществу. Разве все это вообще и в отдельности взятое не выражает чистейшего патриотического вдохновения, но было ли это вдохновение понято и оценено? Нет, не только не было понято, а отвергнуто как ненужное и бесполезное, отвергнуто потому, что на Русской земле не образовалась еще своя финансовая наука, согласенная с Русской жизнью, и вместо нее действует идолопоклонение теориям и взглядам иностранных политико-экономистов и поклонению этому с энергией Диоклетианов, в смысле изнурительного надрыва народных сил, привлекаются Русские люди. Между тем в этих изнуряемых силах лежит истинное понятие о потребностях жизни, и кто добудет эти понятия из сердечной глубины русского мышления, кто поймет чистоту народных намерений и желаний, тот будет в состоянии написать руководящую книгу о Русской экономической науке. Но чтобы почувствовать в себе силу приступить к этому, надобно предварительно уметь читать и понимать еще другую многосложную книгу, называемую Русская жизнь, листы которой раскрываются только для тех, кто имеет сердце, преисполненное любви к простым серым Русским людям, для поклонников же чужеземных теорий книга жизни остается навсегда за твердой печатью недоверия.

Оканчивая повествование об экономической жизни России за 50 лет, я вижу в этом сравнительное сходство с могильным курганом, в котором погребена человеческая жизнь со всеми ее несбывшимися надеждами и мучительными страданиями от насильственного угнетения общечеловеческого роста чужеземными веригами, отравленными ядом зависти и злобы.

На этом кургане, неумолкаемо оглашаемом народным рыданием, прилично начертать: «Если равнодушные к человеческим бедствиям услышат грозный глас: *«Стыдитесь от Мене»* и пр., то что же услышат создающие беды и напасти?»

Не политико-экономические витийства, не парламентские хитросплетенные речи и не разнovidные конституции дадут нам разум для благоустройства и возвеличивания России, а живущее в простых чистых сердцах Слово Божие, *То*, единое *То*, наставит нас на путь Истины и Правды.

УМНОЖЕНИЕ НАРОДНОГО КАПИТАЛА

БАБСТ Иван Кондратьевич
1823 — 1881

В своих воззрениях И. Бабст был довольно эклектичен. Понятия факторов производства и экономического прогресса трактовались им преимущественно с западных позиций. Но были и отличия, которые возвышали его над западными представлениями, прежде всего он разграничивает капитал производительный и капитал спекулятивный. Понятие «капитал» он рассматривает с русских народных позиций, как результат труда и бережливости, отождествляя его с народным богатством.

Более того, расширительно толкуя понятие народного капитала, он включает в него капитал нравственный, то, что мы сегодня называем человеческим капиталом. Бабст придает этому виду капитала большое и даже решающее значение в развитии народного хозяйства.

(...) Позвольте мне в заключение указать вам еще на одну весьма важную сторону нашего вопроса, еще на одно условие, способствующее к умножению нашего богатства. Я говорил до сих пор об умножении материального благосостояния, об умножении капитала вещественного, но есть еще одна отрасль народного капитала — это капитал нравственный, заключающийся в народной честности, в народной предприимчивости и степени трудолюбия, в живом и ревностном участии к общему благу, в привычке не полагаться

на внешнюю помощь, не искать себя в силах, лежащих извне, но в самом себе, в привычке к самостоятельности. Не одинаково и не ровно распределены сии высокие качества нравственного достояния народного, этого неопенимого запаса нравственного капитала. Подобно вещественному богатству, проявляющемуся в разных степенях, встречаем мы и нравственный капитал не в одном и том же количестве. Мы найдем многочисленные здесь ступени, начиная от жидовского торгашества и барышничества, врожденного восточным народам, до непоколебимой честности квакеров, известной всему миру, от лени неаполитанского лазарони до трудолюбия английского работника и от совершенной апатии, от совершенного отсутствия потребности к улучшению своего быта земледельческого населения на востоке до неутомимого духа к спекуляциям североамериканца. Вглядитесь в весь общественный организм восточных государств, и вы увидите, что там, где дети от своих родителей заимствуют с самых молодых лет презрение к честному труду, презрение к честности и образованию, где все управление основывается на продажности и на подкупе, где господствует полный произвол везде и всюду, где уголовное законодательство существует почти единственно для потачки преступлению, а не для того, чтобы карать его, — там, конечно, не может быть честности, а где нет честности, там не может развиваться и умножаться народное богатство. И действительно, где более бедности и нищеты, как не в самых благословенных странах Азии и Европы, но страдающих от дурного управления? Развитие промышленности может быть только там, где господствует честность в народе и где развит кредит. Английские векселя принимаются охотнее всего на биржах; богатейшие и известнейшие во всемирной торговле дома, самые зажиточные торговцы встречаются только в тех местах, где существует продажа без запроса, где даже не знают, что значит торговаться. Запрос, барышничанье, страсть торговаться — это

явный признак мало развитого народного хозяйства, а вместе с тем и народной честности, потому что здесь каждый думает нажиться скорее и быстрее всякими непозволительными средствами. [1; 43 — 45]

Оглядимся же беспристрастнее на все наши в течение последних лет затеянные предприятия. Откуда взяты на них средства? Где нашлись капиталы? Бумажные деньги — это не капитал. Ни бумажные рубли, ни даже серебряные не в состоянии вызвать к жизни необходимых для предприятий средств, не они капитал, а настоящий капитал состоит в средствах для прокормления рабочих, в материалах, и этот-то действительный капитал у нас невелик, и далеко не представляется теми вновь созданными и брошенными в народное обращение искусственными капиталами в форме кредитных билетов.

В такое критическое время проявляется самым ясным образом все различие между частным и народным богатством. Умножением денег частные люди могут разбогатеть, народ никогда. Отчаянные спекуляции могут обогатить одних, разоряя других; народ от спекуляций никогда не будет в выигрыше. Народ благоденствует и богатеет от действительного производства, от предприятий призрачных никогда.

РАБОТА И ТРУД

ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ Никита Петрович ***1824 — 1887***

В книге «Основные начала экономии», опубликованной посмертно в 1888 в «Русском деле», Гиляров-Платонов проанализировал учения Лассаля, Родбертуса, Маркса, Дюринга, Шеффле, Тедески, Мейера и др. современных ему экономистов. Причем в отношении последнего, отмечая еврейский дух капитализма, он иронизирует, что тот договорился до производства без капитала «на воздухе и из воздуха».

«Материалистическое направление мысли, — говорит Гиляров-Платонов, — повело к тому, что вопрос общественности объявлен вопросом желудка»; это же направление «препятствует экономистам справиться с экономическим элементом услуг». Духовная жизнь есть не только цель растительной, но она ею и управляет; она дает бытие самой экономии, служит основанием материального прогресса». «Ум есть родоначальник стоимости, он же основание ценности и, следовательно, субстанция в обоих направлениях». Если бы не был упущен из виду этот психический элемент, то, между прочим, не ускользнуло бы от внимания, что «существующим экономическим устройством более всех обижен не рабочий, а интеллект», и тогда очевидна была бы «ложность теоремы, что рабочему должен принадлежать весь его продукт». «Ценность есть отражение годности, а в годности лежит уже зародыш психического элемента, ибо годность определяется потребностью». «Зачеркнув чувства и желания человека, — говорит Гиляров, — измеряйте труд каким угодно

динамометром, но реально измерить его не сможете. К нему неприложимо определение Маркса «воплощенный труд», ценность же есть понятие телеологическое».

Гиляров-Платонов выдвигал моральный, психический элемент в политической экономии, тот элемент, который ученые экономисты стали рассматривать в сер. XX в.

Говоря о производстве, Гиляров-Платонов делает вывод, что не производитель, а потребитель есть владыка экономической жизни, вследствие чего риск есть необходимая принадлежность производства, а монополия и централизация суть неизбежное зло современного состояния природы и общества. Высшая конечная цель этого производства заключается в питании духовном, вследствие чего материальное богатство не есть самостоятельное благо, весь же вообще экономический процесс сводится к трате жизненных сил с целью и в надежде их возобновления посредством усвоения материи, причем, возражая Марксу относительно направления экономического прогресса, автор сам намечает следующие ступени этого прогресса: 1) отношение непосредственное (благ к человеку), 2) отношение посредственное (процесс разложения конкретных благ и идеализация), 3) победа над посредственностью и идеализацией, возвращение к непосредственному пользованию благами, но под единственным управлением интеллектуальных сил, с полным не только освобождением, но и упразднением материального мускульного труда.

По вопросу о соотношении между трудом и капиталом в производстве Гиляров-Платонов высказывается безусловно против тезиса, будто бы труд человека есть единственный творец хозяйственных благ. Труд, по его мнению, не только не единственный, но и не главный производитель; мало того, он даже совсем не производитель, а лишь орудие производящей силы, имеющей целью покорить природу; между тем как капитал, будучи природой уже покоренный, есть ценность, дающая самостоятельный доход, — это саморастущая

ценность. В человеческом обществе природа мало-помалу превращается в капитал и теряет свою самобытность, а человек по природе своей капиталист. Определение капитала как «сбереженный труд» указывает лишь на происхождение, определение же его как орудия производства указывает лишь на применение, а между тем вследствие односторонности этих определений ускользает от внимания правильное, соответствующее природе вещей соотношение между трудом и капиталом, — соотношение, в котором как бы стихийно труд вытесняется капиталом, и в этом осуществляется начало прогресса в хозяйственной сфере. В вопросе права собственности на этот капитал Гиляров-Платонов отмечает непоследовательность многих экономистов. Спор по этому предмету сводится, по мнению Гилярова, к тому, что «теперешнее положение признает права рода и права корпорации, предоставляя внутренний распорядок соглашению, социалисты же распространяют эти права на общества, не доходя до человечества, но вместо внутреннего соглашения вводят регламентацию, — и таким образом решение сводится лишь к степени».

Вопросу о ценности и цене в «Основных началах экономики» отведено особое место. Основной тезис автора сводится к тому, что для ценности труд не только не единственное основание, но даже не главное, и даже совсем не основание. В данном случае, утверждая противное, упускают из виду психический элемент. Что же касается цены, то в отношении к ней определителем является не затраченный труд, а тот труд, который надо будет затратить на восстановление или воспроизведение такой же вещи. Затраченный труд имеет значение лишь для самого производителя, но и производитель соотносится не столько с затраченным уже трудом, а с будущим, и в этом отношении или с этой точки зрения можно безошибочно сказать, что в общем экономическом обороте труд всегда проигрывает, а потребитель выигрывает.

ет. Потребительная стоимость есть материальный носитель меновой.

Сливая понятия о капитале и поземельной собственности, Гиляров делает то же и в отношении к ренте и проценту, причем он рекомендует назвать рентой вообще всякого рода избыток как результат всякого рода монополии (искусственной или естественной) и обращает внимание на недостаточно ясное разграничение понятий о зарплате и доходе. В вопросе о заработной плате Гиляров-Платонов являлся безусловным противником Маркса, который видел только время, а не хотел видеть качества работы, вследствие чего, между прочим, приветствует т.н. фабричное законодательство. Это отнюдь цели своей не достигает. Уменьшение числа рабочих часов тогда только целесообразно, когда плата остается неизменной; а разве не в воле капиталиста уменьшить плату в меру уменьшения часов? «Гигиенический результат этого законодательства еще куда ни шло, имеется, и им, конечно, пренебрегать не следует, а экономический — химера», — считает Гиляров-Платонов. Соглашаясь с Лассалем, что рабочий получает свое продовольствие, Гиляров не одобряет, однако, его выводов из этого и вообще приходит к заключению, что «в получении дохода рабочий обделен не более других деятелей производства». Когда, говорит он, «рабочий простирает руки к доле избытка, ускользящей от него, он свидетельствует лишь о похоти своей на роскошь», ибо прогресс с каждым днем ее у него сам увеличивает, т. ч. в данном случае требования социалистов суть не что иное, как забегание вперед. Кроме того, если допустить рабочего до участия в барышах, то придется привлечь его и к участию в убытках, что, конечно, опять было бы справедливо лишь в том случае, если рабочий был бы и сам хозяином, а все рабочие хозяевами быть не могут.

В «Основных началах экономии» Гиляров-Платонов предлагает более точную русскую терминологию. Так, напр.,

он рекомендует заменить термин «продукт труда» термином «изделие труда», ибо в таком случае установится следующая постепенность в развитии одного и того же экономического понятия: 1) изделие труда, как непосредственный результат «мускульной и нервной (умственной)» работы, 2) изделие-товар при мене, 3) припас, как товар, дошедший уже до потребителя, т.е. переставший быть товаром, и 4) запас, как непотребленный еще припас.

В труде Гилярова-Платонова рассматривался и вопрос о задаче государства или закона в отношении к хозяйственной сфере, и по этому предмету он формулирует совершенно ясное и определенное положение: «на обязанности закона лежит ограждать взаимодействие, взаимную помощь, а не взаимную борьбу; борьбе, исходящей из личного интереса, он должен полагать границы».

*Жизнь есть подвиг,
а не наслаждения.*

*Труд есть долг,
а не средство своекорыстия.*

*Верховный закон междулических
отношений есть всеотдающая любовь,
а не зависть.*

Люби ближнего, как самого себя: вот в двух словах все начало должных общественных отношений, истинно христианских и истинных во всяком другом значении этого слова.

Лицо, сохрани свою инициативу, владей своей свободой, какую одарено, употребляя всю энергию, к какой способно, но клони все свои действия на благо человечества, на пользу братьев.

Представьте, что это соблюдается всеми, и никакого противоречия, никакого неудобства нет: общество сохраняется, труд увеличивается, счастье всех и каждого достигается.

НАРОДНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПРОТИВ КАПИТАЛИЗМА

ВОРОНЦОВ Василий Павлович
1847 — 1918

По профессии врач, экономикой серьезно занялся в тридцатилетнем возрасте. Выступал против развития народного хозяйства России на западных началах. Доказывал пагубность насаждения западных форм хозяйствования для народного благосостояния. В своих трудах неоднократно подчеркивал, что народное производство в России в силу определенных особенностей не подчиняется сформулированным на Западе законам политической экономии, ибо производитель стремится получить лишь массу продуктов, удовлетворяющую его потребности. Это было своеобразное обоснование принципа нестяжательства.

Воронцов показывал пагубность капитализации народного хозяйства России, ведущей к растрате производительных сил общества и к разорению значительной части тружеников. В противовес капитализации хозяйства он предлагает развитие традиционно русских форм хозяйствования — общины, артели, кустарных промыслов народного производства. Особое внимание уделял созданию системы менового хозяйства, основанной на единении земледельческой и обрабатывающей промышленности.

Воронцов отвергал неизбежность капитализма для России. Основываясь на факте, что русский народ не только сохранил вплоть до конца XIX века многие черты общинного быта, давно утраченные другими народами, но еще и развил

их дальше, он верил, что это развитие будет продолжаться и в будущем, что воспитание и дисциплинирование русского народа для общественной формы труда происходит и без руководства капитала, силою общины, и выработанный ею артельный дух приведет народное производство к той же организации, какая была достигнута на Западе при помощи капитала.

I

Среди молодых сил нашего общества преобладает тенденция не критического отношения к последним выводам западноевропейской науки, тенденция не проверять и исправлять теорию сообразно данным русской жизни, а конструировать последнюю согласно указаниям теории. При таком подчинении критической мысли догме и доктрине нельзя ожидать ни настоящего понимания изучаемой жизни, ни заметных успехов в деле развития науки. И если уже мы не можем обходиться без крайности, то в интересах научной производительности нашей интеллектуальной работы следует предпочесть крайность отрицания, предполагающего последующую самостоятельную работу построительного характера, крайности подчинения доктрине или теории.

Попытки применения к объяснению явлений русской жизни некоторых общепринятых положений политической экономии показали, что эти последние не могут считаться, как это за ними признается наукой, имеющими общее значение, а это обстоятельство побуждает глубже вникнуть в теорию, обратить внимание на такие ее стороны, которые не были разработаны в достаточной степени в Европе, потому что соответствующие им явления жизни в ряду других отступали на задний план, но которые не могут не обращать на себя особенного внимания в России. Одним из таких под-

верженных сомнению положений науки является положение о том, что капиталистическая эволюция или, как обыкновенно выражаются, промышленное развитие страны, если не всегда несет с собой возвышение народного благосостояния, зато обеспечивает быстрый рост национального, т.е. принадлежащего гражданам страны, богатства. Да и относительно самого народного благосостояния обыкновенно признается, что его понижение или сохранение низкого status quo есть явление временное, свойственное переходному состоянию национальной промышленности из одной формы в другую. Впоследствии же быстрый рост капиталистической продукции даст возможность и простой массе населения подняться на такую ступень зажиточности, какой она никогда бы не достигала при тех медленных успехах, какие свойственны промышленности, развивающейся без участия крупного капитала.

Теоретическая основа этого положения покоится на том несомненном факте, что единица труда, организованного в крупные капиталистические предприятия, несравненно производительнее труда мелкого; но при этом игнорируется другой факт, в Европе отступающий на второй план, а при известной комбинации условий могущий иметь первостепенное значение, — факт обращения процессом капиталистической эволюции промышленности известного количества национального труда в бездеятельное, т.е. потерянное для производства состояние, причем это неблагоприятное для национальной продукции обстоятельство не остается одиноким, а ведет за собой новые действующие в том же направлении явления, напр., дешевизну рабочих рук, стоящую на пути применения технически совершенных машин, вследствие чего и употребляемый производительно труд не достигает той степени успешности, какая по техническим условиям представляется в данный момент возможною и какая осуществляется в странах, обращающихся в капита-

листические при другой комбинации обстоятельств. В нижеследующем мы обратим внимание на эту сторону вопроса, высказав по данному предмету несколько соображений, которые, может быть, окажутся бесполезными при фактическом изучении нашего экономического развития, останавливая внимание исследователя на таких сторонах последнего, которые без того могли бы быть опущены из виду.

II

При географических условиях, свойственных большей части материка Европы, а также и другим странам умеренного пояса, земледелие отнимает у населения около $1/2$ — $2/3$ года, и если только производительность труда не достигнет весьма высокой степени развития, позволяющей человеку полгода проводить в праздности, то целесообразная организация промышленности таких местностей должна открывать возможность соединять промысел с земледелием, т.е. допускать, чтобы одно и то же лицо часть года работало в поле, часть — в мастерской. Так именно и складывается промышленная организация стран, начинающих свое развитие: при натуральном хозяйстве семья или несколько более широкий союз, община, собственными силами производят все предметы своего потребления. На первых ступенях превращения натурального хозяйства в меновое связь промысла с земледелием продолжается, но земледельцы разных районов вместо того, чтобы, как это было прежде, производить в зимнее время предметы собственного потребления, приспособляются к производству товаров, соответствующих местным условиям, выносят эти товары на рынок — и прямо или через посредство денег — выменивают их на нужные им вещи, привезенные из другого промышленного района, особые условия которого благоприятствуют добыванию именно этих предметов.

Указанная связь промысла и земледелия может сохраниться при значительном развитии меновых сношений. Иначе говоря, меновое хозяйство само по себе не противоречит такой организации промышленности, что доказывается примером России, где уже в давно прошедшем выделились районы, земледельческое население которых снабжало всю Россию и даже отправляло за границу различные продукты обрабатывающей промышленности, выделяемые по преимуществу в зимнее время, и где такая же система менового хозяйства, основанного на единении земледельческой и обрабатывающей промышленности, представляется чуть ли не господствующим явлением в новейшее время.

Подобная же система господствует и в начальные периоды истории колоний. В Америке, напр., по словам Уэкфильда, не было «ни одной части населения исключительно земледельческого, кроме рабов и их хозяев, которые соединяют капитал и труд для крупных предприятий. Свободные американцы, сами обрабатывающие землю, имеют, кроме того, много других занятий: часть их мебели и инструментов обыкновенно делается ими самими; они часто сами строят свои дома и отвозят продукт своих промыслов на очень отдаленные рынки. Они в одно и то же время и прядильщики, и ткачи; они готовят для собственного потребления мыло и свечи, сапоги и платье. В Америке земледелие образует часто побочное занятие кузнеца, мельника или мелкого торговца».

С привлечением к участию в промышленном развитии страны капитала связь промысла с земледелием постепенно разрушается. Организуя более производительный труд, капитал получает возможность продавать с выгодой товар дешевле кустаря-земледельца и тем вынуждает последнего сбывать свое изделие ниже стоимости производства, а со временем совершенно прекратить его выделку. Продавая товар дешевле, фабрикант на первое время способствует возрастанию спроса на него, результатом чего является увеличение

потребности в сырье, за которое к тому же фабрикант, экономизирующий на издержках переработки, может предложить повышенную цену. Развивающиеся вместе с тем сношения между отдаленными областями одной и той же страны и различными государствами поддерживают этот спрос, следствием чего является временное повышение цены на продукты земледельческого производства. Указанное обстоятельство в совокупности с дешевизною предметов фабричной продукции, побуждает крестьян, удовлетворяющих многие свои потребности (в одежде, обуви и т.д.) продуктом домашнего производства, продавать перерабатывавшееся ими самими сырье (лен, коноплю, шерсть, шкуры домашних животных и др.) и покупать дешевые и красивые фабрикаты. Все эти влияния ведут к сокращению зимних занятий земледельческого населения, за которым должно следовать и уменьшение их доходов. Для пополнения образующегося таким образом недостатка в доходах мелкому производителю остается прежде всего усиленно подналечь на тот источник последних, который меньше всего поддается капиталистической организации производства, на земледелие. В силу сказанного, те производители, которые часть летнего времени отдавали другим занятиям, теперь целиком посвятят его земледелию; другие постараются применить сельскохозяйственные орудия, позволяющие работать быстрее и запахивать больше земли; третьи введут новые культуры, пользующиеся особенным спросом на рынке, и т.д. Степень ожидающего мелких производителей успеха на этом пути расширения своего земледельческого хозяйства зависит от многих условий внутреннего и международного характера.

Если страна обладает обилием незанятых земель и находится на сравнительно высоком уровне культурного развития, в таком случае стремление населения к расширению земледельческого производства может быть удовлетворено занятием девственных земель и обработкой их при помощи

быстро изобретаемых, увеличивающих производительную силу труда орудий, при противоположных же условиях населению останется донельзя расширять запашку на своей земле за счет остальных угодий, поднимать до невероятной высоты арендную плату на все чужие способные к обращению под культуру, земли и при всем том не получить удовлетворения той потребности в увеличении дохода, которая вытекала из вмешательства в процесс экономической эволюции капитала. Не одними, однако, аграрными и культурными условиями определяется успех мелких производителей на рассматриваемом пути. Расширение обрабатываемой площади и увеличение получаемой массы продукта еще не означает возрастание денежных доходов земледельца. Меновая стоимость земледельческого продукта, как и всякого другого, измеряется трудом, затраченным на его добывание. Если кто-либо из земледельцев при помощи машин сумел удвоить количество зерна, получаемого им в течение лета, то его доход от предприятия увеличится лишь в том случае, если применение машин сделано небольшой группой населения, а главная масса идущего на рынок продукта произведена старыми техническими приемами. Если же применение усовершенствованных орудий сделалось общим явлением, то рыночная цена хлеба будет определяться новыми условиями производства, а так как при этих условиях на каждую единицу продукта затрачено вдвое меньше труда, то и денежная цена его понизится вдвое и денежный доход земледельца окажется равным тому доходу, недостаток которого именно и побудил его к расширению производства. Сказанное подтверждается примером Северо-Американских Соединенных Штатов, земледельческое население которых стремилось к покрытию дефицита в доходе, образовавшегося благодаря лишению его подсобных занятий, этим способом расширения площади обрабатываемой земли при помощи употребления машин: за двадцатилетие с 60-х до 80-х гг. площадь посева

здесь возросла с 202 млн. акров до 430, т.е. на 117%, валовой сбор с 4272 млн. бушелей до 8713 млн., т.е. на 140%, а валовая ценность урожая увеличилась всего с 3496 млн. долларов до 3687 млн. долларов, т.е. поднялась едва на 5%.

Итак, при возможности для самостоятельного земледельца неограниченного расширения культивируемой площади, пополнение дефицита в доходах, происходящего от лишения его подсобных занятий, может происходить следующими путями.

Если при прежних порядках натурального хозяйства отчуждение земледельческих продуктов на сторону было мало развито, то каждая семья посвящала земледелию не весь летний сезон. Поэтому при начинающемся отделении обрабатывающей промышленности от земледельческой, выражаемом параллельным развитием двух явлений — сокращением подсобных занятий земледельцев и образованием особого класса фабричных рабочих, — население может обращать освобождающееся у него время на расширение запашки с тем, чтобы получаемые избытки хлеба сбывать новому классу потребителей — фабрично-заводским рабочим, частью прибывающим из других стран (как это было в колониях), частью образующимся из местного населения, бросающего хозяйство. Повышение дохода описываемым способом увеличения времени, отдаваемого земледелию, имеет естественный предел, поставляемый географическим положением страны, ограничивающим земледельческий сезон известным числом месяцев.

Достигнув этого предела, земледельцам для увеличения дохода от хозяйства надлежит обратиться к средствам, возвышающим производительность труда, дабы в течение не подлежащего дальнейшему увеличению земледельческого сезона получить большую массу продукта. Те земледельцы, которые первые обратятся к этому средству и будут сбывать свой дешевый хлеб по рыночной цене, устанавливаемой соор-

но господствующей стоимости производства, будут получать приращение своих доходов, пропорциональное возрастанию производительности труда. По мере распространения улучшенных приемов обработки цена сельскохозяйственных продуктов будет понижаться, а вместе с тем будут сокращаться и доходы инициаторов. И во всяком случае указанное повышение дохода доступно лишь для небольшой группы земледельцев, идущих впереди других в деле улучшения хозяйства. Что же касается всего сельскохозяйственного населения страны, всякое увеличение производительности его труда имеет следствием соответствующее понижение цены продукта, стоящее на пути возрастания его денежного дохода. Последний может в этом случае увеличиться лишь настолько, насколько понижение стоимости производимого земледельцем хлеба, мяса и т.п. делает более дешевым расход его семьи на собственное потребление этих продуктов, что позволяет большую, чем прежде, часть их выносить на рынок.

Что касается материального содержания нынешнего дохода сельскохозяйственного населения сравнительно с прежним, т.е. массы получаемых им предметов для удовлетворения потребностей, таковая может быть выше или ниже того количества продуктов, какое потреблялось населением при прежних порядках.

Если население потеряло все подсобные к земледелию занятия и вынуждено ограничиться одной сельскохозяйственной деятельностью; если при этом по климатическим условиям сельскохозяйственный сезон продолжается не более полугода, т.е. население вынуждено вместо целого года работать только половину, то его настоящий запрос на продукты потребления, выражаемый в количестве затраченного им на производство труда, равняется 6 месяцам, т.е. вдвое меньше прежнего. Что же касается количества предметов потребления, какое оно может получить при этом полугодовым трудом, сравнительно с количеством их, имевшихся у него

раньше, — таковое будет зависеть от успехов в производительности труда. Так как производительность труда в промышленности обрабатывающей несомненно возросла, какое возрастание и было причиной утраты населением подсобных к земледелию занятий, то настоящий полугодовой труд дает земледельцу возможность иметь больше половины того количества предметов потребления, какое он получал раньше, работая круглый год.

Если прежде рабочий занимался 4 месяца земледелием и 8 месяцев промыслом, а теперь, при полной капитализации обрабатывающей промышленности он должен ограничиться шестимесячным сельскохозяйственным трудом, причем продукт 4 месяцев труда он по-прежнему потребляет в своей семье, а предметы двухмесячной работы вынесет на рынок для обмена на фабрикаты, то, чтобы получить за них сумму товаров, какую он производил раньше затратой 8-месячных усилий, — вместе с капитализацией промыслов, производительность труда должна была повыситься в 4 раза. Принимая же во внимание, что социальный смысл капитализации промышленности заключается не в изменении ее формы, каковое обстоятельство представляется выгодным лишь для ограниченного числа лиц, занявших места руководителей этого изменения и тем получивших возможность эксплуатировать большинство населения; что общенациональное значение рассматриваемой эволюции заключается в увеличении потребления всего населения и что возрастание массы потребляемых земледельцем продуктов вдвое должно быть признано весьма умеренным требованием, какое с точки зрения интересов народного благосостояния мы вправе предъявить новой организации промышленности — мы видим, что для достижения этого результата производительность объединенного капиталом труда должна подняться в 10 раз.

Из сказанного следует, что хотя бы капитализация коснулась только обрабатывающей промышленности, а зем-

ледельческая продолжала оставаться в руках мелких самостоятельных хозяев, — утрата последними промышленных занятий наносит такой удар их благосостоянию, что только очень высокий уровень производительности подчиненного капиталу труда в состоянии изгладить следы испытанного потрясения как следствия изменения формы национальной промышленности.

Возвышение производительности труда, вошедшего в капиталистическую организацию промышленности, будет иметь несомненно благодетельные результаты для мелкого самостоятельного земледельца лишь в том случае, когда полное отделение обрабатывающей промышленности от земледельческой сделалось свершившимся фактом и потому дальнейшее развитие капиталистической формы этой промышленности не грозит земледельцу новыми потерями, при условии, однако, чтобы размеры единичных земледельческих хозяйств не подвергались сокращению. Пока же капитализация промыслов не закончилась и всякий шаг в этом направлении лишает большую или меньшую часть земледельцев подсобных к главному занятию, — до тех пор успехи капиталистической эволюции легко могут сопровождаться понижением, а не возвышением народного благосостояния. Пусть, напр., крестьянин 4 месяца занимается земледелием, а 8 — промыслами. Если начавшаяся капитализация обрабатывающей промышленности отнимет у него половину промышленных занятий, причем он получит возможность расширить земледелие настолько, чтобы занять весь сельскохозяйственный сезон, продолжающийся, согласно нашему предположению, полгода, в таком случае с утратой 4 месяцев промыслового занятия он так же потеряет 2 месяца земледельческого. Если при этом производительность труда в капитализирующейся промышленности превышает производительность замещенного ею труда в 1 ½ раза, то продукт прибавочного 2-месячного земледельческого труда крестьянин обменяет на такую

сумму предметов фабрично-заводской выделки, какую он вырабатывал прежде 3-месячным трудом, т.е. совершившаяся эволюция поведет к сокращению его потребления в размере, измеряемом затратой одного месяца ремесленного труда. Если производительность капитализирующегося труда повысилась вдвое, то вышеуказанное расширение земледельческого промысла покрывает все потери крестьянина, вызванные сокращением подсобных занятий. При повышении же успешности труда втрое, крестьянин, вынося на рынок продукт 2-месячного труда, получает в обмен предметы капиталистической продукции в размере, какой собственными средствами он добыл бы течение 6 месяцев, и таким образом не только покрывает недочеты промыслового заработка, но получит излишек продукта, измеряемый затратами 2 месяцев ремесленного (как мера производительности) труда, отчего его благосостояние повышается.

Дальнейшая капитализация промыслов легко будет иметь следствием понижение благосостояния крестьянина, так как происходящую от того потерю заработка он не может восполнить расширением сельскохозяйственной деятельности, доведенной до предела, поставляемого естественными условиями местности. Утратив остальные 4 месяца промыслового труда и имея на удовлетворение всех своих потребностей, кроме продовольствия, земледельческий продукт стоимостью в 2 месяца, в обмен на который он получает на рынке той же стоимости предметы фабрично-заводской выделки, крестьянин должен удовлетворять ими все те потребности, которые раньше он удовлетворял продуктом 8-месячного промыслового труда. Если объединенный капиталом труд делается в 4 раза успешнее замененного им ремесленного, то полученная земледельцем масса предметов даст ему возможность удовлетворять свои потребности в тех размерах, в каких происходило это удовлетворение во времена, так сказать, дореформенные; при более низкой произво-

дительности этого труда в потреблении будут недочеты; при более высокой — благосостояние крестьянина окажется поднявшимся. Каждое следующее возрастание производительности капиталистического труда увеличит массу предметов, получаемую крестьянином в обмен за выносимые на рынок продукты 2-месячного земледельческого труда и будет иметь следствием возвышение его благосостояния.

Из сказанного видно, каким значительным повышением производительности труда должна сопровождаться капитализация обрабатывающей промышленности для того, чтобы вместе с тем происходило поднятие народного благосостояния. Иное следует сказать относительно того случая, когда вместе с капитализацией промыслов наблюдается и увеличение производительности земледельческого труда. Такое направление технического прогресса ведет гораздо скорее к увеличению народного потребления. Правда, увеличение массы продуктов земледелия, зависящее от улучшений в производстве, не дает новой стоимости, так как количество затраченного труда остается неизменным, и потому хозяин этого продукта не продаст его дороже прежней цены. Но возвышение производительности труда дает земледельцу возможность меньшую часть последнего затрачивать на производство предметов собственного потребления и большую — обратить в обмен на предметы продажи, т.е. увеличить затрату труда для рынка за счет доли, назначаемой для производства предметов собственного потребления. Возьмем тот момент экономической эволюции нашего гипотетического общества, когда земледелец лишился всякого промыслового заработка, занимается только хозяйством (в течение полугода), потребляя продукт 4-месячного труда сам и вынося продукт 2-месячного труда на рынок; причем, благодаря тому обстоятельству, что успешность капиталистического труда в 4 раза выше ремесленного, в обмен на свой товар он получает ту же массу предметов, какую добывал раньше затратой

8-месяцев времени. Таким образом, возвышение производительности промышленного труда в 4 раза не сопровождалось подъемом народного благосостояния, и для того, чтобы это последнее увеличилось на 33%, т.е. чтобы земледелец мог потреблять массу предметов, для производства которых потребовалась бы затрата 16 месяцев ремесленного труда, нужно, чтобы производительность труда фабрично-заводского делалась в 6 раз (вместо 4) выше ремесленного, т. е. чтобы она поднялась еще на две единицы или на 50%. Воздействуя же на технику земледельческого труда, тот же результат можно получить, возвысив производительность всего на 33%. При таком состоянии техники продовольствие семьи земледельца, на которое раньше затрачивалось 4 месяца, потребует 3 месяцев труда, а в продажу будет пущен продукт 3 месяцев (вместо прежних 2), в обмен за который получится такая масса предметов, какая раньше производилась 12-месячным трудом, и все потребление земледельца по старой мерке стоимости будет равняться 16-месяцам (4+12) труда.

Ввиду такого выгодного результата поднятия производительности земледельческого труда читатель может подумать, что этим указывается только на необходимость не удовлетворяться стихийно идущим процессом капитализации обрабатывающей промышленности, а принимать меры к возбуждению того же процесса в земледелии, в том предположении, что капиталистическое хозяйство скорее мелкого поддается улучшениям. Простое рассуждение, однако, легко обнаружит неправильность такого предположения.

Капитализация земледельческого производства обращает мелкого самостоятельного хозяина, обладающего всем продуктом своего труда, в наемного работника, получающего в виде заработной платы только часть этого продукта. Допустим, что часть эта равняется $\frac{1}{2}$ (это очень много для земледельческого рабочего), т.е. что, работая в течение полугода, сельскохозяйственный рабочий получает вознаграждение

в размере стоимости 3-месяцев. Таким образом, превращение мелкого земледелия в крупное принесло крестьянину сокращение дохода и, следовательно, потребления в 2 раза. Предполагая, что это обращение сопровождалось возвышением производительности труда вдвое и что половину заработной платы (стоимость в 1 ½ мес.) рабочий употребит на свое продовольствие, а другую — на приобретение прочих предметов потребления, мы увидим, что питаться он будет хуже самостоятельного земледельца (стоимость 1 ½ месяца эквивалентна 3-месяцам труда прежней производительности, а самостоятельный земледелец потребляет стоимость, эквивалентную 4-месяцам этого труда), на прочие потребности будет иметь много меньше (1 ½ месяца против 2). Дабы благосостояние наемного земледельческого работника достигло уровня благосостояния мелкого самостоятельного земледельца, при неподвижном состоянии техники последнего и производительности фабрично-заводского труда, в 4 раза превышающей производительность труда ремесленного, т.е. дабы сумма предметов потребления рабочего измерялась 12 месяцами дореформенного труда, нужно, чтобы производительность капиталистического земледелия уравнилась с производительностью промышленного труда, т.е. чтобы она в 4 раза превышала производительность мелкого хозяина. В этом случае наемный земледельческий рабочий из своей заработной платы стоимостью в 3 месяца труда на приобретение предметов продовольствия отделит стоимость в 1 месяц (эквивалентную дореформенной стоимости в 4 мес.), а на прочие предметы потребления — 2 мес. (равносильные прежним 8 мес.). Заметное возвышение благосостояния наемного земледельческого рабочего выше этого уровня невозможно ни при каком вероятном поднятии успешности сельскохозяйственного труда (т. е. путем сокращения расхода на продовольствие); оно будет только результатом или поднятия заработной платы за счет дохода землевладельца (напр., со сто-

имости 3 дней до 4), или возвышения производительности труда в промышленности обрабатывающей (вследствие чего увеличится масса предметов потребления, приобретаемых на заработную плату).

III

Итак, если промышленное развитие нации совершается капиталистическим путем, то во все время процесса капитализации обрабатывающей промышленности населению страны грозит опасность опуститься на низшую ступень благосостояния, что не может не отразиться неблагоприятно на культурном развитии и финансовом благополучии страны. Если же, вместе с тем, совершается капитализация и земледельческой промышленности, то понижение народного благосостояния (по крайней мере земледельческого класса) становится почти неизбежным. Прочное улучшение благосостояния самостоятельного земледельца может начаться лишь после того, как процесс капитализации обрабатывающей промышленности прекратится и дальнейшее ее развитие совершается путем увеличения производительности труда, т.е. понижения стоимости продуктов. Но и в этом случае повышение благосостояния сельского населения будет иметь место лишь при условии, если размер крестьянского хозяйства не потерпит сокращения, т.е. если прирост сельского населения будет своевременно удаляться или получать на месте какое-либо неземледельческое занятие; так что продолжительность сельскохозяйственного занятия крестьянина и, следовательно, производимая им стоимость останется без изменения. Более глубокое положительное влияние на возвышение благосостояния мелкого земледельца будет иметь поднятие техники его хозяйства, но опять-таки при условии, чтобы абсолютное количество затрачиваемого в отдельном хозяйстве

земледельцем труда оставалось без сокращения, т.е. чтобы отдельное лицо производило в течение земледельческого сезона прежнюю стоимость. При несоблюдении этого требования, если увеличение производительности земледельческого труда достигается, напр., путем применения орудий, позволяющих с прежней затратой рабочей силы запахивать большую площадь, причем ни расширение культивируемого пространства, ни отведение в сторону сделавшихся излишними для земледелия рук не представляются возможным, то подобное улучшение земледельческой техники, получив всеобщее распространение, не только не поведет к возвышению благосостояния населения, но будет иметь прямо противоположное следствие и тем более значительное, чем оно само выше. Так, в нашем случае поднятия земледельческой техники на 33 % при соответствующем расширении запахиваемой площади получится, как мы видели, возвышение благосостояния земледельца с 12 единиц до 16, т.е. на 33 %. Если же при этом культивируемая площадь не будет увеличена, то предположенное техническое улучшение производства сократит затрату труда каждого крестьянина на обработку его неизменившегося участка с 6 месяцев до $4\frac{1}{2}$, отчего произведенная земледельцем стоимость уменьшится на 25 %. Оставив, согласно принятому нами расчету, на продовольствие своей семьи продукт 3-месячного труда, крестьянин окажется в состоянии пустить в продажу стоимость в $1\frac{1}{2}$ месяца, т.е. вдвое меньше, чем он продавал бы в случае, если бы увеличение успешности его труда сопровождалось соответствующим расширением площади запашки, и на 25 % меньше, чем он выносил на рынок при старых приемах земледелия (2 мес.). При возвышении успешности труда вдвое производительная затрата времени земледельца (при неизменном участке) сократится до 3-месяцев, и за покрытием его продовольственных нужд для продажи осталась бы стоимость в 1 месяц труда, которая дала бы ему возможность приобрести только

половину того количества предметов потребления, каким он пользовался при старых агрикультурных приемах.

Из сказанного видно, насколько при капиталистическом направлении промышленного развития интересы благосостояния массы населения расходятся с интересами технического совершенства производства. Это значит, что движимое личным интересом, освобожденное от сознательного общественного регулирования промышленное развитие страны принимает характер, выгодный для немногих отдельных лиц и разорительный для массы населения. Если бы промышленные успехи нации оценивались не по техническому совершенству производства, а по благосостоянию трудящегося населения, и сообразно такому отношению к предмету принимались меры для поднятия производительности самостоятельного народного промысла, а не для превращения народной промышленности в капиталистическую, то обществу было бы обеспечено неуклонное движение вперед не в смысле только развития техники производства, но и в отношении поднятия народного благосостояния, т.е. промышленная эволюция нации не сделалась бы односторонней, ведущей к развитию одной стороны жизни за счет остальных, к принесению интересов большинства в жертву небольшой группе лиц; она сохранила бы правильное направление, отвечала бы на все запросы общественной жизни. Такой характер развития не представляет ничего невозможного. Способность народного производства достигнуть высокого технического совершенства даже при отсутствии систематического воздействия на жизнь науки доказывается успехами, сделанными промышленностью всякой страны до подчинения ее капиталу. Если бы развивающаяся наука оказывала соответствующее влияние на все стороны жизни и на все слои населения, а не обходила большинства последнего и не светила только небольшой кучке лиц, то естественный процесс поднятия производительности *народного* труда мог бы продолжаться бо-

лее систематично, с большей быстротою и без тех печатных явлений, какими наша жизнь обязана подчинению экономической эволюции руководству капитала. Во всяком случае, можно сказать одно: что если бы такое направление развития имело место, то хотя бы техническая производительность труда не достигала той высоты, какую она принимает в руках предпринимателя-капиталиста, народное благосостояние неуклонно бы поднималось, а принимая во внимание отсутствие при этом вынужденного бездействия земледельцев в течение $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ года — может быть, и рост национального богатства не отставал бы от того, какой имел место при капиталистическом направлении экономического развития.

Так, при сохранении народной организации производства, при которой трудящийся часть года отдает земледелию, а другую промыслу, — поднятие производительности его труда на 33% будет иметь следствием возвышение его благосостояния с 12 единиц меры до 16. При капитализации обрабатывающей промышленности тот же результат будет, как мы видели, достигнут при высоте производительности капитализировавшегося труда, выражаемой 600% (см. выше), т.е. в 18 раз большей. Для поднятия благосостояния населения в два раза при народной организации производства достаточно возвышения успешности труда вдвое; при капитализации же обрабатывающей промышленности для этого требуется высота производительности труда, выражаемая цифрою 10.

Что же касается наемного земледельческого рабочего, получающего в виде заработной платы половину той стоимости, какую имеет самостоятельный земледелец, для заметного поднятия его благосостояния требуется необыкновенное возрастание производительности труда. Если бы успешность труда капиталистической земледельческой промышленности росла с такою же быстротой, как и обрабатывающей, а производительность мелкого хозяйства оставалась бы постоян-

но на низком уровне, в таком случае при известной высоте технического развития положение наемного земледельческого рабочего было бы лучше положения самостоятельного мелкого хозяина. Так, если бы последний, по причине малой производительности его промысла, должен был тратить на продовольствие всегда продукт 4 месяцев своего труда и для обмена на прочие предметы потребления у него оставалась бы стоимость 2 месяцев, то увеличение его благосостояния могло бы произойти только от возрастания массы продуктов, покупаемых стоимостью этих двух месяцев, в то время как наемный рабочий представлял бы к рынку требование в размере стоимости 3 месяцев (его заработная плата). При этом благосостояние обоих лиц было бы одинаково при высоте производительности капиталистического труда, выражаемой цифрой 4 (самостоятельный земледelec потребляет бы $4+(2 \times 4) = 12$, наемный рабочий — $3 \times 4 = 12$); при дальнейшем ее росте относительное положение самостоятельного земледельца ухудшалось бы: при успешности его труда, выражаемой цифрой 5, наемный рабочий имел бы в виде заработной платы $3 \times 5 = 15$ единиц продукта; самостоятельный же хозяин всего $4+2 \times 5 = 14$ единиц. При возвышении производительности до 6 первый будет потреблять $3 \times 6 = 18$ единиц, второй $4+2 \times 6 = 16$ единиц и т. д.

Таково было бы положение вещей в случае неподвижности мелкого земледелия, с одной стороны, и неограниченного роста производительности капиталистического сельского хозяйства с другой. В действительности подобные отношения не наблюдаются, так как, во-первых, мелкое земледельческое хозяйство способно почти к такому же развитию, как и крупное, во-вторых, возвышение сельского хозяйства заключается в его интенсировании, а стоимость продукта интенсированного земледелия скорее повышается, нежели понижается, то отнесение капиталистической обрабатывающей и земледельческой промышленности в одну прогресс-

сирующую группу, противопоставляемую неподвижной группе мелкого хозяйства, не может быть признано правильным, и скорее в этом отношении следует капиталистическую обрабатывающую промышленность противопоставлять земледельческой — мелкой и крупной. Поступим же таким образом и дадим крупному земледелию то, на что оно может претендовать, т.е. допустим, что оно в $1\frac{1}{2}$ раза производительнее мелкого. Примем затем, что мелкий земледelec поднял успешность своего производства на 33%, т.е. что из производимой им стоимости он затрачивает 3 месяца на свое продовольствие, а 3 месяца выносит на рынок в обмен на другие продукты, которые при высоте капиталистической техники, выражаемой цифрою 4, он получает в размере 12 единиц и в совокупности с продовольствием будет потреблять всего 16 единиц продукта. В это время наемный земледельческий рабочий, получающий заработную плату стоимостью в 3 месяца труда, употребляет на продовольствие стоимость 2 мес. (в этой стране, по нашему предположению, земледельческий труд в $1\frac{1}{2}$ раза успешнее, а хлеб в $1\frac{1}{2}$ раза дешевле, нежели в первой), и на все прочие нужды имеет только 1 месяц, т.е. втрое меньше мелкого земледельца. При той же производительности труда в обрабатывающей промышленности (4) материальное содержание дохода наемного рабочего будет составлять 8 единиц — половину того, что имеет мелкий самостоятельный хозяин. Если наемный земледельческий рабочий предпочтет несколько хуже питаться, но зато лучше одеваться и разделить свои расходы поровну между продовольствием и другими предметами потребления, то, по причине большой дешевизны этих последних, его потребительное богатство несколько увеличится; стоимость $1\frac{1}{2}$ месяца, затраченная на продовольствие, даст ему 3 единицы продукта, а такая же сумма, издержанная на остальные предметы, принесет ему 6 единиц; в сумме он будет потреблять 9 единиц продукта, в то время как мелкий самостоятельный зем-

леделец при таком же расходе труда имеет для своего потребления 16 единиц. Дабы благосостояние наемного рабочего достигло того же уровня, на каком оно находилось до начала капитализации промышленности, когда оно измерялось 12 единицами продукта, производительность фабрично-заводского труда должна увеличиться до 6 (продовольствие рабочего будет тогда 3 един., а прочие предметы потребления $1\frac{1}{2} \times 6 = 9$). В это время мелкий самостоятельный хозяин будет потреблять $4 + 3 \times 6 = 22$ единицы продукта, т.е. почти вдвое больше.

После всего сказанного относительно влияния капитализации промышленности на благосостояние сельского населения становится вполне понятным стремление последнего в капиталистических странах в города и жалобы крупных хозяев на отсутствие надежных рабочих, — затруднение, почти не известное капиталистической обрабатывающей промышленности. Если добывание человеком средств существования ограничено периодом времени в $\frac{1}{2}$ — $\frac{2}{3}$ года, тогда как нормальным рабочим сезоном является полный год, то всякое сокращение рабочего времени, понижающее и без того скудные его доходы, грозит ему чувствительными потерями. Между тем такое сокращение явится неизбежным результатом скученности населения, и для предупреждения последней необходимо весь прирост населения, а при незаконченном еще процессе капитализации промыслов и часть основного его фонда отправлять в город. Если же при этом человек добывает средства существования наемным трудом, получая в вознаграждение лишь половину производимой им стоимости, то он обречен на низшую степень благосостояния, возможную для трудящегося в данной стране, и неудивительно, если с такой долей примиряются отбросы рабочего класса, а лучшие его члены принимаются за такие занятия, хотя бы по найму, которые продолжаются целый год и где достающаяся им половина произведенной стоимости а, следо-

вательно, и право на часть национального продукта готового производства, равняется не 3 — 4 месяцам, а полугоду. Такие занятия они могут найти в обрабатывающей промышленности и потому стремятся переселиться из деревень в города.

IV

Мы рассмотрели возможные последствия для народного благосостояния капитализации национальной промышленности при различных условиях ее развития. Посмотрим теперь, каким образом отражается то же экономическое явление на национальном богатстве; следует ли при этом ожидать неперменного возрастания последнего или при различных условиях капитализация промышленности будет иметь в этом отношении весьма несходные результаты.

Мы знаем, что по причине отделения обрабатывающей промышленности от земледельческой и зависимости этой последней от естественных условий страны, результатом капитализации промышленности является вынужденное бездействие в течение большего или меньшего периода времени земледельческого населения, вынужденная растрата большего или меньшего количества производительных сил общества. Размер этой непроизводительной затраты времени зависит от двух условий: от продолжительности мертвого сельскохозяйственного периода и от степени земледельческого характера национальной промышленности. Чем длиннее по географическим условиям местности земледельческий сезон, тем меньшую часть года земледелец находится в бездействии и наоборот, при более коротком периоде сельскохозяйственных работ крестьянин несет большую потерю времени на вынужденное бездействие в течение мертвого сезона. Общая сумма теряемого таким образом национально-го труда зависит от того, какая часть населения занимается

земледелием. Так, предполагая, что земледельческий сезон продолжается полгода, вследствие чего каждый сельскохозяйственный рабочий (за исключением небольшой их части, нужной для ухода за скотом и надзора за строениями) при полном господстве в обрабатывающей промышленности капиталистического начала полгода будет проводить в праздности, и беря взаимные отношения промышленного и земледельческого рабочего населения, приближающиеся к тем, которые существуют в Англии, Германии, Северо-Американских Штатах и России, т.е. предполагая, что промышленное население относится к земледельческому в одном случае как 3 : 1, в другом как 1 : 1, затем как 1 : 2 и наконец как 1 : 9, будем иметь, что в Англии $\frac{1}{4}$ часть населения бездействует в течение полугода, т.е. общая потеря национального труда составляет $\frac{1}{8}$ (12,5%) всего потенциального рабочего времени трудящегося населения; в Германии, где в течение полугода бездействует $\frac{1}{2}$ населения, национальная потеря трудовой силы равняется 25%, в Америке, при вынужденной праздности $\frac{2}{3}$ населения, растрата трудовой силы достигает 33% и, наконец, в России бездействие в течение полугода $\frac{9}{10}$ населения имело бы следствием потерю $\frac{4,5}{10}$ или 45% общей массы национального труда. Таким образом, капитализация промышленности неизбежно ведет к растрате производительных сил общества и тем большей, чем более нация сохраняет земледельческий характер. При нашем условии, что земледельческий сезон продолжается $\frac{1}{2}$ года, национальная потеря труда составляет половину потенциального времени земледельческого класса: так, в Англии, где сельским хозяйством занимается 25% рабочего населения, растрата национального труда измеряется 12,5%, в Германии, при 50% земледельческого населения, потеря рабочей силы равняется 25%, в Северо-Американских Штатах — при 66% сельских жителей — 33% и в России, где земледельческий класс составляет 90% населения, растрата труда достигает (т. е. достигла бы

при завершении капитализации национальной промышленности) громадной цифры 45%. Если земледельческий сезон продолжается 8 месяцев, то потеря рабочей силы от вынужденного бездействия составляет третью часть потенциального рабочего времени земледельческого класса, т.е. в наших примерах: 8,33%, 16,66%, 22% и 30%. При более коротком земледельческом сезоне растрата времени возрастает. Беря полосы России с различной продолжительностью земледельческого сезона: северную — 4 месяца, среднюю — 6 мес. и южную — 8 мес.¹ — и предполагая полную капитализацию обрабатывающей промышленности и одинаковое во всех полосах распределение рабочего населения между фабрично-заводской и земледельческой промышленностью в отношении 1: 9, будем иметь потерю национального труда в размере 66,7%, 45% и 30% потенциального труда рабочего населения соответствующих районов.

Итак, при взятых нами условиях задачи, т.е. при 6 месячной продолжительности земледельческого сезона, полной капитализации обрабатывающей промышленности и распределении рабочих между фабрично-заводской и сельскохозяйственной областями труда в вышеуказанных отношениях — на 100 единиц рабочего времени, занятого производительно, приходится растрачиваемого времени (единиц): в Англии 14,3, в Германии 33,3, в Северо-Американских Штатах 50 и в России 82. Это значит, что если бы оказалось возможным дать земледельским рабочим в течение мертвого сельскохозяйственного сезона какое-либо занятие, в таком случае при одном и том же контингенте рабочих стоимостеобразовательная сила страны увеличилась бы сравнительно с си-

¹ Из сведений, собранных Департаментом земледелия и сельскохозяйственной промышленности, видно, что период полевых работ продолжается в южной степной полосе 6,5 — месяца, в средних и северных черноземных губерниях 5 — 6 мес., в средних нечерноземных губерниях 4,5 — 5 мес. и северных нечерноземных — 4 — 4,5 месяца (Е. Андреев. Кустарная промышленность в России. с. 32).

лами, развиваемыми капитализмом в полном его расцвете: в Англии на $\frac{1}{7}$; в Германии на $\frac{1}{3}$; в Северо-Американских Штатах — наполовину и в России больше чем на $\frac{4}{5}$. Связывающая производительный труд, превращая живую человеческую силу в мертвую и этим ограничивая производительность страны, другим своим влиянием — возвышением успешности труда, занятого в крупных предприятиях, — капитализм развивает эту производительность и окончательный экономический результат образования новой формы промышленности в данной стране будет зависеть от того, какая их двух взаимно противоположных тенденций и в какой именно степени получит перевес. Так, предполагая, что крупная организация охватила все сферы промышленности, для сохранения прежней общей производительности страны достаточно, если вместе с тем успешность труда повысится в размере, соответствующем отношению связанного труда к действующему, а именно: в Англии на 14,3 %, в Германии на 33,3 %, в Америке на 50 %, в России на 82 %. Если же крупная организация не коснулась земледельческой промышленности или если считать правильным, что крупное земледелие не отличается резко от мелкого в отношении производительности труда, то пополнение недобора в продуктах, происходящее от вынужденной бездеятельности в зимнее время земледельческих рабочих ложится всецело на обрабатывающую промышленность. Чтобы судить о том, в каких размерах должно быть сделано соответствующее указанному недобору возвышение производительности труда, занятого в этой промышленности, надлежит определить отношение, существующее между трудом связанным и тем живым, который объединен капиталом. В стране, именуемой у нас Англией, где крупная организация (исключая земледелия) охватила 75 % рабочего населения, а количество связанного труда выражается всего 12,5 %, отношение между капитализированным трудом (принимая его за 100) и связанным = 100: 16, и потому достаточно, чтобы

производительность труда в крупной промышленности превышала производительность труда мелкого на 16% и общая продукция страны остается неуменьшившейся. В нашей так называемой Германии, где отношение живого подчиненного капиталу труда к связанному = 100:50, капиталистическая организация обрабатывающей промышленности не будет сопровождаться сокращением национального богатства при условии возвышения производительности капитализированного труда на 50%. В Америке для этого требуется удвоение производительности капиталистического труда сравнительно с трудом мелкого производителя; что же касается страны, фигурирующей под именем России, где капитализация 100 единиц труда достигается путем обращения в потенциальное состояние 450 единиц живой силы, здесь объединенный капиталом труд должен быть в $5\frac{1}{2}$ раз производительнее связанного для того, чтобы капитализация промышленности не имела следствием уменьшение национального богатства.

Сделанные расчеты приведены с целью показать, как неодинаковы будут результаты капитализации промышленности при различных условиях ее осуществления, и как нерационально при оценке возможного влияния грядущего капитализма в одной стране ссылаться на положительные его результаты в другой, не производя тщательного анализа условий, при которых развиваются обе страны. Как видит читатель, в этом отношении нужно прежде всего не смешивать земледельческие и промышленные нации. Если Англии удалось свалить производство для нее зерна на другие области, благодаря чему капитализация ее промышленности сопровождалась потерей рабочей силы всего 12,5%, (предполагая, что земледельческий сезон продолжается здесь $\frac{1}{2}$ года), то неудивительно, если капитализм дал этой стране огромное возрастание национального богатства, если он поставил ее на высшую ступень материального могущества. В Америке капитализм связал до $\frac{1}{3}$ национального труда (в действи-

тельности меньше, так как сельскохозяйственный сезон продолжается здесь более полугода) и если она тем не менее процветает, то это благодаря, во-первых, высокому тону, взятому здесь капитализмом (что, в свою очередь, обуславливалось комбинацией многих благоприятных обстоятельств), т.е. огромному росту производительности объединенного капиталом труда; во-вторых, полной свободе для мелкого земледельца занимать и культивировать безграничное пространство покрытой девственной почвой земли; в-третьих, широкому применению машин в сельскохозяйственном производстве. Другая страна, характеризующаяся таким же распределением производительных сил между земледелием и обрабатывающей промышленностью, Ирландия, с низкой производительностью сельскохозяйственного труда, уже не может быть считаемая нацией богатой. Еще меньше надежды сделаться богатой капиталистической нацией имеет Россия. Перестать быть сельскохозяйственной страной она не может, потому что только область сельского хозяйства дает ей надежду успешно конкурировать на международном рынке с другими странами-производительницами, участвовать в международной промышленной организации в качестве экспортера. Поэтому-то лишь в вывозе продуктов сельскохозяйственной деятельности Россия обнаруживает успехи, сколько-нибудь соответствующие ее положению дистанции изрядного размера; вывоз же предметов ее фабрично-заводской выделки составляет ничтожную величину, и по условиям международной конкуренции и образовавшегося на мировом рынке разделения труда, нет ни малейшей надежды на сколько-нибудь отвечающее ее производительным силам возрастание этого вывоза. Правда, вывоз некоторых заводских продуктов у нас растет весьма быстро, Но это обстоятельство не может оказать ни малейшего влияния на промышленный характер страны. Действительно, что выиграла Россия от того, что вывоз ее керосина увеличился в 350 раз и достиг цифры в 50 млн. пудов, когда коли-

чество рабочих, занятых во всей нефтяной промышленности, не превышает 15 — 20 тыс. человек? А ведь успехи международной торговли русским керосином представляют нечто исключительное в истории нашей внешней торговли продуктами фабрично-заводской выделки! Таким образом, насколько будущее доступно предвидению, в международном обмене Россия будет участвовать в качестве земледельческой страны; земледельческий класс будет составлять основу ее рабочего населения; обрабатывающая промышленность будет работать наиглавнейшим образом для удовлетворения запроса земледельцев. При меновом хозяйстве запрос к рынку определяется покупательными средствами спрашивающего, а эти средства даются трудящемуся населению затратай его рабочей силы. При господстве мелкого производства земледелец работает (в поле или мастерской) круглый год; при успешном развитии капиталистической промышленности затрата его живой силы сокращается до $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ года. Соответственно сказанному, запрос земледельческого населения к внутреннему рынку с развитием капиталистической промышленности сокращается до $\frac{2}{3}$ — $\frac{1}{3}$ первоначального размера, причем большая половина этого спроса получит удовлетворение от земледелия же. Имея в виду, что не весь продукт полугодового (в среднем) труда останется в руках крестьянина, так как значительная его часть перейдет в руки казны и частных собственников земли, обрабатываемой им в качестве съемщика или наемного рабочего; что добрую половину своего чистого дохода крестьянин употребит на продовольствие (расход на продовольствие фабричного, т.е. рабочего класса образует около половины его бюджета), производством которого занимается не фабричное население, а земледельческое; что из другой половины дохода, составляющей, вероятно, уже не больше продукта 2 — 3 месячного труда, — которую он назначит на приобретение предметов фабрично-заводской выделки — часть будет затрачена на иностранные фабри-

каты, кои мы должны брать в обмен за вывозимый из России хлеб: соображая все вышеизложенное, мы согласимся с тем, что потребуется очень небольшой контингент рабочих для того, чтобы удовлетворить запрос массы народа на продукты фабрично-заводской выделки. Попробуем дать не совершенно нелепую цифру этого контингента.

По одному из новейших статистических изданий в 50 губерниях Европейской России имеется 15547 тыс. взрослых мужчин крестьянского сословия; из них для обработки всей засеваемой ныне площади необходимо 13482 тыс. чел., а 2075 тыс. или 13,3% являются излишними для хлебопашества и могут быть обращены на другие отрасли промышленности.

По данным того же источника в фабрично-заводской промышленности занято 863,4 тыс. взрослых мужчин; присоединяя сюда около 160 тыс. человек железнодорожных служащих, будем иметь около 1020 тыс. человек рабочих, объединенных капиталом, что составит $\frac{1}{3}$ часть земледельческого мужского населения страны. Но земледельцы отдаются не только хозяйству, а и промыслам, не совершенно еще изъятым из их рук капиталом. Можно даже сказать, что с утратою одних промышленных занятий земледелец изобретает другие и потому, вероятно, никогда не лишится совершенно подсобных промыслов. Но это уже касается сферы некапиталистической эволюции промышленности, которой многие наши писатели не придают серьезного значения. Что же касается собственно капиталистического развития нашей промышленности — результатом его успехов должно быть постепенное прекращение и, наконец, полное уничтожение подсобных к земледелию занятий и ограничение рабочего времени сельского населения земледельческим сезоном. Таков идеал товарной экономической организации, создаваемой капиталом, и остается только подсчитать вероятные результаты его осуществления в нашей стране.

Мы видели, что в настоящее время рабочие-мужчины в крупных предприятиях составляют $\frac{1}{13}$ часть рабочего земледельческого населения. Как возрастает эта доля в случае полной капитализации обрабатывающей промышленности? Возрастет ли она вдвое? А это значит: потеряло ли уже земледельческое население половину подсобных промыслов и теперь ожидает решения судьбы остальной половины их? Может быть и так, судя, напр., по тому, как сократилось домашнее и кустарное ткачество, извоз, бурлачество! Допустим, что это так и примем, что с уничтожением другой половины крестьянских промыслов доля фабрично-заводского населения удвоится. Это вовсе не скупое, принимая во внимание постоянно растущую производительность объединяемого капиталом труда. Таким образом, при совершенном выполнении своей миссии капиталистическая заводско-фабричная промышленность в России будет занимать $\frac{1}{55}$ часть (13,33%) того числа рук, какое занято земледелием, т.е. 86,66% населения останется при земле и будет бездействовать в течение полугода, а это значит, что 43,33% живой рабочей силы страны перейдет в связанное состояние. Взамен этого, 13,33% рабочих будут подчинены капиталистической организации, и происходящим от того возвышением производительности труда должны быть пополнены недочеты национальной продукции. Так как количество связанного труда в $3\frac{1}{4}$ раза превышает количество труда, подчиняющегося капиталу, то для пополнения этого недочета производительность последнего должны быть в $4\frac{1}{4}$ раза выше производительности ремесленного труда.

Итак, увеличение производительности труда как результат развития крупной организации промышленности в капиталистической ее форме не может быть считаемо в полной мере выигрышем для страны, а предполагаемое при этом приращение национального богатства никоим образом не осуществится в действительности в тех размерах, в каких

оно определяется по простому арифметическому подсчету. Некоторая доля этой возросшей производительности — и тем большая, чем менее страна утрачивает земледельческий характер — пойдет на восполнение недочета в национальной продукции, происходящего от связывания живой человеческой силы. Если бы все общества были изолированы друг от друга, то размер растраты национального труда в каждом из них определялся бы внутренними условиями их развития. Но так как культурное развитие цивилизованных наций принимает общечеловеческий характер, в частности, экономические отношения обращаются в международные, причем на этой новой почве, как и внутри страны, они складываются под действием духа индивидуализма и соперничества, то отдельным нациям открывается возможность перенести часть связываемой капитализацией их промышленности силы к своим контрагентам, возложить на этих последних ответственность за недочеты мировой продукции, являющиеся результатом капиталистического направления экономической эволюции. Этого они достигают, беря на себя труд производства для международного рынка предметов фабрично-заводской выделки и предоставляя другим снабжать этот рынок и их самих продуктами сельского хозяйства. Благодаря такому разделению труда, часть земледельческого населения этих промышленных стран вместо того, чтобы оставаться на полугодовом труде при сельском хозяйстве, обращаются в разряд фабрично-заводских рабочих и производят изделия для тех стран, на которые возлагается добывание хлеба и сырья. В этом случае связывание труда вследствие капитализации промышленности в стране А, совершается в стране В, которая таким образом и берет на себя потери, проистекающие от капитализации промышленности как у себя, так и у своих соседей. То или иное разделение участвующих в международном обмене наций на земледельческие и промышленные зависит от многих условий, из числа коих мы укажем на два:

земельные и земледельческие отношения и высота общего культурного развития.

В плодородных только что колонизируемых местностях производство сырья, хотя бы и в обмен на чужие фабрикаты, представляется выгодным, потому что производство ведется здесь выходцами из истощенных земель старых промышленных стран, вооруженными притом производительными средствами, созданными высоким развитием культуры. В этом случае капитализирующаяся страна выселяет часть своих рабочих с полусвязанной силой на новые земли, где, благодаря естественным богатствам — даже оставаясь в полусвязанном состоянии — сила этих рабочих дает происхождение массе продуктов, значительно превышающее эквивалентное им количество предметов земледельческого производства в метрополии. Так как подобные местности заселяются наиболее энергичным элементом старых наций, приносящим с собой готовую культуру, являющуюся передовой культурой цивилизованного мира, и находящим на новой земле наиболее благоприятные условия для свободного национального развития, то, хотя и являясь на свет Божий несколько подчиненными чужой стране, вновь образующиеся нации в то же время становятся в число передовых бойцов цивилизации и приобретают возможность пользоваться всеми доступными в тот момент средствами для облегчения неудобств, приистекающих из их положения в международной торговле в качестве земледельческой стороны, а также выступить на борьбу за освобождение себя от обязательства нести ответственность за грехи не только своего, но и чужого капитализма.

В ином положении находятся страны, вынужденные на земледельческую международную роль своей культурной отсталостью. Благодаря и своей отсталости и своему земледельческому характеру, эти страны постоянно будут находится в хвосте народов с определившимся характером цивилизации. Пока передовые нации мира не пришли к пре-

делу развития, до тех пор на всякий шаг отставших наций по направлению к сближению с ними они ответят новым шагом вперед, отчего расстояние между ними не испытает значительного сокращения. Поэтому борьба за освобождение от служения чужому капитализму на почве обычных приемов этого последнего будет в таких странах оканчиваться неудачно. Для избавления от вредных последствий, являющихся результатом преимущественно земледельческого характера промышленности, этим нациям надлежит разорвать с принципами, на которых покоятся капиталистические отношения, и обратиться к развитию народной формы производства, допускающей сохранение связи промысла с сельским хозяйством.

V

Растрата национального труда при капиталистической организации промышленности не ограничивается вышесказанным. Там мы имели дело с минимумом этой растраты в случаях, когда промышленно развитая нация не сумела сложить на другие страны-производительницы ответственность за развитие у себя капиталистических отношений. Эта растрата обуславливается, как мы видели, естественно-географической обстановкой земледельческой промышленности; она существует несмотря на то, что каждый член общества пристроен к производительному занятию и отдает ему все возможное рабочее время, т.е. что фабрично-заводской рабочий трудится круглый год, а земледельческий — в течение всего сельскохозяйственного сезона. Но капиталистические страны имеют новый источник растраты национальных производительных сил, уже чисто социального характера.

В обществах с народной организацией промышленности каждый человек расходует свою рабочую силу в размерах

имеющихся у него потребностей; и потому все количество произведенных продуктов пойдет на потребление населения. Предполагая, например, что земледельческий сезон продолжается круглый год и что для продовольствия человека достаточен продукт трехмесячного труда, вследствие чего один земледelec может приготовить предметы продовольствия для 4 человек, будем иметь, что в данном обществе земледелием (вернее, производством продовольствия) занимается 25%, а прочими промыслами — 75% населения. Если по существующим потребностям расход на продовольствие составляет $\frac{1}{4}$ часть общего расхода, то каждый будет трудиться круглый год и все произведенное обратит — непосредственно или путем обмена — на собственное потребление. Земледельцы (25% населения) затратят на свое продовольствие $\frac{1}{4}$ произведенного ими продукта, т.е. $6\frac{1}{4}\%$ общей стоимости национального продукта, а пустят в продажу $18\frac{3}{4}\%$. Прочие рабочие по тому же расчету затратят на приобретение продовольствия $75/4\%=18\frac{3}{4}\%$ общей стоимости национального продукта, а на все другие предметы потребления $56\frac{1}{4}\%$. Таким образом, весь запрос рынка выразится спросом на продовольствие в размере: со стороны земледельцев $6\frac{1}{4}\%$, со стороны прочих рабочих $18\frac{3}{4}\%$ общей стоимости национального продукта в сумме в том самом размере (25%), в каком этот предмет производится; спрос на прочие предметы потребления будет: $18\frac{3}{4}\%$ со стороны земледельцев и $56\frac{1}{4}\%$ со стороны остальных рабочих, в сумме 75%, что соответствует произведенной стоимости этих предметов. Тот же результат получился бы и тогда, когда земледельческий сезон продолжается $\frac{1}{2}$ года.

В обоих случаях все количество произведенного страной продукта нашло бы себе потребителей, причем известная часть продукта готового труда в размере, определяемом духовными потребностями производительного класса, была бы изъята из потребления непосредственных производителей

и пошла на содержание непроизводительного населения: врачей, учителей, судей и т.д.

Иначе слагается дело в обществах капиталистических. Та или другая масса предметов, производимых здесь рабочим населением, не находится в зависимости от потребностей последнего и не пойдет целиком на их удовлетворение. Таким образом, не весь продукт готового производства найдет себе помещение среди производителей: часть его, и притом не зависящая от каких-либо соображений о духовных нуждах общества, требующих для их удовлетворения определенной затраты материальных средств, должна искать помещения вне трудящегося населения. А это значит, что кроме предметов потребления необходимого, как в первом случае, необходимо в смысле неизбежности, потому что и произведены-то они для удовлетворения строго определенных потребностей. — в капиталистических обществах существуют еще предметы потребления случайного, не связанного с их производством и потому могущего и не оказаться в размерах, соответствующих массе произведенного товара, а в таком случае следует ожидать сокращения самого производства, т.е. ограничения затраты национального труда. Чтобы судить о том, в каких размерах может происходить это ограничение, сделаем примерные расчеты.

Возьмем общество, где земледельческий сезон продолжается $\frac{1}{2}$ года, форма земледельческого производства народная, а обрабатывающей промышленности — капиталистическая. Пусть норма прибавочной стоимости 100% (что до известной степени соответствует действительности), т.е. заработная плата наемного рабочего равняется половине прибавляемой им к национальному продукту стоимости, и предположим, что трудящийся человек, как это имеет место среди фабрично-заводских рабочих в Западной Европе, половину своего вознаграждения расходует на продовольствие, а другую — на удовлетворение остальных материальных нужд.

Земледельческое население работает $\frac{1}{2}$ года и весь добытый продукт обращает на свое потребление; фабричный рабочий получает заработную плату также в размере стоимости продукта полугодического труда. Оба они половину своего дохода тратят на продовольствие, а половину — на другие предметы потребления. При таких условиях задачи земледельческое население должно составлять 50%, фабрично-заводское столько же. Если бы все население работало круглый год, то общая произведенная им стоимость могла составлять 100% имеющейся в распоряжении общества стоимости — образовательной силы (рабочего времени); но так как 50% земледельческого населения (при полугодическом земледельческом сезоне) производят всего 25% стоимости, то сумма всей произведенной стоимости выразится 75%, а 25% национального труда растрачивается непроизводительно. В каком отношении к произведенному рабочими продукту будет находиться продукт, ими потребляемый?

Земледельческое население производит стоимость в 25%, половину коей, согласно одному из условий задачи, обратит на собственное потребление, а другую вынесет на рынок для обмена на предметы обрабатывающей промышленности. Фабрично-заводские рабочие произведут стоимости в 50%, из которой 25% получают в свою пользу и разделят ее поровну между предметами продовольствия, имеющими быть полученными от земледельцев в обмен на нужные им продукты, и предметами фабрично-заводской выделки. Таким образом, из 75% стоимости национального продукта трудящимися будет потреблено 50% или $\frac{2}{3}$, третья же часть не найдет себе помещения на рабочем рынке, она должна быть потреблена непроизводительными классами. Если последние при данном распределении богатств могут потребить свою общую долю, в таком случае национальное производство будет идти не прерываясь и новая растрата национального труда не будет иметь места. Если же по причине неравномерного

распределения богатства между непроизводительными классами и т.п. часть их общей доли останется непотребленной, то следует ожидать сокращения производства, т. е. ограничения производительного использования национального труда. Это значит, что при указанных условиях вовсе и не будет произведена та масса предметов, которую мы только что подсчитали; что производительная затрата труда не достигнет предположенных нами размеров.

Действительно, если в своей гипотетической организации национального производства мы будем исходить из определенных требований рынка, в таком случае мы найдем производительное занятие далеко не для всего населения. Так, каждый земледелец, как мы знаем, продукт 3-месячного своего труда будет потреблять сам и столько же вынесет на рынок для обмена на прочие предметы потребления. Эти прочие предметы производятся капиталистическими предприятиями, работающими в течение целого года; а это значит, что для удовлетворения запроса одного крестьянина на предметы обрабатывающей промышленности (запроса, выражаемого 3 месяцами труда), достаточно затраты труда одного фабричного рабочего в течение $\frac{1}{4}$ года (3 месяцев), т.е. что один рабочий приготовит массу предметов, удовлетворяющую спрос на продукты обрабатывающей промышленности со стороны четырех земледельцев. Этот фабричный рабочий, получая в виде заработной платы продукт полугодичного труда, в свою очередь, представит спрос на предметы обрабатывающей промышленности в таком размере, для удовлетворения которого требуется работа человека в течение $\frac{1}{4}$ года (3 месяцев). В итоге оказывается, что 4 земледельца предъявляют запрос на продукты обрабатывающей промышленности в размере годового труда одного фабричного рабочего, для которого опять требуется трата промышленного труда в течение $\frac{1}{4}$ Сказанным определяется следующая организация промышленных сил страны, удов-

летворяющая запрос на предметы потребления со стороны трудящейся части населения: из $5\frac{1}{4}$ работающих должно быть 4 земледельца и $\frac{1}{4}$ фабричных или (приводя к целому числу) из 21 человека — 16 земледельцев и 5 фабричных, т.е. земледельческое рабочее население должно составлять 75%, а фабрично-заводское — 25%. Иначе говоря, для удовлетворения спроса на продукты обрабатывающей промышленности со стороны земледельческого населения, работающего в течение полугода, в том случае, когда остальные промыслы подверглись полной капитализации, — достаточно затраты третьей части количества рабочих сил, занятых в сельском хозяйстве. Такое распределение промышленных сил было бы осуществлено в случае, если бы земледельцы могли сбыть весь производимый ими продукт, ибо только продав свой товар они могут купить чужой. И так как количества добываемого 15 земледельцами продовольствия достаточно для прокормления 30 человек, из коих 15 приходится на долю самих земледельцев, то для продажи всего добытого продовольствия, кроме имеющихся занятых 5 фабричных рабочих, требуется еще наличность 10 потребителей. Таким образом, наша нормальная потребительная единица расширяется до 30 человек, из числа коих 15 человек, или 50%, занимаются земледелием, 5 человек, или $16\frac{2}{3}\%$ приготавливают для них и для себя предметы обрабатывающей промышленности, а 10 человек, или $33\frac{1}{3}\%$ всего населения должны состоять из непроизводительных классов и из рабочих, занятых производством для них и для себя предметов потребления, не относящихся к продовольствию, которое уже существует готовым.

Если третий из перечисленных отделов населения, определяемый существованием непроизводительных классов, включает в себе $33\frac{1}{3}\%$ всего населения, то количество затрачиваемого на него национального труда сравнительно значительно больше; вернее говоря, количество националь-

ного труда, потребляемого на содержание первых двух, так сказать, абсолютно производительных групп населения, относительно меньше. Действительно, 50% земледельческого населения, производя продовольствие стоимостью в 25%, сами потребляют его в размере 12,5%, $16\frac{2}{3}\%$ фабричных рабочих, производя (для себя и для земледельческого класса) стоимость в $16\frac{2}{3}\%$, потребляют предметы продовольствия (в размере половины своей заработной платы: равняющейся, в свою очередь, половине произведенной ими стоимости) стоимостью в $4\frac{1}{6}\%$. Итого на содержание рассматриваемых классов издержан национальный труд в размере $12\frac{1}{2}+16\frac{2}{3}+4\frac{1}{6}=33\frac{1}{3}\%$ всего потенциального труда общества. Так как за вычетом 25% рабочей силы, растрчиваемой непроизводительно по причине уничтожения подсобных земледельческих занятий, производительное употребление могло бы быть найдено для 75% общего количества имеющегося национального труда, то на непроизводительные классы и рабочих, приготовляющих средства для их существования, затрачивается $41\frac{2}{3}\%$ ($75-33\frac{1}{3}$) всей национальной рабочей силы. Устраняя 25% рабочей силы, неизбежно теряемой при капиталистической организации промышленности, и имея дело только с тем рабочим временем, какое может быть при этом производительно утилизировано (75%), окажется, что при взятых нами условиях задачи (самостоятельное крестьянское земледелие, полугодовой сельскохозяйственный сезон, капиталистическая обрабатывающая промышленность, норма прибавочной стоимости 100%, распределение бюджета трудящегося населения пополам между продовольствием и остальными предметами потребления) абсолютно производительная затрата национальной трудовой силы составляет 44% имеющегося в распоряжении нации запаса труда, а употребление 56% последнего остается необеспеченным.

VI

Еще менее обеспечено производительное употребление всей рабочей силы общества и более вероятно бесплодная растрата этой силы в случае, если все производство имеет капиталистическую форму. Сделаем же соответствующий расчет, оставляя старые условия задачи, кроме формы земледельческого производства, и предполагая, что, получая в виде заработной платы при норме прибавочной стоимости в 100% стоимость в 3 месяца труда, земледельческий рабочий распределит ее между затратами на продовольствие и на остальные предметы потребления не поровну, как это делает со своей 6-месячной заработной платой фабричный рабочий, а отдавая стоимость в 2 месяца на продовольствие (как более необходимый предмет потребления) и 1 месяц — на прочие предметы потребления.

Каждый земледельческий рабочий, создавая продовольственные средства стоимостью в 6 месяцев и сам потребляя из них 2 месяца, продуктом остальных 4 месяцев может прокормить еще $1\frac{1}{3}$, человека (питающихся лучше его), т.е. для добывания продовольствия для всего общества требуется, чтобы его земледельческое население составляло 43%, а стоимость произведенного им продукта будет составлять 21,5% всего запаса стоимостеобразовательной силы.

Получая в виде заработной платы половину произведенной стоимости, (21,5), т.е. 10,75% общей потенциальной национальной стоимости, земледельческое население $\frac{2}{3}$ ее употребит на продовольствие, а $\frac{1}{3}$ или около 3,6% общей национальной стоимости — на приобретение предметов фабрично-заводской выделки, которой будет занято 3,6% населения; а для этого последнего будет готовить предметы потребления (кроме продовольствия) 1% населения. Таким образом, на производство продовольствия для всей страны и остальных предметов потребления для земледельцев и за-

нятых на них рабочих, потребуется $43+3,6+1=47,6\%$ населения страны. Остальные $52,4\%$ должны принадлежать к непроизводительным классам и к рабочим, приготавливающим для них и для себя все предметы потребления, кроме продовольствия.

Затрата стоимостеобразовательной силы между обоими отделами населения распределяется таким образом. На производство продовольствия для земледельческого населения (43%), производящего стоимость в $21,5\%$ общего запаса национального рабочего времени и потребляющего третью ее часть (каждый земледелец, вырабатывая продовольствие стоимостью в 6 мес., потребляет его на себя в размере стоимости 2 мес.), потребуется затрата $7,2\%$ национального рабочего времени. $4,6\%$ фабричных рабочих, производящих для земледельцев и для себя остальные предметы потребления, потребуют продовольствия стоимостью в $1,15\%$ (половина заработной платы, составляющая половину произведенной стоимости). В итоге на содержание всего земледельческого населения страны и рабочих, производящих для них и для себя предметы фабрично-заводской выделки, необходима затрата $7,2+4,6+1,15=13\%$ общего числа трудовых единиц, находящихся в распоряжении нации. Принимая во внимание, что необходимая растрата национального труда, являющаяся результатом отделения обрабатывающей промышленности от земледельческой, определяется в 21% всего запаса общественной рабочей силы, а производительно утилизировано могло бы быть $78,5\%$, мы видим, что из всей этой возможной затраты пока найдено помещение для 13% всего запаса национального рабочего времени, что составит 17% времени, могущего быть утилизированным производительно, а 83% этого времени останется на непроизводительное население и на тот производительный (т. е. затраченный на производство материальных предметов) труд, который имеет задачей производство для этого населения предметов потребления.

ЗА ОБЩИННЫЕ И АРТЕЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ

КАБЛИЦ Иосиф Иванович
1848 — 1893

В своей главной книге «Основы народничества» (1882 г.), не лишенной некоторой эклектичности воззрений, выступал против ломки вековых устоев русской хозяйственной жизни. Считал западный капитализм выражением регресса человечества, который должен быть преодолен. Каблиц справедливо утверждал, что развитие хозяйственных форм в России гораздо больше зависит от прогресса общественных и нравственных чувств народа, нежели от простого накопления знаний. Общинное владение землей, господствующее в России, гораздо более способствует развитию социально-нравственных инстинктов, нежели изучение каких бы то ни было наук.

Молодое поколение, развиваясь в общинных и артельных порядках, имеет возможность гораздо чаще упражнять свои социально-нравственные инстинкты, нежели это могло быть при господстве индивидуализма.

Исходным историческим пунктом, с которого начал Маркс, был феодально-ремесленный общественный строй. Он доказывает, что этот строй по законам своей внутренней жизни стремится перейти в капиталистический. Всякое общество, основанное на полном индивидуализме и находящееся в периоде ремесленной кооперации труда, закончит капитализмом — вот что говорит теория Маркса.

Находится ли Россия в периоде феодально-ремесленной кооперации труда или в какой-нибудь еще более близкой к капиталистическому производству переходной форме? Нуждается ли русский рабочий люд в той артельности, которую за собой ведет капиталистическое производство? Не достигнет ли он этой артельности (социализации) другим своеобразным путем? Вот вопросы, которые мы обязаны решить, обсуждая приложимость теории Маркса к России.

Мы утверждаем, что тип общественной кооперации труда в России — другой, нежели был на Западе при зарождении капиталистического производства. У нас есть то, что называется «мирским владением»; в «мирском владении» находится главное орудие производства в России — земля. Русский народ не нуждался в капиталистическом кнуте для развития в себе способности сообща владеть орудием производства. «Вообще, — говорит Ю. Самарин, — можно доверять чувству правды в мирах и стремлению в них уравнению тягостей со средствами». Наша история дала нам для развития социальных чувств более целесообразное и вместе с тем только полезное, а не гибельное для многих поколений средство — общину, артель. «Не может быть более сомнения, — говорит г. Соколовский, — что в среде нашего крестьянина существовала с первых дней его жизни и существует теперь совершенная система социально-экономических отношений, принципиально отличная от господствующей у нас (т. е. в высшем сословии) и на западе. «Наши артели древнего типа, — по словам г. Исаева, — не находят соответствующих форм в Западной Европе».

По мнению С. К — на, «общинные порядки жизни, общинные понятия, выработанные до крайней тонкости, составляют главнейшую массу умственных представлений нашего крестьянства или, говоря иначе, общинными тенденциями проникнуто насквозь его мышление, из общинных принципов составляется кодекс его нравственности; общинные ин-

стинкты всасываются у него с молоком матери, а вследствие этого, куда ни занеси его судьба, он проявит везде общинные наклонности». По мнению того же автора, ломка общинных порядков — это «ломка миросозерцания русского крестьянина, его нравственных понятий, наклонностей, инстинктов, одним словом, — склада души его». Можно ли верить, что капиталистическое производство само собою, естественным путем появится среди народа с подобными нравами и привычками?

По мнению Маркса, капиталистическое производство было вполне естественным последствием феодально-ремесленного периода — насилие только ускорило переход из одного состояния в другое. У нас же если и мыслимо царство капитала, так только с помощью насилия; у него нет корней в самой жизни народа. «У нас еще крепка земельная община, — говорит г. Исаев, — у нас она еще способна защитить многочисленные массы от развития пролетариата, у нас еще нередко крестьяне — личные собственники переходят к общинному владению землей. Верный заветным преданиям, наш народ, помимо всякого участия образованного слоя, в десятках и десятках промыслов избирает ту форму труда, в которой всего лучше охраняются самые ценные права человека. Одно слово, один взгляд, один намек — и тысячи наших сограждан соединяются в артели, образованию которых на западе Европы предшествует красноречивая устная и печатная проповедь».

Тут может явиться вопрос: не имеет ли капиталистическое производство почвы в Малороссии, стране, прославившей у нас своим индивидуализмом и участковым владением земель? По нашему мнению, миросозерцание малоросса относительно экономических отношений, долженствующих быть между людьми, мало чем отличается от миросозерцания великоросса. «По общераспространенному крестьянскому воззрению, — говорит г-жа Ефименко, — землю должен

пользоваться лишь тот, кто вкладывает в нее свой труд. Это справедливо как относительно той части крестьянства, которая пользуется своей землей на правах общинного владения, так и той, которая пользуется ею на правах частной собственности». «Крестьяне спокойно смотрят на настоящий прядок вещей, противоречащий их основным воззрениям, тем более спокойно, что они вполне убеждены, что их *summum jus* на землю находится в надежных руках верховной власти, которая ждет лишь удобного момента для осуществления их права». Следствием такого взгляда на поземельную собственность было то, что «убеждение в необходимости или, точнее сказать, в неизбежности всеобщего дележа земель господствует повсеместно, одинаково в общинной Велико-россии, как и в участковой Малороссии. Оно коренится в той особенности крестьянских воззрений на собственность, по которой земля есть мирская да Божья; поэтому не может быть права частной собственности на землю, а может быть лишь право пользования землей, которое дается трудом, в нее вкладываемым. Община ли является в данную минуту владельцем земли или отдельное лицо — все равно: право на землю безусловно связано с трудом, который вкладывается в землю, и раз эта связь порвана, порвано и право». Если принять во внимание, что «существо мирского общинного быта, как говорит князь Васильчиков, заключается в равном праве на землю всех членов общества пропорционально их рабочим силам», то, следовательно, сущность мирского великороссийского владения господствует и в участковой Малороссии. Различие только в форме, а не в сути вещей. Владея землею даже по участковой системе, малороссы необходимо будут приходиться к мысли регулировать свое владение посредством периодических переделов, так как участковое поземельное владение будет постоянно вести к накоплению земли у одних и к обезземелению других, и таким образом нарушать коренные основы их воззрения на социальный строй. Эти

переделы мало-помалу станут обычным делом, и Малороссия будет жить на основании такого же мирского владения землей, как и Великороссия. А так как «земля — основа наших социальных отношений», то в руки капитала не попадет именно «основа» социального строя, и он, следовательно, не сможет заполнить русскую землю, если будет предоставлен своим собственным силам. Что же касается сказанного нами о Малороссии, то все это подтверждается новейшими событиями. Так, например, в последнее время в некоторых уездах Киевской губернии проявилось желание перейти к общинному пользованию землей (...). То же самое, по словам князя Васильчикова, замечено «во многих селениях» Подольской и Волынской губерний. Г. Поругавин сообщает про село Благодатное (Екатеринославской губ. Мариупольского уезда) следующее: «Оно населено крестьянами Гадячского уезда, Полтавской губ., переселившимися сюда в 1842 году. На своей родине эти крестьяне владели землею на правах частной собственности — покупали и продавали ее в вечность. Здесь, в Мариупольском уезде, владели землею на правах захвата 10 лет, потом поделили землю на души. «Что же заставило вас поступить так, произвести такой передел?» — спрашивал я. «Нашли средство. Дали порядок!» — с глубоким сознанием в справедливости произведенных действий отвечали крестьяне».

В Херсонской губернии некоторые малорусские села издавна владеют землей на общинных началах. Исследования г. Лучицкого доказали, что общинное владение землей в Малороссии имеет свою историю и что малорусский крестьянин давно знаком с этой формой — исследователь нашел общинное владение в некоторых местах левобережной Украины. Правда, когда-то благодаря обилию земель общинное владение не было так сильно настоятельно необходимо, как теперь, чем и объясняется его слабое развитие; но при современной земельной тесноте крестьянин все чаще и чаще начинает на-

талкиваться на мысль о необходимости перейти к этой форме владения. История общинного владения на севере, как она изложена г-жою Ефименко, может нам дать ключ к будущей истории этого владения в Малороссии: необходимо, чтобы интеллигенция стала на сторону этого владения, подобно тому, как она сделала это в 30-х годах на севере России, — историческая же почва для этого владения несомненно существует в Малороссии.

Так, например, еще в начале 50-х годов нашего столетия, в Слободской Украине появилось народное движение к общинному владению. «Зародившись в больших центральных пунктах, движение в пользу общинного землевладения, главной формы землевладения Слободской Малороссии настоящего времени, перешло в хутора и, несмотря на увеличившиеся внешние и внутренние препятствия, охватило много селений и хуторов, еще сохранивших старозаимочный личный тип землевладения». «Община продолжает организоваться. Нам известен случай передела частных старозаимочных и крепостных земель в 1881 году в Удах, Харьковского уезда».

Г. Варзер утверждает, что напрасно упрекают малороссов во вражде к артельному началу. Он говорит, что «примеров артельных аренд в Черниговском уезде найдено достаточное количество и, судя по собранным фактам, можно даже сказать, что артельный вид аренды земель преобладает среди казенных и помещичьих крестьян уезда». Так, из 18 случаев крестьянских аренд около 10 случаев представляют «себринные» (товарищеские, артельные) аренды». Крестьяне с Грековки (15 домохозяев), взявши в аренду имение г. К., порешили, что «дележ земли по хозяевам крайне невыгоден по местным условиям; они ввели общественные запашки, совместный сжон, обмолот и дележ готовым зерном и соломой. Так же они поступили и с сенокосами. До 1877 года у них уже прошел год с соблюдением членами артели указанных условий. Практика нисколько не охладила членов, и они находят

свою систему и справедливой, и удобной. По обыкновению совместный труд запашки и скоса не только не представил никаких недоразумений, но даже показался и веселым, и удобным; «як вышли в поле до закурили в десять сох, ставши в ряд, только дым пошов: люди дивуются, а мы за день все отмахали». И даже дележ вымолоченного зерна и скошенного сена, этот слабый пункт во всех совместных предприятиях, у поселян-малороссов («гуртове-чертове»), даже эта операция не вызвала никаких пререканий».

У нас очень часто повторяется мысль, что общинное владение держится только традицией и бессознательной привычкой к ней крестьян. Это мнение, ни на чем не основанное, есть отражение того дворянского презрения к народу, которое господствовало в литературе. Все исследователи народного быта утверждают противное: так, например, г. Кавелин говорит про крестьян, что «кто с ними хоть раз толкувая о праве личной поземельной собственности и общинном землевладении, тот знает, что они их различают очень отчетливо и сознательно». Ал. Л-ш говорит про олонецкого крестьянина, что тот знает цену общине; он понимает все те выгоды, которые вносятся в его трудовую жизнь этою благодарною «формою общеня». П. Соколовский утверждает, что сознательное отношение крестьян к общинному владению доказывается многими фактами. На доводы против общины крестьянин Вологодской губернии Никольского уезда отвечал сравнением общинного владения с крестьянской рукавицей, а частного — с дворянской перчаткой: «В дворянской перчатке у каждого пальчика свой чуланчик, а в мороз они зябнут, в крестьянской рукавице они вместе и друг друга греют».

Толки о земле, споры и перебранки, говорит г. Приклонский, слышатся постоянно, как только соберется кучка крестьян в свободную минуту. Вопрос о сельской общине не менее волнует олонецких крестьян, чем занимает он и наше интеллигентное общество. Крестьяне недовольны сущест-

вующим порядком и ставят вопрос об общине в таком виде: следует ли уничтожить общинное владение или же изменить общинные порядки в таком направлении, чтобы они более согласовывались с принципом справедливости и равенства?

Пока поставленный таким образом вопрос решается, так сказать, теоретическим путем, в частных спорах и беседах, до тех пор, говорит автор, все недовольны существующим порядком, все требуют изменения его в том или другом направлении. Но скоро вопрос переносится на сход, где предстоит практически разрешить его, тогда одна из враждебных партий требует сохранения существующего порядка и тем парализует усилия противной партии, направленные к изменению этого порядка. Например, если одна партия заявляет на сходе о необходимости уничтожить общинное землевладение, то другая партия большинством голосов постановляет оставить землевладение в том же виде, как оно существует ныне. Но вслед за тем партия, требовавшая сохранения существующего порядка землевладения, вносит на сход предложения в смысле более справедливого уравнивания земель между всеми членами общины. Тогда другая партия, недавно требовавшая уничтожения общинного землевладения, становится защитницей существующего порядка и добивается сохранения его на будущее время, так как имеет на своей стороне более $1/3$ голосов. Таким образом, жгучий вопрос об общине откладывается в долгий ящик и продолжает по-прежнему волновать крестьянские общества.

В Харьковской губернии крестьяне относятся крайне недружелюбно к мысли о переходе от общинного владения к подворному, говоря, что это повело бы к окончательному разорению. В некоторых общинах государственных крестьян в семидесятых годах были даже беспорядки, вызвавшие вмешательство военной власти вследствие недоразумений, возникших от нежелания крестьян переходить к подворному владению.

Существует также мнение, будто наша община — это что-то застывшее, не имеющее никакого стремления к развитию. Мы не можем согласиться с этим. История общины ведется с верви, т.е. семейной общины (задруги), которая переходит в общину территориальную, на первый раз в общину-волость (у нас еще и в наши дни существует община-волость, это земля Уральских казаков; земля Донских казаков недавно изменила свое общинно-волостное устройство в общину с пределами, а потом в ныне существующую общину с периодическими пределами. «Если сопоставить, — говорит Мэн, — различные славянские обычаи, то для нас не останется ни малейшего сомнения в том, что естественным развитие семейной общины будет переход ее в сельскую общину. В России он почти повсеместно приняла эту форму». Что переход от верви к территориальной общине-волости был шагом вперед, думаю, об этом говорить нечего; что же касается разложения общины волости на деревенские общины, то г. Соколовский говорит, что «принцип равенства проводится с гораздо большей строгостью по мере перехода от общинно-волостной системы к передельной», т.е. нынешней деревенской общине.

Итак, существующие формы общинного владения не остаются таковыми испокон веков, без всяких изменений и усовершенствований. Г-жа Ефименко доказывает, что северная община даже в тот относительно короткий промежуток времени, который захватывает достоверная история (т. е. приблизительно с XIV века), пережила несколько фазисов. Очень оригинально то обстоятельство, что землевладение севера, теперь исключительно мелкое, крестьянское, когда-то начало свою историю обширными боярскими латифундиями, бывшими результатом завоевания «Двинской земли» Новгородом. Московское завоевание вырвало с корнем боярское землевладение, но зато насадило монастырское, к которому крестьяне относились очень враждебно. Крестьянство

мешало заводиться новым монастырям и пустыням, гнало и преследовало отшельников, оседавших вблизи крестьянских земель. Акты наполнены свидетельствами о постоянной вражде монастырей с окрестным крестьянством. Вражда иногда так обострялась, что монастырь погорал. Достоверная история организации поземельной собственности на севере начинается с господства задружной формы землевладения, известной тут под именем печища. При этом группа родственников сообща ведет обширное хозяйство. Эта форма обширного владения господствовала в новгородский период истории севера. Вне печищ лежала не захваченная под эксплуатацию дикая земля, которая не входила в район никаких общин, а была просто-напросто Божья. Впрочем, бояре уже в новгородский период успели захватить себе куски дикой земли, а позже московские государи старались установить право своей верховной собственности на всю дикую землю.

Вторым фазисом в истории поземельной организации на севере, по словам г-жи Ефименко, является деревня с долевым владением. Она образовалась от разложения печища, т.е. кровного союза, семейной коммуны. Мало-помалу союз родственников замещался союзом «складников», соседей, «сябров», сохраняя, однако же, под собою всецело старую кровную схему. Это не было общинное владение в нынешнем смысле этого слова, так как величина участка каждого деревенского совладельца определялась наследованием, покупкою и т.п. основаниями, не имеющего ничего общего с теми основаниями, которыми теперь определяется право общинника на его долю. Замещая собою кровных родственников и являясь в силу этого обстоятельством представителями какой-нибудь идеальной доли общего деревенского целого, складники естественно могли также требовать передела и уравнивания в своих долях, какого имели права требовать кровные родственники. Обычай передела был так распространен, что надо было особо оговаривать в актах

на приобретение доли деревни о непривлечении к переделу даже вновь расчищаемой после дележа земли. Дело в том, что печище, дробясь и делясь, все-таки продолжало смотреть на себя со стороны земельных отношений как на целое: до дележа — простое, после дележа — сложное. Впрочем, печище почти никогда не делилось вполне; всегда оставалась какая-нибудь неделимая собственность. «Долевая» деревенская организация может быть сочтена за материнскую форму, которая включает в себе в зародыше все существенные черты обеих развившихся из нее форм поземельного владения, как общинной, так и подворно-участковой. Северная деревня развила последнюю сторону и перешла таким образом в третий фазис — подворно-участковое владение индивидуального характера.

Личное землевладение привилось быстро; корни его, говорит г-жа Ефименко, лежали в прошлом. Процесс обезземеления одних и скопления в руках других теперь быстро двинулся; по-видимому, все шло к насаждению того типа сильного крестьянского хозяйства, державшегося на бобылях, захребетниках и казаках, который составляет идеал некоторых русских европейцев. Но вдруг на сцене появляется *dens ex machina* в виде правительства, изменившего свои взгляды на крестьянское землевладение, и все получает иной вид. Землевладение нашего севера вступает в свой четвертый и последний общинный фазис.

Г-жа Ефименко очень далека, однако, от мысли г. Чичерина, что общинная форма землевладения была создана правительством или помещиками. Не говоря уж об априорной несообразности этой мысли, против нее есть и несомненные исторические свидетельства. Автор указывает с настойчивостью на то, что деревня обращалась в общину именно сама собою: нет ни малейшей надобности предполагать участие в этом переходе какого-либо постороннего влияния или вмешательства со стороны помещиков или государства, — ввиду

равенства повинностей крестьяне непременно должны были сами поравнять землю. Но все-таки едва ли можно отрицать, что позже владельцы принимали участие в ее поддержке и распространении, так как общинная форма землевладения вполне совпадала с их выгодами и удобствами. Еще позднее правительство взяло на себя распространение общины. Так, оно ввело общину не только в Архангельской губернии, но, вероятно, и на других северных окраинах, где сохранились государственные крестьяне, оно же вводило ее и на южных окраинах, как показывает пример Харьковской губернии.

Остановится ли прогрессивное развитие общины на современной ее форме или, наоборот, принцип справедливости более и более будет воплощаться в общинных отношениях? Факты дают нам право надеяться на дальнейшее развитие общины.

На севере России в 1863 году происходило наделение крестьян землею. Эти последние «приготовлялись устроить свое хозяйство на самую широкую ногу. Так, например, в огромной Великониколаевской волости более ста деревень согласились иметь общую землю. В одних частях этой волости преобладали луга, в других леса, и они решили между собою, что луговые селения допустят лесные к своим лугам, а лесные взамен того допустят луговые к своим лесам, и таким образом каждый крестьянин будет иметь в своем распоряжении в достаточном количестве все уголья, которые ему нужны. Только русский крестьянин способен делать такие вещи: в целом свете вы не найдете ничего подобного таким широким начинаниям по отношению к земле. Это в высшей степени достойно было поощрения, но, к несчастью, вместо поощрения вызвало противодействие. И тут крестьяне не сошлись во взглядах с исполнителями (чиновниками, распоряжавшимися наделом землею). Эти толковали о зле чересполосности и, ради уничтожения этого будто бы сущего зла толковали о разделении земель между общинами раз и навсегда.

В разных концах России рядом с разделом общинных земель во временное частное пользование появляется и общая обработка земли с разделом добытого продукта. В большинстве случаев это касается сенокосов: крестьяне сообща скашивают сено и потом делят его. Но в наше время стала появляться и общая обработка полей с разделом хлеба, а также и исполнение таких грандиозных предприятий, как осушение болот и превращение их в луга. Разумеется, что это — редкие и исключительные случаи, которые только могут служить вехами для указания того пути, по которому идет развитие нашей общины.

В самой тесной связи с общиной искони стояла артель. Нет сомнения, что артель поможет общине в предстоящей ей реформе, а потому она и должна не менее общины привлекать на себя внимание всех интересующихся развитием нашего общественного организма.(..)

Что касается положения артели в настоящее время, то необходимо признать, что она развилась и распространилась сравнительно с прошлым. Мы говорим об артелях вполне народных, имевших свой корень не в пропаганде известных идей со стороны интеллигенции, а в артельном духе нашего рабочего класса, большею частью воспитываемого деревенской общиной, владеющей землей на общинных началах. Большая артельность русского рабочего класса сравнительно с западноевропейским несомненно поддерживается и развивается общинным владением землею. Вместе с тем надо надеяться, что эта артельность, в свою очередь, выведет русскую сельскохозяйственную промышленность на дорогу вполне самобытного, чисто русского крупного производства с распределением дохода по принципу не капиталистического, а артельного начала. Несомненно, что прогресс сельскохозяйственной промышленности рано или поздно приведет к необходимости дорогостоящих работ осушения и орошения почвы, а также всякого рода крупных машин, для дейс-

твия которых сельской общине придется слить те мелкие дольки земли, на которые она делится теперь. Как бы ни было отдаленно это время. Но нам необходимо помнить, что такова тенденция промышленности, а потому государству и необходимо способствовать внесению в жизнь артельных принципов, чтобы мы могли обойтись без всяких социальных переворотов, тормозящих жизнь западноевропейских народов. Уже и теперь мы встречаем у нас много предвестников артельного крупного производства в сельскохозяйственной промышленности — это вежи, по которым мы можем судить о том направлении, которое старается принять наша народная промышленность. Как бы ни были малочисленны эти факты, они все-таки знаменательны, так как вырастают вполне самобытно на крестьянской почве и никак не могут считаться чем-то навязанным извне. (...)

Земледельческие артели встречаются у нас на севере очень давно; так что г. Исаев утверждает (...) об их исконном существовании. Эти артели повсеместно распространены в Вологодской губернии и известны под именем обчих. Наметил крестьянин участок леса, пригодный для расчистки новины, и приглашает нескольких соседей помочь ему. Заботясь о возможно большей производительности труда, он подбирает себе в товарищи исключительно мужчин в возрасте полной рабочей силы. Члены артели принимаются за работу сообща: они вместе корчуют лес, выжигают пни, сеют, молотят, свозят хлеб в житницу и поровну делят собранную жатву. По окончании работы товарищи расходятся, решая по взаимному соглашению, кто будет в следующие годы пользоваться расчищенной новью.

В последнее время, как мы уже говорили, у нас начинают появляться земледельческие артели по всем концам России; появляются они и в таких местах, население которых прослыло своим индивидуализмом. Так, «в 1863 г. помещик села П., Сорокского уезда, Бессарабской области, узнал, что мес-

тные крестьяне замышляют устроить артель. При помощи этого помещика крестьяне дружно принялись за дело. Поголовным трудом всей деревни были засеяны поля, собрана жатва, совершена молотба; было выстроено артельное гумно. Хлеб был распределен между домохозяевами соответственно с числом рабочих рук, поставленным каждым двором для совместного труда. На 560 руб., вырученных от продажи излишков хлеба, было арендовано несколько десятин и открыта мелочная лавка для торговли предметами, наиболее употребительными в крестьянском быту. В следующие годы на излишки было выстроено училище, общий скотный двор и уплачены все недоимки. Обстановка крестьян заметно улучшилась; приобретение некоторых земледельческих орудий на общий счет подняло уровень сельского хозяйства».

«В 1874 г. в Полтавской губернии группа односельчан составила артель и арендовала участок земли в несколько десятин для совместной обработки. Жатва была распределена по числу рабочих рук, поставленных каждым членом. Успех артели побудил все сельское общество пристать к ней, и вся артель-деревня арендовала 200 десятин».

Насколько наш народ способен приноровлять к своей артельно-общинной жизни улучшенные орудия производства, видно, например, из следующего факта. «Крестьяне некоторых уездов Рязанской губ., в особенности Скопинского, сами делают молотилки. Они берут их с собою вместе с разбирающимся приводом. При молотилках этих путешествует целый комплект рабочих, которые при заподряде производят молотбу. Такие молотилки принадлежат большею частью не одному, а целой артели крестьян, которая обыкновенно и путешествует с ними. Артели таких молотильщиков уже несколько лет и прежде обходили все хозяйства большей части уездов губ. Тамбовской, проходили отсюда в губ. Воронежскую и область Войска Донского. В нынешнем году число таких молотильщиков особенно велико; цены, по ко-

торым они молотят, невелики: обыкновенно 10 коп. с копны. Работы для них находится очень достаточно». Основываясь на подобного рода фактах, мы считаем себя вправе надеяться, что по мере необходимости введения таких машин и орудий, которые не под силу отдельным хозяевам, они найдут себе место в нашей жизни под покровительством артельно-общинных форм ее. Если наш крестьянин, видя необходимость держать быка для своих коров и не будучи в силах завести его для себя отдельно, входит в соглашение с членами своей поземельной общины и заводит быка на общий счет, то нет никакого основания предполагать, чтоб он не завел, даже в настоящее время, например, жатвенную машину на таких же основаниях, если бы это показалось ему выгодным. Это доказывается и тем, что наш крестьянин способен быстро перенимать очень интенсивную сельскохозяйственную культуру, если видит наглядно ее выгоды. Так, например, русские поселенцы в Иссыккульском уезде завели искусственное орошение полей. «Повсюду в долине, — говорит г. Кранов, — введено искусственное орошение полей. Везде по канавкам струится вода, отведенная из горных речек, поочередно затопляются то тот, то другой из четырехугольных участков, засеянных пшеницей, просом, ячменем и другими яровыми хлебами. Орошение полей находим и в Забайкальской области Восточной Сибири. Там «в некоторых селениях, где только была возможность, устроили водопроводные канавы, местами через скалистые горы; устройство этих водопроводов крестьянским обществам стоит значительных затрат одновременно и особо ежегодно; на расчистку употребляют до 10 дней и более всем селением крестьян, которые занимаются посевом хлеба».

В газете «Земство» (1881 г.) сообщали о следующем факте: крестьяне всей Кузьмичевской волости при энергичном содействии г. Кроэра купили имение в 16.000 руб. с уплатою в рассрочку. В имении находится винокуренный завод

и 3 мукомольные мельницы. Крестьянское волостное общество выбрало г. Кроэра распорядителем купленного имения и всех работ, какие будут производиться им по его собственному усмотрению. По плану этого распорядителя ни пахотные, ни сенокосные, ни лесные угодья не должны делиться на отдельные участки, соответственно количеству ревизских душ, а составляют нераздельную собственность всей волостной общины, причем все необходимые работы будут производиться сообща и одновременно всеми наличными работниками, точно так, как производились они прежде по найму управляющего имением. Часть доходов будет откладываться для образования фонда на устройство местной больницы и школы. Крестьяне обязались слушаться своего распорядителя до тех пор, «пока он им понравится». Мы не знаем, чем окончилось прекрасное дело г. Коэра и крестьян Кузьмичевской волости. Первое затруднение — само совершение купчей крепости. Дело в том, что наши нотариальные порядки не допускали до сих пор покупки земли в общинную собственность, а только в общую, что составляет большую разницу. Кроме того, некоторые из местных землевладельцев стараются разрушить это предприятие.

«В Мценском уезде Орловской губернии несколько лет тому назад крестьяне с. Долгого и сельца Меньшикова арендовали у соседнего помещика г. Меньшикова землю целым обществом, причем решили арендуемую землю не делить по дворам, а производить общую запашку и вести все хозяйство сообща. Дело ведется следующим образом: работники должны являться на каждую работу от каждого дома по распределению, сколько придется с каждого пая: убранный с поля хлеб свозится на гумно помещика, обмолоченное зерно ссыпается в амбары имения и затем продается; из вырученной суммы выплачивается аренда, а остаток деньгами или зерном делится по паям. Такой способ аренды и ведения хозяйства оказался крайне выгодным для крестьян. На пай

выручается крестьянами 200 — 300 руб. ежегодно. Несколько лет ведения общего хозяйства оправили крестьян, дали им возможность уплатить все недоимки и долги, обзавестись достаточным количеством скота и т.д. В 1882 г. крестьяне снова арендовали землю на 6 лет на тех же условиях, несмотря на то, что владелец повысил арендную плату на 40%; и при таком возвышении крестьяне остаются в барышах, так как, обзаведшись скотом, они получили возможность лучше обрабатывать и лучше удобрять землю, а стало быть, и получать больше дохода, а также ввиду того, что и при возвышенной аренде земля им достанется на 30 — 40% дешевле, нежели местным крестьянам, арендующим землю в одиночку».

Сколько шуму подняли подобные предприятия в Западной Европе, и так тихо и спокойно возникают они у нас! Наша интеллигенция так привыкла к артельному духу, проявляемому нашим крестьянином, что сделалась непомерно требовательной и готова упрекать этих же крестьян в отсутствии артельности, сравнивая, разумеется, нашу артельность с ее идеалом, а не с артельностью, проявляемую ею самою и западноевропейскими обществами. Между тем, по словам г. Исаева (подтверждаемым всеми знатоками русской жизни, имевшими случай наблюдать и народы других стран), «наш народ имеет столь большую склонность к артели, какая не проявляется у наших западных соседей».

Нам могут заметить, что мы до сих пор говорим только о земледельцах, не упоминаем о промышленном населении, и что, как ни незначительно количество этого последнего сравнительно с первым, но оно должно все больше и больше увеличиваться с развитием экономической жизни. Так как наше промышленное население выходит из тех же деревень, которые, благодаря своему общинному устройству, способствовали сравнительно сильному развитию социальных чувств русского народа, то и это население тоже не нуждается в просветительном влиянии капиталистического кнута. Оно уже

издавна составляло артели во всякого рода промышленных предприятиях. Г-н Соколовский говорит, что русский крестьянин и «во все другие сферы экономической деятельности» внес тот же коллективизм, которым проникнуто его землевание, и что «общинное начало проникло во все отрасли экономической деятельности северно-русского населения. Для какой бы экономической цели ни соединялось несколько человек, они устраивали свои отношения на основании одного и того же принципа — равенства всех участвующих в предприятии». С. К-н говорит о «легкости, с которою составляются у нас многочисленнейшие промышленные и рабочие артели, работающие в лесах и дворцах», и о «стройности их внутренней жизни, не заявляющей себя ни ссорами между собою, ни беспорядками вне». Иногда артели бывают глубоко альтруистичны; для примера укажем на порядки рыболовных артелей в устьях рек Селенги и Верхней Ангары, впадающих с восточной стороны в озеро Байкал. «Артель составляется человек из 30, управление ею и рыболовным судном вверяется самому способному, именуемому «большаком», который никакими особыми привилегиями не пользуется. На ловлю выезжают целыми селениями, все по силе возможности приносят на общее дело свой труд. Каждый член семьи, какого бы возраста и пола он ни был, считается пайщиком. Здесь вы видите в артельном начале труд всей семьи, какой она может выставить, а дележ добычи по р т а м, по едокам. Впрочем, необходимо заметить, что артели с таким характером встречаются нечасто и что общий их тип гораздо ниже только что указанного.

К сожалению, наше законодательство, можно сказать, игнорирует существование артелей. В наших законах, правда, находятся отдельные законоположения о союзах этой формы, но из них можно только убедиться в том, что артель сама по себе нимало не привлекала внимания законодательной власти. Все эти положения об артелях изданы отнюдь не ра-

ди артелей, а в интересах тех лиц или учреждений, которые пользуются артельным трудом. В них не заметно стремление законодателя оградить эту форму труда от внешнего давления и в то же время обнаруживается желание создать такие условия, которые были бы способны обеспечить всех, пользующихся услугами артелей, от ущерба, который они могут им нанести. Среди положений, охраняющих выгоды лиц и учреждений от нанесения им вреда артелями, встречаются иногда и статьи, которые имеют целью оградить важнейшие интересы самих артелей; но эти статьи большею частью неясны и неопределенны, допускают различное и часто несогласное с выгодами артелей толкование, а потому и не могут служить для них оплотом против давления капитала. Необходимо, чтобы наше законодательство совершенно изменило свое отношение к артели. Вместо того, чтобы поддерживать капитал, оно должно помочь артели в ее трудной борьбе с могучим противником. Г. Исаев вполне справедливо настаивает на этой мысли. Он предполагает, чтобы государство посредством артелей удовлетворяло всем своим хозяйственным нуждам. Так, сооружение и отделка казенных зданий, изготовление для войск известных частей одежды, снабжение казенных больниц, учебных заведений и т.д. разными принадлежностями — все это должно быть сдаваемо по преимуществу артелям. Это доставит большие выгоды и самому государству, как видно из опыта нижнетуринской механической артели, приготавливавшей ударные трубки, и екатеринбургской, приготавливавшей лафеты.

(...) Если мы убеждены, что община — развивающийся организм, обобществляющий труд, а следовательно и подготавливающий новые формы экономической жизни, то мы обязаны будем всеми силами поддержать ее в борьбе с надвигающимся на нее капитализмом. Можно предположить, что, несмотря на нашу поддержку, капитализм «слопает» общину; в таком случае нам остается хотя то утешение, что мы

непричастны этому преступлению. Много хорошего погибает на свете в борьбе со злом! Факт победы не дает права признавать победителя за более совершенный организм.

Но где же факты, указывающие на несомненную победу капитализма? В ответ на это обыкновенно указывают на пример Западной Европы. Мы уже говорили о странности ссылок на историю Европы: там, по свидетельству истории, капитализму никогда не приходилось бороться с общиной; победил общину не капитализм, а феодализм, т.е. кулачное право. Посмотрим же, какая судьба постигла капитализм у нас в промышленности, служащей основой нашего богатства, а именно в земледелии. Автор прекрасной статьи «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» говорит следующее: «Так как общинное начало препятствует приложению капитала к земледельческому производству, то в производстве он никакой роли не играет, а выступает на сцену как капитал купеческий только по окончании процесса производства, в качестве разъединителя продукта от производителя». Следовательно, в земледелии роль капитала сужена и говорить о нем как об «обобществителе» труда нелегко. У нас, можно сказать, нет сельско-промышленных хозяйств, которые бы велись на капиталистических началах; наши крупные землевладельцы просто торгуют землей. Отсюда ясно, что никакой борьбы между капиталистической формой сельскохозяйственного производства и общиной не существует. У нас вполне господствует одна форма земледельческого производства — крестьянская. Усилия капитала направлены просто на обезземеливание народа, а не на победу над крестьянской формой производства путем конкуренции более производительной — капиталистической. Обезземеливая народ, наши капиталисты не вводят на этих землях более усовершенствованных культур, а остаются при крестьянской же обработке. А при подобного рода условиях дело общины отнюдь не может считаться проигранным. Все

зависит, можно сказать, от того, как будут вести себя относительно общины правящие классы. На их совести будет лежать ее гибель: они только будут виноваты, если такая дурная трава, как Разуваевы, заглушат общину. Для народа же община является несомненно излюбленной общественной формой, с которой он никак не хочет расстаться, а напротив, совершенствует ее по мере своего умственного и нравственного развития.

Из фактов, приводимых А. С. Ермоловым, можно заключить, что ходячее мнение об отсталости крестьянского хозяйства не имеет под собою никакого фактического основания и может быть отнесено к той же категории, как и то, что крестьяне бедны, потому что пьяницы. Если у нас не видно усовершенствованных систем полеводства, какие мы видим на западе, так только потому, что они пока будут только убыточны. Крестьянское хозяйство, можно сказать, имеет тенденцию идти в уровень с требованиями минуты, но задерживается на своем пути малоземельем и обилием платежей. Не недостаток знаний составляет главную причину той отсталости полеводства, которая проявляется в некоторых местах, а недостаток земли и сельскохозяйственного инвентаря. Это доказывается тем, что богачи из тех же крестьян, т. е. люди, не обладающие большими сельскохозяйственными сведениями, чем вообще крестьяне, ведут в тех же местах более рациональное хозяйство, нежели их малоземельные и бедные соседи. Какое мы имеем основание требовать от крестьянского хозяйства улучшений, истощая вместе с тем это хозяйство налогами и платежами? На основании «Трудов податной комиссии» можно заключить, что платежи бывших помещичьих крестьян по отношению к чистому доходу с их земли выражались 198 $\frac{1}{4}$ %, т. е. не только отдавали весь свой доход с земли, но должны были еще приплачивать почти столько же из сторонних заработков. Главную роль в этих платежах играют «выкупные», т. е. платежи, идущие

в частные руки, а не на общественные потребности. Государство великодушно истощает платежную силу крестьянина в пользу частных лиц и этим самым преграждает путь к расширению собственного бюджета. Но, несмотря на громадные суммы выкупных платежей, доставшихся в руки помещиков, эти последние разоряются и сбывают земли кулакам и торговцам. Если с большой натяжкой можно было утверждать, что помещики способны вести сельскохозяйственную промышленность в лучшем виде, нежели крестьяне, то относительно купцов этого сказать уже никак нельзя. Земли, переходящие из рук помещиков к купцам, для этих последних служат только средством эксплуатации крестьян. Купец, пользуясь их малоземельем, доводит арендную плату за землю до крайних размеров и обыкновенно не ведет никакого хозяйства. В некоторых местах, по преимуществу черноземных степных, купцы делают громадные запашки, но это не есть правильная сельскохозяйственная промышленность, а торговая спекуляция, принимающая вид сельскохозяйственного предприятия.

В то время, когда ученые и неученые экономисты ломают копыя в защиту крупного землевладения как рассадника улучшенных систем полеводства, как пропагандиста разных веялок, молотилок, культиваторов и т.п. прекрасных вещей, говорит г. Варзер, на практике крупных хозяйств почти совсем не существует. Так, например, по сведениям, собранным в 1877 году, «в Черниговском уезде не оказалось ни одного владельческого имения, которое бы вело хозяйство самостоятельно, своими орудиями, скотом и рабочими; в Борзенском уезде, труд дороже и земля состоит главным образом из чернозема, таких имений всего четыре». Обыкновенно хозяйство ведется посредством «скопщины», т.е. земля раздается по кусочкам окружным крестьянам с известной доли урожая с разного рода доплатами деньгами или рабочими днями. «Правда, — говорит г. Варзер, — нельзя считать, чтобы все

имения буквально жили только скопщиной; правда, из этой общей массы выделяется особый тип смешанного характера, в котором система хозяйства будет представлять соединение скопщины с собственными запашками владельцев, но таких имений очень мало и насчет характера их не должно обманываться. В Черниговском уезде подобных имений смешанного типа всего 48 из 175, т.е. менее 1/3, в Борзенском их 44 из 122, т.е. около 1/3 всех и кроме того, все они, несмотря на то, что большинство их принадлежит к числу заботливо управляемых самими владельцами, все-таки держатся главным образом скопщиной». Рабочие дни, добываемые земледельцами путем скопщины и известные в народе под названием «отбучи», «панщины», «басаринки» и т.п., секрет существования бесхозяйственных имений, не имеющих ни рабочих, ни скота. При помощи этих отработок владелец делает все, что ему надо: запахивает свои унавоженные поля, молотит хлеб, унавоживает пашню, возит себе дрова, хворост, заплетает плетни, косит часть сенокосов, расчищает их, убирает огороды, чистит сад, пруд и проч. и проч., словом, выполняет все текущие хозяйственные и нехозяйственные работы». Отбывание рабочих дней в вознаграждение за землю ложится таким тяжелым гнетом на сельский люд, что, по его мнению, басаринок хуже панщины (т. е. барщины при крепостном праве), ибо теперь не одним крестьянам, а всем, и казакам, и казенным (крестьянам) приходится отбывать его.

Ни помещики, ни купцы не являются у нас сельскими хозяевами, способными вести земледельческую промышленность. Ею занимаются почти исключительно крестьяне, и уровень развития земледелия определяется их знаниями и их сельскохозяйственным инвентарем. Крупные землевладельцы и казна, говорит г. Красноперов про Пермский край, непосредственно ведут только лесное хозяйство, прочие же земельные угодья сдают в аренду крестьянам, которые и обрабатывают как эти, так и свои надельные земли. Поэтому,

говоря вообще, сельское хозяйство в крае есть крестьянское. Хотя некоторые частные владельцы имеют и собственные хозяйства, но таковые составляют в общем крайне незначительное исключение. Ввиду этого все существенные нужды сельского хозяйства в крае есть вместе с тем и нужды крестьянского быта.

Отсюда, понятно, вытекает то, что земля только в надежных руках крестьян может явиться орудием сельскохозяйственной промышленности, а не торговли. И помещик, и купец только торгуют землею, — крестьянин занимается земледелием; только он — сельский хозяин. Интересы общества и государства требуют, чтобы земля была в тех руках, в которых она дает наибольший доход, не говоря уже о том, что вообще обеспечение населения землею необходимо с точки зрения общественной солидарности и справедливости. Следует помочь крестьянам приобрести достаточное количество земли, необходимое для ведения самостоятельного хозяйства. Подобная мера не противоречит интересам бывших помещиков, так как все равно земля уплывает из их рук. Пусть же лучше она прямо попадет в руки крестьян, нежели сделается орудием торговли и возвышения вредных и для государства, и для народа кулаков и мироедов.

Необходимо позаботиться, чтобы земля, перешедшая в крестьянские руки, не могла опять попадать к мироедам. Лучшее средство для этого искренняя поддержка общинного владения землею там, где оно начинает прививаться. Еще недавно многие волости Чигиринского и Черкасского уездов Киевской губернии желали ввести у себя общинное владение землей; следовало не препятствовать этому, а помочь. Ведь история мелкой поземельной собственности в Малороссии ясно подтвердила давно установленный экономистами вывод о стремлении этой собственности к окучиванию в одних руках, т.е. к обезземелению мелких собственников и к образованию крупных землевладельцев. Крестьяне прекрасно по-

нимают это свойство мелкой собственности, а потому и недолюбливают ее. Вообще, фактов распространения общинного владения немало; очевидно, сама жизнь выдвигает этот принцип, хотя он и не пользуется до сих пор благосклонностью правящих классов. Наш закон, например, не знает общинного владения; крестьяне-общинники, покупая землю в общинное владение, принуждены совершать купчие крепости на правах товарищества в общую собственность. Покупает, следовательно, не юридическое лицо — община, а отдельные члены ее на правах товарищества. При общинном владении право пользования, владения и распоряжения принадлежит только всему сельскому обществу; а в общей собственности все эти права принадлежат отдельным членам товарищества соответственно их доле, — что, разумеется, составляет громадную разницу. Положим, например, крестьянское общество из 30 хозяев покупает землю в мирскую собственность. В следующем же поколении одно семейство может разрастись и расплодиться, другое же плохо нарождаться и оставаться в том же числе работников. По праву мирского владения земля будет распределяться по равной доле между всеми наличными мужскими душами или работниками. Если же земля будет куплена крестьянами в общую собственность, то члены расплодившегося семейства, хотя бы их было 10 душ, имеют право только на одну тридцатую долю владения, т.е. все вместе получают столько же, сколько одна или две души семейства, плохо нарождавшегося. Следовательно, недопущение крестьян покупать землю в мирскую собственность может самым вредным образом отозваться на их быте, уничтожая в корне всякую возможность равенства в поземельном владении. Только благодаря тому, что крестьяне у нас до сих пор руководствовались не писанными для них законами, а своими обычаями, они и сохранили мирское владение землей. Таким образом, наши законы фактически в корне подрывают общинное землевладение,

хотя это пока мало отражается на действительной жизни, так как крестьяне действуют не на основании нотариальных актов, а по своим обычаям. Но достаточно какому-нибудь кулаку пойти против общества, и он наделает хлопот и замешательств, способных наводить крестьян на мысли о несправедливости закона, что, казалось бы, совсем нежелательно. Необходимо ввести в законодательство понятие общинного владения в том виде, как оно сложилось у народа. Необходимо не только не препятствовать, а способствовать укреплению, распространению и дальнейшему качественному развитию исконной бытовой формы русской жизни. Не о насильственном поддержании общины государством говорим мы, а только об устранении препятствий, стесняющих ее естественный рост и развитие. Для этого же необходимо, чтобы общественное мнение интеллигенции приняло сторону общины. Много ли найдется у нас людей, которые бы знали факт развития нашего общинного владения по пути к большему воплощению принципов равенства и справедливости? А между тем это факт, вполне установленный исследователями нашей общины. Громаднейшее большинство до сих пор придерживается ложного взгляда, заимствованного у западных ученых, не имевших под руками фактов из русской жизни, что наша община — архаическая форма, кристаллизовавшаяся в нечто неподвижное, не способное к развитию, а, следовательно, долженствующее погибнуть. Это большинство знать не хочет результатов, добытых русскими исследователями, придерживаясь своих заскоруждлых мнений и не принимая во внимание, как необходима бдительная осторожность в подобных приговорах, имеющих сильное влияние на ход народной жизни путем давления общественного мнения интеллигенции на законодательство.

Все сказанное нами выше можно резюмировать так: Россия — страна земледельческой промышленности. В этой же промышленности капиталистическое производство пока со-

вершенно неприложимо, а потому и не существует никакой экономической конкуренции между капитализмом и общиной. Общину подрывает не конкуренция более производительной капиталистической формы продукции, а усилия разных хищников захватить основу этой общины — землю — в свои руки просто для торговли ею, т.е. с целью выжимать с крестьян наибольшую арендную плату. При этом производительность земледелия не повышается, а падает, хотя и незначительно. Происходит же это от обеднения народа, занимающегося сельскохозяйственной промышленностью, а обеднение является результатом тягостных платежей и малоземелья. Государство при этом только теряет, так как и земельная теснота, и львиная доля платежей идут в пользу частных лиц, а не государства. Понижение же земледельческой продукции, происшедшей, как мы уже говорили, от обеднения людей, занимающихся сельскохозяйственной промышленностью, не может не отразиться на государственном бюджете. Пора уже государству отделить свои интересы от интересов частных лиц и руководствоваться в своих действиях исключительно общенародной пользой, так как только эта последняя составляет вместе с тем и пользу государства. Разрушение общины — необходимое условие для введения господства капитализма в России; поэтому государство должно поддержать общину в ее борьбе с кулаками, мироедами и другими подобными же хищниками, подготавливающими почву для капитализма обезземеливанием народа.

«Социологи пришли к тому заключению, — говорит Уоллес, — что пролетариат западноевропейских государств образовался преимущественно вследствие того, что крестьяне и мелкие землевладельцы лишаются земли, и что предупредить или по крайней мере замедлить его развитие можно какой-нибудь системой законодательства, которая обеспечила бы владение землей за крестьянами и не допускала бы обезземеливания их. Теперь я могу утвердительно сказать,

что ни одно учреждение в мире не достигает так этой цели, как русская общинная система. В настоящую минуту около половины всей пахотной земли империи вследствие общинной системы владения не может быть приобретена крупными землевладельцами или капиталистами, и каждый крестьянин, самым фактом своего появления на свет, приобретает совершенно неприкосновенное право на долю в земле. Если бы Россия оставалась чисто земледельческой страной, то сельская община, по всей вероятности, предупредила бы образование пролетариата на будущее время, как предупреждала его целыми веками в прошлом. Периодический раздел общинной земли обеспечил бы за каждым человеком частичку земли, и если бы население стало слишком густо, то бедствие, могущее произойти от слишком мелкого деления земли, могло бы быть устранено правильным выселением в отдаленные малонаселенные губернии. Но Россия надеется сделаться великой промышленной и торговой страной, и ее городское население быстро увеличивается; следовательно, вопрос осложняется, и надо разобрать влияние нового фактора — капиталистического производства».

Что касается влияния капиталистического производства на общину, то по этому поводу Уоллес говорит следующее: «Хотя можно положительно сказать, что рано или поздно община подвергнется сильным изменениям, но трудно предсказать, какие формы оно окончательно примет. Может быть все особенности ее исчезнут, и от нее останется только местное самоуправление; но, с другой стороны, она, может быть, сама преобразуется в силу новейших требований, не теряя своего настоящего основного характера. Легкость, с какой она до сих пор применялась к обстоятельствам, и высказанная ею сильная живучесть, по-видимому, оправдывают эти ожидания; но высказывать уверенность еще слишком рано. Только время разрешит эту задачу». Разумеется, время тут ни при чем, — все зависит от той или другой внутренней

политики России. Нельзя упускать из виду громадную разницу, которая должна проявиться в положении нашего пролетария сравнительно с западноевропейским благодаря общинному владению землею. Если предположить, что наше крестьянство осуществит при помощи правительственного или земского кредита свои исконные стремления владеть таким количеством земли, какое оно может обработать, и будет владеть ею на общинных началах, то положение городского пролетария должно быстро измениться. Достаточное крестьянство поднимет спрос на фабричные произведения, туго поддаваясь вместе с тем прелестям фабричного труда. Так как громадное большинство народонаселения будет иметь возможность удовлетворять своим потребностям, оставаясь независимыми хозяевами, то, понятно, капиталист должен будет ставить своих рабочих в такое положение, которое будет, во всяком случае, лучше, а не хуже крестьянского, ибо только тогда он найдет охотников расстаться с деревенской жизнью. Положение рабочего должно улучшиться не только в материальном, но и в нравственном отношении соотнositельно с улучшением нравственного положения крестьянства. Так, например, улучшение быта крестьянина отразится непременно на количестве рабочих часов уменьшением их, а следовательно, увеличением досуга, который может быть посвящен удовлетворению духовных потребностей. То же самое должно произойти и на фабрике.

Итак, положение пролетария благодаря общинному владению землей, закрепляющему землю за крестьянством, будет определяться материальным и нравственным положением независимого и достаточного крестьянства, чего на западе мы совершенно не видим. Кроме того, мы имеем право надеяться, что благодаря нравственной дисциплине общины, воспитывающей пока будущих фабричных и заводских рабочих, настолько укрепятся в них артельные чувства, что идея артельного производства может быстро распространиться

между ними и общинные принципы завоюют таким образом враждебную им область. Следовательно, рабочий вопрос, грозящий Западной Европе многими бедствиями, может быть разрешен у нас мирно и спокойно. Недаром дальнозоркие защитники мирного и спокойного прогресса обратили внимание на русскую общину. Так, например, известный публицист Лавеле говорит:

«Рискуя прослыть реакционером, я не колеблюсь сказать, что некогда существовали двоякого рода учреждения, которые следовало бы сохранить и усовершенствовать: общинная автономия и общинная собственность. Государственные деятели постарались сократить первую, экономисты приложили усилия к исчезновению второй: ошибка огромная, которая помешает повсюду установиться прочным общественным учреждениям, если не будет исправлена». «Если Сербия, едва освобожденная, прекрасно осваивается с порядком почти республиканским и с системою самоуправления, которые с трудом вынесли бы многие западноевропейские государства, то это лишь благодаря навыку, приобретенному сербами среди общин, — усваивать себе качества, необходимые для свободы и самоуправления». Если таково действие на народный характер сербских задруг, то нет сомнения, что русская деревенская община действует в этом отношении еще энергичнее и шире.

Мы считаем вполне справедливыми слова, сказанные много лет назад: «Общинное владение ближе других форм собственности подходит к идеалу поземельной собственности».

До сих пор мы говорили о внутренних условиях русской жизни, дающих право утверждать, что капиталистическое производство не есть необходимая ступень дальнейшего развития нашей экономической жизни. Г. В. В. в книге своей «Судьбы капитализма в России» указывает, что внешние условия тоже не только не благоприятствуют, но задерживают развитие капитализма у нас. Мы вправе поэтому ска-

зять, что капитализму препятствуют развиваться на русской почве как внутренние, так и внешние условия нашей жизни. Автор только что упомянутого нами исследования указывает, что международные экономические отношения не только не поощряют развития капиталистического производства в России, как думали прежде, а, наоборот, стесняют его. Историческая особенность нашей крупной промышленности заключается в том, что ей приходится расти в то время, когда другие страны достигли уже высокой степени развития. Ей приходится, таким образом, конкурировать с этими давно установившимися в промышленном отношении странами, а соперничество таких противников совершенно заглушает слабые ростки возникающего у нас капитализма.

Развитие капиталистического производства ведет за собою увеличение производительности труда; но это увеличение вместо того, чтобы найти себе правильный исход в облегчении рабочего, в создании ему досуга для развития и удовлетворения его умственных и нравственных потребностей, целиком тратится на возрастание производства, т. е. на увеличение количества продуктов. При этом совершенно естественно является избыток продуктов для внутреннего употребления и необходимость во внешнем рынке. Параллельно с развитием капиталистического производства на западе идет и погоня за рынком; вся внешняя политика Англии была ничем иным, как жаждой рынка, а с течением времени на тот же путь международной политики вступают и другие цивилизованные страны. Имея в виду тенденцию капиталистического производства к безмерному возрастанию, г. В. В. утверждает, что, чем позднее начнет какая-либо страна развиваться в промышленном отношении, тем труднее завершить ей это развитие капиталистическим путем. Ей необходимо придется при этом вступить в борьбу за рынки с такими опытными и могучими противниками, как Англия и Америка, имеющими над нею преимущество во всех отношениях.

Но как бы ни кончилась борьба, кто бы ни остался победителем, во всяком случае, здесь должен быть и побежденный: рынка для всех не достанет, т.е. победа капитала одной страны служит препятствием развитию капиталистического производства в другой. Таким образом, само собой падает предложение о необходимости для каждой страны достигать развития обобщественной формы труда непременно капиталистическим путем. Вновь возникающий капитализм может добиться лишь устранения иностранных товаров с внутреннего рынка и, самое большое, побить внутреннее мелкое производство. Но если только крупное капиталистическое производство охватит все области внутреннего труда, то оно грозит лишить все население самостоятельного хозяйства и вместе с тем будет не в состоянии дать ему взамен работу на фабрике, заставляя его, следовательно, эмигрировать.

Если применить к России, говорит В.В., те заключения, которые выше мы сделали относительно стран, поздно выступивших на сцену истории, то мы должны признать, что границы расширению ее крупного производства даны заранее определенным (внутренним) рынком, вследствие чего свободному полету капитализма положены у нас довольно тесные пределы; во-вторых, что расширяться наше крупное производство будет не столько в ширину, сколько, так сказать, вглубь, т.е. не столько охватывая все большее число рабочих, сколько увеличивая производительность труда уже занятых (вводя новые машины). Эти два условия, которыми ограничивается поле распространения капитализма в России, совершенно изменяют для нас его историческое значение.

Доводы г. В.В. имеют некоторое значение при обсуждении вопроса о вероятной будущности нашей экономической жизни. К сожалению наш автор, увлекшись значением внешних условий, стесняющих капитализм, вполне игнорирует внутренние условия, в действительности имеющие никак не меньше, а скорее больше значения, нежели вне-

шние. Не будь этих внутренних условий, побуждающих нас и дающих нам внутреннюю силу идти самобытным путем экономического развития, то внешние стеснения для капиталистического производства не давали бы права надеяться, что мы пойдем по пути усовершенствования нынешнего мирского владения землею. Доказательства существования внешних неблагоприятных условий для развития капитализма, будучи оторваны от тех указаний, что условия нашей внутренней жизни толкают нас идти своеобразным, а не европейским путем, — могут привести только к заключению, что мы, не имея возможности вступить в капиталистическую форму производства, будем отставать от западных народов в обобществлении труда, а следовательно, и самое стеснение капитализма должно читаться в числе неблагоприятных условий нашей жизни. В самом деле, если русская экономическая жизнь только тем и отличается от западноевропейской, что мы позднее выступили на поприще развития капитализма, а потому, как запоздавшие, терпим стеснения при необходимом переходе в эту форму производства, то это никак не может считаться благоприятным условием русской жизни. Марксист, считая капитализм необходимой ступенью развития экономической жизни всех народов, должен быть опечален подобным явлением, так как это ведет за собою стеснение полного обобществления труда, а следовательно, не приближает, а отдаляет падение капиталистического производства перед той будущей формой труда, которая есть результат саморазвития и саморазложения капитализма. Очевидно, что г. В. В., указывая на внешние, стесняющие капитализм условия и вместе с тем радуясь подобному явлению, должен был бессознательно (говорим «бессознательно» потому, что наш автор игнорирует значение внутренних условий нашей экономической самобытности) признавать особенности нашей экономической жизни, которые дают нам возможность идти самобытным путем, — он опасался только того,

что внешние условия окажутся сильнее внутренних и заставят насильно свернуть нас на дорогу капитализма; поэтому он и радуется, что исследование экономических явлений нашей жизни доказывает, что развитие капитализма стесняется внешними условиями.

В заключение мы считаем себя вправе сказать, что в настоящее время русский марксизм можно считать «разбитым наголову», поскольку, разумеется, он зависит от недомыслия и незнания, а не от кулацко-сословного эгоизма. Этот последний еще долго будет носиться с теорией Маркса, хотя сам автор ее заявил, что к России его теория общественно-экономических фаз прогресса неприменима.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: БОГАТСТВО И КАПИТАЛ, ОБЩИНА И АРТЕЛЬ

МЕНДЕЛЕЕВ Дмитрий Иванович
1834 — 1907

Великий русский ученый, создатель периодической системы химических элементов, Д. И. Менделеев был выдающимся экономистом, обосновавшим главные направления хозяйственного развития России. «Русские, — писал ученый, — готовятся стать народом передовым, владыками природы и истории, а не их рабами».

Менделеев выступал горячим сторонником протекционизма и хозяйственной самостоятельности России. В своих работах «Письма о заводах». «Толковый тариф...» Менделеев стоял на позициях защиты русской промышленности от конкуренции со стороны западных стран, связывая развитие промышленности России с общей таможенной политикой. Ученый отмечал несправедливость экономического порядка, позволяющего странам, осуществляющим переработку сырья, пожинать плоды труда работников стран — поставщиков сырья. Этот порядок, по его мнению, «имущему отдаст весь перевес над неимущим».

Будущее русской промышленности Менделеев видел в развитии общинного и артельного духа. Конкретно он предлагал реформировать русскую общину так, чтобы она летом вела земледельческую работу, а зимой — фабрично-заводскую на своей общинной фабрике. Внутри отдельных заводов и фабрик предлагалось развивать артельную организа-

цию труда. Фабрика или завод при каждой общине — «вот что одно может сделать русский народ богатым, трудолюбивым и образованным».

Богатство и капитал Менделеев считал функцией труда. «Богатство и капитал, — записывал он для себя, — равно труду, опыту, бережливости, равно началу нравственному, а не чисто экономическому». Состояние без труда может быть нравственно, если только получено по наследству. Капиталом, по мнению Менделеева, является только та часть богатства, которая обращена на промышленность и производство, но не на спекуляцию и перепродажу. Выступая против паразитического спекулятивного капитала, Менделеев считал, что его можно избежать в условиях общины, артели и кооперации.

Ближайшим русским идеалом, отвечающим наибольшему благосостоянию народа, по мнению моему должно считать общину, согласно — под руководством лучших и образованнейших сочленов — ведущую летом земледельческую работу, а зимой фабрично-заводскую на своей общинной фабрике или на своем общественном руднике. Богатство народа, без сомнения, зависит от количества его производительного труда. А что же полезное станет делать крестьянин в долгие наши зимы, если у него не будет промышленного заработка? Кустарное дело, т.е. работа дома, своею семьею, может держаться только до развития фабрично-заводских дел, а потому я смотрю на кустарную работу только как на подготовку к фабрично-заводским делам, которые, как показывают акционерные предприятия, могут вестись на складочный капитал, и если он будет, хотя отчасти, от тех же крестьян (этого-то мы дождемся, судя по росту крестьянского капитала в сохранных кассах), то дело может у нас устроиться так, как трудно его осуществить где-либо в иной стране. Начала тому должно ждать от развития общинного травосеяния,

что ныне стало на очередь в деятельности передовых земств. Фабрика или завод около каждой почти деревни, в каждой почти помещичьей усадьбе — вот что одно может, по моему крайнему разумению, сделать русский народ богатым, трудолюбивым и образованным. И к постепенному достижению этого идеала я не вижу ни одного существенного препятствия ни в быте народном, ни в общих русских условиях, если не считаться с некоторыми предрассудками и с общею русскою неподготовленностью к промышленности, отчасти определяемую тем направлением, которое донныне господствовало в нашем учебном деле. «...»

Общинное крестьянское землевладение, господствующее в России, включает в себе начала, могущие в будущем иметь большое экономическое значение, так как общинники могут, при известных условиях, вести крупное хозяйство, допускающее множество улучшений, начиная с травосеяния, а потому я считаю весьма важным сохранение крестьянской общины, которая со временем, когда образование и накопление капиталов прибудут, может тем же общинным началом воспользоваться и для устройства (особенно для зимнего периода) своих заводов и фабрик. Вообще, в общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыши возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение, так как, по моему мнению, после известного периода предварительного роста скорее и легче совершать все крупные улучшения исходя из исторически крепкого общинного начала, чем идя от развитого капитализма к началу общественному. Весь вопрос здесь сводится к развитию образования и общего народного богатства, дающего капиталы, совершенно необходимые для развития промышленного быта.

Богатство и капитал

Все материальное, чем пользуются люди, ведя свое начало от «земли» или природы, неизбежно содержит то или иное количество труда (например, малое при сборе готовых плодов или большое при пользовании фабрично-заводскими товарами), так что истинными производителями полезностей должно считать только «землю» и «труд». Но оба эти фактора, усложняясь с развитием общественных отношений, дали два новых и сильных двигателя всей современной промышленной деятельности: прикладное знание и капитал, которые отличают промышленность развитую от начальной, свойственной человеку в его «диком» состоянии. Они образуются только при благоустроенном, государственном сложении общества и берут начало от природных свойств людских: любознательности и бережливости, дающих сперва абстрактные науки и материальные богатства, не имеющие вначале никакого отношения к промышленной деятельности, а лишь затем, мало-помалу, направляющиеся в сторону пользы и производительности. Те пути и способы, которыми капиталы и знания служат к материально-промышленному развитию, составляют предмет изложения дальнейших параграфов, причем считаю полезным начать с капиталов.

Но как прикладные познания немислимы без абстрактных (общих, теоретических), так капиталы — без богатств, потому что первые суть только части или производные от вторых. Как расчет сил, действующих в промышленном сооружении или машине, неизбежно требует суммы твердых познаний, накопленных в математике, механике, оптике и химии, чтобы стать сознательным, ясным, полным и верным, так капитал требует суммы прочных богатств, накопленных трудом, существовавшим ранее промышленного применения капиталов, которые составляют долю богатств,

назначаемую для того или иного вида вспомоществования трудовому производству. Поэтому для понимания роли капитала сперва следует рассмотреть богатство и его отношение к труду и собственности.

Не только животные (от растений и других животных), но даже растения (из воды, воздуха, почвы) собирают и вырабатывают себе от окружающей природы вещества, назначаемые или для непосредственного использования, или для запаса. В отложенном подкожном сале домашних животных или хотя бы в картофельных клубнях, особенно в пчелином меде — последнее совершенно очевидно. Поэтому соби́рание людьми всяких запасов того, что считается надобным, полезным или просто интересным и приятным, — совершенно естественно и всегда существовало. К этому должно прибавить всю совокупность того, что производится для более или менее продолжительного пользования, как то: жилища, одежду, приборы всякого рода, дороги, улучшения почвы, экипажи, домашних животных, плодовые деревья и многое тому подобное, составляющее *имущество* или *собственность* личную или общую, т.е. принадлежащую совокупности лиц (общине, городу, компании и т.д.), или же общегосударственную. Земля есть первообраз такого имущества, а вся его совокупность составляет *богатство*. По обычаю, укрепленному законами, землю и здания с их принадлежностями (например, с деревьями, водами, оградами и т.п.) отличают как «недвижимое имущество» от всего прочего, образующего «движимость», в числе которой — при переводе на деньги — отличаются, между прочим, видами ценностей: наличные деньги, бумаги, легко по курсу в них превращаемые, долговые обязательства, получение по которым более или менее вероятно, товары в готовом виде (запасы всякого рода), промышленные приспособления, домашняя обстановка и предметы, имеющие лишь семейное значение, за вычетом долговых обязательств, подлежащих уплате. Такой всем известный счет богатства

отдельных лиц, лишь немного изменяющийся при счете «богатства народного» (так, например, долговые обязательства и бумаги, отвечающие внутренним оборотам и соответствующие реальным ценностям, при этом, очевидно, исчезнут, так как взойдут с плюсом и минусом), прямо указывает на происхождение богатств как современных остатков от трудового заработка, главная часть которого, говоря про массы, назначается на текущие надобности, т.е. на истребление или потребление быстрое, как например для пищи или развлечений, или же медленное, как например для одежды, книг и т.п. Все производимое промышленностью, таким образом, поступает или в потребление, или в запасы, т.е. богатство. И если бы производство равнялось потреблению, богатство исчезло бы очень быстро, так как все его части более или менее недолговечны, не исключая земли, которая все же малопомалу истощается и постепенно приходит в негодность для прямой производительности, как дома от жилья, как дороги от езды или как инструменты от стирания, а одежда от изнашивания. Следовательно, для образования богатства неизбежно необходимо производить в данный период времени более, чем в то же время потребляется из произведенного и естественно уменьшается из имеющегося богатства. А так как только тогда, когда есть запасы или богатства, жизнь можно считать обеспеченною от всякого рода случайностей, то большее или меньшее богатство людям и народам совершенно необходимо, и обеспеченность всего быта возрастает вместе с богатством и вместе с увеличением производства.

Промышленность во всех ее формах назначается именно для увеличения производительности при данном количестве затрачиваемого на это труда и при данном количестве «земли» или вообще природных сил, направленных в сторону производства полезностей. Уже по этой одной причине богатство прямо и тесно связано с промышленностью¹. Но есть

¹ Если речь — о народах и если нет грабежа.

между ними связь иного рода, до некоторой степени обратная с вышеуказанною и зависящая от того, что промышленность может развиваться не иначе как после продолжительной подготовки средств производства, прямо не пригодных для потребления, например, металлов, орудий, всякого сырья, зданий, назначаемых не для жилья, а исключительно для производства, и т.п. Эти средства, необходимые для промышленных производств, составляют, однако, сами по себе продукты природы («земли») и труда, не пошедшие в потребление, а составляющие своего рода запас, т.е. богатство. Следовательно, для роста самой промышленности требуется уже некоторый запас богатства. Та часть богатства, которая обращена на промышленность и производство, носит название *капитала*. Поэтому капитал, требуемый промышленностью, входя в состав богатства, есть произведение «земли» и труда и вместе с ними обуславливает существование и возможность промышленности. Истинный смысл этой на первый раз неясной, но тесной зависимости между промышленностью и капиталом должно искать в том, что промышленность данного времени есть произведение промышленности, ранее существовавшей, питающейся «землею» и трудом, как дети составляют в известном смысле произведение своих родителей. Иными словами это значит, что у промышленности есть свои органические или исторические отношения и связи, выражаемые капиталом, начало которым дают «земля» и труд, направленные на получение полезностей. Современная промышленность (не говоря о знании) есть дитя прошлой, и связь их — в капитале. Отсюда вытекает пресловутая формула экономической науки: *во всяком промышленном производстве участвуют: «земля»* (природа с ее веществами и силами), *капитал* (часть имеющегося богатства или остатки прежнего производства, обращенные на производительность) и *труд* (физические и духовные усилия людей, определяемые их желанием, волей и взаимностью отношений).

Так как промышленные явления нельзя понимать без выяснения роли капитала, по этому предмету в «Учении о промышленности» должно отвести надлежащее место, и мы теперь обратимся к нему.

Но прежде, чем рассмотреть какие-либо стороны капитала, мне кажется совершенно необходимым остановиться на тех причинах, которые всюду в мире заставляют людей признавать справедливым интерес, или процент, или рост на затраченные или отданные в какое-либо дело капиталы, так как на первый раз такой обычай кажется лишенным основательности и даже представляется иногда до того чуждым нравственным начал, что противу роста капитала не раз являлись законы, существовавшие или недавно, или лишь на бумаге. Сущность понимания явления затрудняется еще, тем обстоятельством, что капитал есть труд, вещественно выраженный в том или ином виде, примененный к новому виду трудового же производства, и обладает, как всякое богатство, свойством постепенно уничтожаться или превращаться из полезной формы в бесполезную (машины портятся, земля истощается и т.п.), а потому все, что можно было бы, казалось бы, требовать при затрате капитала или при его ссуде, то разве только его возврата в целости, без всякой убыли, но и без прироста. Некоторое уяснение явления наступает, однако, уже тогда, когда обратят внимание на разность заработной и продажной платы, совершенно ясной при различии предпринимателя от работника. Так, подрядчик не стал бы хлопотать о производстве работы артелью нанятых им рабочих, если бы не имел от того своих выгод и получал бы только то, что ему уплачивается, потому что тогда его «труд», риск и хлопоты ничем бы не оплачивались. Когда рабочий сам соединяет в себе предпринимателя и исполнителя, он стремится получить не только рабочую плату но и свою избыточную выгоду, зная, что продажа не всегда бывает и запас нужен, а потому при такой самостоятельности рабочий чаще

может разжиться, чем при работе на подрядчика или при получении одной заработной платы, но при неудаче своих оборотов — у него немало риска остаться ни при чем.

Капитал, участвующий в данном производстве, играет сам по себе роль предпринимателя, а потому ему приличны и выгоды предпринимателя, так как без него трудов потратилось не больше, как без рубанка и струга, т.е. без своего рода капитала, для сглаживания досок. Такое понимание прибыли на капитал (Бастиа, Сэ и др.), согласуясь с явлениями окружающей жизни, однако, мне кажется недостаточным для объяснения причины процента на затраченный капитал, а только сводит проценты на капитал к ряду других, более понятных явлений. Более полное понимание причины процента на капитал представляют те экономисты (особенно Джорж), которые исходят из того, что первые виды промышленных дел состоят в разведении растений и животных, составляющих первейшую форму капиталов, но в то же время обладающих естественною способностью к приросту, чем и объясняется рост капиталов, которые всегда можно представить выменянными на растения или животных. Заимодавец имеет овец, это его капитал, и некто, берущий у него на год определенное число овец, естественно, готов уплатить ему через год не только то же число овец, но и часть их прироста, т.е. возратить с процентом, потому что сам за свои хлопоты и свои риски получит не только шерсть со всех овец, но и остальную часть их приплода, так как без получения займы стада овец — у него не было бы выгодного занятия, а с остатком приплода ему есть возможность самому обзавестись овцами, т.е. сделаться капиталистом и стать в обеспеченное положение, которого он ищет. Сущность дела не изменится, когда вместо овец подставим плодовые деревья, ткацкую машину или дом, а так как все это должно переводиться на деньги, то и деньги, как капитал, должны дать прирост их собственнику точно так же, как овцы. Прибавлю со сво-

ей стороны, что отдача кому бы то ни было — даже при проценте — и прямо своему предприятию овец ли, или денег всегда должна сопровождаться риском, боязнью потери нажитого богатства, если оно вложено в производство, т.е. стало капиталом: дом может сгореть, стадо овец истребится болезнями, торговля сопровождаться воровством, убытками или неудачей, завод или фабрика может не сбыть своих товаров или не достать сырья и т.п. Все знают и всякий слышит про массу подобных явлений, и можно сказать безошибочно, что на 20 — 40 однородных предприятий в наше время хоть одно да окажется неудавшимся, т.е. сопряженным с потерями. Были, скажем, у кого-нибудь деньги, например, в виде золота, и лежали так хорошо, что об утрате не могло быть и речи. Это богатство, оно не растет, но сохраняется на случай, для передачи в виде запаса детям, для затрат единовременных, когда в них может быть надобность. Но приходит некто и просит дать ему это золото, так как ему надо для его предприятия или просто для его жизни затратить это золото. Возврат золота обещается через определенный срок (если этого нет, дело сводится прямо на трату богатства, и хотя она морально часто может оправдываться, но явления «экономического», очевидно, уже не составляет), и пусть нравственная уверенность в этом будет очень велика, все же в действительности были, есть и всегда будут случаи пропажи от неудачи ли, от смерти ли или от чего иного. Тогда богатство пропало, охота ссужать убавляться должна и промышленное применение богатств должно сильно падать, а с ним и развитие всей жизни, основанной на постоянном росте видов промышленности ради прибыли народонаселения, необходимости ему новых промышленных заработков и ради возрастания размера трудовых заработков. Вот, видя все это, люди молча, судя по опыту, и согласились считать разумным и для общего блага полезным давать капиталу его определенный процент, чтобы, во-первых, по возможности обеспечить общую

целость суммы всех капиталов, влагаемых в промышленные дела и затраты, а во-вторых, чтобы заинтересовать богача в общенародных делах промышленности. Весь секрет именно в том, что промышленность всем нужна. Не будь этого и не будь надобности для роста промышленности в капиталах, процента бы не было.

Капитал, требуя процентов, так сказать, стремится только застраховать общую массу капиталов, вложенных в дела, и общество как совокупное целое стремится при помощи процента на капиталы по возможности гарантировать общую целостность капиталов и тем приохотить богатых людей, имеющих те или иные виды запасов, пускать их в дела, умножающие равномерность обладания достатками, как умножилось оно, когда владелец уступил на время кому-то часть своего стада, требуя за то известный процент. Был один богач, а через ссуду их станет много. Можно с уверенностью утверждать, что проценты на капитал благотельно действуют на предприимчивость и на умножение общего достатка, так как без них богачи не столь часто решались бы вкладывать свои достатки в новые дела, и тем, у кого нет достатков, было бы меньше случаев и возможностей разжиться, и их предприимчивость имела бы меньше, чем ныне, случаев осуществиться в действительности, тогда как при проценте на капитал он сохраняется, а рискующие расширением производительности имеют много шансов не только увеличить свое благосостояние, но и содействовать возрастанию общего достатка. Без существования процентов на капитал непременно должна была бы убавиться и самая бережливость как основное качество, необходимое для собирания запасов и накопления богатств¹. Таким образом, всемирно принятый обычай (закон разумной справедливости) платить проценты — пропорционально времени пользования — за капитал, влагаемый в промышленные дела, определяется, по моему

¹ Процент есть своего рода изобретение.

мнению, не только тем, что капитал удешевляет производство (сокращает труд специализацией и машинами, готовностью зданий и сырья, возможностью выждать покупателя и т.п.) и позволяет пользоваться естественным приростом, совершающимся у растений и животных, но и тем, что процентом до некоторой меры покрывается общая убыль капиталов, происходящая от невозможности в иных случаях возврата (от потерь) производственных затрат; процентом вызывается превращение богатств в капиталы, т.е. образование сбережений на риске новых промышленных предприятий и процентах на капиталы, в значительной мере обеспечивающих — помимо личных выгод — непрерывное ведение и возрастание промышленных предприятий, необходимых для получения заработков, возрастающему народонаселению. Личных выгод предпринимателей от промышленности может и не быть, а капиталы, возрастая из-за процентов, все же будут влагаться в промышленные риски. Что касается до величины процента, то она достигает своего наименьшего значения только при законной и публичной охране права на получение процентов (всяких ссуд, сопровождаемых тайною, всегда несут большой процент, потому что риск возрастает) и особенно при обеспечении взятого капитала движимым или недвижимым имуществом, потому что в последнем случае заимодавец менее всего рискует потерю одолженного капитала. Ипотечная ссуда под залог недвижимости (становящейся несвободною только в отношении продажи ее третьему лицу), значительно обеспечивая заимодавца и не лишая кредитора выгод пользования имуществом, представляет для обеих сторон все выгоды процентного пользования капиталами и повсюду сопровождается почти наименьшим — для данного времени и для данной страны — процентом или ростом, и только разве государственные займы, как наиболее обеспеченные всем государственным строем, заключаются на еще более выгодных условиях. Все другие виды снабже-

ния капиталом, будучи всегда сопровождаемы большим риском, неизбежно оплачиваются дороже, но, однако, установление той или иной связи между государством и скоплением капиталов в особых *банковых* учреждениях (ибо государства заинтересованы в умножении народных оборотов, получающихся через подвижность капиталов) дает возможность удовлетворять народную потребность в капиталах с наибольшей легкостью (с низким процентом), так что в настоящее время между наименьшим процентом (по государственным и ипотечным займам) и средним процентом на капиталы, обращенные на более или менее обеспеченные торговые (например, для учета товарных векселей) и промышленные (например, облигации промышленных учреждений) обороты, существует такое соотношение (изменяющееся по времени и странам), что обычный процент превосходит указанный наименьший не более как в 2 раза. обыкновенно же в полтора.

Так, например, русские государственные «золотые» займы 1890 — 1894 гг. (после того займов не было) заключались в России по 4 — 3 % интереса, средним числом по 3½ %, акции же частных предпринимателей, уплативших дивиденды за 1900 г. до 3 марта 1901 г. (когда я пишу эти строки), ценились в среднем так что на капитал приходится от 4 до 9 %, а в среднем около 7 %, т.е. в 2 раза более, чем по государственным займам. Ипотечные же бумаги и облигации, будущи обеспечены недвижимостью, ценились за тот же период (3 марта 1901 г.) из интереса от 4½ до 5 %, в среднем около 4¾ %.

Однако для хода промышленных дел особо важное значение имеют средние текущие проценты не по таким обеспеченным займам, каковы ипотечные и облигационные, а особенно по акциям и займам, производимым для торгово-промышленных оборотов. Когда средние проценты этого рода примерно в 2 раза превосходят процент на государственные и ипотечные займы, тогда, конечно, трудно вести промыш-

ленно-торговые операции, потому что от них надо выручать крупные доходы и для доставки капиталов через ипотеку должно иметь недвижимую собственность, его значительно превосходящую. Но тогда, когда предложение капиталов велико, процент на капиталы для торгово-промышленных предприятий всюду явно падает, и тогда легко устраиваются, оборачиваются и умножаются всякие промышленные предприятия. А так как от промышленных отношений зависит в сильнейшей мере весь средний народный заработок, то в изменении среднего процента на промышленные капиталы должно видеть, показатель быстроты всего жизненного процесса экономического организма; это пульс современной экономической жизни, потому что она определяется прежде всего производством, а оно — при постоянстве земли и труда — зависит весьма сильно от капитала, т. е. от сбережений, добытых трудом от земли в прежнее время.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков И. С.* Полн. собр. соч. Т. 1—7. М., 1886—1887.
- Аксаков И. С.* Аксаков в его письмах. Ч. 1—2 (в 4 т.). М., 1888—1896.
- Аксаков К. С.* О крестьянстве в древней России//*Аксаков К. С.* Собр. соч. Т. 1. М., 1861.
- Аксаков Н. П.* И. Д. Беляев//Русская беседа. 1895. № 1.
- Алексеев Н. Н.* Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Париж, 1928.
- Антонов М. Ф.* Нравственность экономики. М., 1984.
- Антонов М. Ф.* Нравственные устои экономики. М., 1989.
- Антонов М. Ф.* Капитализму в России не бывать! Выход есть. М., 2005.
- Афанасьев Э.* О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики//Вопросы экономики. 1993. № 8.
- Афанасьев Э., Калхоун Н., Трофимова И.* Христианская этика и православное христианство в деловой жизни России//Вопросы экономики. 1993. № 8.
- Бак И. С.* Экономические воззрения П. И. Рычкова//Исторические записки. 1945. № 16.
- Бак И. С.* Экономические воззрения М. В. Ломоносова. (К 175-летию со дня смерти)//Проблемы экономики. 1940. № 4.
- Бак И. С.* Экономические воззрения М. В. Ломоносова. М., 1946.
- Бак И. С.* Ломоносов о сельском хозяйстве//Советская агрономия. 1947. № 1.

- Безобразов В. П.* Очерки Нижегородской ярмарки. М., 1865.
- Безобразов В. П.* Народное хозяйство России: Москов. (центр.) пром. обл.: В 3 ч. СПб., 1882—1889. Ч. 1—3.
- Беляев И. Д.* О сельской общине//Русская беседа. Кн. I. 1856.
- Беляев И. Д.* Договор найма в древнерусском праве//Русский исторический журнал. V. 1918.
- Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. Изд. 4-е. М., 1903.
- Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1901.
- Беляев И. Д.* О земледелии в древней России//Труды Вольного Экономического Общества. I. 1866.
- Беляев И. Д.* О поземельном владении в Московском государстве. М., 1851.
- Беляев И. Д.* О сторожевой, засечной и полевой службе на польской Украине Московского государства//Временник ОИДР. Кн. 4. 1846.
- Беляев И. Д.* Разбор сочинения Чичерина «Обзор исторического развития сельской общины»//Русская беседа. Кн. I и II. 1856.
- Беляев И. Д.* Еще о сельской общине (на ответ г. Чичерина, помещенный в «Русском Вестнике», № 12)//Русская беседа. Кн. II. 1856.
- Бердяев Н. А.* О хозяйстве//*Бердяев Н. А.* Философия неравенства. М., 1990.
- Болотов А. Т.* Избранные труды. М., 1988.
- Болотов А. Т.* Деревенское зеркало, или Общепародная книга, сочиненная не только, чтобы ее читать, но чтоб по ней и исполнять. Ч. I—III. СПб., 1798—1799.
- Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
- Булгаков С. Н.* Краткий очерк политической экономии. М., 1906.

- Булгаков С. Н.* История экономической мысли. Т. 1. М., 1916.
- Булгаков С. Н.* История экономических учений. Лекции, читанные автором в Московском коммерческом институте. Ч. 2. Изд. 7-е. М., 1918.
- Булгаков С. Н.* Христианская социология//Вестник РХД. 1991. № 161.
- Бутми Г. В.* К вопросу о денежной реформе. Одесса, 1896.
- Бутми Г. В.* Золотой монометаллизм и его значение для России. СПб., 1897.
- Бутми Г. В.* Капиталы и долги. М., 1898.
- Бутми Г. В.* Золотая валюта. СПб., 1904.
- Бутми Г. В.* Итоги финансового хозяйства с 1892 по 1909. СПб., 1904.
- Бутми Г. В.* Блестящие финансы и разорение России//Прямой путь. 1910. № 3.
- Бутми Г. В.* О финансовой и денежной системе//Прямой путь. 1910. № 4.
- Васильчиков А. И.* О самоуправлении. Т. 1—3. СПб., 1869—71.
- Васильчиков А. И.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 1—2. СПб., 1876.
- Васильчиков А. И.* Сельский быт и сельское хозяйство России. СПб., 1881.
- Иосиф Волоцкий.* Трактат Иосифа Волоцкого о неприкосновенности церковных и монастырских имуществ. Приложение к книге В. Малинина «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания». Киев, 1901.
- [*Волинский А. П.*] «Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень (1724 г.)//Москвитянин». 1854. № 1, отд. IV, № 2.
- Волинский А. П.* Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях...//Памятники древней письменности. СПб., 1881.

- Воронцов В. П.* Артельные начинания русского общества. СПб., 1895.
- Воронцов В. П.* Крестьянская община. М., 1897.
- Воронцов В. П.* Наши направления. СПб., 1893.
- Воронцов В. П.* Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886.
- Воронцов В. П.* Очерки теоретической экономии. СПб., 1899.
- Воронцов В. П.* Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892.
- Воронцов В. П.* Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.
- Воронцов В. П.* К истории общины в России (Материалы по истории общинного землевладения). М., 1902.
- Воронцов В. П.* К истории крестьянской общины в России//Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. 1902.
- Воронцов В. П.* Судьба капиталистической России. СПб., 1907.
- Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. СПб., 1870.
- Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. Т. 1—2. М., 1899.
- Горчаков М.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и святого Синода (988—1738). СПб., 1871.
- Громько М. М.* Мир русской деревни. М., 1991.
- Даниельсон Н. Ф.* Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893.
- Даниельсон Н. Ф.* Нечто об условиях нашего хозяйственного развития//Русское богатство. 1894. №4—6.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991.
- Данилевский Н. Я.* Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890.

- «*Домострой*» по списку Императорского общества истории и древностей российских», с предисловием И. С. Забелина//Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. II. М., 1881.
- «*Домострой*» Сильвестровского извода.//Русская классная библиотека/Под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1902.
- Домострой*/Под ред. В. В. Колесова. М., 1990.
- Ермолай-Еразм*. Благохотящим царем правительница и землемерие//Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг. Вып. 33. Л., 1926.
- Ермолов А. С.* Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севооборота. СПб., 1879.
- Ермолов А. С.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 1—4. СПб., 1901—05.
- Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. СПб., 1884.
- Ефименко А. Я.* Обычное право. М., 1884.
- Заозерский А. И.* Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. Изд. 2-е. М., 1937.
- Зейпель И.* Хозяйственно-этические взгляды отцов Церкви. М., 1913.
- Иванцов Д.* Черты своеобразия русской экономической мысли//Евразийский сборник. Прага, 1929.
- Ильин И. А.* О частной собственности//Путь духовного обновления. Мюнхен, 1962.
- Исаев А.* Артель в России. Вып. 1—2. СПб., 1872—1873.
- Исаев А.* Община и артель//Юридический вестник. 1884. № 1.
- Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический опыт древней России. СПб., 1847.
- Калачов Н. В.* Артель в древней и нынешней России. СПб., 1864.

- Карнович Е.* Крестьяне и помещики по идеям Ивана Посошкова, русского мыслителя в начале XVIII в.//Современник. 1858. № 10, отд. IV.
- Каратаев Н. К.* П. И. Рычков — выдающийся русский экономист XVIII в.//Вестник Академии наук СССР. № 3. 1950.
- Кауфман А. А.* Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908.
- Качоровский К. Р.* Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие (опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1890.
- Качоровский К. Р.* Бюрократический закон и крестьянская община//Русское богатство. 1910. № 7—8.
- Качоровский К. Р.* Быть или не быть общине в России//Заветы № 2. 1912.
- Клочков М. В.* Посошков о крестьянах//Великая реформа. Т. 1. М., 1911.
- Ключевский В. О.* А. Л. Ордин-Нащокин, московский государственный человек XVII в.//Научное слово. Кн. 3. М., 1904.
- Кокорев В. А.* Экономические провалы: По воспоминаниям с 1837 г. СПб., 1887.
- Коринфский А.* Народная Русь. М., 1995.
- Кошелев А. И.* О сословиях и состояниях в России. М. 1881.
- Лешков В. Н.* Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в. М., 1858.
- Лешков В. Н.* Древняя русская наука о народном богатстве и благосостоянии//В воспоминание 12 января 1855 г. М., 1855.
- Лешков В. Н.* Общинный быт древней России. Б. м. Б. г.
- Лешков В. Н.* Русская промышленность по указам Петра Великого//Юридический Вестник. 1876. Январь — февраль.
- Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 6. «Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747—1765 гг.». М., Л., 1952.

В т. 6 включены труды по общественно-экономическим вопросам 1761—1763 гг.: «[Темы статей]», «[О сохранении и размножении российского народа]», «Примечания [об обязанностях духовенства]», «Мнение о учреждении государственной коллегии земского домостройства» (С. 377—13). Из вошедших в том трудов по географии 1763—1765 гг. наибольшее значение имеют «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию», «Прибавление. О северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану», «Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников из островов американских и по выспросу компанейщиков...»

Ломоносов М. В. (о нем). *Тихомиров И. А.* О трудах М. В. Ломоносова по политической экономии // Журнал Министерства народного просвещения. Февраль 1914.

Менделеев Д. И. Сочинения (экономические работы). Т. XVIII—XXI. М., 1950—1952.

Менделеев Д. И. К познанию России. Изд. 1—7-е. СПб., 1906—1912; советское изд.: М., 1938.

Менделеев Д. И. Проблемы экономического развития России. М., 1961.

Меньшиков М. О. Из писем ближним. М., 1991.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

Милютин В. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862.

Национальные традиции и экономическая система общества // Вопросы экономики. 1993. № 8.

«*Нила Сорского предание и устав*» // Памятники древней письменности и искусства. Вып. 179. СПб., 1912.

Новгородцев П. И., Покровский И. А. О праве на существование. СПб., 1911.

- Оль П., Шаранов С. Ф.* Мнимое перепроизводство серебра. СПб., 1889.
- Ордин-Нащокин А. Л.* (о нем) *Чистякова Е. В.* Социально-экономические взгляды А. Л. Ордин-Нащокина (XVII в.). Воронежский государственный университет//Труды. Т. XX. Сборники работ по истории. Воронеж, 1950.
- Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911.
- Писемский В., Калашинов Ю., Малофеева Е., Платонова Е.* Православие и экономика//Журнал Московской патриархии. 1992. №9.
- Платонов Д.* Православие в его хозяйственных возможностях//Вопросы экономики. 1993. №8.
- Платонов О. А.* Воспоминания о народном хозяйстве. М., 1990.
- Платонов О. А.* Русский труд. М., 1991.
- Платонов О. А.* Святая Русь. Открытие русской цивилизации. М., 2001.
- Платонов О. А.* Тысяча лет русского предпринимательства. М., 1995
- Платонов О. А.* Экономика русской цивилизации. М., 1995
- Погодин М.* Биографические сведения о Посошкове//Сочинения Посошкова И. Т. М., 1863.
- Погодин М.* Крестьянин Иван Посошков — государственный муж времен Петра Великого//Москвитянин. 1842. №3, ч. II.
- Погодин М.* Посошков по вновь открытым документам//Русский вестник. 1863. Т. 45.
- Посников А.* Общинное землевладение. Вып. I. Ярославль, 1875.
- Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. Закончена в 1724. Издана впервые М. Погодиным. М., 1842. Изд. 2-е по пого-

динскому изд., 1911, серия «Памятники русской истории», под ред. преподавателей русской истории в Московском университете, с предисловием А. Кизеветтера. В 1937 г. вышла под ред., со вступительной статьей и примечаниями Б. Б. Кафенгауза. В 1951 г. вышла в издательстве Академии наук СССР, серия «Литературные памятники», под ред. и с комментариями Б. Б. Кафенгауза.

Посошков И. Т. (о нем). «Крестьянин-государственник Иван Тихонович Посошков». Краткая биография и его государственные мысли. Изд. редакции еженедельника «Дым Отечества». СПб., 1914 (без автора).

Посошков И. Т. (о нем). *Беляев И. С.* Крестьянин-писатель начала XVIII в. И. Т. Посошков. Его жизнь и деятельность. Исторический очерк. М., 1902.

Посошков И. Т. (о нем). *Брикнер А.* Иван Посошков. Соч., ч. 1. «Посошков как экономист». СПб., 1876.

Посошков И. Т. (о нем), *Пашков А.* Экономические взгляды И. Т. Посошкова. «Известия Академии наук СССР» № 4. Отделение экономики и права. М., 1945.

Посошков И. Т. (о нем). *Платонов Д. Н.* Иван Посошков. М., 1989.

Православная экономика и нравственная политика. М., 1996.

«Приговор царский о кормлениях и о службе»// Полное собрание русских летописей. Т. XIII, первая половина. СПб., 1904.

«Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. Творение Иосифа Волоцкого». Казань, 1855.

[*Рычков П. И.*]. Записки Петра Ивановича Рычкова, сообщено Н. Д. Рычковым//Русский архив. 1905. № 10. Т. III.

Рычков П. И. Наказ для управителя или приказчика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина//Труды Вольного экономического общества. Ч. XVI. СПб., 1770.

- Рычков П. И.* О мануфактурах из хлопчатой бумаги и из верблюжьей шерсти//Труды Вольного экономического общества. Ч. II. СПб., 1766.
- Рычков П. И.* О сбережении и размножении лесов//Труды Вольного экономического общества. Ч. VI. СПб., 1767.
- Рычков П. И.* О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии//Труды Вольного экономического общества. Ч. VII. СПб., 1767.
- Рычков П. И.* Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций, кратко и по возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии//Труды Вольного экономического общества. Ч. VII. СПб., 1767.
- [*Рычков П. И.*]. Переписка между двумя приятелями о коммерции. Подпись: NN.//Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755. Февраль, апрель, декабрь.
- Рычков П. И.* Письмо о управлении в деревенском житии//Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1757, ноябрь.
- [*Рычков П. И.*]. Примечания о прежнем и нынешнем земледелии. Подпись: P.//Труды Вольного экономического общества. Ч. VI. СПб., 1767.
- [*Рычков П. И.*]. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губ.//Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758. Май — июнь.
- Рычков П. И.* (о нем). *Пекарский П. П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867.
- Самарин Ю. Ф.* Общинное владение//Русский вестник. 1858. № 13.
- Самарин Ю. Ф.* Поземельная собственность и общинное владение//Русский вестник. 1858. № 1—6.
- Сборник материалов, касающихся артели в России. СПб., 1873.

- Соловьев В. С.* Оправдание добра//Соловьев В. С. Соч. в 2-х томах. Т. 1. М., 1990.
- Сумароков А. П.* Мнение о Наказе, сочиненном Екатериною II... с собственноручными замечаниями государыни//Сборник Русского исторического общества. Т. X. СПб., 1872.
- Сумароков А. П.* О всегдашней равности в продаже товаров//Журнал «И то и сьо», февраль. 1769, шестая неделя.
- Сумароков А. П.* О домостроительстве. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. X. М., 1787.
- Сумароков А. П.* Письмо Вольному экономическому обществу. 1766//*Ходнев А.* История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 г. СПб., 1865.
- Сумароков А. П.* О домостроительстве//Русская проза XVIII в. М., Л., 1950.
- Татищев В. Н.* Краткие экономические до деревни следующие записки//Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. XII, отд. «Смесь». М., 1852.
- Татищев В. Н.* Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной//*Попов Н. В. Н.* Татищев и его время. Приложение XVI. М., 1861.
- Татищев В. Н.* Рассуждение о беглых мужчинах и женщинах и о пожилых за побег//*Попов Н. В. Н.* Татищев и его время. Приложение XVII. М., 1861.
- Татищев В. Н.* Напоминание на присланное расписание высоких и нижних государственных и земских правительств//В сборнике работ В. Н. Татищева «Избранные труды по географии России». М., 1950.
- Татищев В. Н.* Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793.
- Татищев В. Н.* Например представление о купечестве и ремеслах//Исторический архив VII. М., 1951.

- Татищев В. Н.* На память о делах астраханских//Исторический архив VII. М., 1951.
- Татищев В. Н.* Заводской устав//Горный журнал. 1831. Кн. 1—3, 5—10.
- Татищев В. Н.* Наказ шихтмейстеру//Исторический архив VI. М., Л., 1951.
- Татищев В. Н.* Инструкция В. Н. Татищева по управлению имениями. 1742//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (сер. XVIII в.)/Сост. Л. В. Данилова, М. Д. Курмачева. М., 1987.
- Татищев В. Н.* О географии вообще и о русской//Избранные труды по географии России. М., 1950.
- Татищев В. Н.* Краткие экономические по деревне следующие записки//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (сер. XVIII в.). М., 1987.
- Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979.
- Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб., 1992.
- Тихомиров Л. А.* Земля и фабрика. М., 1899.
- Тихомиров Л. А.* Вопросы экономической политики. М., 1900.
- «Труды Вольного экономического общества». Ч. 1—52. СПб., 1765—1798.
- Фролов А.* Деньги земледельческой страны. М., 1898.
- Холодков В.* Православные традиции в российском землевладении//Вопросы экономики. 1993. № 8.
- Хомяков А. С.* О старом и новом. М., 1988.
- Хомяков Д. А.* Православие. Самодержавие. Народность. Монреаль, 1982.

- [Чулков М.]. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой, сочиненное Михайлом Чулковым. Т. I–VII. СПб.; М., 1781—1788.
- Чулков М. Д. История краткая российской торговли. М., 1788.
- [Чулков М. Д.]. Наставление, необходимо нужное для российских купцов, а более для молодых людей, содержащее правила бухгалтерии. М., 1788.
- Чулков М. Д. Словарь учрежденных в России ярмарок, изданный для обращающихся в торговле. М., 1788.
- Чулков М. Д. Экономические записки для всегдшнего исполнения в деревнях прикащику и рачительному економу. М., 1788. Изд. 2-е. М., 1790.
- Чулков М. Д. (о нем). Русский биографический словарь. Т. 22. СПб., 1905.
- Шарапов С. Ф. Сочинения. Т. 1—9. М., 1900—1906.
- Шарапов С. Ф. Бумажный рубль (его теория и практика). СПб., 1898.
- Шарапов С. Ф. Пособие молодым хозяевам при устройстве их хозяйств на новых началах. СПб., 1895.
- Шарапов С. Ф. Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве. М., 1886.
- Шарапов С. Ф. По русским хозяйствам. М., 1893.
- Шарапов С. Ф. Министерство земледелия и его местные агентства. М., 1892.
- Шведов О. В. Энциклопедия церковного хозяйства. Экономика и право в Церкви. М., 2003.
- Щапов А. Голос древней Русской церкви об улучшении быта несвободных людей. Казань, 1859.

- Щепкин М.* Экономические понятия в России в конце XVIII в. // Московские ведомости. 1859. № 142, 143, 154, 172, 177.
- Щербатов А. Г.* Письма об экономическом положении России. М., 1899.
- Щербатов А. Г.* Способы увеличить производительность крестьянского хозяйства. М., 1905.
- Щербатов А. Г.* Статьи кн. А. Г. Щербатова во время войны о народном русском денежном обращении. М., 1905.
- Щербатов А. Г.* Обновленная Россия. М., 1908.
- Щербатов А. Г.* Православный приход — твердыня русской народности. М., 1909.
- Щербатов А. Г.* Государственно-народное хозяйство в ближайшем будущем. М., 1910.
- Щербатов А. Г.* Государственная оборона России. М., 1912.
- «Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов... В пользу российских домостроителей и других любопытных людей, образом журнала издаваемой». Ч. 1—40. Издатель Н. И. Новиков. М., 1780—1789.
- Эри В. Ф.* Христианское отношение к собственности. М., 1906.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика русской цивилизации

Общинная модель хозяйства	5
Экономика «Домостроя»	10
Труд как добродетель	15
Отношение к деньгам и богатству	19
Трудовая мотивация. Оплата труда	21
Роль ярмарок	24
Община и артель	25
Идеология русского хозяйства	32
Экономическое учение Талмуда и капитализм	43
Автаркия	63
Отрицание самобытных основ русской экономики	67
Главные итоги	72

Домостроительство, или Основы хозяйствования

Русская правда	74
Поучение Владимира Мономаха	78
Устав Князя Ярослава о мостех	80
Рукописание князя Всеволода	81
Наставление отца к сыну	83
Домострой	84

Век перемен

<i>И. Т. Посошков. О скудости и богатстве</i>	92
<i>В. Н. Татищев. Нравоучения жизни доброго крестьянина и рукодельника</i>	126
<i>А. П. Сумароков. Домостроительство</i>	133
<i>А. Т. Болотов. Каким образом править деревнями</i>	136

Вечные ценности

<i>К. Д. Кавелин. Взгляд на русскую сельскую общину</i>	172
<i>А. И. Васильчиков. Община против коммунизма</i>	181
<i>Н. А. Карышев. Общинное землепользование</i>	185
<i>А. Н. Энгельгардт. Община и артельное хозяйство</i>	268
<i>Н. В. Калачов. Артели в древней и нынешней России</i>	272

Сохранить хозяйственные традиции

<i>Т. В. Прохоров. О богатении</i>	325
<i>В. А. Кокорев. Экономические провалы</i>	327
<i>И. К. Бабст. Умножение народного капитала</i>	345
<i>Н. П. Гиляров-Платонов. Работа и труд</i>	348
<i>В. П. Воронцов. Народное производство против капитализма</i>	353
<i>И. И. Каблиц. За общинные и артельные порядки</i>	395
<i>Д. И. Менделеев. Промышленность: богатство и капитал, община и артель</i>	430
Основная литература.....	444

Платонов Олег Анатольевич

РУССКАЯ ЭКОНОМИКА

Издательство «Родная страна»

Редактор Д. И. Кузнецов
Корректор Н. С. Иванова
Верстка Д. Е. Поляков

Подписано в печать 26.10.2013.
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,5.
Тираж 1000 экз. Заказ №

ISBN 978-5-903942-15-2

9 785903 942152